

**Указание пути к спасению
Опыт аскетики
епископ Петр (Екатериновский)**

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

К предварительным условиям для успешной брани относятся: искреннее желание подвизаться на поприще благочестия, постоянно простираться вперед, стремиться к высшему духовному совершенству; смирение, ненадеянность на себя и надежда на Бога; необходимость духовного руководителя.

Глава Первая. ЖЕЛАНИЕ ПРЕУСПЕВАТЬ В ДУХОВНОМ СОВЕРШЕНСТВЕ

Искреннее желание спасения есть первое необходимое с нашей стороны условие для возрастания в духовном совершенстве, потому что кто чего не желает, тот того не ищет и не получит. Хотя Бог сотворил нас без нас, но спасти нас без нас не может. Бог внушает нам без нас только мысль о спасении, желание это производит вместе с нами, а самые добрые дела – посредством нас. Спасение не есть дело случая, само собою не придет с течением времени и обстоятельств жизни без нашего желания и искания. А чтобы желать его, надобно сознавать и помнить, что хотя не все мы одним путем идем на поприще духовной жизни и не все получаем одинаковые дары природы и благодати, однако же все обязаны по мере сил стремиться к высшему совершенству.

Этого требуют, во-первых, настоящее состояние наше, всегда подвергающее нас опасности падения, если не будем бодрствовать (см. Иак. 5, 7); во-вторых, существенное свойство нашего духа, всегда деятельного, непрерывно стремиться к дальнейшему развитию, к высшему усовершенствованию умственному и нравственному. По словам святого Григория Великого, душа наша подобна кораблю, плывущему вверх по реке. Если он не будет подниматься вверх, то спускается вниз; на одном месте не может стоять. Так и нам нравственно невозможно стоять на одной степени, когда не простираемся вперед. Кто не повышается, тот непременно понижается, поскольку добродетель, переставая бодрствовать, слабеет. Да и самое небрежение о данных нам талантах уже есть грех (см. Лк. 19:11–28). Ленивый раб, получив один талант от господина, был осужден за то, что оставил его без употребления и приращения (см. Мф. 25:24–30). В-третьих, требуют того и ясная заповедь Спасителя, повелевавшего быть совершенным, «как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48), и учение апостолов, заповедавших всем возрастать в благодати, в познании Господа (см. 2Пет. 3:18) и любви, усовершенствоваться более и более (см. 2Кор. 13:11; 1Кор. 12:31; 1Фес. 4:1–10; Флп. 1:9; Евр. 6:1). В-четвертых, по словам апостола, и все новое строительство нашего спасения заключается в следующем: «воля Божия есть освящение ваше» (1Фес. 4:3), поскольку во Христе Иисусе мы, как новое «творение, созданы... на добрые дела» (Еф. 2:10) и, как не свои, а купленные честною Кровию Пречистого Агнца (см. 1Кор. 6:20), не имеем права остальное во плоти время жить иначе, «но по воле Божией» (1Пет. 4:2). А воля Божия

такова, что мы постоянно старались достигать до меры «полного возраста Христова» (Еф. 4:13), которая состоит в том, чтобы быть совершенными, святыми, «как совершен Отец... Небесный» (Мф. 5:48). Святость должна совмещать в себе все духовные добродетели так, чтобы образ Божий сиял во всех наших помышлениях, склонностях и действиях.

Совершенства духовной жизни составляют такую лестницу, которой начало на земле, а верх на небе. Назначена же такая высота духовных совершенств, которой никто не может достигнуть, для того, чтобы мы во всю жизнь непрестанно стремились к ней и никогда не останавливались, потому что застой для нашего духа, созданного по образу бесконечного Бога и потому имеющего способность и потребность развиваться в бесконечность, приближаться к своему Первообразу, есть смерть. Если бы был предел совершенства и стремления к нему, то по достижении этого предела некуда и не для чего было бы стремиться. Тогда деятельность души остановилась бы, от бездеятельности необходимо последовало бы расслабление сил, лень, скука, упадок духа, смерть души. Назначена беспредельная лестница восхождения для того, чтобы, всегда чувствуя свою отдаленность от предела (идеала) совершенств, всегда сознавали свои недостатки, всегда просили у Бога благодати, без которой невозможно возвышаться в совершенстве и устоять на высоте. Назначена такая высота для того, чтобы в этой недостижимости высоты духовных совершенств мы имели неиссякаемый источник смирения пред Всевышним, которое служит основанием благодатной жизни, преданности Богу и возрастания в духовном совершенстве и блаженстве.

Желание духовного совершенства, или спасения, должно быть не холодное, вялое, а сильное, потому что Царство Небесное с усилием приобретается и только сильные искатели восхищаются его (см. Мф. 11:12); должно быть напряженное, такое, какое имеет томимый голодом и жаждою, – только «алчущие и жаждущие правды... насытятся» (Мф. 5:6). Потому Спаситель и убеждает: «Подвизайтесь войти» в Царство Небесное «сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13:24). Растленная, грехолюбивая природа наша ленива на добро, а добродетель поначалу трудна, потому что противятся ей наши чувственные влечения: плоть желает противоположного духу и сильно влечет к греховным удовольствиям, так что мы, по словам апостола (см. Рим. 7:15–25; Гал. 5:16–17), часто делаем не то, что хотелось бы, а то, чего не хотелось бы. Особенно труден бывает подвиг в начале поприща благочестия, пока еще склонности чувственной природы сильны, а расположение к добру слабо, греховные удовольствия привлекательны, а

добродетель еще мало знакома, мало дает чувствовать свою сладость. Но со временем, когда постепенно будет укрепляться дух и возрастать расположение к добродетели, а чувственные влечения будут в той же мере ослабевать, тогда греховные удовольствия будут терять свою привлекательность, будут становиться отвратительными, а добродетель будет любезнее, привлекательнее и упражнение в ней будет доставлять удовольствие. Но это нелегко и нескоро достигается, для этого надобно употреблять непрерывное усилие, надобно принуждать себя к добродетелям. Как говорит святой Макарий Великий, кто пришел ко Христу, тот вначале должен даже насильно привлекать себя к добру, хотя бы и не хотело того наше сердце. Когда Бог видит, что, не имея еще навыка к молитве и не приобретши духовной молитвы, подвизаемся таким образом и, хотя бы противилось тому наше сердце, с усилием привлекаем себя к добру, тогда дает истинную молитву, дает милосердие, терпение, великодушие, одним словом, исполняет нас всякими плодами Духа. Если же кто, будучи скуден в прочих добродетелях, и станет, может быть, понуждать себя к одной только молитве, почему и будет иметь дарование молитвы, но не радеет и не заботится о кротости, смиренномудрии, любви и о всем благородном семействе добродетелей, то, хотя такому и дается иногда отчасти молитвенная благодать, однако же он остается лишенным всех прочих добродетелей, потому что не понуждал себя к приобретению оных и не умолял о том Христа. Посему кто намеревается возрастать во всех добродетелях и дойти до совершенства, тот в начале, как сказано, да принуждает себя ко всякой добродетели и да старается упорное и прекословящее сердце свое сделать уступчивым и покорным Богу. Ибо кто так принуждал себя в начале, жестокость души своей совершенно умягчил добрым нравом, сделался послушным Богу и с таким расположением просит и молит, в том и растет и цветет данное ему дарование. Тогда Господь, видя, что человек владеет собою и насильно влечет себя ко всякому добру, со временем дарует ему без труда и удобно совершать, чего прежде не в силах был сделать и с принуждением по причине живущего в нем лукавства. И тогда все добродетели обращаются для человека как бы в природу, потому что Господь, по обетованию, приходит и пребывает уже в нем и Сам с великим удобством исполняет в нем заповеди. Что легко и скоро приобретается, то не так дорого ценится и скоро теряется.

Надобно стараться, чтобы желание совершенства не только никогда не прерывалось, но и постоянно со дня на день возрастало с усиленным понуждением себя к большему преуспеянию. Как всякая сила, долго оставаясь без деятельности, постепенно слабеет, так и усердие к

благочестию может ослабеть, если ежедневно не возгревать его. Апостол убеждает не ослабевать в усердии, даже пламенеть духом ревности в служении Богу (см. Рим. 12:11). А понуждать себя к подвигам благочестия можно и нужно страхом Божиим, ибо страхом Божиим уклоняется всяк от зла (см. Притч. 16:17), потому что страх Господень и есть начало премудрости (см. Пс. 110:10). Нужно помнить, что ленивый раб, скрывший полученный от Бога талант в землю, то есть оставивший без употребления и приращения, был наказан (Мф. 25:24–30). Нужно принуждать себя к добру страхом смерти. Премудрый говорит: «Во всех делах твоих помни о конце твоём» (Сир. 7:39), то есть о смерти, суде, вечности, и ты вовек не согрешишь. Ревность к благочестию можно возгревать усердной молитвою, соединенною с постом, чтением Священного Писания, писаний святых отцов, жизнеописаний святых, размышлением о Божественных предметах, расположением к благочестию, неослабную доброю деятельностью. А погашается она холодностью к Богу, пресыщением в пище, чрезмерными заботами о земном, невнимательностью к себе, развлечением в увеселениях, забавах празднословием, смехом, шутками, особенно пересудами других и вообще грехами.

Как погашается благодатное пламя ревности к благочестию, святой Златоуст объясняет прекрасным сравнением. Как горящая лампада погашается влиянием воды или ввержением земли, или от оскудения масла, или от сильного ветра, так и благодатное пламя ревности погашается нечистою, порочною жизнью (как водою), чрезмерными заботами житейскими (как землею), нерасположенностью к благочестию, холодностью к Богу, немилосердием (как от оскудения елеля) и духом гнева, раздуваемого духом злобы – дьяволом (как от ветра). Итак, заключи двери, то есть чувства, уста, глаза, уши, чтобы не вошел через них дух злобы; подавай милостыню, усердствуй к Богу, не прилепляйся к земному, не раздражайся обидами других, живи чисто, и тогда ярко будет гореть пламя ревности.

Надобно стараться постоянно поддерживать ревность к благочестию; для этого надобно всякий день возобновлять свое намерение более преуспевать и возбуждать в себе горячность, как будто сего дня в первый раз мы обратились на путь благочестия, и говорить: «Господи, помоги мне в добром намерении и святом служении Тебе; дай мне сего дня положить начало благое лучше жить, ибо ничтожно то, что я доселе сделал». По намерению и решимости нашей будет и успех нашего течения на поприще благочестия, и большое нужно прилежание желающему хорошо преуспевать.

Если и твердое намерение имеющий часто ослабевает, то что будет с теми, кто редко возобновляет свое намерение или меньше надлежащего имеет усердие преуспевать в подвигах благочестия? Потому полезно всегда помнить, как далеко еще отстоим мы от истинной святости жизни. По словам блаженного Августина, всегда должно не нравиться тебе настоящее твое состояние, если хочешь достигнуть того, чем ты еще не сделался. Ибо когда ты понравишься себе, тогда ты остановился. Если же скажешь, что довольно для тебя и того, что приобрел, погиб ты.

Иные, вступив на поприще благочестия и прошедши немного, останавливаются в течении, от грубых пороков хотя удерживаются, но малыми грехами пренебрегают, оставляют без внимания, еще нравятся себе и бывают строгими судьями чужих поступков. От этого ревность к благочестию мало-помалу охладевает, наступает нерадение, даже совершенное равнодушие, на которое падает угроза Господа: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3:16–17).

Глава Вторая. СМирение, ненадеянность на себя и надежда на Бога

Сколько необходимо искреннее желание для того, чтобы вступить на поприще благочестия, столько же или еще более необходимо смирение – искреннее сознание своих недостатков и немощи – для того, чтобы успешно продолжать течение на этом поприще. Смирение есть основание духовной жизни, как крепкий фундамент под домом. Кто хочет построить высокий, прочный дом, тот прежде всего полагает глубокое, крепкое основание, иначе на слабом фундаменте дом скоро разрушится. Святой Киприан говорит, что основанием святости всегда было смирение; и на небе не может устоять гордая высота. Причина этого очевидна. Ибо кроме того, что мы всецело зависим от Бога и Он один есть источник всех благ, в поврежденном от греха состоянии нашей природы слабость наша такова, что без помощи Божией мы не можем ни начать, ни совершить какое-нибудь доброе дело, ни постоянно пребывать в состоянии праведности. Все зависит не от хотения, ни от подвига нашего, но от помилования Божия (см. Рим. 9, 16). «Бог производит» в нас «и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2,13; см. также 2Кор. 3,5; Ин. 15,5; 1Кор. 15,10).

Кто искренно желает нравственного совершенства, вникая в свое нравственное состояние и следя за всеми движениями своих мыслей, желаний и чувствований, при беспристрастном взгляде усматривает много недостатков и греховной нечистоты, тот не может не сокрушаться сердцем о своих недостатках и грехах, не может не пожелать исправления себя. Видя, как он далек еще от желаемого совершенства, и будучи недоволен собою, он с усиленным усердием будет стараться освободиться от недостатков и преуспевать в добродетелях. Но из многих собственных опытов убедившись в своей немощи, в безуспешности своих усилий и трудов, он далек бывает от самонадеянности, смиренно просит от Бога помощи, по молитве получает ее и при помощи Божией преуспевает. А самодовольство и самонадеянность не только препятствуют христианину восходить на высшую ступень нравственного совершенства, но низвергают его и с той степени, на которой он уже находится. Самодовольный и самонадеянный, не сознавая своих недостатков, не может и не хочет искать исправления; не чувствуя слабости своих сил, не может сознавать и необходимости благодатной помощи, без которой ничего доброго нельзя сделать. Самодовольный, не видя ничего лучшего впереди и почитая себя

достигшим уже всего, сам себя обрекает на нравственную неподвижность, а следовательно, и нравственное ниспадение, потому что нравственная неподвижность, недеятельность в существе деятельном есть нравственное ниспадение. Блажен, кто, отвергнув самодовольство и самонадеянность, познал свою немощь, говорит святой Исаак Сирий, поскольку такое познание служит для него основанием, корнем и началом всякой добродетели и привлекает к нему милость Божию, ибо «Бог гордым противится» и только «смирренным дает благодать» (1Пет. 5, 5), потому что Своей славы не даст иному (см. Ис. 48, 11). Посему, чтобы нам не лишиться необходимой помощи, мы должны искренно сознавать и исповедовать свою скудость, немощь и спасение свое соделовать со страхом и трепетом не потому, чтобы собственные усилия и прочие пособия к добродетели можно было оставить, но чтобы, не надеясь на себя, всякую способность к чему-нибудь и силы испрашивали у Бога (см. 2Кор. 3, 5). Следовательно, хотя бы тебе казалось, что ты, долго и много упражняясь в добродетели, достиг уже значительной святости, однако же знай и будь убежден, что ты одними своими силами, без помощи Божией, вовсе не можешь счастливо достигнуть почести высшего звания.

Ничего доброго не ожидая от себя, мы всего должны ожидать от Бога, и притом с непоколебимой надеждой, и в совершенной преданности Его святой воле почерпать утешение и силу в многотрудном деле спасения. Ибо одна безнадежность на себя, лишенная утешения надежды на Бога, будет вести к малодушию, отчаянию, причиняющему нам смертельное поражение. Итак, хотя ничего другого не найдешь в себе, кроме слабостей и грехов, однако же надежда, основанная на обетованиях Божиих, устраняет всякое колебание мыслей сомнением. Таким образом, когда мы безнадежность на себя соединяем с непоколебимой надеждой на Бога, то корабль наш будет иметь попутный ветер и балласт, именно надежду, с которою мы благополучно доплывем до пристани вечного спасения, и страх, по которому мы при сознании своих немощей почасту должны понижаться, смиряться, чтобы не колебаться всяким ветром легкомысленности и волнами житейского моря.

Глава Третья. НЕОБХОДИМОСТЬ ДУХОВНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Для успехов в благочестивой жизни всякому необходим опытный руководитель, как и во всяком важном деле внешней жизни полезно пользоваться наставлениями сведущих людей. Кто решится идти в дальний, незнакомый и опасный путь один без проводника или не получив нужных сведений от людей, проходивших им? А путь христианской жизни самый длинный, самый трудный и опасный по причине множества распутий, на которых легко можно заблудиться, по причине многих затруднений, наветов врагов. И в обыкновенном житейском быту благоразумие и польза требуют всякому мастерству, искусству, науке учиться у сведущего учителя, чтобы легче, скорее дойти до совершенства знания, до которого самоучка никогда не дойдет длинным путем неудачных собственных опытов, ошибок. А наука христианской жизни есть труднейшая из всех наук по своей сокровенности, возвышенности и трудности. Если наш разум под влиянием страстного сердца, иногда слепо избирающего злое под видом добра, часто погрешает и в обыкновенных делах и вещах, подлежащих опыту, непосредственному наблюдению, то тем скорее может погрешать в предметах духовных, возвышенных, сокровенных, не подлежащих опыту. Потому в этом важном деле всего опаснее полагаться на собственное благоразумие. Кто не знает, сколько бывает обольщений от нашего самолюбия, слепых страстей, расстроенного воображения и в делах обыкновенной жизни, а тем более в подвигах духовных? Самолюбие в самых недостатках наших старается находить похвальные стороны, скрыть наши слабости или извинить их, а добродетели наши всегда через меру возвышает. Оттого не имеющие у себя стороннего, беспристрастного ценителя собственных намерений и поступков легко подвергаются опасности духовной гордости, самообольщения. Кто хочет сам собой проходить путь благочестивой жизни, тому как трудно держаться всегда середины, уклоняться от крайностей – излишества и недостатка! Как легко можно за добродетель принять ложный призрак ее, когда кто не умеет различать действий природы от благодатных! Самые дела благочестия иногда могут послужить поводом к гибели, когда производятся без должной рассудительности. А сколько людей довела до гибели неблагоразумная ревность! Сколько случается обольщений от хитрого, злобного врага, дьявола, который неусыпно бодрствует над нашею гибелью,

неосторожных ловит в сети греховные! А когда не удаются прочие хитрости, он преобразуется в светлого ангела (см. 2Кор. 11,14), чтобы тех, которые отвергают явно греховные внушения, обольстить, по крайней мере, видом добра. А сколько случалось, что полагавшиеся на себя во время духовной сухости расслабевали, оставляли заботу о преуспевании, впадали в уныние, отчаяние; или, напротив, испытавши внутренние утешения, эту небесную манну обращали в пищу растленной природы, впадали в самомнение, самообольщение и погибали! Потому все святые отцы согласно утверждают, что для желающих преуспевать в благочестии непременно нужен руководитель, который бы мог открыть обольщения самолюбия и бесов, везде указывать путь царский, ослабевшего ободрять, укреплять, а упавшего поднять.

Правда, в руководство дано нам Священное Писание, но по общности его заповедей и наставлений не всякий умеет правильно прилагать их к частным поступкам и случаям своей жизни; многие и этим даром Божиим злоупотребляли, криво толковали, неправильно прилагали к своей жизни с вредом для спасения, например, евнухи и другие еретики. Ожидать от Бога непосредственного наставления при всяком случае значило бы искушать Бога, мы и недостойны этого, могли бы и это употребить во зло, впасть в самообольщение, мечты расстроенного воображения и внушения дьявола принять за внушения Святого Духа. Бог удостоивал непосредственного наставления только некоторых избранных, смиренных святых, и то в особенных случаях, а в обыкновенных обстоятельствах жизни предоставил руководствоваться Законом Божиим, заключенным в Священном Писании. Для преподавания и истолкования его людям как в Ветхом, так и в Новом Завете Бог определил особых священных служителей Церкви. Как говорит апостол, Господь «поставил одних апостолами, других пророками, иных...» пастырями «и учителями, к совершению святых», то есть для руководства христиан к усовершению в святости, «на дело служения», для освящения людей богослужением и таинствами, «для созидания тела Христова», Церкви, «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 11–13). Потому руководителем в духовной жизни для всякого христианина может и должен быть ближе всего священник – духовник, который обязан из Закона Божия преподавать наставления не по своему мудрованию, а сообразуясь с церковным учением, и не ограничиваться одним храмом или особыми случаями при совершении таинств, но и в частных домах, при всяком случае, во всякой духовной нужде должен наставлять своих пасомых. Но как одному священнику нельзя успевать в подробности учить

каждого своего прихожанина, то можно всякому и кроме своего приходского священника избрать другого духовника. В этом случае старцы в монастырях могли бы сослужить весьма важную службу в деле спасения благочестивых мирян. А для монахов назначаются особые духовники.

Правда, трудно ныне находить хорошего руководителя в духовной жизни. Он должен быть человек благочестивый, рассудительный, довольно опытный, доброжелательный, чтобы хотел и мог доставить пользу руководимому, своим расположением к нему умел приобрести его доверие. Если не находится такой руководитель, то надобно молить Бога, чтобы Он послал нам желаемого наставника. И когда Бог пошлет его кому, то руководимый должен иметь к нему полное доверие, совершенную откровенность во всем и смиренное послушание. Чтобы иметь полное доверие, не колеблющееся сомнениями, руководимый должен смотреть на него как на слугителя и посланника Божия и молить Бога, чтобы Он благоволил через наставника открыть ему Свою волю или что ему полезнее в известных случаях. При доверии руководимый должен искренно открывать своему наставнику не только важные грехи, но и все мысли, желания, чувствования, расположения добрые и худые, господствующие страсти, инстинктивные или произвольные наклонности, вообще все тайны своего сердца, весь образ жизни, чтобы наставник мог видеть, что в нем есть хорошего и худого, какими страстями он недугует, и знать, какими средствами врачевать его душевные немощи и вести к исправлению жизни.

Опыт свидетельствует, что кто чем искреннее открывает наставнику свое внутреннее состояние, тем более от этого чувствует облегчения тяжести грехов, ослабления страстей и искушений. Опытные говорят, что диавол, наподобие разбойника, только до тех пор нападает на нас и смущает, пока не открыт. Но и откровенность не принесет желаемой пользы, если наставляемый не отвергнет своего мудрования и своей воли и не будет без всякой критики и прекословия следовать наставлениям руководителя. Критика и прекословие наставнику вовсе испортят дело. А чем смиреннее руководимый подчиняется своему наставнику, чем точнее исполняет его наставления, тем безопаснее бывает от обольщения самолюбия, вернее побеждает свои страсти и внешние искушения, легче переносит трудность подвигов самоисправления. Да и добродетель руководимого никогда не будет так чиста, как когда он, отвергаясь своего мудрования и своей воли, старается через наставника узнать и в точности исполнять одну волю Божию.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Как воину оружие для поражения врагов, строителю орудие для успешной работы, так и христианину нужны средства для успехов в духовном делании. Средства по своему началу или происхождению бывают естественные и благодатные, от Бога установленные, а по объему могут быть общие, относящиеся ко всей христианской жизни, и частные, пригодные для отдельных добродетелей.

О последних будет сказано при раскрытии разных добродетелей; а здесь будут рассмотрены общие средства, которые можно отнести к двум разрядам: **бодрствованию** и **молитве** – на основании слов Спасителя, сказанных апостолам: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41).

Подраздел А. О ЕСТЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ К ПРЕУСПЕЯНИЮ В НРАВСТВЕННОМ СОВЕРШЕНСТВЕ

Глава Первая. О ДУХОВНОМ БОДРСТВОВАНИИ

Спаситель неоднократно побуждал Своих учеников к бодрствованию. И, чтобы кто не подумал, что это сказано Им одним апостолам, Христос прибавил: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13:37). То же часто внушают и апостолы (см. Деян. 20:31; 1Кор. 16:13; Кол. 4:2; 1Фес. 5:6; 1Пет. 5:8). Бодрствование можно отнести к следующим четырем видам:

надобно внимательно рассматривать свое нравственное состояние;
со всей осмотрительностью отклонять опасности, угрожающие добродетели;

надлежащим образом готовить, вооружать себя для отражения врагов нашего спасения;

надобно знать, как вести брань с врагами спасения.

Первое относится к нравственному испытанию себя, второе – к нравственной **диететике** (воспитанию себя), третье – к нравственной гимнастике, четвертое – к способам брани с врагами спасения.

Параграф Первый. ИССЛЕДОВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Испытание нравственного своего состояния необходимо всякому христианину, чтобы знать себя. Кто не вникает в свое внутреннее состояние, постоянно живет вне себя, в развлечении, тот не знает себя как должно; а кто не знает себя, тот не может ни исправлять свои недостатки, ни предостерегать себя от угрожающих опасностей. Кто не знает, к чему он способен и к чему не способен, тот не может избрать и средства к преуспеянию в духовном совершенстве. А хотя бы кто и указал ему их, то он не сумеет приложить их к своему состоянию, которого хорошо не знает. Духовные враги, неусыпно бдящие над нашей погибелью, тогда особенно и нападают на дом души нашей, расхищают всякое добро и вносят всякое зло, беспорядок, когда видят, что хозяин находится вне дома. Или эти враги тогда смелее посевают плевелы среди пшеницы, когда видят, что делатели нивы Божией спят сном невнимательности к себе, беспечности. А когда при нерадении делателей разрастутся и укоренятся плевелы, тогда трудно будет очистить от них пшеницу (см. Мф. 13:24–29, 24:43).

Испытание себя может быть общее и частное. Общее простирается на

всю внутреннюю и внешнюю жизнь по всему пространству ее, то есть состоит в исследовании нравственного состояния нашего пред зеркалом совести и Закона Божия касательно успехов или неудач в благочестии, – находимся ли мы на пути, ведущем к спасению, или коснем еще на распутьях грехов, каковы мы были прежде, каковы теперь, на какой степени совершенства или падения находимся, отчего мало успеваем в добродетелях, какие тому были причины, препятствия. Для этого нужно исследовать, вернее, узнать свои господствующие помышления, желания, чувствования, природные предрасположения, приобретенные склонности, привычки, в которых заключаются корни или причины добрых или худых наших поступков, успехов или грехопадений, и какие были последствия нашей деятельности и т.п. Во внешней жизни надобно рассмотреть весь круг нашей деятельности, обычный образ жизни домашней и общественной, наши отношения к другим, разные успехи и неудачи, встречи с разными случаями и обстоятельствами, радости и скорби, болезни, бедствия, посредством которых Промысел Божий предлагает нам уроки для нашего поведения. Это общее обозрение всей жизни внутренней и внешней нужно производить преимущественно перед приготовлением к исповеди и Святому Причащению. А частное испытание себя должно производить ежедневно, и ему должны подлежать все наши обычные помышления, желания, чувствования, намерения, слова, все поступки; надобно припоминать, где, с кем, в каких занятиях и с каким расположением духа мы обращались в течение дня, не согрешили ли в чем-нибудь словом, делом, помыслами. И не только действия, но и основания, побуждения, по которым мы так или иначе действовали, также причины. И следствия грехов наших надобно исследовать, чтобы знать, что, как, чем исправить.

Особенное внимание надобно обращать на те склонности, которые больше других имеют силы и увлекают нас в грехи, и надобно стараться подавить их, исторгнуть самый корень злых произрастаний, чтобы они больше не возникали.

Такое исследование внутреннего состояния и внешнего поведения святые отцы советуют производить ежедневно, чтобы заблаговременно принять средства исправить свои слабости, недостатки, легче было подавить худые расположения и склонности, не дать им усилиться до страсти, чтобы иначе они насильственно не увлекали нас в грехопадения. И малыми грехами нельзя пренебрегать, потому что от привычки к ним рождается равнодушие к ним, беспечность, а это неприметно и непременно доводит и до больших грехопадений. Такое испытание себя

советуют производить преимущественно по окончании дневных занятий, вечером, потому что ночная тьма и тишина невольно располагают душу к сосредоточенности мыслей, погружению в себя, к вниманию своему внутреннему состоянию. А представление того, что сон есть подобие смерти, одр может быть гробом, ночь – спутницей к жизни вечной, может возбуждать к глубокому размышлению о своем нравственном состоянии и загробной участи. Симеон Новый Богослов преподает такое наставление своему ученику. Надлежит всегда иметь страх Божий и во всякий день испытывать себя, что доброго и что худого сделано тобою; доброе надобно забывать, чтобы не впасть в страсть тщеславия, а о сопротивном проливать слезы с исповеданием и усердной молитвой. А испытание должно производиться так: по окончании дня и наступлении вечера надобно размышлять о себе, как я с помощью Божией провел день. Не осудил ли кого? Не досадил ли? Не соблазнил ли? Не смотрел ли на чье лицо со страстью? Не преслушал ли настоятеля в служении и о том вознерадел? Не разгневался ли на кого? Или, находясь в собрании (церкви), не занимался ли умом в бесполезном? Или по унынию не уклонился ли из церкви и от правила (молитвенного)? Когда найдешь себя невинным во всем этом, что, впрочем, невозможно, ибо кто будет чист от скверны, хотя бы и один день жития его был на земле (см. Иов. 14,4), ибо никто не похвалится иметь чистое сердце (см. Притч. 20, 9), тогда возопий к Богу со слезами: «Господи! Прости меня, в чем я согрешил словом и делом, с сознанием и без сознания». Ибо много мы согрешаем и не сознаем того.

Так как лукавое самолюбие наше ослепляет нас, часто наши недостатки прикрывает, слабости извиняет, грехи считает не так важными, а добродетели преувеличивает, то пред испытанием себя надобно молить Бога, чтобы просветил наши душевные очи, дал нам узреть свои грехи и недостатки и беспристрастно обсудить их. А чтобы суд наш о нас самих был более беспристрастен, надобно мысленно поставить себя на место враждебного нам человека, со страхом Божиим обсудить все его дела, слова и качества и суд этот приложить к себе. Если будет усмотрено, что сделано нами что-нибудь доброе, то со смирением надобно благодарить Бога, так как от Него зависит и происходит всякое благо, чтобы от этого возгревался дух, возбуждался к благоговейной любви к Богу. А о допущенных грехах с искренним сожалением надобно каяться перед Богом, укорять себя, чтобы через самоукорение приобрести смирение – истребителя грехов. В случае более тяжкого греха советуют наложить на себя какое-нибудь наказание (епитимью) как для возбуждения скорби, так и для предостережения себя от новых грехопадений. При этом нужно

предпринять твердое намерение исправиться и при каждом испытании себя ежедневно надобно возобновлять решимость удаляться и малых грехов и принуждать себя к добрым делам. Через это со дня на день будет усиливаться предосторожность против грехов, станет укрепляться решимость воли на добро и больше будет успеха в благочестии. Хотя бы какой-нибудь порок и глубоко пустил корни в сердце или от долговременной привычки обратился в непременную потребность, однако никогда не должно отчаиваться, ибо при помощи Божией, укрепляющей нас, все можем сделать и привычка может быть побеждена привычкой. Эту брань надобно неослабно продолжать до тех пор, пока враг будет совершенно ослаблен, что можно узнать из того, когда мы возненавидим его, возлюбим противоположную ему добродетель и станем упражняться в ней легко, даже с удовольствием.

Параграф Второй. ДИЭТЕТИКА. ОБ ОХРАНЕНИИ ВНЕШНИХ ЧУВСТВ

Об охранении зрения. – Нравственная диететика научает, каким способом надобно предостерегать себя от приманок к грехам. Здесь нельзя перечислить все, что враждебно добродетели; достаточно показать только главные опасности и начать с тех, которые происходят от внешних чувств. Внешние чувства, подобно чувствам животных, влекутся только к благам телесным. Посему когда они не управляются разумом, то легко заблуждают и становятся необузданными. Хотя не всякое услаждение, происходящее от чувств, греховно, – есть удовольствия и позволительные, – но, говорит пословица, змея часто скрывается в розах, и нет розы без шипов. Все, что представляется красивым на взгляд, что услаждает вкус, что ласкает слух, что приятно для обоняния, что нежит осязание, все это, если будем неосторожны, может возбуждать похотение, тем вредить чистоте души, и на нас исполнится сказанное пророком, что «смерть входит в наши окна» (Иер. 9, 21). Похоть, как скрытный огонь, живет в нас; и внешние предметы, иногда сами по себе безразличные, даже чистые, приражаясь к нам, могут разжигать ее и превращать в пламень. Поэтому христианин, желая хранить свою душу в чистоте, не должен без различия обращаться с окружающими его предметами, но всячески хранить внешние чувства от опасных впечатлений.

Всего опаснее для нас зрение. Плотские пожелания весьма много зависят от воображения, а мечты воображения больше всего происходят от зрения. Если оно не будет строго охраняемо, то переносит в душу опасные

образы, которые, наполняя воображение, воспаляют похоть; и это тем опаснее, что разум не может уследить за быстротой полетов воображения и возбуждения страсти, чтобы холодным суждением о вредных следствиях погасить жар страсти, и такой человек нехотя падает и начинает желать того, чего бы не хотел. Потому праведный Иов и говорил: «Завет положил я с глазами моими, чтобы» не смотреть и «не помышлять мне о девице» (Иов. 31,1). И Сирах говорит: «Отвращай око твое от» красивой «женщины... и не засматривайся на чужую красоту; многие совратились с пути чрез красоту женскую; от нее, как огонь», разгорается похоть (Сир. 9,8–9). Не только для целомудрия, но и для других добродетелей полезно охранять зрение. Как возможно проводить духовную жизнь тому, кто не умеет охранять зрение? Как будет внимать своему сердцу, содержать ум собранным в молитве и чистым тот, кто наполняет и возмущает свое воображение образами виденных земных вещей? Или как возможет долго сохранять горячность благочестивых чувств тот, кто по окончании молитвы тотчас возвращается к привычке блуждать взорами повсюду, все рассматривать и по разнообразным предметам рассеивать свои мысли и чувства? Благоговейные мысли и горячность чувств наподобие тонкой жидкости скоро испаряются, если сосуд не будет закупорен плотно.

В предосторожность от соблазнов зрения советуют: не рассеивать взоров по сторонам, без нужды не смотреть ни на какие предметы, особенно на соблазнительные, ходить с потупленными взорами; на предметы, представляющиеся неизбежно, смотреть без страсти, без помысла, видя не видеть и как можно скорее пресекать опасное видение. Это и значит умерщвлять зрение по заповеди Спасителя: «если... правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф. 5, 29), то есть прерви опасное видение. Древние подвижники благочестия носили покрывало на глазах своих, особенно схимники, а часто поступали и в совершенное затворничество.

Об охранении слуха. – Слух, приемник слов и звуков, надобно охранять от пустословия, праздных рассказов, тем более от гнилых, вредных слов, злословия, чтобы сохранить душу от суетных помыслов, вредных мечтаний. Худая речь хотя не тотчас возбуждает страсть в сердце, однако же оставляет в душе семена, которые, долго оставаясь, со временем возрастут и принесут горькие плоды. Также надобно опасаться и гармонических звуков, изнеживающих душу и увлекающих от пустой забавы слуха к греховным удовольствиям сердца или раздражающих чувства и возбуждающих страсти. Это особенно надобно сказать о светских песнях и музыке, потрясающих душу и волнующих чувства.

Свирель приятно играет, когда охотник заманивает птицу в сеть.

Об охранении осязания. – Осязание простирается по всему телу и легко раздражается. Когда кто с поблажкой нежит его, тогда оно бывает гораздо раздражительнее. Раздражительность его такова, что иногда и одно неосторожное прикосновение возбуждает страстное ощущение в теле, а через тело и в душе может воспламениться страсть, враждебная целомудрию. Отсюда видно, как осторожно надобно обращаться со своим телом, – не только должно избегать всякого страстного возбуждения, но и удалять от себя все то, что может нежить наше осязание. Для этой цели святые подвижники не ложились на мягкое ложе, носили грубые власяницы, тяжелые вериги и удручали свое тело разными работами. Особенно надобно остерегаться, чтобы вольно не прикасаться к другим, особенно к лицам другого пола, и другим не позволять осязать себя. Хотя бы целомудрие такими осязаниями и не повреждалось, однако же нежность его отчасти теряет свою чистоту. Особенно неосмотрительному юношеству надобно внушать такую предосторожность, чтобы и собственного тела не осязали с небрежностью.

Об охранении вкуса и обоняния. – Вкус должен служить главным образом к различению полезной пищи от вредной, а не к измерению ее приятности и неприятности. Поэтому должно остерегаться излишней его утонченности и разборчивости. Кто любит услаждать свой вкус сладкой пищей, тот привыкает к лакомству, которое увлекает к пресыщению, обжорству, расслабляющему душу и тело. Хотя иной остерегается обжорства, однако же привычка к лакомству бывает причиной того, что лакомник бывает недоволен обыкновенной простой пищей, скучает от неудовлетворения лакомству; а неизбежная при лакомстве неумеренность притупляет остроту ума в разумении небесных предметов, подавляет расположение к молитве, изнеживает, расслабляет тело, обыкновенно располагает его к бездеятельности и к чувственному увеселению и разжигает похоть. Лакомство легко порабощает чревоугодию, а чревоугодие – сладострастию.

Обоняние безопаснее других чувств, но и его изнеженность ведет к нравственному расслаблению, делает человека женоподобным, даже может доводить до пренебрежения обязанностью, например, посещать больных, а иногда как пышная одежда, так и благовонная жидкость могут вводить в искушение.

ОБ ОБУЗДАНИИ ВНУТРЕННЕГО ЧУВСТВА

Об обуздании воображения. – Здесь надобно показать те опасности, которые происходят от необузданного воображения, нерассудного

любопытства и дерзкой пытливости разума. Необузданное воображение много препятствует преуспеянию в духовном совершенстве, особенно когда оно наполняется обольстительными, сладострастными образами. Тогда оно, разгорячившись, быстро перелетает от одного образа к другому, разные приманки к порокам настоящие, прошедшие и будущие собирает как бы в один фокус, тем сильнее разжигает похоть, волнует все душевные чувства. А хотя бы оно и не было нечисто, однако же, неудержимо летая по разным предметам, виденным, слышанным, предавшись потоку мечтаний, никогда не даст покоя духу. Потому надобно удаляться всего того, что воспаляет воображение, особенно рассматривания соблазнительных картин, статуй, театральных зрелищ, чтения романтических книг и тому подобного. Впечатления от нечаянно представляющихся соблазнительных предметов и невольные мечты подавлять холодной рассудительностью, занятием, полезными мыслями или упражнением, требующим полного внимания.

Об ограничении любопытства. – Когда советуют ограничивать любопытство, то это не значит, что одобряют незнание вещей, покровительствуют невежеству; не оуждают благоразумное старание развивать разум, обогащать его полезными познаниями, но оуждают то, когда кто, пренебрегая важным, полезным, необходимым, занимается тем, что знать вовсе бесполезно или даже вредно. Хотя бы кто познал всю внешнюю природу и все события в мире, но если не знает самого себя, своих обязанностей в отношении к Богу и ближним, своего высшего назначения и пути к вечному спасению, тот невежда, ничего не знает, напрасно тратит труд и время на собирание таких познаний, которые не принесут никакой пользы, кроме, может быть, тщеславия, гордости. К тому можно отнести сказанное Премудрым о себе: Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот – всё суета и томление духа! ...И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, тот умножает скорбь (Еккл. 1:14, 17–18), – скорбь о разных недостатках, многопопечительность, смущение разными недоумениями, сомнениями и мятежными помыслами.

Особенно непохвально то любопытство, когда кто занимается собиранием разных пустых слухов, сведений о мелочных новостях, происшествиях, не касающихся его; а еще хуже, когда кто с худым намерением старается узнавать поступки других и всех расспрашивает, кто что делает, как живет, о всех и о всем судит вкось и вкривь, а себя, свою жизнь, свои дела, оставляет без внимания. Кто ты, осуждающий

чужого раба? – можно такому сказать с апостолом (Рим. 14:4).

Равно непохвальна и та дерзкая пытливость разума, когда кто усильствует исследовать и постигнуть все на свете, все тайны не только природы, но и тайны Божественные, а что представляется непонятным, то отвергает, забывая, что Бог, по словам святого Исаака Сирина, открывает Свои тайны только смиренным, а гордым противится (1Пет. 5:5). Такому Премудрый говорит: Чрез меру трудного для себя не ищи, и что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто (Сир. 3:21–22). Не любопытствуй о предметах, которые не принадлежат к кругу твоих действий. Тебе открыто более, чем может уразуметь ум человеческий. Ибо высокоумие ввело многих в заблуждение, и самомечтательность погубила ум их (см. Сир. 3:23–24). Не исследуй, как бы говорил Премудрый, таинств, которых ты не можешь понять. Бог указал твоему уму границы; ты не должен переступать их, чтобы не оказаться высокомерным и не низринуться в бездну погибели. Знакомься с обязанностями своего состояния и старайся приобрести те познания, которые полезны тебе и другим. Оставайся в своем круге действия; исполняй обязанности своего звания и не гоняйся за познаниями, которые не облегчают тебя в твоей должности. Они для тебя излишни и вредны, поскольку питают гордость, тщеславие и отвлекают твое внимание от исправления должности на посторонние предметы. Будь доволен тем, что Бог открыл тебе. Пытливое исследование предметов, которых смертному невозможно узнать в точности, совратило многих с пути истины и привело к неверию, ибо откуда происходят вредные секты в делах веры, как не от своевольтва и суемудрия гордых и упорных учителей, которые хотели знать больше того, что открыто нам Богом? Довольствуйся тем, что находишь в Божественном учении, со смиренной верой пользуйся им для исправления своего сердца, извлекай отовсюду правила своей жизни и не лишай себя спокойствия пытливым исследованием сокровенных тайн, которые Бог, по премудрым причинам, не восхотел подробно объяснить нам.

О ПОДАВЛЕНИИ СТРАСТЕЙ

Сказанное выше служит только предосторожностью против греховной похоти, чтобы не разбудить ее, не дать ей пищи и разными лишениями облегчить трудный подвиг умерщвления ее. А самый подвиг этот требует новых усилий и новых мер предосторожности, деятельности и духовного искусства. Поскольку корень всякого зла в растленной грехом природе нашей есть самолюбие, которое, низвращая все потребности, желания, стремления человека, порождает три главные страсти – гордость,

плотоугодие и своекорыстие (см. [1Ин. 2, 16](#)), а от них, как ветви от корней, происходят все прочие страсти, которые, нарушив гармонию в деятельности душевных сил, возобладали над разумом и высшими стремлениями духа и поработили его чувственности, то для восстановления расстроенной гармонии, для возвышения духа надобно здесь изложить правила, как побеждать страсти: похоть плоти, корыстолюбие, гордость житейскую, – с подавлением которых утихнут и прочие страсти. Святой Лествичник говорит, что кто благочестно низложил в себе три главные страсти – чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, тот низложил вместе и прочие пять, то есть блуд, гнев, отчаяние, уныние и гордость. Но кто нерадит о низложении первых, тот ни одной не победит.

Некоторые корнем грехов считают семь главных страстей: гордость, чревоугодие, сладострастие, уныние, корыстолюбие, гнев и зависть. Но чревоугодие и сладострастие (блуд), как беспорядочная любовь чувственных удовольствий, а уныние, как страх чувственных неприятностей, могут относиться вообще к плотоугодию, а печаль, гнев и зависть происходят частью от плотоугодия, а частью от гордости и своекорыстия.

Впрочем, полезно указать здесь средства и против всех семи страстей.

Гордость

По свойству природных способностей у человека есть побуждение или стремление раскрывать, усовершенствовать свои силы, сравняться с другими, приобрести себе доброе мнение других, честь, славу, благоволение. Это стремление бывает полезно, когда побеждает человека усовершенствовать себя в умственном и нравственном отношении. Также и доброе имя бывает полезно для усовершенствования и счастья нашего и других, когда основывается на истинном совершенстве, приобретается честным способом, правильно употребляется. Но самолюбие часто злоупотребляет этим стремлением, и от беспорядочной любви к своему превосходству и уважению происходит гордость, которая проявляется в разных видах и действиях.

Особенные виды и действия гордости суть:

чрезмерное, беспорядочное почитание себя, или самовозношение, высокомерие;

честолюбие, домогательство уважения от других, которого не заслуживаем;

славолюбие;

самовыказывание, делание всего на показ превосходства;

надменность, величавость, соединенная с презрением других;

тщеславие;
пышность.

Худые порождения гордости: самонадеянность, отважность на дела, превышающие наши силы, дерзость; любопытство, страсть к новизнам; лицемерие; упрямство, спорливость, вздорливость; непокорность; зависть, ревность; злословие; неблагодарность и т.п.

* * *

Зловредность и глупость гордости. – Гордость есть порок тяжкий; она нарушает обязанности правды и любви к Богу, к ближним и к себе. Гордый несправедлив.

В отношении к Богу гордый не почитает Его как верховного Владыку и источник всех благ; не воздает Ему надлежащей чести и не относит к Нему всякого блага, какое получает; не думает, что от Него одного вполне зависит, не хочет на Него одного полагаться, от Него просить благодати и помощи; благодеяния Его мало ценит или приписывает своим заслугам. Потому Бог говорит, что Он отвращается надменности, гордости. «Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем» (Притч. 16, 5). «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6). «Гордость ненавистна и Господу и людям» (Сир. 10, 7).

Гордый бесчеловечен, несправедлив и по отношению к другим. Он по справедливости не ценит их совершенства и достоинства; не оказывает другим должного уважения и почтения; пользуется ими только как средством к своему возвышению или выгодам; на совершенства их смотрит завистливо или, как враждебные для его возвышения, ненавидит. Потому старается унижать или чернить их достоинство и заслуги; напротив, недостатки их с любопытством и удовольствием разузнаёт, как бы через микроскоп высматривает, не терпит их и из них берет повод превозносить себя и презирать других. Оттого и бывает, что низшие гордого избегают, равные чуждаются, а высшие унижают.

Гордый неправ и по отношению к себе. Не сознавая своих недостатков, слабостей, зависимости от Бога и других и не зная сам себя, он не терпит, чтобы другие его учили, увещевали, помогали, не старается просить и благодати у Бога. Не сознавая своих несовершенств, слабостей, грехов и не стараясь исправить их, загладить, он не может потому восходить к высшей степени нравственного совершенства, доброты. Напротив, так как начало всякого греха – гордость (Сир. 10:15) и плодovitая мать других пороков, то он через нее впадает во многие и тяжкие грехи, а от многих добрых дел отвлекается, даже от самых добрых действий как бы развращается, потому что из сделанных добрых дел берет

повод к превозношению себя, тем разрушает и как бы в яд обращает их. Из этого видно, как зловредна гордость.

Глупость гордости открывается из того, что гордый сам себя обманывает и, считая себя не тем, что есть на самом деле, жалко заблуждается; показывая себя иным, чем каков есть на самом деле, лучшим, бесстыдно лжет и, желая тем обманывать других, обманывает сам себя. Поскольку, стараясь восхитить уважение других, гонится за тенью славы, превозносит себя перед другими суетным, неправедным способом, то унижает сам себя и делается ненавистным Богу и людям. Глуп гордый и потому, что терпеть не может других гордых, а сам надменностью, величавостью, пышностью хочет снискать уважение других. Ребяческую легкомысленность выказывает гордый, когда жадно ищет пища своей суетности, тщеславию в самых ничтожных вещах, например в блеске нарядов, красоте тела, богатстве, знатности рода, титулах, даже в пороках, а между тем пренебрегает тем, что может доставить истинное достоинство, уважение.

Гордость есть зло самое опасное, упорное, глубоко вкореняющееся, почти неисцелимое. Гордость есть зло тонкое, скрытный яд, потаенная зараза, ослепительница сердца, скрывается под всяким видом доброго дела, добродетели и даже самого смирения. Гордость и лекарством производит болезнь, ибо и вразумлением раздражается, и добрые дела портит худым намерением, обращает в яд.

* * *

Средства против гордости. – Они могут быть следующими:
ясное представление зловредности и глупости гордости;
убеждение в пользе, необходимости христианского смирения;
созерцание примера Иисуса Христа, словами и делами побуждающего к смирению (см. Мф. 11, 29), также Пресвятой Богородицы, святых, отличавшихся смирением;

правильное суждение об относительной только цене, неверности, изменчивости, кратковременности, суетности людского мнения, уважения, похвал и почестей;

частое рассматривание и взвешивание своего несовершенства, немощи, зависимости от силы Божией, без которой ничего доброго не можем сделать, и от пособия других; также рассматривание своих недостатков, грехов, слабости на добро и сильной склонности к худому и т.п.;

размышление о бесконечных совершенствах Божиих, о заслугах, делах, высоких дарованиях святых угодников Божиих, с которыми

сравнивая себя не можем не казаться для себя самих маловажными, ничтожными;

сравнивание себя с лучшими окружающими нас людьми;

частое упражнение в подвигах смирения, противных гордости;

молитва к Богу о даровании нам чувства смирения;

святой Лествичник говорит, что людям гордого нрава полезнее всего быть в повиновении, проводить житие грубейшее, презреннейшее и прочитывать повествования о сверхъестественных добродетелях святых отцов. Может быть, такими средствами эти недугующие получают хотя малую надежду спасения.

Бдительно мы должны наблюдать и за духом тщеславия. Ибо оно весьма сокровенно, с разным ухищрением вкрадывается во все наши намерения и действия, преграждает путь к истинному преуспеянию и силится извратить всякое наше дело так, чтобы оно было не для Бога, а для своей славы и человекоугодия. Поэтому надлежит нам во всякое время строго испытывать себя и свои упражнения, для Бога ли и для пользы душевной они совершаются. Надлежит всячески избегать похвал человеческих и отвергать всякий помысл льстивый, внушающий сделать что-нибудь по человекоугодию. Ненадобно выказывать никакой особенности или делать что-нибудь такое, что отличало бы нас от других, что выставляло бы нас на показ другим или могло снискать похвалу за то, что мы будто только одни это делаем. Надобно помнить, что чужое самолюбие никому не нравится, намеренное выказывание тщеславия всегда вызывает улыбку презрения у людей, и всякий труд или доброе дело не только теряет свою цену и мы лишаемся плода, если делаем с тщеславием, на показ себя, но и становимся виновными в важном пороке, возбуждающем гнев Божий, как святотатцы, потому что к оскорблению Бога то дело, которое должно бы делать из любви к Богу, для Его славы, мы делаем для своей славы из угождения людям, которых предпочитаем Богу, славу мирскую предпочитаем славе Божией и саму добродетель делаем средством к удовлетворению своей страсти – тщеславия, само добро делаем орудием зла или обращаем в повод ко злу. Потому-то тщеславное выказывание благочестия, как лицемерие, как злоупотребление благочестием, подвергается презрению от людей и наказанию от Бога, Который за тайное тщеславие часто подвергает неожиданному бесчестию. Потому ничего не надобно делать напоказ, свои добродетели надобно скрывать, добрые дела делать по возможности сокровенно, чтобы избежать людских похвал. Святой Лествичник говорит, что начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление

бесчестия; середина же – отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать перед людьми то, что нас унижает, и не чувствовать при том никакой скорби. Когда хвалители наши, или, лучше сказать, льстецы, начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий, и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу.

Плотоугодие

Из побуждений самосохранения и распространения своего рода порождается пожелание и склонность к тем чувственным удовольствиям, с которыми соединено употребление их. При правильном употреблении, согласном с разумом и соответствующем цели их, нет ничего худого. Но часто бывает и злоупотребление касательно предмета, которым не должно увлекаться, касательно способа удовлетворения влечениям, касательно меры и образа. Отсюда рождается беспорядочное пожелание, противное нравственному закону, склонность к неумеренному наслаждению чувственными, плотскими удовольствиями и сильное отвращение от неприятных трудностей. Эту склонность называют чувственным самолюбием. К нему относятся:

- пресыщение в пище и питье;
- сладострастие в разных видах;
- страх лишения удовольствий – уныние и печаль.

Пресыщение

Природе нашей прирождено пожелание пищи и питья для сохранения жизни и здоровья. Но этой потребностью злоупотребляют, когда удовлетворяют ей не для поддержания жизни и здоровья, а для удовольствия; когда хотят есть и пить прежде времени, когда еще не требует природа; когда употребляют их слишком поспешно или неумеренно, жадно или желают пищи более лакомой, дорогой. Тогда выходит страсть жадности, чревоугодия. Святой Григорий Великий говорит, что страсть чревоугодия искушает нас пятью образами: иногда предваряет время нужды; иногда требует пищи более лакомой; иногда желает более изысканного приготовления пищи; иногда в самом количестве превышает меру потребности; иногда иной погрешает безмерным желанием до страсти.

Виды чревоугодия:

- чревобесие – страсть к многоядению;
- гортанобесие – страсть к лакомству, сладкой пище;
- пьянство.

* * *

Зловредность чревоугодия. – Чревоугодие противно Богу, потому что эта страсть заставляет угождать чреву больше, нежели Богу, делает человека неспособным служить Богу; богом такому человеку служит чрево (см. Флп. 3:18–19).

Страсть пресыщения вредна и для самого человека. Она расслабляет телесные силы, расстраивает его здоровье, причиняет много разных болезней, ускоряет смерть (см. Сир. 37:32, 31:23, 19:2). Эта страсть совершенно истощает средства к жизни, растрчивает имущество, унижает в глазах людей, расстраивает внешнее благосостояние (см. Притч. 21, 17); подавляет душевную деятельность, ослабляет память, притупляет разум, отягчает, огрубляет сердце (см. Лк. 21, 34, 28); истребляет стыд и всякое доброе чувство, делает сердце холодным, нечувствительным ко всему доброму (см. Сир. 30, 35; Притч. 20, 1; Ос. 4, 11); порабощает дух плоти, делает рабом чрева, унижает человека до состояния животного. Сколько лучше, говорит святой Златоуст, таких людей осел, сколько лучше собака! Ибо они, хотят ли есть или пить, знают цель и меру, которая не простирается дальше необходимости. Эта страсть делает человека ленивым в трудах, нерадивым в духовных подвигах, беспечным в деле спасения души, неспособным к молитве, напротив, располагает к многим греховным делам, каковы суть: чувственные увеселения, светские песни, хоры, зрелища, пляски, шутки, забавы, неприличный смех, болтливость (она особенно разжигает плотскую похоть, увлекает к сладострастным делам).

Особенно вредно пьянство. Оно расстраивает хозяйство, часто ожесточает сердце против членов семейства, делает равнодушным к их горестям; делает неспособным к исполнению общественных должностей, бесполезным, даже вредным членом общества; возбуждает гнев, ведет к спорам, ссорам, дракам, воровству. Пьяный подает другим много соблазнов.

* * *

Средства против невоздержности:

размышление о маловажности, кратковременности и гнусности удовольствий невоздержности;

представление зловредности, худых последствий этого порока в сей и будущей жизни, как это видно и на евангельском богаче (см. Лк. 16, 22–24);

представление превосходства, пользы, необходимости воздержания и трезвости;

постепенное приучение себя к умеренному потреблению самой простой пищи, какую нетрудно приобрести, к воздержанию от дорогой, лакомой пищи, а особенно от спиртных напитков;

избегание пиршеств, разгулов, веселого товарищества и удаление всех поводов и случаев к невоздержности.

Хотя бы некоторые телесные удовольствия и не были запрещены законом, но и от них лучше воздерживаться для заслуги самоотвержения, совершаемого для добродетели и нравственного совершенства. Этим старанием отказывать себе в прихотях приобретает навык и легкость владеть своими склонностями, господствовать над страстями; дух становится свободнее и способнее к упражнению в духовных делах, и приобретает сила воли, постоянство, укрепляется добрый характер.

Сладострастие

Природе нашей прирождено побуждение к распространению своего рода и влечение к другому полу для рождения детей. С удовлетворением этой склонности соединено особенное удовольствие, которое тесными узами любви соединяет мужа и жену, услаждает горести земной, семейной жизни, делает вожделенным рождение и воспитание детей. Без этого удовольствия было бы отвратительно совокупление мужа с женой, которые никогда не стали бы делать такое дело, которое сопровождается невольным чувством стыда, тем более что рождение детей для женщины крайне болезненно и воспитание детей от отца и матери требует много тяжких забот, трудов, беспокойств.

Но совокупление с другим полом и соединенное с ним удовольствие не есть цель, а только средство к рождению детей, и особенно к правильному воспитанию их. Ибо цель детородной способности не есть только просто размножение людей, но размножение людей особенно благонравных, которые бы достигали высших нравственных целей, способны и достойны были наследовать Царство Небесное, вечное блаженство в общении с Богом.

Но для достижения этой цели необходимо, чтобы муж и жена соединены были неразрывным союзом супружества на всю жизнь, чтобы тем крепче был союз любви, чтобы тем лучше помогали они друг другу в разных материальных и духовных нуждах, не расходились, не оставляли друг друга в беспомощном состоянии; чтобы отец знал своих детей и дети знали своих родителей, чтобы родители по любви к своим детям более заботились о физическом и нравственном воспитании детей, а дети по чувству благодарности питали и покоили родителей в болезни и старости.

Это нужно и для соблюдения умеренности, благоприличия в

удовлетворении детородной склонности, для благонравия. А при случайном удовлетворении этой склонности с разными встречными лицами вышло бы все наоборот, было бы много самых вредных последствий.

Потому и Закон Божий (см. Быт. 2:24; Мф. 19:4–6; Еф. 5:31; 1Кор. 7:27–39), и здравый разум запрещают удовлетворение плотскому вожделению вне супружества и удовлетворение, не соответствующее цели супружества. Потому всякое удовлетворение плотскому вожделению вне супружества составляет грех.

* * *

Виды сладострастия. – Сладострастие проявляется в разных видах. Начальные обнаружения его бывают таковы: женственная изнеженность сердца, влюбчивость, которая является часто под видом симпатии, дружбы, расположения, эстетического чувства, ласковости к другому полу. Отсюда следуют сладострастные мечты, услаждение ими; потом – ослабление стыдливости, вольность взглядов и слов, нескромность в обращении, словах, жестах, а также вольные, нескромные разговоры, срамные шутки; далее – сладострастные, похотливые взгляды, жесты, осязания, поцелуи. Это – начальное, несовершенное сладострастие.

К совершенному сладострастию относятся:

блуд – грех свободных от уз супружества, простой, случайный;
наложничество;

распутство, грех с разными лицами;

изнасилование;

прелюбодеяние – грех состоящих в супружестве;

кровосмешение – грех между родными;

грехи против природы: малакия (онанизм);

грех содомский – мужеложство, скотоложство.

* * *

Зловредность сладострастия. – Сладострастный грешит перед Богом тем, что вместо Бога поставляет свою страсть плотоугодия, охладевает к Богу, забывает Его; всецело поработается страсти, когда предмету нечистой любви посвящает все мысли, желания, расположения, честь, имущество; храм Божий, то есть свое тело, оскверняет и себя, член Христов, делает членом блудницы (см. 1Кор. 6,15–19). Сладострастный вредит себе тем, что сладострастие помрачает разум, развращает сердце, расслабляет волю, поработает ее страсти; расслабляя нервную систему, расстраивает телесное здоровье, причиняет разные тяжкие болезни; подвергает бесславию; поработая страсти, унижает до скотского

состояния; погашает любовь и усердие к добродетели и всему духовному; лишает дерзновения перед Богом и надежды на получение Царства Небесного; подвергает гневу Божию и осуждению на вечное мучение.

Сладострастный грешит перед другими тем, что нередко вредит благу своего семейства; возмущает мир других семейств, наводит бесславие, расточает имущество; вводит других в грех участием, примером, губит невинность и другого зла много причиняет другим.

* * *

Средства против сладострастия. – Более действенные средства к обузданию похоти советуют следующие.

Если находит искушение, то особенно в этом случае надобно строго исполнять наставление Спасителя бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение; дух бодр, плоть же немощна (Мф. 26, 41). К бдительности относится особенно следующее. Охранение внешних чувств, через которые, по словам пророка, смерть входит, как через окна (см. Иер. 9, 21). В какую гибель один взгляд вверх непобедимого Давида! Впрочем, не должно быть и смешной боязливости в этом. Обуздание воображения, чтобы оно не разгорячалось слишком или вовсе не наполнялось сладострастными мечтами. При нечаянном взгляде на соблазнительные предметы тотчас надобно отвращать взор, отвергать нечистые мечты, от которых похоть, как искра от ветра, может разгореться и превратиться в сжигающий все пламень. Строгая умеренность в употреблении пищи и питья и строгость в содержании тела. Ибо чем лакомее и изнеженнее содержится тело, тем больше жара придается похоти. Особенно неумеренное питье спиртных напитков сильно воспламеняет похоть, чего нельзя не опасаться тому, кто часто упивается вином. Это значит масло лить на огонь. Как будет чист, кто пренебрегает трезвостью? Избегание всего того, что сильно возбуждает страсть и привлекает к плотскому удовольствию, каковы суть: худое сообщество, вольное, фамильярное обращение с другим полом, нескромные разговоры, чтение романтических книг, рассматривание соблазнительных картин, театры, балы с танцами, светские концерты, общественные гулянья, зрелища и т.п.

Помимо бдительности Спаситель внушает молитву. Сюда относятся, кроме молитвы о благодатной помощи, частое размышление о высоком достоинстве нашего существа, очищенного кровью Христовой, ибо вы храм Бога живаго, говорит апостол (2Кор. 6, 16), и освященное тело есть храм Святого Духа (см. 1Кор. 3:16, 6:19); размышление о высшем назначении нашем, о последних событиях – смерти, Страшном Суде, вечном мучении грешников и блаженстве праведных, также о страданиях

Спасителя, от которых душа умиляется.

Полезно также живое и постоянное памятование присутствия Бога и ангела-хранителя, которые видят все наши дела, слова и помышления. Весьма полезно частое, благоговейное употребление Святых Таинств покаяния и Евхаристии. Больше всех имеет нужду в этом небесном подкреплении юношество, беспечное о себе, по легкомыслию своего возраста и по горячности темперамента удобопоползновенное на плотские удовольствия. К пособиям для сохранения целомудрия относят также молитву к Пресвятой Деве Богородице и тем святым, которые выдержали сильную брань с плотской похотью или претерпели мученичество за целомудрие.

Еще средство не только полезное, но и совершенно необходимое составляет смирение, соединенное с надеждою на Бога. Смирение и по свойству своему ослабляет (парализует) всякую страсть в душе, охлаждает жар похоти и привлекает в душу благодать Божию, которую Бог дает только смиренным (см. 1Пет. 5, 5).

Справедливо говорят, что за скрытую гордость, излишнюю самонадеянность и за осуждение других Бог часто наказывает попусшением впадать в явную скверну греха, то есть Бог лишает Своей благодати и помощи, и человек, оставленный самому себе, впадает в плотский грех. Потому блаженный Иероним и писал к Непоциану, чтобы тот не надеялся на прежнюю чистоту, ибо не может он быть святее Давида и мудрее Соломона, и чтобы всегда помнил, что жителя рая из его владения выгнала жена.

Важным предохранением от плотского греха служит также и врожденная стыдливость, которую потому родителям и воспитателям юношества надобно стараться поддерживать, охранять от всего того, что губит ее.

Надобно избегать праздности, сластолюбивой жизни, излишнего сна, покоя, неги тела. Жизнь трудолюбивая, постоянно занятая очень много способствует нравственной чистоте, как, напротив, праздность, бездеятельность легко разрушают основание нравственности. Особенно в самом пылу искушения не должно представлять в уме гнусность и следствия сладострастия; ум надобно возносить к горнему или занять его размышлением о других, честных предметах, и, если можно, самое тело надобно упражнять приличным трудом. А физические причины похотливости надобно устранять медицинскими средствами.

Но и при всех средствах нельзя достигнуть того, чтобы похоть никогда не возбуждалась, особенно в молодых летах; и при употреблении

вышеозначенных средств она будет возбуждаться, только слабее и реже. В таком случае надобно вооружиться терпением, молитвой и противоборствовать ей. Как змея, запертая в сосуде, от голода умирает, так и похоть воздержанием и терпением будет подавлена. Никакая страсть, воспитанная произволом, сама собой не прекращается, а побеждается только противоборством. И Бог оставляет человека надолго в борьбе со страстью как для предохранения от гордости – недуга диавольского (см. 2Кор. 12, 7–9), так и для того, чтобы дать место подвигам, чтобы по мере подвигов и заслуг воздать большую награду в будущей жизни.

Уныние

Из чувственного самолюбия, и особенно от неумеренного страха трудностей или неприятностей, происходит уныние, совершенно противоположное христианскому мужеству. Уныние есть упадок духа, произвольное расслабление, прекращающее всякую деятельность в исполнении обязанностей и упражнении в добродетели.

Особенные источники, из которых уныние происходит, суть:

несовершенное знание и малая оценка нравственного блага;
ложное убеждение в большой трудности добродетели;
крайняя безнадежность на свои силы и на помощь Божию;
чрезмерная любовь удовольствий, удобств жизни, покоя и, напротив, чрезмерный страх неприятностей.

Иногда уныние происходит и от расстройств нервов, слабости телесной (ипохондрии, меланхолии); от вялости темперамента; от расслабления сердца; от природной боязливости и мнительности; от чрезмерного множества и тяжести дел; от утомления души и тела; от чрезмерной рассеянности и привязанности сердца к земным вещам.

Свойство уныния или свойство унылого человека в Священном Писании обозначается именем душевной теплоты. Это – смесь холодного и горячего, добра и зла, противная Богу (Откр. 3, 15). Теплый человек представляется и под образом дерева, не приносящего плодов, и под именем ленивого, лукавого раба, по лености скрывшего талант в землю без употребления (см. Мф. 3:10, 7:19, 25:27–30). Нрав его можно изобразить такими словами: ленивый хочет и не хочет. Пожелания убивают ленивого, ибо руки его не хотят делать что-нибудь – весь день только желает, похотствует (см. Притч. 13:4, 21:25). Ленивый много желает, многое предполагает, пожелания его ослабевают, намерения не выполняются на деле. Потому ленивый много добрых дел опускает, мало доброго и почти ничего вполне хорошо не делает, а делает или другое, или с другою целью, другим образом, в другое время, нежели как должно делать; или что

делает, то делает медленно, неохотно, небрежно, вяло, и тем дело портит.

Степени этого порока: не хотеть преуспевать в добре, добродетели или быть нерадивым, по обязанности ничего не делать в совершенстве; обязанности меньшей важности часто опускать, о малых грехах мало заботиться; по страху трудности отчасти или вовсе пренебрегать даже важными обязанностями; оставить заботу об исправлении себя, отчаиваться в преуспевании, в добре и исправлении нравов или по крайней мере откладывать с одного времени до другого.

Итак, к пороку уныния относятся: беспечность, или порок, по которому мы избегаем всякого труда и напряжения сил; любовь к покою, удобству, по которой боимся всего трудного или что соединено с неудобством, требует большого напряжения сил и оставляем дело; праздное любопытство, или порок, по которому мы ничего или по крайней мере не то делаем, что следует, и не так, как должно. Все это противно христианской любви, которая радуется о добре, жаждет правды, всегда делает правильно и стремится к большему совершенству.

* * *

Зловредность уныния. – Вредные действия уныния:

холодность к добродетели и людям;

негодование и зложелательство против тех, которые понуждают что-нибудь делать, увещевают, исправляют худое;

малодушие, или совершенная безнадежность на свои силы и на помощь Божию в исполнении обязанностей;

вялость, или расслабление духа, нерадение, небрежность в исполнении обязанностей;

рассеянность души по внешним предметам, которые льстят чувствам, страсть к театрам, зрелищам, увеселениям, играм, к пустой болтовне, забавам;

отчаяние, по которому человек, отчаиваясь в исправлении нравов, в достижении добродетели и спасения, оставляет и заботу о спасении.

* * *

Средства против уныния. – Ими могут быть:

размышление о последних событиях: смерти, Страшном Суде, вечном мучении в аде, о Царстве Небесном, о кратковременности, суетности настоящих вещей, благ или неприятностей, о высокой важности нравственного блага и о вечной награде;

воспоминание о том, что Бог присутствует при нас, помогает в добром и воздает каждому по делам;

размышление о том, как Спаситель и святые угодники переносили

много трудностей для добродетели и небесных благ, а люди мирские для приобретения земных, суетных благ;

заботливость и о малом в деле добра, избежании зла. Ибо кто верен в малом, тот будет верен и в большом; а кто пренебрегает малым, тот мало-помалу упадет (см. Лк. 16,10; Сир. 19, 1);

усердие в занятии религиозными предметами, ежедневное возобновление намерения трудиться для добродетели и спасения и понуждение себя к этому страхом смерти, которая, может быть, ныне придет и застанет нас неготовыми к переходу в вечность, – надобно же потрудиться для своего спасения, пока есть время;

полезно соблюдение порядка в исполнении своих дел; надобно делать не всегда одно и то же, не слишком долго, не больше, нежели сколько можно правильно сделать, и не слишком разнообразное; распределяй время и всякому времени назначай свое приличное дело; не откладывай надолго никакого полезного дела, а делай, как только можешь; ничего не делай с небрежностью, и все делай только с доброй целью – лучше делать немного да хорошо, нежели много кое-как, небрежно; старайся лучше делать одно за другим, и прежде то, что находится под руками, нежели очень многое вместе или в превратном порядке;

особенно надобно вооружиться терпением, преданностью воле Божией, частой молитвой о помощи; после молитвы можно заняться чтением назидательных книг, рукоделием, как научил святого Антония Великого ангел, явившийся ему в виде монаха для научения, как прогнать уныние; иногда полезно войти в общение и собеседование с человеком опытным в духовной жизни, благовременное посещение такого человека и беседа с ним в меру, без празднословия, прогоняет уныние, доставляет большое облегчение, придает силы и усердия к подвигам благочестия.

Примечание. От чувственного самолюбия, когда бывает чрезмерный страх какой-нибудь чувственной неприятности, происходит порок нетерпеливости, или печали и гнева. Но как тот и другой часто происходят и от корыстолюбия, то скажем наперед о корыстолюбии.

Корыстолюбие

Из потребности совершенства и счастья собственного в человеке, который по опыту знает, как полезно для этой цели имущество, происходит потребность и пожелание иметь, сберегать и умножать имущество, богатство. Это пожелание, если подчинено разуму, не имеет в себе ничего худого, и умеренная забота об имуществе принадлежит даже к обязанностям человека.

Но забота и любовь к имуществу обращаются в порок, когда кто

желает и любит имущество, как имеющее внутреннюю цену и как цель; или, хотя и смотрит на него только, как на средство, но желает его с жадностью; неправедными способами приобретает его; бывает скуп, не употребляет его для той цели, для которой оно дано от Бога. Такая беспорядочная любовь к имуществу, деньгам называется вообще любостыжанием, которое разделяется на два вида: корыстолюбие – страсть к приобретению большего, нежели сколько требуется на нужды, ничем приобретенным не довольствующаяся, и скупость – страсть приобретенное удерживать без употребления несмотря на вопиющую нужду.

* * *

Зловредность корыстолюбия. – Корыстолюбие, как господствующая в душе страсть, бывает причиной многих пороков и опасностей для спасения души. Апостол говорит: «Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим. 6,9–10). Как желание обогащаться, так и обладание богатством погружают наш дух в бесчисленные заботы житейские, развлекают, подавляют ими; более или менее охлаждают, очерствляют сердце; питают, усиливают гордость, тщеславие, роскошь, утучняют чувственность, часто открывают путь целому полчищу пороков, всегда доставляют средства к ним. Потому требуется много благоразумия, осторожности и твердости воли, чтобы не подвергнуться им.

Святой Григорий Великий перечисляет шесть порождений корыстолюбия: ожесточение сердца против милостыни, по которому корыстолюбец, как бесчувственный, не трогается никакими скорбями других для оказания им помощи; хитрость и обман, какие употребляются для корысти; ложь; клятва; предательство; насилие, с которым сильный угнетает других налогами, похищением, взятками. Сюда же относятся ссоры, ругательства, вражда, грабительство и т.п.

А хотя бы и не было грубых пороков, однако же приобретение богатства почти всегда бывает соединено с большими трудами и заботами, обладание соединено со страхом, а потеря сопровождается скорбью. Если на корабле бывает тяжести больше надлежащего, то она потопляет его; а когда тяжесть умеренна, то корабль быстро несется.

* * *

Средства против корыстолюбия. – Средств к подавлению страсти корыстолюбия может быть шесть.

Первое. Размышление о вредных действиях и следствиях корыстолюбия.

Второе. Помышление о кратковременности, суете и опасности обладания богатством. По словам Спасителя, как нельзя служить двум господам, нельзя одинаково служить и Богу, и маммоне. Кто привязывается к богатству, тот часто доходит до забвения Бога. Потому богатому трудно войти в Царство Небесное (см. Мф. 6:24, 19:23–24). Потому надобно остерегаться, чтобы не привязывать своего сердца к вещественным благам. Ибо любостяжание состоит не во многом только стяжании, но и в пристрастии к нему. Если богатство течет к вам, говорит Псалмопевец, то не прилагайте к нему сердца (см. Пс. 61, 11), то есть не имейте пристрастия, привязанности к нему так, чтобы не радоваться о его обильном притечении и не скорбеть о лишении его. Мы должны быть так расположены к земным благам, чтобы считать их только за средства, данные нам от Бога для высших целей и зависящие от Его воли. Апостол говорит: «Я вам сказываю братия: время уже коротко, так что... пользующиеся миром сим должны быть, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без отяготительных забот" (1Кор. 7, 29–32).

Третье. Для подавления страсти корыстолюбия полезно размышлять о смерти, которая все похитит у нас, но мы не знаем, когда это будет, может быть, ныне же. Мы как ничего не принесли в мир, так ничего не можем и вынести из него. Потому неразумно заботиться о заготовлении себе многих вещей на отдаленное будущее.

Четвертое. Одним из лучших средств против этой страсти признают милостыню, которая расширяет сердце любовью к нуждающимся, приучает к щедродательности. Чем больше возникает эта страсть, тем больше надобно принуждать себя к подаванию милостыни.

Пятое. Так как корыстолюбие и скупость происходят больше от маловерия и безнадежности на Бога, – потому что кто больше надеется на богатство, тот не верит, что Бог заботится о нем, – то желающему освободиться от этого недуга надобно размышлять, что есть благий Бог: и птиц небесных питает, и полевые цветы роскошно одевает, но тем более не оставит без средств к продолжению жизни лучшее Свое создание – человека (см. Мф. 6, 28–30). Желающие обогащаться подвергаются многим искушениям и скорбям (см. 1Тим. 6, 9–10). Между тем «жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 11, 15). Лучше всего положиться на Бога, Который лучше знает, что кому полезнее – богатство ли, бедность или среднее состояние, лучше устроит наши дела, нежели наши чрезмерные заботы и малодушная скупость, подаст нам все нужное, как подает пищу и птицам (см. Мф. 6, 19–34). Надобно быть довольным своим

состоянием – тем, что Бог помогает приобретать честными трудами, законными средствами; не домогаться ничего приобретать сверх необходимых потребностей, тем более не искать большой корысти, не употреблять усилий, хитростей, обмана. Например, при покупке необходимых вещей не нужно много торговаться, чтобы купить как можно дешевле, а свои вещи продать как можно дороже.

Рассказывают об авве Агафоне и авве Амуне, что когда они продавали какую-либо вещь, однажды назначали цену, и когда давали им ее, принимали молча, спокойно. Также когда хотели что купить, молча платили назначенную цену и брали вещь, не говоря ни слова.

Шестое. Для подавления корыстолюбия надобно исторгнуть корни его, каковы: страх бедности, роскошь, сластолюбие, беспорядочная любовь к детям, для которых собирается богатство.

Нетерпеливость

Частью от сластолюбия, когда оно слишком боится чувственных неприятностей, частью от гордости, а частью и от корыстолюбия происходят нетерпеливость, гнев, зависть. Здесь под нетерпеливостью разумеется чрезмерная печаль, происходящая от смутного взгляда на настоящие несчастья, или порок, по которому в несчастии предаемся неумеренной скорби. Свойство этого порока таково: в неприятности или вреде (истинном или воображаемом) внимание наше сильнее обыкновенного возбуждается; воображение большей частью увеличивает зло, разрисовывает яркими красками; суждение о свойстве, великости зла и виновнике его, о средствах против зла бывает превратно. Произшедшая от этого чрезмерная скорбь производит худые действия, а иногда тяжкие грехи.

* * *

Зловредность нетерпеливости. – Худые действия нетерпеливости, или печали, проявляются: в отношении к Богу, Который посылает или попускает несчастья, – безнадежность, ропот, иногда и хула; в отношении к людям, которых считают виновниками зла, бывают безрассудные подозрения, несправедливые обвинения, ссора, вражда, жалобы, взаимные оскорбления. В нас самих бывают возмущение духа, омрачение ума, превратность суждения о средствах против зла, сильная и продолжительная скорбь сердца, также расстройство здоровья, потеря всякой заслуги и добродетели, для упражненья в которой от Бога посылаются несчастья (см. Евр. 10, 36). Скорбь, наносимая от бесов, если укоренится в нас, ввергает в отчаяние, делает душу пустой, унылой, нетерпеливой, ленивой и нерасположенной к молитве, чтению и всякому

труду.

* * *

Суетные извинения. – Обыкновенно хотят извинять нетерпеливость тем, что тяжело переносить неприятности и по причине их скорбеть свойственно человеку, ничего не чувствовать неестественно. Но малодушно переносить неприятности и слишком много скорбеть свойственно человеку робкому, изнеженному, или глупому, а не мудрому или христианину. Умеренную скорбь никто не будет охуждать, бесчувственности никто не потребует.

Говорят: «Несчастье мое гораздо тяжелее и продолжительнее, нежели как можно бы переносить благодушно». Но при помощи Божией все можно перенести; от Промысла Божия зависит мера и продолжительность несчастья. Ужели легче будет и скорее кончится несчастье, если нетерпеливо будешь переносить?

«Другое несчастье, в другое время, в другом месте я охотнее стал бы переносить», – говорят иногда. Но Благий Отец лучше знает, что, когда и где надобно тебе переносить. Ужели ты будешь указывать Богу? Желать избирать себе несчастья есть дело самолюбия. Благодушно, со смиренной покорностью воле Божией переносить посланное от Бога несчастье есть дело добродетели. Случились убытки, болезнь, трудности, страх? Так должно быть. Это назначено от Бога, а не случайно приключилось. Человек должен покоряться всему, что Богу угодно наслать.

* * *

Средства против нетерпеливости. – Ум и сердце надобно отвлекать от несчастья, пока возмущение духа пройдет и возбуждение чувств успокоится, обращать их к предметам приятным, благочестивым, к страданиям и смерти Иисуса Христа, к размышлению о путях Промысла Божия, попускающего несчастья для благих целей; свою волю надобно подчинять воле Божией.

Во всяком несчастии надобно обращать внимание на ту частную цель, для которой Бог попустил нам несчастье, и, поняв эту цель, к ней надобно все направлять.

Таковы, например, следующие цели: отрешение от пристрастия к мирским благам; побуждение к покаянию в тяжких грехах, очищение нравственных недостатков; доведение до сознания своей немощи, ненадеяние на себя, утверждение в надежде на Бога; предание себя в волю Божию; упражнение, укрепление в милосердии к страждущим, в терпении и других добродетелях; необходимость общего блага. Например, во время пожара, наводнения терпят урон и праведники, от распространившейся

эпидемической болезни наравне с грешниками, навлекшими гнев Божий, умирают и благочестивые, чтобы в лице их показать другим назидательный пример великодушного терпения и за перенесение скорбей воздать им большую награду в будущей жизни. Несчастия, посылаемые нам от Бога, надобно считать знаком особенной любви Божией к нам и большим благодеянием. «Ибо Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12, 6). Потому надобно благоговеть перед советами Божиими, благодарить Бога в несчастьях, угождать Ему, всю надежду возлагать на Него, всецело предаваться Ему. Надобно остерегаться, чтобы не роптать, не требовать от Бога, не предписывать Ему законов, какими несчастьями, каким образом и в какое время Он должен бы испытывать, упражнять наше терпение. Во всем надобно предаваться Богу. Чаще надобно размышлять о вредных действиях нетерпеливости, о необходимости, благородстве и пользе терпения. Скорбь, наносимую от бесов, надобно прогонять молитвой, чтением назидательных книг, общением и беседованием с благочестивыми людьми.

Гнев

Гнев, как сказано выше, происходит от сластолюбия, своекорыстия и гордости. Под гневом понимается сильное раздражение за обиду, нанесенную нам или другим, которых любим. Когда оно соединено только с чувством отвращения к виновнику обиды, то называется негодованием; а когда соединено с желанием отомстить, сделать какое-нибудь зло обидчику, тогда называется собственно гневом. Не только негодование, но и гнев иногда бывает позволительным, праведным, если только он согласен с разумом по предмету, цели, средствам и образу проявления. А чаще бывает дурным, неправедным, когда не согласен с разумом. Мы можем желать другому зла, как необходимого средства для добра, например, для исправления погрешающего или для блага других – для защиты обиженных. Так Спаситель негодовал на фарисеев, с гневом выгнал торжников из храма (см. Мк. 3, 5; Ин. 2, 14–15). А неправедный гнев бывает, когда делается другому зло для зла, чтобы только отомстить. Гнев бывает праведный и неправедный, смотря по предмету, цели, средствам и образу. Предмет гнева должен быть достойный; цель добрая; средства, приспособленные к предмету и цели, полезные, необходимые; образ обнаружения должен быть сообразный с разумом, так чтобы гнев не был слишком стремительный, не был сильнее, дольше, строже надлежащего (см. Иак. 1, 19; Еф. 4, 26; Пс. 4, 5). Сильное возмущение духа против вещей или неразумных животных, причиняющих нам неприятность, скорее надобно назвать нетерпеливостью, нежели гневом.

* * *

Зловредность гнева. – В отношении к Богу раздраженный иногда обвиняет провидение и благость Божию, изрыгает на Бога хулу; предвосхищает себе права Бога, Который говорит: "Мне предоставь отмщение, Я воздам» (Рим. 12,19; см. также Втор. 32, 35). Потому гневливый человек, хотя бы мертвого воскресил, не будет угоден пред Богом.

Гневливый погрешает против самого себя: помрачает разум, возмущает сердце, теряет силу воли, не владеет собой; от гнева разливается желчь, портится кровь, чрезмерно раздражаются и ослабевают нервы, от этого расстраивается здоровье, а иногда приключается кровавый удар в голову (апоплексия) или разрыв сердца; раздраженный оказывается крайне малодушным, доходит до глупости, а иногда до зверства; этим унижает свое достоинство, теряет доброе имя, честь, уважение. Гнев есть кратковременное сумасшествие.

В отношении к другим раздраженный часто многих оскорбляет напрасно; от гнева происходят споры, ссоры, поношения, драки, даже убийства.

Средства против гнева. – К таковым относят следующее:

Надобно исторгнуть самые корни гнева и причины, каковы: чрезмерное самолюбие, сластолюбие, корыстолюбие, особенно гордость.

Надобно подавлять гнев в самом начале, когда он подобен только искрам. А когда превратится в пламень, то нельзя будет потушить его и он встречное истребит.

Важное средство против гнева – отсрочка и благородное претерпение оскорбления; иногда надобно отсрочить, иногда подавить гнев смирением, иногда оскорбление покрыть усмешкой, обратив в шутку.

Надобно поставить себя на место других, на кого мы сердимся, и спрашивать себя, не сделали и мы что-нибудь подобное? Следует ли нам сердиться? Каково было бы нам, если бы на нас осердились? Зная свои немощи, погрешности, надобно благосклонно прощать погрешности других. Отрока извиняет возраст, говорил Сенека, женщину – пол, стороннего – вольность, домашнего – свойство. Друг ли оскорбил? Он сделал то, чего не хотел бы. Недруг оскорбил? Он сделал то, что должен был сделать. Благоразумному уступим, глупому простим. Во всяком случае будем говорить себе: «И мудрые люди часто погрешают; нет никого столько осмотрительного, чтобы никогда ни в чем не ошибался. И благоразумие требует не раздражаться». Кто оскорбил тебя, тот или сильнее, или слабее тебя; если слабее, то пощади его; если сильнее, то

побереги себя. От гнева надобно воздерживаться, равен ли тебе оскорбивший, или выше, или ниже тебя; с равным спорить, тягаться сомнительно, с высшим опасно, а с низшим унизительно. Гнев можно укрощать предварением неприятности, приготовлением духа к встрече ее и мужеством.

Надобно помнить слова молитвы Господней: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6, 12) – и заповедь Спасителя: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 6, 14). Надобно вспомнить о страданиях Иисуса Христа, какие Он великодушно претерпел, и как за мучителей Своих молился: «Отче, прости им» (Лк. 23, 34).

Всякое оскорбление надобно считать искушением, посланным нам от Бога или попущенным в наказание за грехи, для побуждения к исправлению или для приучения к смирению, незлобию, терпению и т.п.

Зависть

Как гнев хочет нанести зло другому и о нанесенном зле радуется, так зависть скорбит о благе другого и желает лишить его этого блага. Зависть чаще происходит от гордости, по которой завистник желает, чтобы другие не имели того совершенства, достоинства, преимуществ или благ, какие хочет иметь он один; часто происходит от своекорыстия, по которому желает, чтобы другие не пользовались теми благами, имуществом, какими хочет пользоваться один; иногда происходит и от сластолюбия, по которому завидует удовольствиям других.

* * *

Зловредность зависти. – От зависти происходят:
ненависть к другим, или зложелательство;
злоречие с целью, чтобы очернить честь другого или поссорить кого;
клевета – злонамеренное разглашение о тайных грехах другого, которых не было, для обесславления его;
злорадование в несчастьи недруга;
скорбь о счастье его.

Зависть совершенно противна любви, есть порок диавола, и завистливый есть подражатель диавола (см. Прем. 2, 24).

Противна зависть и Богу, премудрость и промышление Которого в распределении благ завистливый часто порицает.

Вредна зависть и самому завистнику, потому что он сокрушает себя глупой скорбью о благе другого, о чем следовало бы радоваться, не имеет спокойствия духа; завистью унижает себя перед другими, теряет уважение, расстраивает даже здоровье свое.

* * *

Средства против зависти. – Ничего человеческого не надобно считать слишком великим, важным – ни могущества, ни славы, ни богатства, ни красоты и крепости телесной – и ничего из земных вещей; тогда не будет возбуждаться и зависть.

Всех людей надобно считать братьями, у которых все общее, которые все – дети одного Небесного Отца, независтно подающего всем все нужное.

Надобно исторгнуть корни зависти, особенно гордость.

Часто надобно упражняться в делах любви и радости о благе ближнего, сожаления о его несчастьи; чаще утверждаться в вере в Промысел Божий и в надежде на премудрость и благость Божию, по которой Бог всем прозорливо распоряжается и справедливо распределяет Свои дары каждому, кто что может принять и употребить с пользой для себя и других и для славы Божией.

* * *

Святителя Нила поучение о восьми порочных помыслах.

Знай, что главных помыслов порочных восемь, от которых происходит всякое зло: чревобесие, блуд, сребролюбие, ярость, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они борют всякого человека.

Если хочешь победить чревобесие, то возлюби воздержание, имей страх Божий, и победишь.

Если хочешь победить блуд, возлюби алкание, жажду, бдение, вспоминай смерть, никогда не беседуй с женщиной, и победишь.

Если хочешь победить сребролюбие, возлюби нестяжательность и худость, то есть уничиженный образ жизни.

Если хочешь победить ярость, приобрести кротость, долготерпение, вспоминай, сколько зла сделали иудеи Господу Иисусу Христу и Человеколюбивый не прогневался на них, а еще молился за них, говоря: «Отче! прости им грех сей, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Если хочешь победить безвременную печаль, никогда не печалься ни за какую временную вещь. Если будешь бит и обесчещен или выгнан, не оскорбляйся, но больше радуйся. Тогда только поскорби, когда согрешишь, но и тогда в меру, чтобы не впасть в отчаяние и не погибнуть.

Если хочешь победить уныние, занимайся каким-нибудь делом, читай Священное Писание и часто молись.

Если хочешь победить тщеславие, не люби похвалы, ни почести, ни нарядной одежды, ни предпочтения перед другими, ни председания, а

лучше желай, чтобы тебя укоряли, осуждали, бесчестили по лжи, и считай себя грешнее всякого грешника.

Если хочешь победить гордость, то что ни делал бы ты, не говори, что это твоим трудом или мужеством совершено. Но если постишься, бдишь, молишься или на земле лежишь, поёшь, служишь, делаешь много поклонов, не говори, что это от моего усердия, но от Божией помощи и заступления бывает.

* * *

Святой Максим Исповедник говорит: «Есть средства, которые останавливают страсти, пришедшие в волнение, и не дают им возрастать; и есть другие, которые умягчают их и ведут к истощению. Например, пост, труд и бдение не дают возрастать похоти, а уединение, созерцание, молитва и любление Бога умягчают ее и искореняют».

Против блуда постись и бди, трудись и уединяйся; против гнева и печали не дорожи славой и бесславием и вещами чувственными; против злопамятства молись за оскорбившего, и избавишься.

Немалый подвиг отстать от тщеславия. Средства для освобождения от него есть тайное творение добродетелей и частая молитва, а признак освобождения – незлобие против злословящего.

Когда победишь какую-либо из гнуснейших страстей, например, пресыщение или блуд, гнев или любостыжание, тотчас нападает на тебя тщеславие. А когда и его победишь, то на место его вступает помысл гордости. Тщеславие истребляется тайными добродетелями, а гордость приписыванием их Богу.

О ВНЕШНЕМ ПОВЕДЕНИИ

О хранении уст. – Как слово есть выражение мысли, чувства, желания, так и, наоборот, слово порождает мысль, чувство, желание, придает им силу, существенность. Слово назидательное порождает и мысли добрые, а слово гнилое порождает и мысли худые. А при невнимательном говоре сколько может вылететь из наших уст слов гнилых, соблазнительных, вредных и для нашего сердца, и для других. «При многословии не миновать греха» (Притч. 10,19). А «кто хранит уста свои, тот бережет душу свою», говорит Премудрый (Притч. 13, 3). Как от частого отворения дверей бани скоро выходит жар, так и через многословие уменьшается горячность сердечных чувств, охлаждается ревность к подвигам благочестия, рассеиваются мысли, собранные долгим молчанием, внимание к себе ослабевает. После продолжительного празднословия всегда чувствуется какая-то пустота в душе, а может быть, и уязвление, смущение совести по причине сказанных слов лишних,

суетных, даже гнилых, соблазнительных.

Блаженный Диадок говорит, что многословие рассеивает ум и предаёт бесу уныния. «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает языка своего, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие», говорит апостол (Иак. 1, 26). Потому надобно быть осторожным в словах, прежде слов надобно подумать, кому, что и как сказать; от легкомысленного празднословия, особенно от шуток, острот и смеха, надобно вовсе воздерживаться, а говорить по требованию нужды только полезное или по крайней мере приличное. Если за всякое даже праздное слово, которое говорят люди, отдадут Богу отчет в день суда, то тем строже будет осуждение за слово лживое, гордое, бранное, гнилое. Потому древние подвижники нередко налагали на себя обет молчания на продолжительное время, а иногда на целую жизнь.

Об одежде и скромном положении всего тела. – Потеряв одежду первобытной невинности, мы теперь имеем нужду во внешних покровах. Но что павшему человеку дано в наказание, то теперь мы часто обращаем в повод ко греху. Поэтому если хотим преуспевать в добродетели, надобно соблюдать осторожность и в одежде, чтобы не погрешить или других не ввести в грех. Что касается до материи и формы, то приличие одежды зависит от многих обстоятельств, именно: от пола, возраста, состояния и достоинства внешнего. Во всяком случае в одежде не должно позволять себе пышности, легкомысленного щегольства; но и неопрятности не надобно допускать, а лучше по требованию благоразумия сообразоваться с одеждой большинства более степенных людей равного с нами звания и состояния. Хотя одежда не делает монахом, однако служит вывеской душевных расположений и при первом взгляде показывает, каков человек. Хотя отступающие от правил умеренности и скромности в одежде утверждают, что ничего худого не имеют в намерении, можно спросить их, что доброго вы намерены тем показать? Разве не знаете, что диавол всегда имеет худое намерение в этом случае? Равно и положение всего тела во всех движениях должно быть таково, чтобы было живым отображением благочестивого настроения духа, благонравия, степенности, скромности. Не должно показывать в себе ничего такого, что могло бы соблазнять смотрящих на нас; не должно быть угрюмости или бесстыдства во взорах, грубости, строптивости, наглости в словах, легкомысленности, неприличия во всех минах; особенно нескромный смех противен духу благочестия. Скромность и «кротость ваша да будет известна всем человекам», говорит апостол (Флп. 4, 5).

Об удалении от худых сообществ. – Как частое обращение с

людьми, искренно расположенными к благочестию, сильно возбуждает и укрепляет в нас ревность к добродетели, так, напротив, нет ничего губительнее, как входить в частое общение с людьми, не имеющими расположения к благочестию, честности в нравах, и позволять себе вольное обращение с порочными. Ибо кроме того, что дух наш неприметно мало-помалу пропитывается превратными мыслями и чувствами нечестивых, самое даже видение их вредно, потому что от примера их самые пороки их становятся привычными для нас, со временем легко усваиваются нами, чувство благочестия более и более притупляется и вовсе хладеет ревность к добродетели. Поэтому частое фамильярное обращение с нечестивыми заставляет предполагать души подобные или делает подобными тем, с кем кто любит часто обращаться. Кто обращается с мудрыми, тот будет мудр, а кто любит дружить с глупым (нечестивым), тот сокрушится (см. Притч. 13, 21). Надобно удаляться общительности не только с людьми явно порочными, отвергающими всякую заботу о благочестии, но и с такими, которые показывают холодность к благочестию, дышат духом мира и такие пороки прикрывают видом вежливого обращения, потому что примером их мы сами легко увлекаемся, можем допускать то, что видим их делающими. Апостол говорит: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33).

Потому в выборе людей, с которыми хотим обращаться, и особенно в выборе друзей, всегда надобно иметь большую осмотрительность. «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: «иди с нами... жребий твой ты будешь бросать вместе с нами... кошелек один будет у всех нас»... не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их, потому что ноги их бегут ко злу» (Притч. 1, 10–16; см. также 1Кор. 5, 11; Мф. 18, 8–9).

Параграф Третий. ИСКУССТВО УПРАЖНЯТЬСЯ В ПОДВИГАХ БЛАГОЧЕСТИЯ (гимнастика духовная)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чтобы счастливо сражаться с врагами, надобно не только со всею осторожностью предусматривать все наветы и хитрости их, но и силы наши упражнять, быть всегда готовыми и способными отражать неприятельские нападения. Здесь будет сказано не о тех упражнениях, которые непосредственно усовершенствуют дух, каковы суть чтение

благочестивых книг, размышление, молитва и прочие, о которых будет сказано ниже, но о тех, которые нужны для подавления беспорядочных влечений испорченной чувственной природы, соединены с некоторой скорбью и вообще называются нравственным самоумерщвлением, или подвижничеством в благочестии, как говорит апостол (см. 1Тим. 4, 7; 1Кор. 9, 24 и далее). В науке аскетической это называется искусством гимнастическим.

Необходимость упражнения в подвигах самоумерщвления очевидна всякому. Поскольку испорченная природа наша весьма склонна к чувственным удовольствиям всякого рода, то вовсе нельзя ожидать, чтобы тот воздерживался от непозволенных удовольствий, кто не привык лишать себя позволенных. Никто из трудной брани не выйдет победителем, если заранее не приучит себя к искусству побеждать. Если будешь доставлять душе своей то, чего требуют желания, то сделаешь себя предметом злорадства для врагов своих, говорит Премудрый (см. Сир. 18, 31). У каждой способности тем больше ловкости и силы бывает, чем чаще упражняем ее приличными действиями. То же надобно сказать и о тех силах, которыми мы противимся внешним обольщениям и злой похоти. Если кто привык удовлетворять себе во всем, хотя бы то и не заключало в себе явного греха, тот легко может увлекаться и к греховным удовольствиям. Потому как в медицине жар врачуетса холодом, а холод жаром, так Господь противоположил грехам противные лекарства: сластолюбивым заповедал воздержание, скупым щедрость, гневливым кротость, гордым смирение. Кто чем с большей силой увлекается к какому-нибудь пороку, тот тем с большим усилением должен склонять себя к мужественному сопротивлению этому влечению.

Апостол Павел говорит о себе, что он был «в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготe» (2Кор. 11, 27). «Я, – говорит апостол, – научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод» (Флп. 4, 11–12). «Все подвижники воздерживаются от всего; те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я... усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор. 9, 25–27). Да и кто из святых позволял себе угождать плоти своей, не считал нужным всячески обуздывать ее? Даже и языческие философы поставляли лучшим правилом жизни: будь воздержан и терпелив (*abstine et sustine*), потому что они по опыту узнали, что если человек не будет приучать себя к более строгой жизни и всеми способами упражнять себя для этого, то никогда и

ничего великого, достойного добродетели не в состоянии будет сделать.

Другой способ самоумерщвления есть чувство покаяния. Скорбь, причиняемая сердцу или чувственности такими упражнениями, не только способствует к подавлению страстных влечений плоти, но и служит живым выражением истинного покаяния. Ибо что более свойственно сердцу смиренному и сокрушенному, как добровольными страданиями омыwać те нечистоты, которые прильнули к нему от непозволенных удовольствий?

Действительно, скорбь сердца неразлучна с искренним покаянием, как видно из многих примеров (см. 1Пар. 21,16; 4Цар. 6, 30; Иудиф. 4, 9; 2Мак. 10, 25). Хотя мы собственным усилием и не можем удовлетворить Богу за свои грехи, за нас вполне удовлетворил Иисус Христос. Однако же Он не освобождает нас от обязанности покаяния; напротив, чем искреннее будет наше покаяние, тем более мы становимся участниками в удовлетворении, совершенном за нас Иисусом Христом. Отсюда происходят частые воздыхания, сетования, слезы благочестивых подвижников; отсюда – добровольные изнурения плоти, наказания, строгие посты, частые коленопреклонения, которыми они старались не только сопротивляться новым грехопадениям, но и заглаживать прежние грехи. Когда такие подвиги совершаются в духе покаяния и для более удобного исправления жизни, то в большей мере привлекают к нам благодать Божию и, следовательно, много помогают к достижению нравственного совершенства.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОДВИГОВ САМОУМЕРЩВЛЕНИЯ И ОБЩИЕ ПРАВИЛА

Разнообразны подвиги, которые ревнители благочестия совершали как для укрепления своих сил, так и для засвидетельствования искреннего покаяния. Но некоторые в совершении подвигов переступали за границы благоразумия, так что больше вредили здоровью тела, нежели споспешествовали спасению души. Поэтому надобно здесь указать на подвиги только более важные и особенно такие, которые вообще одобрены святыми отцами-подвижниками.

Подвиги самоумерщвления бывают и внутренние, и внешние. Первое место по важности занимает самоумерщвление внутреннее, которым мы стараемся подавить беспорядочные пожелания в самом источнике их. Ибо оно истребляет самый корень зла и не подвержено почти никаким злоупотреблениям. А когда нет внутреннего самоотвержения, то все, что ни делали бы мы, больше будет вредить, нежели доставлять пользу. В этом смысле апостол телесное упражнение называет малополезным (см. 1Тим.

4:8).

Впрочем, не должно пренебрегать и внешним самоумерщвлением. Ибо такие подвиги, если только правильно совершаются, действительно выражают и усиливают ревность к благочестию, а также, по тесной связи души с телом, много споспешествуют внутреннему самоумерщвлению.

Между внешними упражнениями в самоотвержении имеют преимущество перед прочими те, которые не по собственному произволу предпринимаются, а по распоряжению Промысла Божия посылаются нам. Таковы, например, разные трудные обстоятельства, неприятные случаи, недостатки, потери вещей: случается священнику по требованию должности в полночь встать, в дурную погоду идти к больному, перенести холод или жар, голод, утомление, потерять какую-нибудь вещь, потерпеть болезнь, ушиб или недостаток в необходимых вещах и т.п. Что касается до произвольных подвигов, то все, что только служит к обузданию плоти, должно быть совершаемо с рассудительностью, чтобы ничего не было чрезмерного. Потому все советуют ничего более важного не предпринимать без совета и дозволения духовного руководителя.

О ВНУТРЕННЕМ САМОУМЕРЩВЛЕНИИ

О свойстве и необходимости его. – Внутреннее самоумерщвление, как сказано выше, относится к подавлению беспорядочных пожеланий, следовательно, оно должно состоять в том, чтобы все, что в душе нашей есть расстроенного, порочного, исправить, поступать во всем по заповедям Божиим. Главное препятствие к достижению совершенства составляют страсти, которые прежде всего и должно подавлять. А если мы совершенство благочестия будем поставлять только во внешних подвигах и соблюдении священных обрядов, то набожность наша будет пустоцветом, без плодов, лицемерна, небогоугодна. Потому надобно отсекал самый корень страстей, чтобы, очистившись от них, стяжать чистоту сердца и спокойствие духа. Сюда относится и сказанное у пророка Иоила: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему» (Иоил. 2:13).

Есть много таких, которые хотя по видимости показывают ревность к благочестию и усердно прилежат к внешним подвигам, но в душе бывают неблагоустроены, заносчивы, горды, своенравны, упрямы, непослушны, болтливы, тщеславны, самохвалы, раздражительны, строптивы, легко вдаются в безрассудные пересуды, взаимные оскорбления и пр. Душевное состояние таких тем опаснее, чем благовиднее кажется внешнее поведение их и чем больше оно нравится им самим. К ним справедливо может относиться то, что Спаситель говорил фарисеям: «Горе вам книжники и

фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23:27–28).

Нельзя одобрить тех, которые нравственное образование начинают с внешнего – с одежды, наружного положения тела, волос и т.п.; лучше начинать с внутреннего. Господь говорил древним: «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим» (Иоил. 2:12). Поскольку сердце есть источник, начало всех действий, то каково сердце, таково будет и все наше поведение. Если в сердце будет жить Иисус Христос, то, без сомнения, Он будет проявляться и в наших нравах, взорах, словах, действиях, даже в одежде и во всех поступках, так что можно будет сказать с апостолом: 2И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Коротко: кто улучшает сердце человека, тот улучшает всего человека, потому что в сердце источники жизни (см. Притч. 4, 23). Следовательно, прежде и больше всего надобно упражняться в подвигах внутреннего самоумерщвления, а потом в необходимое пособие к этому присоединять и внешние подвиги. А кто мало заботится о внутреннем самоумерщвлении, тот «уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 26–27).

Частные наставления. – Здесь надобно сказать то же, что сказано выше об обуздании воображения, любопытства, об укрощении страстей. Сердце человеческое хотя бы и воздерживалось от пожеланий явно худых, однако же, беспокойное и непостоянное, оно всегда мятется туда и сюда и заблуждает. При счастливых обстоятельствах оно напыщается гордостью и восхищается беспорядочным весельем, предается своенравию, разным прихотям, диким капризам; в несчастьи возмущается скорбью, негодованием или подавляется унынием, или вовсе поражается отчаянием, когда исчезает надежда на лучшее. Потому прежде и больше всего надобно стараться очищать свою душу от беспорядочных страстей, подавлять эгоистические стремления, оставить все капризы, прихоти, своенравие, самоугодие, никогда не настаивать на своем желании, но предавать себя и свою судьбу воле Божией, во всем полагаться на Промысел Божий. Чем более будем утверждаться в таком настроении духа, тем скорее достигнем спокойного состояния. Не желай, говорил авва Дорофей своему ученику, чтобы все делалось так, как ты хочешь, но желай, чтобы оно было так, как будет (как Бог устроит), и таким образом будешь мирен со всеми. И веруй,

что все случающееся с нами, до самого малейшего, бывает по Промыслу Божию; и тогда ты без смущения будешь переносить все находящее на тебя.

К внутреннему самоумерщвлению, по отношению к другим особенно, относится то, чтобы думать о себе всегда скромно, смиренно; достоинства и заслуги других верно ценить; остерегаться того, чтобы безрассудно не подсматривать за другими, не наблюдать поступки чужие, особенно не предаваться пустым подозрениям, легкомысленным пересудам; надобно быть уклончивыми, уступать другим в делах безвредных, в мнениях о вещах безразличных; прощать обиды, причиненные нам, слабости извинять; быть готовыми с усердием услуживать, благотворить всем, хотя бы это было трудно и самолюбию нелюбо. В частности, по отношению к начальникам и старшим всегда должны быть покорны, почтительны, служить им не из страха наказания, но по совести, не при глазах только служа, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души (см. Рим. 13, 5; Еф. 6, 6). Из сказанного видно, что в подвигах внутреннего самоумерщвления необходимо упражняться особенно в тех случаях, когда мы как бы неизбежно поставляемся в такие трудные обстоятельства по распоряжению Промысла Божия, которые зависят больше от общего течения времени и дел человеческих, а не от нашего произвола, и которых мы не в состоянии переменить.

Некоторые примеры. – Во всяком состоянии жизни общественной может быть много случаев к подвигам самоотвержения. Таковы, например, нелегкие труды по должности, ежедневные заботы, беспокойства, долгие бдения и другие неудобства и трудности, которым мы по требованию звания своего подвергаемся; многообразные слабости, болезни не только тела, но и души: различные случаи, когда лишаемся каких-либо благ, имения, друзей, любимых родственников; неприятное сожителство с людьми безрассудными, угрюмого, строптивного нрава, которые и в нас возбуждают гнев и отвращение; пренебрежение, презрение, которое нам приходится иногда терпеть не только от порочных, но и от добрых людей по их ошибочному мнению о нас или по неразборчивому доверию слухам людским, и наоборот – похвалы, лесть людей, которые подстрекают к самомнению, тщеславию; какие-нибудь распоряжения, приказания начальников, которые как бы ни казались тягостными, неприятными нашему сердцу, однако же требуют нашей покорности им; общественные законы, которые много стесняют наш произвол, и другие бесчисленные трудности и неприятные случаи, в которые Промысел Божий ежедневно вводит нас для упражнения в самоотвержении, для очищения и

усовершенствования нашей нравственности.

Без сомнения, большую пользу получим в нравственном отношении, если будем стараться владеть собой, управлять своей растленной природой, противящейся таким неприятным обстоятельствам, возвышаться над ними духом и, так сказать, препобеждать себя, стать выше своей чувственности и самолюбия. Такие подвиги самоумерщвления имеют то преимущество, что не по собственному нашему произволу изыскиваются, а по распоряжению Промысла Божия посылаются нам и потому лучше всего бывают приспособлены к нашему нравственному состоянию, ведут к спасению. Такие трудности по своей продолжительности и частой повторяемости становятся менее скорбными сердцу и впоследствии щедро вознаграждают человека за терпение с незлобием. Это и значат слова Спасителя: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21,19). Такие победы над собой не вредят ни здоровью, ни исполнению обязанностей; и так как другими они мало примечаются, то тут и нет опасности возмечтать о себе высоко или увлечься тщеславием.

Совсем иначе бывает в произвольных подвигах самоумерщвления, например, когда кто для удручения плоти возлагает на себя жестокую власяницу, тяжелые вериги и т.п. Потому опытные подвижники этому роду самоотвержения, как ежедневному и более других необходимому, отдают преимущество перед внешними подвигами и скорбями. Безрассудно желать мученичества и не иметь твердости духа переносить какую-нибудь встретившуюся неприятность. Дьявол часто возбуждает желание трудных подвигов или несбыточного для того, чтобы отвлечь наше внимание от сподручного и того, что нужно делать. Мы часто в воображении сражаемся с африканскими чудовищами, а между тем допускаем какому-нибудь презираемому насекомому уязвлять нас.

О ВНЕШНЕМ САМОУМЕРЩВЛЕНИИ

Необходимые предосторожности. – Первая и главная забота должна быть обращена на внутреннее самоумерщвление, в котором неослабно должно упражняться во всех случаях жизни. К этому надобно присоединить и те подвиги, которые опытные подвижники, старавшиеся преуспевать в добродетелях, почитали полезными для обуздания плоти. Хотя дух бодр, но плоть немощна; похоти ее всячески надобно укрощать и подчинять разуму. Кроме того, такие подвиги много способствуют как к возбуждению чувства покаяния, так и к испрошению у Бога благодати.

К добровольному обузданию плоти, или чувственности – гнездилища страстей, относятся особенно: уединение, пост, бдение и другие подвиги. Чтобы не злоупотреблять этими подвигами, надобно заметить следующие

предосторожности.

Во-первых, безрассудно было бы в таких подвигах поставлять сущность нравственного совершенства. Хотя строгость по отношению к плоти придает большую силу духу, но самое совершенство состоит преимущественно в любви к Богу, к которой все наши действия должны относиться, как средства к своей цели. Равно когда мы такими подвигами стараемся удовлетворить Богу за грехи, то силу удовлетворения должны присваивать не себе, не своим подвигам, а заслугам Иисуса Христа, Который один «есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1Ин. 2, 2). Этими подвигами, свидетельствующими о нашем покаянии, мы стараемся усвоить заслуги Его и потому радуемся в страданиях и восполняем недостаток в плоти нашей скорбей Христовых (см. Кол. 1, 24). Но безрассудно делают те, кто крайне истощает свою плоть; плоть надобно только укрощать, чтобы подчинить духу, а не расстраивать совершенно. «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь» (Еф. 5, 29).

Во-вторых, поскольку внешние подвиги, служащие к укрощению плоти, составляют не цель, не самое совершенство, а только средства к достижению его, то и надобно упражняться в них столько, чтобы они не вредили здоровью и исполнению наших высших обязанностей; все должно быть в меру. Но мера их должна быть различна по различию возраста, сложения тела, темперамента, внешнего состояния и других условий жизни разных людей. Когда плоть ослабляется больше надлежащего, говорит святой Григорий Великий, то по большей части бывает неспособна к упражнению в добрых делах, бессильной для молитвы, проповедания слова Божия. Часто бывает, что когда мы преследуем врага, то убиваем и любимого гражданина своего. Есть довольно таких примеров, что те, которые вначале чрезмерной строгостью совершенно расслабили свое тело, после, соскучившись ею, возвращались в мирскую жизнь или, по крайней мере, для восстановления своих сил предавались бездеятельности, лакомству до похотей и другим крайностям; по выражению апостола, начав духом, оканчивали плотию (см. Гал. 3, 3).

Потому слишком строгих подвигов для укрощения плоти не должно предпринимать без совета духовного руководителя, который всегда должен указывать средний путь, советовать жизнь несколько строгую, неумеренную ревность благоразумно обуздывать, быть одинаково далеким от крайностей – от излишнего снисхождения, потворства и от чрезмерной строгости. Умеренная строгость жизни, кроме того что необходима к

подавлению страстей, еще весьма много способствует здоровью и исполнению обязанностей; напротив, жизнь изнеженная удовольствиями расслабляет как душу, так и тело. Вообще, советуют телесные силы лучше немного больше подкреплять, нежели больше надлежащего ослаблять. Святой Василий Великий говорит, что полезнее укреплять тело, нежели ослаблять его силы; и лучше делать его бодрым для совершения доброго дела, нежели произвольным каким-нибудь изнурением одряхлять. Если духовный руководитель заметит в ком-нибудь ревность больше обыкновенной, то прежде всего должен советовать подвиги внутреннего самоумерщвления и умеренность в удовлетворении ежедневных потребностей жизни, а потом постепенно испытывать и во внешних подвигах, что и сколько он может понести и становится ли дух его от того сильнее, бодрее.

Примечание. Вышесказанное относится к пути жизни обыкновенной, общей для всех. Но премудрый Господь во всякое время украшал Свою Церковь душами особенно любезными, которые потому вел путем не для всех общеупотребительным, а по высоким и дивным стезям строгого покаяния как бы для того, чтобы представить их изнеженному и объуродившему миру в пример, чтобы тем пристыдить и вразумить к спасению. Преимущественным знаком призвания к таким подвигам некоторые считают следующее: если кто имеет сильное и непрерывное желание большей строгости жизни; если от такой строгости, дозволенной духовным руководителем, происходят действия спасительные во всех отношениях, так что кроме умножения бодрости духа и самое тело еще более укрепляется. История свидетельствует, что многие из подвижников, при всей необыкновенной строгости, доживали до глубокой старости, каковы, например, преподобные Павел Фивейский, Антоний Великий, Симеон Столпник и другие.

В-третьих, все таковые подвиги надобно совершать так, чтобы они действительно споспешествовали христианскому совершенству, и совершать с сердцем сокрушенным и смиренным, сообразно с духом и правилами Церкви, без всякого своенравия, самочиния, с искренним намерением при помощи их достигнуть высшей степени добродетелей. А когда нет такого настроения духа, то все изнурительные подвиги хотя много скорби причиняют плоти, но духу не доставляют никакой пользы, даже весьма губельны бывают, когда под ними скрывается высокое мнение о себе, тщеславие, своенравие, человекоугодие и другие страсти.

Из сказанного видно, что многие строгие подвиги высоких подвижников составляют для нас больше предмет удивления, нежели

подражания. Но в суждении о них надобно быть осторожным, чтобы не осуждать, как делают протестанты. Ибо о многих известно, что они в этом случае следовали особенному внушению Божию, что несомненно подтвердил счастливый конец – блаженная кончина и прославление Богом святости их. А если Сам Бог, дивный во святых Своих, вел их такими строгими путями, чтобы показать богатство благодати Своей на сосудах милосердия, приготовленных к славе, то кто ты, человек, что споришь с Ним (см. Рим. 9, 20 и далее)? Положим, что тот или другой подвижник по чрезмерной ревности переступил за пределы умеренности и благоразумия и погрешил; но кто не подивится их геройскому духу, с которым они по пламенной любви к Богу совершали такие трудные подвиги? Лучше должны мы пожалеть о своей лености, беспечности и ослеплении людей нашего века, которые высокие образцы подвижничества считают чем-то странным.

Об уединении. – Мы говорим здесь не о совершенном уединении, когда кто-нибудь вовсе и навсегда удаляется от всякого разговора и общения с людьми, ибо такой род жизни не для многих возможен и полезен и только те могут удаляться в пустыню, которые чувствуют в себе особенное призвание Божие к этому.

Но есть другого рода уединение, которое состоит преимущественно в следующих трех видах: когда кто уклоняется постоянно от бесполезного свидания и разговора с людьми праздными, плотскими; когда кто только на известное время удаляется от общения с другими; когда кто и в самом собрании людей старается иметь собранность мыслей, что называется умственным уединением.

Кто постоянно находится среди многолюдства, у того внимание всегда бывает развлечено, мысли рассеяны, разные впечатления от предметов виденных, слышанных наполняют душу, смущают, сердце волнуется то чувствами плотского веселья, то гнева, негодования, горести и т.п., как волнуется море, колеблемое ветрами, а к благодатным впечатлениям становится нечувствительным, черствеет. При возмущенном состоянии духа нельзя следить за ходом своей внутренней жизни, видеть свои грехи, как нельзя видеть своего лица в возмущенной воде, и очищать сердце от страстных чувствований, которые в свое время приносят плоды по своему роду; при развлечении человек к молитве становится неспособен. А кто находится в уединении, у того легче может быть сосредоточено внимание на одном главном деле спасения, мысли собраны, дух спокоен и способен к духовному созерцанию, молитвенному возношению к Богу, тот избавляется от многих искушений, от опасных

впечатлений со стороны внешних предметов и плотских людей. Как рыбы, оставаясь долго на суше, говорил святой Антоний Великий, умирают, так и подвижники, находясь долго вне кельи или пребывая с мирскими людьми, теряют любовь к безмолвию. Потому как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келью, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении. Еще говорил он, что кто живет в уединении (в пустыне и безмолвии), тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора; одно только у него искушение – искушение в сердце. Особенно полезно уединение обуреваемым плотской страстью, которая от соблазнов, везде встречающихся в мире, как огонь от ветра разгорается. Но для некоторых небезопасно уединение, потому что от него может родиться нелюдимость; особенно вредно уединение склонным к высокому мнению о себе, тщеславию и вообще тем, которые не подавили в себе страстей, не приобрели смирения, терпения, рассудительности, разумения хитростей в брани с духовными врагами.

Другой вид уединения состоит в том, чтобы только на время, в известные сроки, например, в Великий пост и всегда во время говения, удаляться от общения с людьми и от забот о земных вещах, с тем именно намерением, чтобы в уединенной келье собраться с мыслями, успокоить дух от возмущения, очистить от мирской пыли страстей и ослабевшие силы его восстановить. Такое уединение Сам Господь Иисус Христос освятил Своим примером, часто уединяясь в пустыню (Мф. 1:35, 6:46; Лк. 5:16, 6:12, 9:28, 21:37, 22:39–40; Мф. 4:12, 14:23, 26:36–44); не потому, впрочем, чтобы Сам имел нужду в уединении, а для того, чтобы Своим последователям подать пример. Почему, когда апостолы, возвратившись из посольства на проповедь, возвестили, что они сделали и чему учили, Он сказал им: «Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного» (Мк. 6, 31). И действительно, какое следствие от того, когда мы, долгое время развлекаясь среди шумного многолюдства и заботами о земных делах, живем больше для других, нежели для себя? Забыв о своем внутреннем состоянии, мы очень легко подвергаемся различным слабостям по силе мирских соблазнов, по увлечению страстей, господствующих в мире, неизбежно проникающих наше сердце и заражающих нас эпидемией нравственного растления под видом приличия, цивилизации, всеобщего обычая и прочего. Потому и благоразумие требует по временам удаляться в уединение, чтобы оставить все заботы и, собравшись с мыслями, все их сосредоточить на одном предмете – на размышлении о Боге и о вечном спасении души. Ибо уединение состоит не в том только, чтобы быть без людей. Еще мало

остаться одному, чтобы получить пользу от уединения; чтение пустых книг, воспоминания о прошедшем, развлечение мыслями по предметам, попадающим на глаза, – все это легко может представлять в нашем воображении те явления, от которых мы хотели и должны были освободиться в уединении. Истинное уединение состоит в том, чтобы, забыв все земное, ни во внешней, ни во внутренней природе не ощущать и не замечать никакого движения и предмета, кроме одной мысли о Боге и о своем спасении.

Умственное уединение состоит в том, чтобы и при самых занятиях делами, и в многолюдном собрании не развлекаться по сторонам, иметь собранность мыслей, внимать себе, входить во внутренность своего сердца и так, как бы в заключенном святилище, благоговейно беседовать с одним Богом. Всякому очевидно, что такое уединение имеет большое преимущество перед внешним уединением. Но такого уединения нельзя достигнуть без пособия продолжительного внешнего уединения или без приучения себя к самоуглублению и сосредоточенному размышлению о небесных предметах.

О сне. – Ревновавшие о христианском совершенстве подвижники как в прочих потребностях природы, так и во сне старались, сколько возможно, отказывать себе как для обуздания своей плоти, так и потому, что считали потерянным то время, которое не проводили на страже своего спасения, в служении Богу. Впрочем, в этом роде самоумерщвления надобно быть осторожным, чтобы не переступить за пределы, поставленные природой. Нарушение ее уставов никогда не остается без наказания, ибо от чрезмерного лишения сна силы тела крайне истощаются, бодрость духа упадает и мы становимся почти неспособны к совершению дневных дел. «Слишком короткий сон недостаточен для отдохновения мозга и нервов, для укрепления тела и вознаграждения понесенной им траты соков во время бдения. Человек невыспавшийся чувствует слабость, вялость и неспособен к новым занятиям; понятия его бывают смешанны, чувствования тягостны, движения утомительны; он ничем не доволен, сердит, угрюм, потому что его мозг и нервы находятся еще в раздражении. Но продолжительный и частый сон производит слабость и бездействие мозга. Записные сонливцы имеют тупой рассудок, слабую память, вялое, мертвое воображение, тупые чувства, бывают тучны, неповоротливы, ленивы. Также и продолжительное отдохновение или бездействие обленивает и расслабляет тело и все его действия; увеличивает тело в объеме и отнимает у него силу; располагает к какому-то нравственному и физическому усыплению; поселяет отвращение от телесных движений и

умственных занятий; делает человека по приемам неловким, а по уму тупым; производит полнокровие, завалы, приливы крови к груди, голове, желудку и бывает причиной разных воспалений. Продолжительность сна изменяется по возрасту, полу, темпераменту, по роду занятий, времени года и климату; потому и нельзя назначить одно всем общее правило. Вообще взрослым в умеренном климате полезнее ложиться в 9–10 часов вечера и пробуждаться в 4–6 часов утра, с восходом солнца, как общего пробудителя всей природы». Советуют спать не меньше шести и не больше семи часов в сутки, а в старости и пяти часов сна достаточно. Впрочем, всякий по собственному опыту должен уразумевать, сколько нужно спать, чтобы не ослаблялись бодрость духа и здоровье тела и не было какого-нибудь вреда для души, упущения в исполнении обязанностей.

Святые подвижники, смотря на сон преимущественно с нравственной стороны, замечали, что от многого сна ум дебелиет, умножаются суетные помыслы, усиливается похоть и наводится печаль.

По словам святого Лествичника, бдение очищает ум, а долгий сон ожесточает душу. Бодрый инок – враг блуда, а сонливый – друг ему. Бдение есть погашение плотских разжжений, избавление от сновидений. Излишество сна приносит забвение, а бдение очищает память.

Человек, как существо, состоящее из души и тела, живет и действует под влиянием двух миров, видимого и невидимого. Такая зависимость его от этих миров обнаруживается не только в бодрственном состоянии, но и во время сна, когда душа, менее стесняясь телом, бывает более открыта влиянию мира духовного и удобнее подвергается его действиям, особенно же злокозности злых духов. Отсюда открывается необходимость обратить внимание на духовное бодрствование во время сна, как на одно из средств против врагов духовных, неусыпно бодрствующих для нашей гибели. Духовное бодрствование во время сна с первого взгляда представляется невозможным, потому что душа наша во время сна не имеет ясного самосознания и владычества воли, а следовательно, и разумного внимания, самообладания, без которого невозможно бодрствование. Но чтобы бодрствование души было возможно и продолжалось во время сна, для этого нужно дать ей предварительно доброе настроение, перед сном наполнять ее чистыми, святыми мыслями, чувствами и образами, дать деятельности ее благочестивое направление, чтобы она сама собой по этому направлению во сне стремилась к Богу. Хотя такое стремление нашей души во время сна будет совершаться без деятельного участия нашей свободы, но, несмотря на это, будет иметь

нравственное достоинство и вменится нам в заслугу, потому что оно будет необходимым следствием сознательного, свободного, предварительного, благочестивого настроения нашей души и потому низведет на нее осенение благодати Божией и содействие святого ангела-хранителя, охраняющего и укрепляющего во время сна. Когда мы, говорит святой Лествичник, встаем от сна чисты и мирны, то это бывает тайным благодеянием, которое мы получаем от святых ангелов, особенно когда мы уснули со мною молитвою и трезвением. Впрочем, чтобы наше духовное бодрствование во время сна было тверже, постоянное, для этого необходимо не только перед отходом ко сну, но и в продолжение всей жизни охранять свою память и воображение от нечистых помыслов и образов. Ибо деятельность нашей души во время сна совершается по законам этих способностей, по закрытии самосознания и свободы действующих механически, по закону ассоциации (сцепления) идей, так что мы видим во сне большей частью то же самое, что делали и о чем размышляли в бодрственном состоянии. Святой Лествичник говорит, что душа, которая днем непрестанно поучается слову Божию, обыкновенно и во сне упражняется в том же, ибо сие второе бывает истинным воздаянием за первое делание, на отвращение духов и лукавых мечтаний.

Если мысль о вечном спасении никогда не должна оставлять христианина, то он непременно должен быть вооружен ею и на ложе своем, во время сна телесного. К этому располагает его мысль о потере того времени, которое проходит во сне без духовного бодрствования. Кто неуклонно стремится к Небесному Отечеству, тот дорого ценит краткую свою жизнь на земле, считая потерянной каждую минуту, проведенную им без нравственной пользы для души своей. При таком взгляде на жизнь христианин никогда не может быть равнодушен к той части своей жизни, которая проходит во сне и составляет почти третью часть всей земной жизни, и потому, отходя ко сну, должен бодрствовать духом.

Время сна не только не проходит даром, напротив, может и должно приносить христианину великую нравственную пользу, именно: во время сна душа наша, как известно из наблюдений над духовной жизнью, все прежние свои мысли, чувствования, желания и поступки с большим удобством превращает в свою жизнь, в свое существо, нежели в бодрственном состоянии, подобно тому как и телесная пища во время сна лучше превращается в кровь и плоть. Если же так, то у бодрствующего, вследствие предварительного доброго настроения души, во время сна добрые мысли, желания, чувствования дневные входят в глубину души, получают силу, существенность и преобразуются в нравственный

характер. Кроме того, во время сна прекращается свободная деятельность души нашей и душа необходимо обращается или к Богу, источнику своей жизни, или к духам злым, или блуждает в мире грез, мечтаний, смотря по тому, какое направление она дала себе в бодром состоянии. Итак, чтобы душа наша во время сна находилась в общении с Богом и миром ангельским, для этого необходимо духовное бодрствование.

Отсюда видно уже, каким опасностям и вреду подвергается душа наша во сне без духовного бодрствования, именно: при худом настроении духа в нас по законам памяти и воображения и во сне будет раскрываться начало зла, глубже вкореняться в нашей душе и обращаться в нашу жизнь. Если душа была рассеяна в продолжение всего дня и жила одними мечтами, то она непременно остается такой и во сне и потому неспособна будет заниматься своим спасением. Без предварительного доброго настроения душа наша бывает неспособна к общению с миром ангельским и, подвергаясь губительному влиянию злых духов, лишенная во сне способности различения, она не может узнать и избавиться вражеских козней.

Потому-то святые отцы-подвижники, понимая важность и необходимость духовного бодрствования во время сна, перед отходом ко сну и сами усердно молились, составив прекрасные образцы молитв, и нас научили молиться Богу, чтобы Он дал нам ум бодрый, помысл целомудренный, сердце трезвящееся, да и сонным безмолвием просветимся зрением судеб Божиих, да соблюдет нас от всякого зла.

К замечательным явлениям, происходящим во время сна, относятся сновидения. Главная основа их лежит в предварительном настроении души нашей, вследствие которого она или погружается в собственный мир мыслей, желаний, чувствований, или соприкасается к миру ангельскому, или подвергается влиянию злых духов. В первом случае бывают сновидения естественные, во втором – сверхъестественные под влиянием добрых ангелов, в третьем – по действию злых духов.

Как пользоваться сновидениями. – Так как сновидения нередко возмущают наш ум и дают повод к различным, большей частью неосновательным толкованиям и весьма часто к вражеским прельщениям, то необходимо знать правила, как пользоваться сновидениями, чтобы не только избежать вреда, но и получить от них нравственную пользу.

Главное правило для избежания душевного вреда, могущего произойти от доверия к снам, состоит в том, чтобы не верить им. Человек, имеющий веру в сновидения, говорит Премудрый, подобен тому, кто обнимает тень и ловит ветер, а сновидения многих привели в заблуждение

и обманули надеявшихся на них (см. Сир. 34, 2–7). Неверие в сны должно простираться до того, что даже снов знаменательных, которые после подтвердились событием, не должно считать происшедшими свыше без особенных ясных доказательств на то. Ибо бесы, говорит святой Лествичник, тщеславятся перед нами в сновидениях, как будто они пророки; будучи проницательны, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы по исполнении сих видений удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслью. Если сновидение действительно от Бога, Он Сам и объяснит его или пошлет истолкователя.

Гораздо лучше и безопаснее для нас не доверять сновидениям даже Божественным, чтобы только не принять демонских внушений и лживых мечтаний воображения за видения Божии. Если когда, говорит блаженный Диадок, ниспослано будет нам видение благодати Божией и мы не примем его, то за это не разгневается на нас многовождевленный Иисус, точно так, как не разгневается добрый домовладыка на своего верного и осторожного раба, который, не узнав его голоса, не отворит ему ночью дверей дома из опасения быть обманутым.

Другое правило касательно снов состоит в том, чтобы мы по общим качествам своих сновидений судили вообще о своем нравственном состоянии. Ибо сны наши, откуда бы они ни происходили, непременно зависят и от предварительного настроения нашей души, и потому в них, как в зеркале, мы всегда можем видеть свое нравственное состояние. Так, у кого сны хорошие, тот и жизни хорошей. Святой Максим признаком бесстрастия считает, когда у человека во время бодрствования и во сне представления вещей всегда приходят на сердце просты. У кого сны страстные и многосложные, тот жизни порочной. Ибо страстями возмущаемый ум, говорит святой Максим, получает страстные мечты и в бдении, и во сне, так что когда похоть усилится, то ум мечтает и во сне о предметах, питающих сластолюбие, а когда превозмогает раздражение, то видит предметы страшные. Кто часто видит сны страшные, беспорядочные, мятежные, у того душа или, по крайней мере, тело находится в болезненном состоянии. Напротив, когда душа, говорит святой Максим, начнет чувствовать себя здоровою, тогда начнет иметь и сновидения легкие и безмятежные. У кого сны фантастические и смешные, у того душа, непременно рассеянная, живет одними несбыточными мечтами и пустыми призраками. Ибо люди, усердно занятые важными делами, по большей части, как показывает опыт, ничего не видят во сне.

Впрочем, безопасность и польза христианина требуют, чтобы он это

общее значение своих снов обращал более к худому мнению о себе, нежели к доброму, и пользовался ими к своему исправлению. Так, один подвижник благочестия, потеряв терпение по случаю бесчестия, нанесенного ему одним братом, и увидев потом во сне птицу, не имевшую крыльев и перьев до половины тела, но певшую весьма приятно, объяснил это по отношению к себе, что хотя он молится и совершает псалмопения, но обезобразил себя ссорой с братом. Другой подвижник, часто видя себя нагим, объяснил себе, что и душа его нага, и усугубил свое покаяние. В бодрственном состоянии самолюбие наше покрывает наши слабости, недостатки, а во сне они сами собой из глубины души выплывают наружу, когда самолюбие засыпает, и являются в каких-либо образах, символах.

О посте. – Плоть и дух по своим свойствам и потребностям совершенно противоположны друг другу, как два противоположные полюса или как две чаши на весах. Если одна чаша тяжелеет, перевешивает, понижается, то другая необходимо поднимается. И в нашем теле головной мозг, орган умственной деятельности, и желудок, орган плототворения, находятся в совершенной противоположности: при усиленном пищеварении ослабляется действие мозга, умственные способности тупеют и подавляются; и обратно: во время напряженной деятельности мозга при глубоком мышлении пищеварение в желудке происходит слабо и даже останавливается. По этой-то причине по утрам натощак мы бываем более способны ко всем умственным занятиям и молитве, а после обеда, согласно латинской пословице, сытое брюхо на ученье глухо (*satur venter non studet libenter*). Так и плоть: если досыта питается пищей, тучнеет, дебелиет, чувственные наклонности усиливаются, а дух в той же мере слабеет, подавляется, поработается страстям, ум помрачается от мглы страстей, сердце грубеет, становится нечувствительным к благодатным впечатлениям; отсюда происходит нерадение, разлечение, неохота к духовным подвигам, беспечность о спасении (см. [Лк. 21, 34](#)). И наоборот: если плоть утончается постом, то вместе с тем страсти укрощаются, слабеют, а дух, освобождаясь из-под влияния страстей, укрепляется, возвышается, сердце умягчается, становится способнее к сокрушению, умилению, ум очищается. О такой противоположности духа и плоти говорит и апостол: «Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» ([Гал. 5, 17](#); см. также [Рим. 8, 5–8](#)). Потому подвижники благочестия во все времена признавали пост весьма полезным, даже необходимым средством для того, чтобы подчинить плоть духу, страсти укротить, а дух укрепить, сделать более способным к

молитве, созерцанию небесных предметов и к другим духовным действиям; особенно пост необходим для сохранения целомудрия.

Но для совершенной победы духа над плотью, для постоянного преуспевания в нравственном совершенстве недостаточно одной умеренности в употреблении пищи всякой, нужен строгий пост, то есть недостаточно одного ограничения количества пищи, а нужно, чтобы и качество пищи соответствовало сказанной цели, именно: надобно воздерживаться от пищи скоромной и употреблять в малой мере только пищу растительную, так как и другая пища имеет разные свойства и разное действует на наше тело и душу. Растительная пища послабляет и прохладяет, а животная пища крепит и разгорячает наше тело, по своему раздражительному свойству располагает особенно к болезням, происходящим от густоты и волнения в крови, раздражительности сердца и кровяных сосудов, возбуждения нервов и сильного развития внутреннего жара. Растительная пища полезнее тогда, когда мы желаем ограничить питание тела, уменьшить, разжидить кровь, умерить жар, прохладить тело, остановить накопление жира и тучность, то есть полезнее в жаркое летнее время, в жарких климатах, для людей полнокровных, молодых, раздражительных, холериков, сангвиников, для склонных к чахотке, геморрою, ломоте, для подверженных приливам крови к животу, груди и голове, частым воспалениям, для страждущих горячкой, воспалением, кровотечением и вообще болезнями, которые производят волнение крови, жар в теле и раздражение в разных благородных органах. Растительная пища (собственно диета) преимущественно предписывается врачами при нынешнем способе лечения почти во всех острых и хронических недугах. А животная пища назначается тогда, когда хотим усилить питание отошального тела, пополнить потерю крови, ускорить ее выделывание, сделать ее гуще и плотнее, усилить развитие внутренней теплоты тела, оживить силы, изнемогшие от телесного или умственного продолжительного напряжения, или после тяжких болезней сообщить ему полноту, сочность, плотность, то есть в холодное зимнее время и в холодных поясах земли, для слабых детей и дряхлых стариков, для людей хилых, малокровных, худосочных, бессильных, вялых духом и телом, для флегматиков и частью меланхоликов, для склонных к золотухе, выздоравливающих после тяжелых острых болезней и в некоторых хронических недугах. Животная пища, как диета, назначается реже, чем растительная.

Разность действия животной и растительной пищи яснее высказывается над животными; плотоядные бывают сильны и свирепы, а

травоядные слабее и смирнее. Человек, кормящийся исключительно животной пищей и употребляющий спиртные напитки, имеет плотное и крепкое тело, быстрое кровообращение, возвышенную температуру, значительную мышечную силу, воинственный, вспыльчивый характер, обураваемый сильными страстями. Противоположно действует пища растительная, рыбная и молочная. Святые отцы Церкви, древние мудрые законодатели, понимали эту разность в действии пищи и на ней основали разные посты, при назначении которых они имели в виду нравственность людей, а также их телесное здоровье и физическое благосостояние земли.

В первом отношении Святая Церковь учредила посты перед важнейшими праздниками для того, чтобы, усмирив бурное стремление страстей, облегчить нам исполнение христианских обязанностей и сделать нас более способными к духовному созерцанию великости воспоминаемых ею происшествий. Во втором отношении пост действительно улучшает состояние нашего здоровья, доставляя время и случай пищеварительным органам успокоиться и отдохнуть от употребления животной пищи и спиртных напитков, очищая их от нечистот и предотвращая новое накопление излишних пищевых остатков, уменьшая избыток и разгорячительное действие крови и через то отвращая множество различных болезней. Так называемый Филиппов пост, кроме религиозного значения по своему положению перед Рождеством Христовым, предохраняет от воспалительных зимних болезней. Великий пост, строгостью и продолжительностью ослабляя тело и обуздывая страсти, облегчает человека в принесении покаяния, по разговении возвышает цену наслаждения скоромной пищей и дает возможность животным, особенно теплых стран, выплодить своих детей. Посты Петров и Спасов весьма полезны тем, что много способствуют к перенесению летнего жара, ибо человек, питающийся растительной пищей и рыбой, мало развивает внутренней теплоты. Соблюдение постов по средам и пятницам приятно разнообразит пищу, ограничивает сгущение крови, способствует к очищению желудка и дает время отдохнуть пищеварительным органам. Но во всех этих случаях нужно соблюдать пост не только по качеству, но и по количеству пищи, – нужно есть не только постную пищу, но и в умеренном количестве. Роскошные постные обеды не только не выполняют в религиозном и диетическом отношении цели поста, но, напротив того, причиняют еще значительный вред. Наркотические и ароматные вещества вообще вредно употреблять как для здоровья, так и для нравственности. Таковы, например, горчица, перец стручковый, гвоздика, корица, ваниль, какао, чабер, садовый кресс,

сельдерей, спаржа, артишоки, салеп, мускатный орех, трюфель, многие грибы. Также бесполезно постоянное и продолжительное употребление одной рыбы (без растительной пищи), особенно морской, в которой содержится много фосфора – вещества очень возбуждающего. Но рыба не так много и не быстро увеличивает в нас массу крови, как мясо теплокровных животных.

Святые отцы так говорят о пользе поста. Основание всего доброго, по словам святого Исаака Сирина, возвращение души из вражьего плена, путь, ведущий к свету и жизни, – все это заключено в этих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься, то есть благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием. Отсюда покорность чувств, трезвость ума, укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле, рачительность к делам добродетели, чистое целомудрие и прочее. Всякой борьбе с грехом и вожделием служит началом труд бдения и поста. Как началом всему худому служат упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающие блудную похоть, так святой путь Божий и основание всех добродетелей есть пост, бдение, бодрствование в службе Божией. Пост есть ограждение всякой добродетели, начало борьбы, венец воздержных, красота девства и святости, мать молитвы, источник целомудрия.

Авва Даниил говорил, что по той мере, как тучнеет тело, истощается душа; и, напротив, по мере истощения тела укрепляется душа. Петр Дамаскин говорит, что пост смиряет тело, бдение просвещает ум, безмолвие приносит плачь, а плачь очищает душу от грехов.

Количество пищи, достаточное для каждого человека, нельзя определить; что для одного много, то для другого мало. Это зависит от разности возраста, пола, темперамента, климата, времени года (зимой холод возбуждает голод, а жар ослабляет аппетит), от образа жизни, ремесла, привычки и прочего. Когда мы обыкновенно едим досыта, то, значит, едим вдвое больше, нежели сколько нужно для поддержания здоровья. Врачи говорят, что для нас гораздо здоровее есть меньше, чем больше, нежели сколько нужно, особенно при сидячей жизни. Авва Иосиф спросил авву Пимена: «Как должно поститься?» Авва Пимен отвечал ему: «Надобно, по моему мнению, есть каждый день, но есть не много, не досыта». «Как же ты, авва, в юности своей постился сам по два дня?» – сказал авва Иосиф. «Точно, постился и по три дня, и по четыре, и даже по неделе, – отвечал старец. – Но все это испытали отцы, как сильные в добродетели, и нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский ибо он удобнее для нас». Крайности обе вредны. Как

отягченное пресыщением тело расслабляет дух, так и от расслабления тела чрезмерным постом ослабевают душевные силы. Преподобный Кассиан говорит, что повседневное употребление пищи с умеренностью святые отцы признали более полезным для здоровья и для чистоты целомудрия, нежели пощение, простирающееся через три, четыре дня и до седмицы. Ибо от чрезмерного постничества изнемогает тело, становится ленивее к духовному служению и т.п., и такой постник часто принужден бывает для укрепления тела принимать пищу больше меры, а от отягчения пресыщением происходит уныние и расслабление в душе. Если некоторые из святых подвижников постились по несколько дней и недель и доходили до крайнего изнеможения, то это не может быть примером подражания для всех. Они, может быть, имели от Бога особенное призвание к этому по особенным причинам и получали подкрепление от благодати; притом они постепенно привыкали к продолжительному посту. Такие постники должны быть больше предметом удивления, нежели примером для подражания.

Подвижники советуют употреблять пищу простую, не искать сладкой из предосторожности, чтобы не родилось пристрастие к пище или страсть к лакомству, которая влечет к пресыщению, предает страсти чревоугодия – родительнице плотской похоти; не отвергать невкусную пищу, но все предлагаемое вкушать понемногу, как дар Божий, с благодарением к Подателю всех благ. И святые отцы, и врачи советуют для укрепления здоровья чаще разнообразить пищу, чтобы она не приедалась. Наше тело требует разных питательных начал, которые все вместе нельзя находить в одной пище.

Когда мы живем вместе с другими, от которых зависит приготовление пищи, и когда предлагают нам пищу невкусную или дают слишком мало, или не вовремя, то в таком случае надобно стараться подавлять негодование, быть готовым отказаться от угождения своему вкусу и прихоти, надобно приспособляться к разным обстоятельствам в той мысли, что, верно, так угодно Богу и для нас полезнее.

Такое самоотвержение лучше водворит спокойствие, довольство в духе нашем и для Бога будет угоднее, нежели совершенное неядение. Надобно по возможности приспособляться к другим, с которыми живем, чтобы нам не казаться особняками. Кто хочет отличаться особенностью, тот, кроме оскорбления других, обыкновенно водится только самоугодием и, как самоугодник, больше нравится себе, предается помыслам самовозношения, тщеславится постом одного дня больше, нежели когда бы с другими пропостился семь дней. Во всяком случае, в пощении лучше

всего поступать по церковному уставу, который указывает, когда какую пищу употреблять, определяет и меру строгости поста в разные времена года и который всякий христианин обязан исполнять как для своей пользы душевной и телесной, так и по послушанию Церкви. Да и кроме дней, определенных Церковью для поста, полезно соблюдать постоянную умеренность в употреблении пищи для того, чтобы не давать перевеса плоти над духом, чувственные влечения подчинять разуму и облегчать деятельность духа в исполнении священных обязанностей.

Но всякий постник должен помнить, что пост есть только средство к укрощению плотских страстей, к сохранению целомудрия, к облегчению деятельности духа, к более ревностному упражнению в подвигах благочестия, а не составляет сам по себе добродетели, и должен остерегаться, чтобы воздержание, которое должно быть пособием для добродетелей, не противилось им. Потому те погрешают, которые, часто соблюдая пост, тщеславятся им, высоко думая о своем постничестве, других пересуживают, уничижают или (от голода и разливания желчи) бывают сердиты, в доме своем бывают немирны, угрюмы, раздражительны, строптивы, своенравны, упрямы, не терпят противоречий, оскорблений и т.п. К чему, говорит блаженный Иероним, утончается тело воздержанием, если дух насыщается гордостью? Какую похвалу заслужим бледностью от поста, если становимся синими от зависти? Что за добродетель не пить вина, а пьянствовать гневом и злобой?

Параграф Четвертый. О БОДРСТВОВАНИИ В ОТНОШЕНИИ К КОЗНЯМ БЕСОВСКИМ И О СПОСОБАХ БРАНИ С ЭТИМИ ЗЛЕЙШИМИ ВРАГАМИ НАШЕГО СПАСЕНИЯ

Если, по словам Священного Писания, жизнь наша на земле есть война, то это надобно сказать особенно по отношению к духам злобы. Так же и апостол Павел представляет жизнь христианина под образом непрерывной брани с духами злобы. «Облекитесь во всеоружие... потому что наша брань, говорит он, не против крови и плоти, то есть бранных, слабых людей, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и... угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6:11–16).

И апостол Петр говорит: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что

противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» 1Пет. 5, 8). Как вначале по вражде на Бога и по зависти счастью первых людей диавол обольстил их, ввел в грех и подверг за то погибели (см. Прем. 2, 24), так и ныне диавол со своими подчиненными духами по той же причине непрестанно воюет против нас за спасение души, за небесные блага. Враги эти чрезвычайно хитры, злобны и сильны, и нападения их страшны, губельны... Чтобы с успехом отражать их нападения, надобно знать: хитрости, способы нападения их; для чего Бог попускает им искушать нас; чем побеждать их; как вести себя после всякой жестокой брани.

КАК ВРАГИ НАПАДАЮТ НА ЛЮДЕЙ

Бесы редко нападают на людей с открытой злобой, а большей частью лестью, обманом вовлекают в грехи под личиной благовидной, обещая удовольствие, счастье. Хитростей у них так много и так они тонки, что только строгие, просвещенные благодатью Божией подвижники ясно видели и разрушали их козни. Бесы действуют и непосредственно на душу нашу, через плоть нашу, посредством людей и посредством разных вещей и обстоятельств нашей жизни.

Святые подвижники (авва Матой) говорят, что бесы не знают нашего внутреннего состояния, сокровенных мыслей, желаний, намерений, замечают только их проявления, господствующие наклонности душевные и телесные, издали всевают худые помыслы и смотрят, как они приняты; в ком замечают слабые стороны, на них сначала и действуют.

Бесы прежде и больше всего действуют на наше самолюбие, на темпераментальные склонности, плотские страсти, через них стараются вовлекать людей в грехи. Это видно из истории обольщения древним змием первых людей в раю. Польстив их самолюбию обещанием обожения, возбудив три главные страсти: похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, – помрачив ими разум, змий вовлек их в грех преступления заповеди Божией и подверг величайшим несчастьям.

Эти же страсти диавол хотел возбудить, когда приступил к Спасителю с искушением после сорокадневного поста и молитвы в пустыне иорданской (см. Мф. 4, 1–11). Искуситель говорил: «Если Ты Сын Божий (вот лесть предполагаемому самолюбию!), скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4, 3) в пищу чреву (вот предрасположение к чревоугодию!). Так и всех людей диавол всегда искушал и ныне искушает. Он так хитро подступает в виде советника доброжелательного, что трудно и заметить в нем злого духа, – он не станет с первого раза предлагать то, что кому не нравится, а сначала присмотрится к свойствам, наклонностям,

и что кому больше нравится, то и станет предлагать, и притом с постепенностью, начиная с самого малого, доходит и до великого. Например, он не станет с первого раза внушать сделать грубый порок, скажем, блуд, от которого неиспорченный человек отвращается; он сначала будет внушать ему пожалеть себя, поберечь свое здоровье, не изнурять себя воздержанием, постом, – не в посте святость и спасение; успев отклонить от поста, воздержания, он внушает нечистые помыслы и желания, потом доводит и до греховных дел, а потом и вовсе поработает пороку. С такой постепенностью, искусством диавол действует и на другие страсти и мало-помалу доводит до порочных дел, обещая за это разные удовольствия, выгоды, славу, счастье.

Кто поддается его внушениям, того он мало-помалу увлекает от одного порока к другим, более тяжким, пока не доведет до глубины зол и гибели. Если диавол не успеет запутать какую-нибудь страстью внимательных к себе, то, по словам святого Лествичника, старается ввести в другую крайность – влагает желание добродетелей, невозможных для них, побуждает искать высоких совершенств прежде времени с тем, чтобы они не получили их и в свое время.

Если кто не поддается непосредственным внушениям диавола, на того диавол начинает действовать через людей – подводит к тому людей негодных, послушных ему во всем для знакомства, дружества, чтобы они, расположив к себе искушаемого, мало-помалу стали отвлекать его от пути благочестия, приучать к своему худому образу мыслей, к своим нравам, привычкам, мирским обычаям и потом своими ласками, под видом любви, дружбы, обещанием разных удовольствий завлекли в пороки. Если эти хитрости не удаются, то диавол уже со злостью вооружает на подвижника окружающих его порочных людей, побуждает делать над ним насмешки, порицания, уязвлять презрением, унижением, клеветой, даже притеснением, обидами. Диавол не опускает случая воспользоваться для своих козней и обстоятельствами жизни нашей, при благоприятных обстоятельствах старается внушить гордость, величавость, пренебрежение к низшим, при богатстве – роскошь, пышность и т.п., а в расстроенных обстоятельствах к естественной скорби прибавляет и свой яд ропота, уныния, старается довести до отчаяния и прочего.

Много коварных сетей у диавола, говорила святая Синклитикия. Не успел поколебать душу бедностью, он уловляет ее богатством. Не одолел ее оскорблениями и поношениями, вооружается на нее похвалами и славой. Не возмог обольстить душу удовольствиями, он покушается сокрушить ее невольными трудами (скорбями). Если человек побеждает

дьявола крепостью телесной, дьявол посылает на него болезни. Испросив себе позволение, он поражает тяжкими болезнями с тем, чтобы люди малодушные ослабели в любви к Богу.

После сказанных козней дьявол иногда, по попущению Божию, нападает уже с явной адской злобой на подвижников благочестия, колеблет сомнениями веру в Бога, надежду и любовь к Нему, всевает в них даже хульные помыслы на священные предметы, на святых угодников Божиих, даже на Самого Бога. Этому страшному искушению подвергаются только ревностные подвижники благочестия, которых дьявол не мог поколебать вышесказанными кознями; впрочем, и они подвергаются искушению только в такой мере, в какой Бог попускает дьяволу. Да и указанными кознями дьявол искушает не всех людей в одинаковой мере. Он мало искушает безбожников, неверов, еретиков, раскольников, вообще неправоверующих, потому что одного неправоверия достаточно для их гибели, которой только и желает дьявол. Притом такие люди всегда заражены бывают духовной гордостью, которая одна, без других пороков, может погубить душу навеки. Смирения они не могут и приобрести без благодати Божией и без правой веры в Иисуса Христа. Дьявол даже со злым намерением оставляет их в покое, не вовлекает в грубые пороки, чтобы они больше тщеславились своей по наружности приличной, честной жизнью перед православными, которых он старается вовлекать в грубые пороки, чтобы этим обмануть неправомыслящих, больше утверждать в неправомыслии, самомнении, самонадеянности, а православных колебать сомнениями в правоте веры и пороками довести до гибели.

Святой Лествичник говорит, что бесы и страсти отходят от души иногда на некоторое время, а иногда и навсегда; но не многие знают, по каким причинам они оставляют нас. От некоторых не только верных, но и неверных отошли все страсти, кроме одной – гордости. Эту одну бесы оставляют, как зло первенствующее, которое наполняет место всех прочих страстей, ибо она столь вредоносна, что может свергнуть с самого неба. Известно мне, говорит святой Лествичник, и другое отступление оных зверей (бесов). Оно бывает тогда, когда душа совершенно утвердится в греховных навыках. На живущих в мире в беспечности, по словам святого Лествичника, дьявол также меньше нападает, нежели на усердных подвижников, посвятивших себя на служение Богу. Вор не пойдет в хижину бедняка, где нечего взять, а старается вломиться в кладовую богача, где много разных сокровищ, чтобы поживиться ими. Но вообще бесы искушают людей только в той мере, в какой Бог попускает им, а без попущения Божия бесы ничего не могут сделать с людьми.

ДЛЯ ЧЕГО БОГ ПОПУСКАЕТ БЕСАМ ИСКУШАТЬ ЛЮДЕЙ

Бог попускает искушения для премудрых и благих целей, именно: для испытания нашего произволения, к чему оно больше располагается – к добродетелям ли, к греховным ли удовольствиям; для обнаружения сокровенных свойств и расположений, которых мы иногда и сами в себе не понимаем; для упражнения в добродетелях. Всякий человек, по вступлении в этот мир, должен развивать и укреплять свои силы посредством многотрудной деятельности. Особенно свободная воля, главная действующая сила души, для развития и укрепления своего необходимо должна пройти поприще испытания, встретить и преодолеть различные искушения, чтобы утвердиться в добре и в отвращении от зла.

Иначе если бы стремление к добру, не встречая испытаний, искушений, само собою по влечению природы происходило, тогда такое расположение к добру не имело бы высокого нравственного достоинства, как инстинкт – дело природы, а не свободного произволения, сознательно избирающего добро предпочтительно перед нечистыми чувственными влечениями к удовольствиям. Без борьбы с искушениями это стремление к добру было бы и нетвердо, медлительно, так как вообще всякая сила, как физическая, так и духовная, при встрече с противоборствующей силой больше возбуждается, напрягается к деятельности и посредством борьбы больше укрепляется. Как кормчего корабля – буря, борца (атлета) – поприще, воина – сражение, великодушного – бедствие, так христианина искушение проявляет, говорит святой Василий Великий. Постоянные искушения более укрепляют нашу добродетель. Как деревья тем глубже пускают корни и укрепляются, чем чаще и сильнее колеблются ветрами, так и добродетель наша более укрепляется, усовершенствуется посредством борьбы с искушениями. В искушениях мы лучше познаем свои немощи, свое ничтожество, таким образом научаемся смирению, без которого невозможно угождение Богу и спасение, как говорит апостол о себе: «Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, делать мне пакости, чтобы я не превозносился» (2Кор. 12,7). А при бездействии страстей в нас появляется кичливость, говорит святой Максим Исповедник. При сознании своей немощи в искушениях мы смиреннее и усерднее испрашиваем помощь от Бога, при которой лучше преуспеваем во всякой добродетели; часто испытывая Божие заступление, более бываем благодарны Богу и больше располагаемся к люблению Его.

Кроме того, при сознании своей немощи в искушениях мы бываем более снисходительны, сострадательны к немощным и, в брани научаясь

искусству препобеждать врагов, приобретаем опытность во всем, успешнее можем преуспевать в нравственном совершенстве и быть способнее врачевать немощи немощных. Кто не был искушаем, тот не искусен ни в чем (см. Сир. 34,10).

Так и апостол Петр, испытав на себе человеческую слабость, после обратившись, лучше мог утверждать и братии своих (см. Лк. 22, 31–32). «Блажен человек, который переносит искушение, говорит апостол, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1,12).

Венец славы нельзя получить без одержания победы; победы не может быть без борьбы, а борьбы не может быть без врагов и искушений. А чем больше искушений кто преодолет, тому тем больше венцов славы в награду дано будет. Сколько нападает искушений, столько же венцов готовится терпящему. Ибо это суть залого у Праведного Судии. Без искушений человек легко мог бы впасть в нерадение, при котором он сделался бы сам себе врагом; нерадение и недеятельность вовсе расслабили бы его душевные силы, и он мало-помалу совсем погрузился бы в чувственность; а искушения пробуждают его от беспечности, поневоле заставляют быть внимательнее к себе, строже бдеть на страже своего спасения, по страху поражения от врагов и гибели.

Святой Лествичник говорит, что все брани бесовские против нас происходят от трех главных причин: от сластолюбия и нерадения нашего, от гордости и от зависти дьявола. Окаянен первый; всеокаянен второй, а третий треблажен».

Полагают, говорит святой Максим Исповедник, что ради пяти причин Бог попускает демонам нападать на нас. Первая причина: чтобы мы, будучи боримы и противоборствуя, научились различать добродетель от порока. Вторая: чтобы борьбою и трудом снисканная добродетель была тверже, вернее. Третья: чтобы, успевая в добродетели, не высоко думали о себе, но научились бы смиренномудрию. Четвертая: чтобы, испытав пороки, возненавидели их совершенною ненавистью. Пятая и важнейшая: чтобы, достигши бесстрастия, не забывали своей немощи и силы Помогшего нам.

Еще он говорит, что искушения наводятся на одних для истребления грехов уже сделанных, на других – для прекращения соделываемых ныне, а на иных для отвращения имеющих последовать, исключая искушения, посылаемые для испытания человека, как то было с Иовом.

Как говорит святой Исаак Сирин, каждый день и час требуется от нас опыт любви нашей к Богу в борьбе и подвиге против искушений.

Искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение апостолу Павлу (см. 2Кор. 12, 7), то да «заграждаются всякие уста» (Рим. 3, 19). Ревностные подвижники бывают искушаемы, чтобы присовокупить им к богатству своему; расслабленные – чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон – чтобы приготовиться им к пробуждению; далеко отстоящие – чтобы приблизиться им к Богу; свои Богу – чтобы веселиться им с дерзновением. Всякий необученный сын приемлет богатство из дома отца своего не в помощь себе. Поэтому-то Бог сперва искушает и томит, а потом показывает дарование.

Слава Владыке, Который горькими врачевствами приводит нас в возможность насладиться здоровьем!

Как скоро Бог увидит, что в помысле человека начало появляться несколько самомнения и стал он высоко думать о себе, тотчас попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не бежит и не емлется в смирении за Бога.

Этим приходит человек в меру мужа совершенного верой и упованием на Сына Божия и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу Свою показывает во спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе.

КАК ОТРАЖАТЬ НАПАДЕНИЯ БЕСОВ

Чтобы враг не напал на нас вдруг, врасплох, нужно помнить, что в этой жизни нет мира, даже не может быть и перемирия с врагами нашего спасения. Особенно адский враг вооружается на тех, в которых замечает искреннее расположение к благочестию. Потому неусыпно надобно бдеть на страже своего спасения, зорко осматриваться во все стороны, осторожно наблюдать за собой на каждом шагу деятельности, чтобы не попасть в сети, которые повсюду расставлены нам диаволом; надобно сохранять присутствие духа, мужество, иметь постоянную готовность отразить нападение врага. Но самим произвольно не должно подвергать себя искушениям выше силы. Лучше удаляться от скользкого пути, когда мы и на твердом слабо стоим. А когда неизбежно находят на нас искушения, то, как бы страшны они ни были, не надобно упадать духом или думать, будто Бог оставил нас. Если находят на нас искушения, говорит святой Златоуст, то мы не должны считать это знаком того, будто Бог оставил или презирает нас; напротив, это должно служить несомненным доказательством того, что Бог заботится о нас, что, этим искушением очистив наши грехи, готовит нам в будущей жизни венцы за терпение и преданность Ему, которая лучше всего свидетельствуется,

чище оказывается в искушениях.

Когда приражается к нам какое-нибудь искушение, то мы тотчас с самого начала должны стараться отразить его; как сказал некто из древних, *principiis obsta, sero medicina paratur, cum mala per longas inualuere moras* – с самого начала противься греховному помыслу и страстному влечению, иначе после нужно будет врачевство, потому что от долгой медлительности зло усиливается. Сначала приражается к душе простой помысл, потом воспламеняется воображение, затем бывает услаждение и согласие со злым помыслом. И таким образом мало-помалу злобный враг всецело входит в сердце, вовлекает в грех, когда кто не противится ему вначале. Как искры, падающие на одежду, мы тотчас стряхиваем, чтобы она не загорелась, так надобно поступать и во время искушения. Пока враг еще мал, надобно убивать его, а иначе он, когда вырастет, нас одолеет. Зло надобно истреблять в семени, чтобы оно не произрастило плевел.

Так как диавол-искуситель больше всего через страсти наши имеет доступ к нам и скорее вовлекает в грехи, то прежде нужно подавлять главные страсти – плотоугодие, своекорыстие, славолюбие и происходящие от них страсти, как сказано выше. Когда пес чует мясо в лавке, то трудно отогнать его, говорит святой Исаак Сирий. Так и у нас: пока страсти не подавлены, диавол сильнее привязывается к нам. Когда искусительные помыслы часто и долго докучают нам, но искушение не очень сильно и опасно, то советуют прямо противиться ему, принуждать себя к противоположной добродетели, например, когда возбуждается отвращение от ближнего. Но в сильном пылу искушения лучше обратиться к Богу с молением, возлагая на Него упование, и с простым отвращением от греха без смущения заниматься своим делом. С сильным врагом нельзя состязаться словами.

Блаженный Исихий Иерусалимский предлагает четыре способа действия при нашествии помыслов: прилоги блюсти, то есть отвергать помыслы в самом начале; глубоко хранить сердце, упразднив его от всякого помысла; Господа Иисуса Христа призывать на помощь; иметь память о смерти. Все это, говорит он, затворяет двери для лукавых помыслов. В том или другом из этих четырех способов каждый из нас да подвизается приличествующим себе чином.

По учению отцов, говорит святой Нил Сорский, различным образом ведется война и одерживается победа в борьбе с лукавыми помыслами, смотря по мере и степени подвизающегося, именно: через молитву на помыслы, через пререкание им, через уничижение и отриновение их.

Уничжать и отвергать помыслы могут только совершеннейшие, противоречить им – преуспевшие, а новоначальным и немощным надлежит молиться против них и превращать лукавые помыслы на добрые. Итак, когда обуревают нас помыслы так, что мы не в состоянии бываем совершить молитву (правило) в мире и тишине внутренней, тогда надобно молиться на них именно (на помыслы) и предлагать лукавые на полезные.

Святой Исихий Иерусалимский говорит, что в умственной брани должно действовать так, как действуют на обыкновенной войне. Во-первых, потребно внимание; во-вторых, когда заметим, что враг придвинул помысл, должно поразить его проклятием с гневом в сердце; в-третьих, надобно помолиться против него, призывая в сердце Иисуса Христа, чтобы демонский призрак тотчас исчез, чтобы ум не пошел за мечтанием, как дитя, прельщаемое каким-нибудь искусником. Еще говорит, что подвизающийся внутренно всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие помыслам и молитву. Смирение – поскольку сопотивники его в брани суть гордые демоны, дабы Христову помощь удержать рукою сердца, ибо Господь ненавидит гордых; внимание – чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался (если не вовремя приходит); противоречие – дабы, как скоро усмотрит пришедший помысл, тотчас с гневом отразить лукавого; молитву – дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу. И тогда сей подвижник увидит врага, связанного или гонимого, погоняемым именем Иисуса, как прах ветром, или как дым исчезающего с мечтанием своим.

Итак, да не пресекается в вас никогда сердечное внимание, трезвение, прекословие помыслам и молитва к Иисусу Христу. Ибо лучшего помощника, кроме Иисуса, не найти тебе во всю жизнь.

Бей супостатов именем Иисусовым, говорит святой Лествичник, ибо нет сильнейшего оружия ни на небе, ни на земле. Таковую силу имеет, конечно, не машинальное произношение имени Иисусова, но мысль о том, что Иисус Христос Своим смирением, послушанием Богу Отцу до полного самоотвержения, невинным страданием и смертью на кресте притупил жало греха в людях, упразднил силу и власть диавола, победил смерть. Потому и крестное знамение, соединенное с мыслью о победоносных страданиях Иисуса Христа на кресте, имеет силу прогонять и прогоняет от нас бесов и худые помыслы. Если же крестное знамение и молитва к Иисусу Христу не помогают нам прогонять бесов, то это зависит от попущения Божия за гордость и самонадеянность – за то, что мы возмечтали о себе высоко, стали тщеславиться своей праведностью или

добрыми делами, совершенствами, как будто мы сами их приобрели, независимо от Бога, и других людей стали зазирать, осуждать за грехи, уничтожать; а иногда и за нерадение, которое происходит от сластолюбия и любви к покою. Господь попускает усиливаться искушениям, чтобы они измучили до изнеможения, пробудили от беспечности, заставили нас внимательнее наблюдать за собой, усерднее взяться за дело спасения, чтобы довели нас до сознания нашей немощи, худости и из опасения, как бы не изнемочь под тяжестью искушений и не погибнуть, побудили обратиться к Богу с молитвой о помощи. Следовательно, для побеждения искушения надобно неусыпно бодрствовать на страже своего спасения и, смиряясь перед Богом и людьми, то есть сознавая свою худость, греховность и немощи, с сокрушением сердца обращаться к Богу с молитвой о милости и заступлении среди искушений. Замечал я, сказал некто из святых, что монаху, который не работает благоугодно Господу и не подвизается ревностно о спасении души своей, но нерадив в прохождении добродетелей, непременно попускается Богом впасть в искушения, чтобы не оставался он праздным и от mnogой своей праздности не уклонился в худшее. Потому-то Бог налагает искушение на ленивых и нерадивых, чтобы они помышляли об искушениях, а не о суетном. Творит же сие Бог всегда с любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить их воле Своей. И когда будут умолять Его, не скоро внемлет им – пока не изнемогут и пока несомненно не дознают, что за нерадение и за леность их приключилось с ними это, и пока не смиряются, пока не признают себя грешниками перед Богом. А как человек скоро смирится, то немедленно окружает его милость Божия. Смирение уничтожает все козни демонов, побеждает искушения.

Видел я, говорил авва Антоний Великий, однажды все сети врага, распростертые по земле, и со вздохом сказал: «Кто же избегнет их?» Но услышал голос, говорящий мне: «Смиренномудрие!» Некогда авва Макарий Египетский проходил от озера в свою келью, нес пальмовые ветви, и вот на пути встретился с ним диавол с косою. Диавол хотел ударить Макария, но не мог. И говорит ему: «Много силы в тебе, Макарий, я не силен против тебя. Все, что ты делаешь, и я делаю: ты постишься, а я совсем не ем; ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». «Чем же?» – говорит ему авва Макарий. «Смирением, – отвечал диавол. – Вот почему я не силен против тебя». По словам святого Варсонофия, смирение истощает весь колчан стрел диавольских, привлекает к себе благодать Божию; страсти сгорают от смирения, как от огня; смирение расторгает все сети врага; оно есть печь, пополающая

демонов. По словам святого Лествичника, смирение истребляет все страсти, наступает на грех и отчаяние и попирает диавола и змия плотской страсти.

Откровение своих греховных помыслов духовному отцу или благочестивому единомысленному брату святые подвижники, дознавшие на опыте, признают весьма важным средством для прогнания бесов и внушаемых ими помыслов. Как змея, вынесенная из норы на свет, старается убежать и скрыться, так и помыслы, открытые и посрамленные исповедью, удаляются. Вор входит в дом и похищает богатство только ночью, когда никто не замечает его. А как скоро увидят его, он тотчас убегает, скрывается.

Слабым христианам Бог и не попускает сильных искушений, а преуспевающие подвижники, по попущению Божию, нередко подвергаются страшному искушению от хульных помыслов на священные предметы, святых угодников, даже на Самого Бога по влиянию бесов. Когда бесы не успеют одолеть внимательного подвижника обыкновенными искушениями, то наконец – по зависти и злобе – стараются смутить его хульными помыслами. А Бог попускает это искушение большей частью за духовную гордость, высокое мнение о своей праведности, богоугодности, а иногда для испытания веры, надежды, любви к Богу, для большего очищения посредством самой напряженной борьбы духа со злом, с сатанинскими помыслами, для одержания решительной победы над темными силами и для умножения венцов или награды в царстве славы.

Для отражения хульных помыслов признают полезным считать их не своими, а происходящими от диавола, который хочет ими смутить нашу совесть, привести в уныние; потому нужно не вменять их себе в грех, а считать за искушение. Не нужно обращать на них внимание и противоречить им, а лучше с презрением отвергать их, говоря: «Отойди от меня, сатана», – «ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4, 10). Потом должно обратить внимание на другой предмет и без смущения духа продолжать свое дело. Диавол, чрезмерно гордый, никогда столько не посрамляется, как когда видит себя презираемым. Напротив, малодушие, страх, смущение придают большую силу искушению и диаволу большую дерзость в нападении и радость. Потому сильно искушаемых должно ободрять – говорить, что им, как состоящим под покровительством Божиим, нечего бояться; во время всякой бури искушений пусть продолжают свои благочестивые занятия, все равно как если бы собака стала лаять на них или сумасшедший человек

стал оглашать их скверными словами, они пусть продолжают идти своей дорогой, не оглядываясь назад и не обращая на них внимания. В случае усиления искушения надобно помолиться, чтобы Бог отогнал помыслы, и терпеливо ожидать заступления Божия. Так как хульные помыслы большей частью нападают на подвижников за гордость, высокое мнение о своей чистоте и благочестии, то надобно смириться, сознать свою греховность, унижить себя перед Богом и людьми. В гордых сердцах, говорит святой Лествичник, рождаются хульные слова, а в смиренных душах – небесные видения. Кого дух хулы беспокоит и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что душа его невиновна в таких помыслах, но сам нечистый бес, который некогда сказал Господу Иисусу: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф. 4, 9). Научимся же и мы презирать его и, отнюдь не обращая внимания на влагаемые им помыслы, говорить ему: «Отойди от меня, сатана; Господу Богу моему поклонюсь, и Ему одному послужу». Перестанем судить и осуждать ближнего, и мы не будем бояться хульных помыслов, ибо корень и причина второго есть первое. Как сидящий дома, затворившись, слышит слова проходящих, а сам с ними не разговаривает, так и душа, пребывающая в себе, слыша хулы, которые произносит бес, проходя мимо нее, хотя сама не участвует в них, однако смущается. Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается, а кто иным образом намерен вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры. Святой Лествичник откровение помыслов духовному отцу считает важным средством для прогнания хульного беса.

Что касается до искушений бесовских через людей, то по двоякому характеру их и брань с ними двоякого рода. Одни искушения производят в нас гнев, скорбь, отвращение, а другие обольщают, возбуждают приятные чувства, привлекают к себе. Когда какой предмет возбуждает неприятные чувства, то от него не должно уклоняться, а лучше сближаться с ним; например случается, что люди несогласные между собою становятся тем ненавистнее друг другу, чем более избегают встречи друг с другом, а когда один из них хочет сблизиться с противником, то часто примиряются. Впрочем, когда от недавней обиды чувство гнева сильно кипит, то в это время надобно опасаться, чтобы от присутствия сделавшего неприятность чувства гнева и злости еще более не возбуждались и, омрачив рассудок, не довели до безрассудных поступков. Тогда лучше удалиться от искушения, обратить все внимание на другой предмет и выждать, пока утихнет буря, – отними кипящий котел от огня, пока остынет, как некто из древних

сказал. Чтобы совершенно подчинить страсти разуму, истребить уязвляющее жало их, недостаточно однажды только подавить их, а лучше, не уклоняясь новых случаев к возбуждению страсти, стараться с новым усилием подавлять ее. Например, когда представляем себе разные неприятности и огорчения, то здраво должны обсудить, что в таких обстоятельствах при помощи благодати надобно делать; и при всяком данном случае надобно принуждать себя незлобиво, молчаливо стерпеть, великодушно перенести неприятность, как искушение, посланное нам за грехи или для испытания терпения, для приучения к незлобию, ободрять себя примером Спасителя, Который «пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его... Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному» (1Пет. 2, 21–23). А на оскорбившего человека надобно смотреть как на ослепленного страстью, как на жалкое орудие бесовского искушения. Когда Семей злословил царя Давида и спутники хотели убить его за это, Давид остановил их, говоря: «Оставьте его, пусть ругается, так повелел ему Господь. Может быть, Господь, увидев, как меня бесчестят, возвратит мне благосостояние за нынешнее поругание» (см. 2Цар. 16, 11–12). А мы, говорит авва Дорофей, не хотим сказать о брате нашем, что Господь повелел ему, но если услышим оскорбительное слово, то поступаем подобно собаке, которая, когда кто бросит в нее камень, оставляет бросившего и бежит грызть камень. Так делаем и мы: оставляем Бога, попускающего напасть нам находить на нас к очищению грехов наших, и обращаемся на ближнего, говоря: «Зачем он мне это сказал? Зачем он мне это сделал?» И тогда как мы могли бы получать большую пользу от подобных случаев, мы делаем противное и вредим сами себе, не разумея, что Промыслом Божиим все устраивается на пользу каждого.

Поскольку природа наша не любит трудностей и неприятностей и удаляется их, то в брани с этим врагом большей частью должно действовать не только оборонительно, но и наступательно, чтобы прямо и не один раз отражать нападения его. Но когда чувственная природа наша сильно увлекается к приманкам удовольствий, то в этом случае надобно вести брань совсем иначе – не только не должно приближаться к обольстительным приманкам, но как можно дальше удаляться от них; особенно это надобно соблюдать при искушении плотской похотью. Кто произвольно вдается в опасность, тот погибнет в ней. Потому кто хочет одержать победу над сладострастным врагом, тот должен обратиться в бегство, чтобы спастись. Кроме убегания случаев и всех приманок к сладострастию, нужно иметь особенно глубокое смирение и совершенную

ненадежность на самого себя, а также не должно осуждать других, презирать впадающих в грехи. Если видим, что кто-нибудь делает явно тяжкий грех, то и тогда не должны осуждать его, а себя считать лучшими его, потому что не знаем, как долго можем устоять в добре: может быть, завтра же сделаем еще хуже, если Бог оставит нас за нашу гордость и унижение других. Все люди слабы, но мы никого не должны считать слабейшим нас. Итак, мы должны беречься нравиться себе по причине каких-нибудь дарований своих естественных или благодатных. Но искренно сознавая свою слабость, должны прибегать к Богу, Который один может восставить раба Своего (см. Рим. 14:4).

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ПОСЛЕ ТЯЖКОЙ БОРЬБЫ

Так как в борьбе с врагами нашего спасения возможны два случая: или мы победим врагов, или враги победят нас – то важность дела требует знать, как вести себя в том и другом случае.

Как вести себя после победы над врагами. – Когда враг не успеет преодолеть нас и ввести в грех, то, притворяясь побежденным, заходит с другой стороны – начинает хвалить нас, что мы устояли против искушения, своим мужеством преодолели искушителя, возбуждает в нас тщеславие, высокое мнение о своей твердости и т.п. А иногда враг-искуситель отходит от нас, оставляет в покое с той хитрой целью, чтобы с этой стороны внушить нам высокое мнение о себе, будто мы достигли такого совершенства, что победили все свои страсти, а также чтобы ввести нас в беспечность, будто мы стали выше всех искушений, достигли невозмущаемого покоя, и потом вдруг, врасплох, с ожесточенной злобой нападает на нас, чтобы удачнее поразить нас, легче ввести в грех и потом в отчаяние. Святой Лествичник говорит, что во всех деланиях, которыми стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу; во-вторых, когда они в этом первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по Богу; а в-третьих, если тати оные и в этом умышлении не получают успеха, тогда, уже безмолвно приступив к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем богоугодно. Первому искушению сопротивляются тщание и попечение о смерти, второму – повинование и унижение, а третьему – всегдашнее укорение самого себя. Иногда бесы отступают от нас, чтобы ввести нас в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует. Известно мне, говорит святой Лествичник, и другое отступление оных зверей. Оно бывает тогда, когда душа совершенно

утвердится в греховных навыках. Один строгий подвижник написал на стенах своей кельи разные свои грехи; когда бесы приступали к нему с искушением, хвалили его за добродетели, то он говорил: «А посмотрите, вот сколько моих грехов и каковы они, напрасно хвалите меня», – и тем прогонял тщеславие. Когда хвалители наши или, лучше сказать, льстецы начнут хвалить нас, говорит святой Лествичник, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий, и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу. Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключаящимся бесчестием. Когда бесы тщеславия начинают хвалить нас за что-нибудь в наших помыслах, то это значит, что они готовят нам бесчестие, которому стараются подвергнуть врасплох. Да и вообще всякому доброму делу, как говорят святые подвижники, непременно предшествует или последует искушение. То дело нельзя и назвать добродетелью, которое не подвергается искушению. Золото только в огне может очиститься и просветлеть. Потому всегда надобно бдеть над собой и быть в готовности встретить и отразить искушение.

Если до вшествия в град смирения, говорит святой Исаак Сирий, замечаешь в себе, что успокоился ты от мятежа страстей, то не доверяй себе, ибо враг готовит тебе какую-нибудь засаду; напротив того, после покоя жди великой тревоги и великого мятежа. Если не пройдешь всех обителей на пути добродетелей, то не встретишь покоя от труда своего и не будешь иметь отдохновения от вражеских козней, пока не достигнешь обители святого смирения.

Надобно также остерегаться, чтобы в победе, одержанной при помощи благодати Божией, чего-нибудь не приписать самим себе. Ибо Бог Своей славы не дает другому (см. [Ис. 42, 8](#)). Иначе Бог оставит нас, и мы падем жалким образом.

Как вести себя после падения. – Когда диавол хочет вовлечь кого в большой грех, то, с одной стороны, умаляет важность греха, а с другой – уверяет, что Бог милосерд, простит всякий грех, потому вовсе не опасно испытать удовольствие греха, а после нескольких опытов можно покаяться. А когда враг успеет вовлечь в грех, то делает напротив, то есть, с одной стороны, увеличивает тяжесть греха, а с другой – представляет Бога до чрезмерности строгим, немилосердным, чтобы ввергнуть грешника в отчаяние, которое есть духовное самоубийство, часто сопровождается и телесным самоубийством и ведет к вечной гибели.

Святой Лествичник говорит, что невидимый предстатель блуда, сей бесчеловечный враг, внушает, что Бог человеколюбив и что Он подает

щедрое прощение этой страсти, как естественной. Но если станем наблюдать за коварством бесов, то найдем, что по совершении греха они представляют нам Бога праведным Судиею и не прощающим. Прежде они делают такое внушение для того, чтобы вовлечь нас в грех, а потом внушают другое с тем, чтобы погрузить нас в отчаяние. Когда печаль и отчаяние усиливаются в нас, тогда мы не можем ни укорять себя, ни мстить себе самим за прегрешение покаянием. А когда скорбь и отчаяние угасли, тогда опять оный мучитель душ начинает преподавать нам учение о милосердии Божием, чтобы снова пали. Уверением в милосердии Божием и обещанием прощения диавол увлекает от одного грехопадения к другому с той целью, чтобы от частых грехопадений совесть была заглушена, душа очерствела, сердце огрубело, сделалось бесчувственным, неспособным к сокрушению и покаянию, чтобы тем вернее довести до ожесточения в грехах и до совершенного отчаяния.

Потому надобно бояться оставаться беспечным после грехопадения и в ложной надежде на милосердие Божие и прощение грехов переходить от одного греха к другому, чтобы не дойти до бесчувственности, ожесточения и не сделаться неспособным к покаянию.

Не тогда будем печалиться, говорит святой Исаак Сирийский, когда пополземся в чем-нибудь, но когда закосневаем в том же, потому что поползновение часто бывает и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное омертвление. Печаль, какую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатью вместо чистого делания. Кто в надежде на покаяние поползнется вторично, тот лукаво поступает с Богом; неведомо нападает на него смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели. Но после грехов непреднамеренных, сделанных по омрачению и увлечению от страстей, не должны предаваться отчаянию, в которое диавол старается свергнуть, чтобы окончательно погубить грешника, но надобно ободрять себя надеждою на милосердие Божие.

Святой Исаак Сирийский говорит, что кто явно принадлежит к числу грешников, тот, когда падет, да не забывает любви Отца своего Небесного; но если приключится ему впасть и в многоразличные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый снова да восстает на борьбу со своими сопротивниками и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего имея в устах слово пророка: «Не радуйся о мне, противник мой, что я пал, ибо снова восстану. Если сяду во тьме, Господь озарит меня» (см. Мих. 7, 8). И нимало да не прекращает

брани до самой смерти; и пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладья его и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать займы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умиловшись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою и не даст ему сильных побуждений встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды своей. Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление всего.

Если и каждый день постоянно приемлем тысячи ударов от бесов, то да не малодушествуем и да не останавливаемся в течении на поприще, потому что в одном маловажном случае можно нам восхитить победу и получить венец. Потому ни один человек да не остается в отчаянии. Не будем только нерадеть о молитве и не поленимся просить помощи у Господа. Один монах по навету врага впал в плотский грех, а после грехопадения враг старался ввергнуть его в отчаяние, удалить из пустынной кельи в мир. Но монах, как искусный в духовной брани, говорил врагу: «Я не согрешил, говорю тебе, не согрешил». Возвратился в келью и трудами покаяния, скорби и смирения загладил свой грех. Святой Лествичник говорит, что не должно отчаиваться, хотя бы кто и ежедневно падал. Так как отчаяние происходит от множества грехов, а бывает и от гордости, то, чтобы не дойти до отчаяния, тотчас по грехопадении надобно встать, покаяться, очистить совесть исповедью перед священником, а в последнем случае надобно смириться и никого не осуждать. Святой Лествичник говорит, что хотя бы кто и во все ямы греховные впал, но если смирится, то да благодушествует. Во время отчаяния полезна мысль и о милосердии Божиим. В печали о грехах влекомые к отчаянию, да не престанем вспоминать, что Господь заповедал апостолу Петру прощать согрешающего семьдесят крат седмицею (см. [Мф. 18, 22](#)), а Кто такую заповедь предал другому, тот и Сам, без сомнения, несравненно более сделает.

Плачь, говорит святой Исаак Сирин, и проливай слезы, и припадай при воспоминании о своих грехопадениях во время пощущения, чтобы этим избавиться тебе от грехов и приобрести через то смирение. Впрочем, не отчаивайся и в помыслах смирения умилованием сделай простительными грехи свои. Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого (именно: могут вести к самомнению,

тщеславию, за которым следует падение). Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели; оно может сокрушить крепость многих грехов. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслью с уничижением и рассудительною печалью. И если приобретем оное, то сделает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание. Наконец, Бог хочет изменения в мысли. Мысль делает нас и лучшими, и непотребными. Ее одной достаточно, чтобы нас бесмошных поставить перед Богом, и она же говорит за нас. Особенно сильно враг нападает на человека перед смертью, воспоминанием о сделанных в течение жизни грехах старается ввести в смущение, уныние и отчаяние. В это время всей силой веры надобно взяться за Бога, со смирением, раскаянием, сердечным сокрушением о грехах умолять Бога о прощении и ободрять себя надеждой на безмерное милосердие Божие, по которому Бог прощал величайших грешников без всяких заслуг их; по выражению молитв церковных (см. четвертую и седьмую молитвы ко причащению), нет греха, побеждающего милосердие Божие. Бог Сам даже с клятвой уверяет, что Он не желает гибели грешника. «Вы говорите так: «преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаеваем в них: как же можем мы жить?» Скажи им: жив Я, то есть клянусь Своею жизнью, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33,10–11; см. также Иез. 18,23; Иер. 8,4). Нечестивый иудейский царь Манассия забыл своего Бога, своими мерзостями, злодеяниями превзошел даже язычников. Но когда в плену вавилонском образумился, смирился, с сокрушением сердца обратился к Богу, стал умолять Его милосердие, то Бог простил его без всяких заслуг его и избавил от плена (см.: 2Пар. 33,12–13). Мытарь оправдан только за то одно, что сознавал себя грешником, сокрушался о грехах своих и смиренно просил у Бога милости (см. Лк. 18,13). Разбойник, захваченный в злодеянии и распятый на кресте со Спасителем, получил прощение без всяких своих заслуг и вошел в рай за то только, что, вися на кресте, смирился, признал себя достойным наказания, сокрушался о грехах и просил милости у Сына Божия (см. Лк. 23, 40–43).

Блудный сын, по своеволию удалившись от отца, растратив все имение и от распутства дойдя до крайней степени зол, ничего доброго не сделал, чтобы загладить свою вину, а только, образумившись, смирившись, стал раскаиваться в своих грехах, решил оставить развратную жизнь, возвратиться в отеческий дом и просил прощения. Но любвеобильный отец, не дождавшись еще прихода его в дом, вышел к нему навстречу,

обрадовался его возвращению, принял его в объятия своей любви, возвратил ему права сына и наследника, даже сделал роскошный пир от радости о его спасении (см. Лк. 15, 11–24). Так и Бог с ангелами на небесах радуется об обращении всякого грешника и не хочет, чтобы кто погиб (см. Мф. 18, 14).

Любовь Свою к людям и желание спасения их Бог яснее всего доказал тем, что послал в мир возлюбленного Сына Своего для спасения людей, и не только послал, но и предал на смерть для искупления их вместо того, чтобы наказать самих людей, и притом тогда, когда они не только ничем не заслуживали благоволения Божия, но, по словам апостола, были грешниками и врагами Божиими, достойными наказания. Из людей, говорит апостол, едва ли кто согласится пожертвовать своей жизнью для спасения и праведника – человека честного, разве за благодетеля, может быть, кто решится умереть. «Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его» (Рим. 5, 6–10). Если Бог и «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас», за всех грешников (Рим. 8, 32–34). Если Бог и будет судить грешников, то, по словам одного святого отца, будет судить не за то, что грешили, потому что это свойственно бральной, слабой природе человеческой, но будет судить за нераскаянность. Бог, по словам святого Исаака Сирина, требует от нас только перемены мыслей и всех душевных расположений на лучшее, которая совершается при содействии благодати смирением – признанием своей греховности, раскаянием, сокрушением сердца, сожалением о допущении грехов, решительным отвращением от всего греховного и обращением всей души с любовью к Богу. Смирение по своему свойству истребляет всякую страсть в душе, открывает в нее вход благодати, которая довершает дело обращения и спасения грешника. Если, по словам святого Лествичника, одна гордость низвергла сатану с неба и погубила, то нет причины сомневаться, что и смирение одно может спасти кающегося грешника. Бог есть беспредельное море благости. Кто погружается в это море, тому стоит только открыть уста, чтобы пить воду благодати, омыть ею все душевные нечистоты и утолить жажду души – удовлетворить всем духовным потребностям. А вход благодати в душу открывает только смирение, без которого не может

быть и приемлемости благодати – без нее человек умирает духовно.

Это подтверждается многими примерами покаявшихся грешников, которые помилованы Богом только за одно смиренное раскаяние. Одна девственница в Солунском монастыре не вынесла бесовского искушения, ушла из монастыря в мир, несколько лет предавалась разврату. Потом, образумившись, раскаявшись, решила оставить порочную жизнь и возвратиться в монастырь на подвиги покаяния. Но едва только дошла до ворот монастыря, как вдруг упала и умерла. Одному епископу Бог открыл о смерти ее, и он видел, что святые ангелы пришли, взяли душу ее, а бесы вслед их шли и спорили с ними. Святые ангелы говорили, что столько-то лет она служила нам, душа наша. А бесы говорили, что она и в монастырь вступила с леностью, как же вы говорите, что она покаялась? Ангелы отвечали, что Бог видел, как она всеми мыслями и сердцем преклонилась к доброму, потому и принял покаяние ее. Покаяние зависело от ее доброй воли, а жизнью Бог владеет. Бесы со стыдом удалились. Девица Паисия, оставшись в сиротстве, по бедности дошла до того, что стала промышлять распутством. Отцы, подвижники египетской пустыни, находившие прежде в ее доме приют, услышав о худой жизни ее, послали старца Иоанна Колова спасти ее. По убеждению святого старца, Паисия решила оставить порочную жизнь и свой дом, просила отвести ее куда-нибудь на покаяние. Когда они пришли в пустыню, наступил вечер. Авва сделал небольшое возглавие из песка для девицы и, перекрестив оное, сказал ей: «Усни здесь». В малом расстоянии от нее и для себя сделал такое же возглавие и, окончив молитвы свои, уснул. Проснувшись в полночь, он видит светлый путь, простиравшийся с неба до самой девицы, и видит ангелов, которые возносили душу ее. Встав, подошел к девице и, узнав, что она умерла, повергся лицом на землю и молил Бога. И был ему голос, что один час покаяния ее принят лучше покаяния многих, долго кающихся, но не показывающих такой горячности в покаянии.

Когда грешник решил оставить пороки, возненавидел грехи и всей душой прилепляется в Богу, то Бог прощает ему прежние грехи.

Некто был спрошен, говорит святой Исаак Сирин, когда человек узнает, что получил отпущение грехов своих? Спрошенный отвечал, что когда ощутит в душе своей, что совершенно, от всего сердца возненавидел грехи, и когда явно даст себе направление, противоположное прежнему; таковой уповает, что получил от Бога оставление грехопадений как возненавидевший уже грех по свидетельству совести; неосужденная совесть сама себе свидетель. Святой Варсонофий Великий говорит, что признак прощения грехов состоит в том, чтобы возненавидеть их и не

делать более. А когда человек размышляет о них и сердце его услаждается ими или он и совершает их на деле, то это знак, что грехи еще не прощены ему, но он еще обвиняется в них. А хотя кому и приходит на память греховная сладость, но кто не допускает действий сладких, а противоречит и подвигается против оной, тому прощены прежние грехи. Впрочем, хотя и отпущены прежние грехи, но брань против них продолжается, ибо человеку нужен подвиг.

Преподобный Петр Дамаскин говорит, что не следует отчаиваться, хотя и много кто согрешает. Худо то, что ты, человек, согрешил; но не надобно отчаиваться. Что прогневляешь Бога, по неразумению считая Его немощным? Ужели сотворивший такой мир, какой ты видишь, не может спасти душу твою? Если же говоришь, что и это, как снисхождение Его, больше послужит к твоему осуждению, то покайся, и Он примет твоё покаяние, как блудного и блудницы. Если же и этого не можешь сделать, но по навыку согрешаешь в том, чего бы и не хотел ты, то имей смирение, как мытарь (см. Лк. 18, 13), и достаточно тебе для спасения. Ибо кто грешит беспokoянно (не исправляясь) и не отчаивается, тот поневоле считает себя худшим всей твари и не смеет осуждать или укорять какого-либо человека, а, напротив, удивляется человеколюбием Божию (что Бог терпит, не погубляет его за грехи, а еще дает ему все нужное к жизни и спасению), бывает благодарен за то к Богу и другие добрые чувствования может иметь. В согрешении хотя он и покорился диаволу, но по страху Божию опять противится врагу, понуждающему его к отчаянию. И поэтому он бывает часть Божия, имея благоразумие, благодарение, терпение, страх Божий, не осуждает никого, за то и сам не будет осужден. Если ты пал, встань; если опять пал, опять встань и не отчаивайся в своем спасении; что ни приключилось бы с тобой, добровольно не предавайся врагу, и это терпение твоё с самоукорением достаточно будет тебе для спасения. Не отчаивайся, не зная помощи Божией, потому что Он может все сделать, что ни захочет. Надейся на Него, и Он сделает то, что или какими-нибудь искушениями устроит твоё исправление, или твоё терпение и смирение примет вместо подвигов, или другим образом, как Сам знает, приведет тебя к спасению. Отчаиваться гораздо хуже, нежели согрешать. «Согрешил я пред Господом», возопило некогда блаженное смирение к Богу, после обличения в прелюбодеянии и убийстве, и тотчас услышало: «Господь снял с тебя грех твой» (2Цар. 12, 13). Так и мы не предадимся отчаянию, но в надежде на бесценные заслуги и ходатайство Спасителя о нас возопием к Богу из глубины сокрушенной души со смирением и окаиванием себя: «Помилуй меня Господи, ибо я немощен;

исцели душу мою, как Ты исцелил сребролюбивую душу Закхея мытаря, очисти мои грехи, как очистил грехи блудницы. Радость моя! Избавь меня от обступивших меня зол (см. Пс. 31, 7); «не скрывай лица Твоего от раба Твоего, ибо я скорблю; скоро услышь меня; приблизься к душе моей, избавь ее» (Пс. 68, 18–19). Хотя я и грешник, но не враг Твой, а немощное создание и раб Твой; помилуй меня, Боже!»

Глава Вторая. О МОЛИТВЕ

Для преуспевания в нравственном совершенстве необходимо внимать своему нравственному состоянию: видеть свои слабости, предусматривать опасности, узнавать своих врагов, их силы, наветы; смотреть, чего остерегаться, чтобы уклониться от нападения врагов, или, когда нужно сразиться, то каким способом должно предварительно укреплять, ограждать, готовить себя к наступающей брани и предохранять себя от поражения; короче сказать, необходимо нам бодрствование на страже спасения. Но если Господь не сохранит града, то напрасно бдит страж; и если Господь не созидает дома душевного, то напрасно трудятся строящие его (см. Пс. 126, 1). Потому вместе с бодрствованием нужно соединить еще молитву, как и Спаситель наставлял Своих учеников: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26,41).

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВАЖНОСТЬ МОЛИТВЫ

Молитва необходима как пища души и как средство к получению от Бога благодатных даров и помощи.

Молитва то же для души, что воздух для тела. Тело без дыхания не может жить; даже если дышит воздухом нечистым, то бывает худосочно, болеет; а когда дышит воздухом чистым, то освежается, кровь очищается, здоровье укрепляется и человек бывает бодрым. Так и душа, если дышит нечистым воздухом, то растлевается вредными миазмами, то есть если постоянно занята бывает только земными, нечистыми, страстными помыслами или одними житейскими заботами, омрачается, расслабляется, недугует страстями, которые изгоняют из души благодать и от которых происходят разные грехи в словах и делах, тогда душа подвергается духовной смерти.

Напротив, когда душа дышит чистым, небесным, Божественным воздухом, то есть занимается молитвой или богомыслием, то очищается, просветляется, укрепляется, возвышается в совершенстве. Именно молитвой возбуждаются, питаются, укрепляются чувства смирения, нашей немощи, недостатков, зависимости нашей от Бога, чувства благоговения перед величием Божиим, благодарности за полученные блага, а противные Богу чувства, помыслы, желания подавляются. По мере очищения сердца от страстей молитвой просветляется и ум; возгревается любовь к Богу и добродетели, усердие к подвигам благочестия, дерзновение перед Богом,

упование на благодать Божию; воля укрепляется в благих намерениях, утверждается решимость и постоянство в делах благочестия и добродетели; дух укрепляется к перенесению разных трудностей в подвигах благочестия, к благодушному терпению в несчастиях с упованием на Бога, с преданностью воле Божией и с уверенностью, что Бог все устроит к лучшему; оттого скорбь не подавляет, не раздирает сердца, не приводит в безотрадную тоску и отчаяние, а только сокрушает, умягчает, делает его более способным к благодатным впечатлениям и дарам. Молитва в глубокой скорби – единственная отрада для сердца, которого ничто земное не может успокоить, утешить. При частой, усердной молитве человек становится достойнее милосердия, благоволения Божия и способнее к принятию от Бога благодатных даров, духовных благ, которые Бог дает только просящим у Него. Бог по беспредельной Своей благодати готов всегда и всем существам изливать Свои щедроты, но по требованию вечного правосудия Он никому насильно не навязывает Своих даров, дает только тем, которые сами желают и просят, потому имеют приемлемость к ним и с пользой употребляют, а нежелающие, непросящие не имеют приемлемости, не заслуживают их, да и стали бы злоупотреблять дарами благодати. Молитва и для ангелов есть высшая жизнь, любимая и постоянная деятельность. Ею они впадают в себя Божественный свет ведения, теплоту любви, силы для бодрой деятельности и радость. Так и мы молитвою входим в общение с Богом, и Бог вселяется в нас Своею благодатью, сообщает нам все духовные блага. И в вечности главной и единственной деятельностью нашего духа будет или стремление к Богу – молитва, или рассеянность помыслов по воспоминаемым земным предметам, пустая мечтательность, поработавшая страстям, от которых будет происходить смущение духа, беспокойство, тоска сердца. Кто в настоящей жизни не любит молиться и не молится, тот постепенно более и более охладевает к Богу, удаляется от Него своим расположением, за то и Бог удаляется от него Своим благоволением; такой человек более и более погружается в чувственность, ведет жизнь животную, становится рабом страстей, только в удовлетворении им находит удовольствие, а ко всему духовному, Божественному теряет вкус, доходит до скотоподобного состояния и легко может совсем потонуть в грязном болоте порочных наслаждений, которые как угаром опьяняют его, убивают духовную жизнь, так что такой человек совершенно грубеет, неспособен уже и воспрянуть от бесчувственности, покаяться, исправиться и погибает, если Бог Своей благодатью по молитвам других или скорбями не пробудит, не воззовет и не выведет его

на путь покаяния и исправления. Без молитвы нельзя сделать ничего доброго. Молитвой освящаются и оплодотворяются все наши мысли, чувства, желания и действия. Потому все благочестивые подвижники во всякое время любили молиться и постоянно молились Богу; молитвой побеждали всех врагов видимых и невидимых; молитвой очищали грехи, удаляли всякое зло и искушение; молитвой начинали, совершали и освящали всякое дело, преуспевали в добродетелях, просвещались, удостаивались общения с Богом и ангелами, получали высшие благодатные дары, творили чудеса, сами спасались и других спасали. Без молитвы в душе будет мрак, холод, смущение, расстройство, упадок нравственных сил, погружение в чувственность, порабощение страстям и вечная смерть души. Святой Златоуст так говорит о важности и пользе молитвы. Что для тела свет солнца, то для души молитва. Она есть занятие общее с ангелами; ею мы вступаем в общение с ними, делаемся соучастниками их жизни, состояния, достоинства, благородства, мудрости. Кто не молится Богу и не имеет усердия непрестанно беседовать с Ним, тот мертв, бездушен, бессмыслен. Если лишишь себя молитвы, то сделаешь подобно тому, как рыбу вынул бы из воды. Как для рыбы жизнь есть вода, так для тебя молитва. Без молитвы никто не может проводить жизнь добродетельную. Что может быть святее того, кто беседует с Богом? Что праведнее? Что достославнее? Что премудрее? Если беседующие с мужами мудрыми от частого беседования скоро сами становятся, подобно им, мудрыми, то что сказать о тех, которые в молитве своей беседуют с Богом? Какою мудростью, какою добродетелью, ведением, добротой, благостью, целомудрием, кротостью должна исполнить их молитва к Богу? Поистине тот не погрешит, кто признает молитву виною всякой добродетели и правды и кто почитает невозможным, чтобы без молитвы душа сделалась благочестивою.

КАЧЕСТВА И УСЛОВИЯ БЛАГОУСПЕШНОСТИ МОЛИТВЫ

Из самого понятия о молитве, как о возношении ума и сердца к Богу с прошением душеполезных благ или с изливанием чувств благодарности, славословия, видно, что молитва должна быть умственная и сердечная, то есть должна совершаться с сознанием того, о чем и как молиться, с сознанием нужды или долга молитвы. Нужно, чтобы и сердце участвовало в молитве. Например, когда молимся о прощении грехов наших, то ум должен ясно представлять тяжесть грехов, противность их Богу, губительные

следствия, и в то же время сердцем надобно сокрушаться о сделанных грехах. Или когда воссылаем благодарение Богу за ниспосланные блага или благодеяния, то не только умом надобно оценивать важность их для нас, но и сердце должно преисполняться чувствами благодарности и любви к благодетелю Богу. Иначе одни мысли или представления ума без участия сердца не будут иметь такой жизненности, как мимолетные птицы пролетят над сознанием, не оставив в душе глубоких следов по себе, не обратятся в пищу души для укрепления в добре и образования нравственного характера, а скорбь сердца о грехах, как противоядие, сильнее может парализовать греховную сладость, подавить страсти и сообщить воле более твердости для противодействия греховным искушениям.

«Бог есть Дух», и поклонение или служение Ему должно быть по преимуществу «в духе и истине» (Ин. 4:24) – духовное; потому и молитва может совершаться одним умом с участием сердца, без выражения словами и внешними знаками, в которых Бог, как сердцеведец, не нуждается (см. Мф. 15:8, 6:7; Пс. 37:10). Однако же и устная молитва не только не излишня, но и полезна, даже нужна, сообразна с устройством нашей природы. Живые представления, особенно пламенные чувствования, невольно выражаются в словах, восклицаниях и других действиях, например поклонах и т.п. Самые мысли и чувства, выражаемые в словах и действиях, имеют больше существенности, жизненности, плодотворности, глубже проникают душу. Потребность устной молитвы подтверждается и примером Спасителя, Который даже преподал Своим ученикам образец молитвы "Отче наш" (см. Мф. 6, 9–13). Апостолы и все великие подвижники благочестия вместе с умственной молитвой соединяли и устную молитву, которая необходима в общественном богослужении для назидания других, и для руководства других написали много прекрасных молитв на разные случаи и потребности жизни. Особенно нужны образцы устной молитвы для новичков, неопытных в духовной жизни, не привыкших к сосредоточению мыслей, к отвлеченным размышлениям, которые не знают, о чем и как молиться. Святые отцы-подвижники, долгими подвигами самоотвержения очищенные, наученные и благодатью Божиею просвещенные, лучше понимали немощи нашей природы и духовные нужды, лучше умели составить образцы молитв и составили такие молитвы, в которых содержатся светлые мысли и сильные чувства, излившиеся из их просвещенного благодатью ума и из сердца, согретого любовью к Богу. И потому эти молитвы силой выражений, живостью, горячностью чувств невольно трогают, возбуждают

соответственные чувства в душе читающего их со вниманием. Потому Святая Церковь и узаконила читать эти молитвы в определенные времена, а для всех послушных сынов Церкви состав и чтение этих молитв составляет теперь не только образец и пособие к духовной молитве, но и священную обязанность. Для большего возбуждения духа к молитвенным воздыханиям, для более глубокого и продолжительного впечатления молитвенных чувств в сердце, для сообщения им большей живости святые отцы положили за правило полагать малые и большие, то есть до земли, поклоны на молитве. Об этом святой Исаак Сирийский говорит, что всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется заодно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души. Кто не читает составленных святыми отцами молитв, думает довольствоваться одной своей умственной молитвой и не кладет поклонов как выражения смирения, покорности, преданности Богу, тот мало-помалу хладеет к молитве, наконец вовсе отвыкает от нее, не молится и живет одной чувственной жизнью, как животное.

Но как устная молитва есть только выражение благочестивых мыслей и чувствований по отношению к Богу, то она и должна происходить из сердца, а иначе она и не будет молитвой. Потому надобно опасаться, чтобы не считать молитвой одно произношение благочестивых слов, которым ум не внимает и сердце не сочувствует. Хотя известные образцы молитв, каноны много способствуют к возбуждению и питанию благочестивых мыслей и чувств, но этим формулам нельзя присваивать особенной силы, как будто одно механическое произношение молитвенных слов может произвести желаемое действие. Ошибаются те, которые всю важность приписывают прочтыванию многих молитв, канонов, акафистов, которым ни ум не внимает, ни сердце не сочувствует; одно механическое лепетание уст – напрасный труд. Услышит ли Бог ту молитву, которой не внимает сам перечитывающий ее? Бывает, что такие, ежедневно прочитывая много молитв без участия сердца, из-за того считают себя благочестивыми, набожными, а других уничижают, хотя сами по нравам и не лучше их. Это все равно, как дитяти или слабоумному дать меч для отражения зверей или врагов, а он этим мечом сам себя ранит и доброе орудие обращает себе во вред. Правда, сначала трудно иметь чистую молитву с вниманием, не отвлекаемым сторонними помыслами; часто и великие подвижники подвергались расхищению помыслов на молитве. Непроизвольное развлечение помыслами, особенно когда оно происходит по влиянию врагов, не вменяется в грех, а только уменьшает плоды молитвы. Но произвольное развлечение бывает не без греха и труд

делает напрасным. В таком случае надобно по возможности устранять причины к развлечению помыслов и надлежащим образом приготовляться к молитве. Причиной развлечения внимания и рассеяния мыслей по посторонним предметам бывают: привычка жить только внешней жизнью, чрезмерные заботы о житейских нуждах, земных вещах, неохота углубляться в себя, непривычка к отвлеченным размышлениям, неохотное чувство зрения, слуха, излишнее любопытство знать все современные события, продолжительные, бесполезные разговоры, особенно шуточные, смехотворные, а еще больше – развлечение суетными увеселениями, забавами, вообще рассеянная жизнь. Нет сомнения, что главный виновник развлечения внимания есть диавол, который, завидуя счастью христианина приближаться к Богу, соединяться с Ним духом в молитве, всячески старается развлечь наше внимание, влагает сначала добрые, благовидные помыслы, которые, если охотно примем, то за ними насильно навязывает и худые, страстные помыслы, а готовящихся к совершению богослужения часто возбуждает даже на гнев то напоминанием об оскорблениях, то подсылает какого-нибудь человека с пустым делом, чтобы помешать молитве и возбудить на гнев. Кто хочет помолиться с неразвлекаемым вниманием и с пользой для души, тот должен по возможности устранять вышесказанные препятствия; перед совершением молитвы полезно почитать Священное Писание, писания святых отцов, особенно поучительные. Чтение назидательных книг, по отзывам опытных подвижников, успокаивает мятущийся ум, собирает рассеянные мысли. Некоторые подвижники неопытным в духовной жизни, не привыкшим к сосредоточению мыслей, к внимательному размышлению и умственной молитве, предлагают искусственный способ к собранию мыслей: сесть в уединенном месте, оставить все заботы и помышления, вместе с дыханием в ноздри вводить ум в сердце, удерживая его там, творить молитву Иисусову и не часто повторять эту молитву, чтобы через частое перебирание слов опять не развлекалось внимание. Но этот прием к собранию мыслей, годный только простолюдинам, кажется слишком механическим. Чтобы мысли наши не рассеивались, нужно молиться от сердца, то есть нужно сознавать и чувствовать, о чем хотим просить Бога; представляя Его вездеприсутствие, нужно с сокрушением сердца о грехах умолять Его о прощении и ниспослании нам помощи. Если читаем готовые молитвы, то нужно вникать в смысл каждого слова. Если что прочитано без внимания, то надобно повторять раз и два, стараясь прочитать с вниманием. Если во время молитвы враг всевает сторонние помыслы, чтобы развлечь внимание, то, хотя бы они были и добрые,

надобно тотчас отвергать их, иначе за добрыми помыслами враг будет по обычаю влагать и худые, и мы, добровольно принявши добрые помыслы, поневоле примем и худые, страстные. Отвергая сторонние помыслы, не обращая на них внимания, надобно с усиленным вниманием продолжать и повторять молитву. Гордый диавол, если заметит, что презираем его внушения, скорее отойдет от нас. Если же худые помыслы навязчиво пристают к нам, то советуют, оставив чтение молитвы, помолиться Богу против помыслов, чтобы Он прогнал их от нас. Если и молитва против помыслов не помогает, то это, верно, попущение Божие за наше нерадение или духовную гордость и осуждение других. В таком случае надобно смириться и быть усерднее, а не оставлять молитвы, сказать себе: «Лучше постою на молитве перед Богом столбом или статуей, а не отступлю от служения Богу; может быть, Бог, увидев мое смирение, умиласердится надо мною и избавит меня от бесов и всеваемых ими помыслов».

Для благоуспешности молитвы нужно, чтобы она была соединена со смирением и благоговением перед Богом по сознанию своего ничтожества, своих недостатков, немощей, своей греховности, а с другой стороны, по сознанию беспредельного величия Божия, высочайшей святости Божией, перед которой благоговеют херувимы и серафимы.

Святой Исаак Сирин говорит, что кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом. «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его – к воплю их» (Пс. 33,16). Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши. «Бог гордым противится, а только смиренным дает благодать» (1Пет. 5:5; см. также Притч. 3:34). Бог с благоволением взирает только на смиренного, сокрушенного сердцем и благоговеющего перед Его словом (см. Ис. 66:2). Пример этого – смиренный мытарь и гордый фарисей (см. Лк. 18:10–14).

Молитва должна быть усердна, с сознанием нужды в том, о чем просим, неотступна, как евангельская вдовица неотступно умоляла судью защитить ее от соперника (см. Лк. 18:2–8). Впрочем, молитва должна быть соединена с совершенной преданностью воле Божией, как Сам Спаситель молился: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как » (Мф. 26:39). Если Бог долго не слушает нашей молитвы, не исполняет нашего прошения, не должно унывать, ослабевать в усердии к молитве по тому убеждению, что Бог это делает или по требованию правосудия, или по благости для нашей же пользы. Именно Бог долго или вовсе не исполняет наши молитвы по следующим причинам. Когда просим недоброго – того, чего не должно просить, потому что тот оскорбляет Бога, кто просит зла, как бы хочет сделать Его виновником зла.

Не получаем, когда просим хотя не худого, но для худой цели (см. Иак. 4:3). Не получаем, когда сами бываем худы, недостойны просимого, потому что «грешников Бог не слушает» (Ин. 9:31). Не получаем, когда просим без веры или с сомнением (см. Иак. 1:5–7). Не получаем, когда просимое хотя бы и не было худо, даже было бы добро, но препятствует большему добру и без нарушения славы Божией не может исполниться. Иногда не получаем потому, что Бог хочет, чтобы мы часто просили, как это объясняется двумя притчами (см. Лк. 11:8, 18:3–8). Чего мы долго желаем, то с большим удовольствием принимаем, а скоро полученное не много ценится. Блаженный Августин говорит, что Бог бережет для тебя то, чего не хочет дать скоро, чтобы ты научился великое много желать и ценить. Иногда не получаем просимого, чтобы получить лучшее, нежели чего просим.

Если просишь чего у Бога, говорит святой Исаак Сирин, и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же это с тобой или потому, что недостойн ты получить просимое, или потому, что пути сердца твоего не соответствуют, но противны прошениям твоим, или потому, что ты не пришел еще в меру, чтобы принять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие от скорости принятия оно не сделалось бесполезным, потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же приобретенное с сердечною болезнью и хранится с осторожностью.

Преподобный Нил говорит, что не надобно скорбеть, когда не скоро получаешь от Бога просимое, потому что этим медлением Он хочет оказать большее благо. Бог хочет больше облагодетельствовать тебя, когда ты докучаешь (стужаешь) Ему в молитве. Ибо что может быть выше, чем то, как беседовать с Богом и духом соединяться с Ним в молитве. Потому не молись, чтобы все было по твоему желанию, но во всяком деле проси: «Да будет во мне воля Твоя». Ибо Он хочет доброго, полезного душе твоей, а ты не всегда этого ищешь. А кто хочет, чтобы все было по его желанию, тот сам не знает, куда идет, как слепой.

Надобно чаще молиться как для того, чтобы научиться лучше молиться, так и для того, чтобы сделать себя более способным и достойным просимых даров или благ. Правда, молитва – труд весьма тяжелый для плотского человека; тяжесть эта увеличивается особенно от пресыщения пищей, от множества житейских забот, от развлечения мирскими увеселениями, вообще от пороков, а больше всего от погружения в чувственные удовольствия. Пост, уединение, целомудрие,

спокойствие духа, собранность мыслей много облегчают труд молитвенный, к которому, впрочем, сначала надобно принуждать себя, а потом привычка сделает его легким, даже приятным.

Как часто надобно молиться? Здесь не говорится о тех молитвах, которые по предписанию Бога и Святой Церкви должны совершаться в определенные времена, например в праздники, во время говения, – это непреложный долг всякого христианина. Говорится здесь о молитве, как о добровольном средстве к преуспеянию в духовном совершенстве. Об этой молитве надобно сказать: чем чаще молиться, по возможности, без опущения других своих обязанностей, тем лучше. Святой Давид при всем множестве дел по управлению царством семикратно в день славил Бога (см. Пс. 118, 164): молился утром, в полдень, вечером, ночью, в полночь, перед рассветом (см. Пс. 54:18, 118:55, 62:7). И ныне вошло в похвальный обычай у благочестивых молиться утром после сна, вечером перед сном, каждый раз прежде и после вкушения пищи. Святой Златоуст усердной молитве в полночь присвоит особенную важность потому, что в полночь как вся вещественная природа погружается в лоно покоя, так и наша чувственная природа замолкает, меньше противодействует духу, а всеобщая тишина, безмолвие, ночная темнота способствуют сосредоточению мыслей, глубокому погружению в благоговейное размышление о Боге. Потому тогда душа бывает чище и ум легче в молитве возносится к Богу.

А как мы всегда во всем зависим от Бога, постоянно имеем нужду в Его помощи для подкрепления наших немощей, для восполнения наших недостатков, имеем нужду в разных благах, необходимых для души и тела, часто прогневаем Его своими грехами, то, не ограничиваясь известными временами молитвы, постоянно должны молить Бога о помощи, о ниспослании душевных и телесных благ, о прощении грехов, а преимущественно, когда в том настоит надобность, благодарить Его за ниспосланные милости, благодеяния, прославлять Его благодать и прочее. Апостол повелевает даже непрестанно молиться (см. 1Фес. 5:17; Кол. 4:2). Это не значит, будто постоянно надобно стоять и перечитывать молитвы, но значит постоянно иметь молитвенное расположение духа, не выпускать из сознания мысли о всеприсутствии Божиим, о нашей зависимости от Бога во всем, при всяком случае обращаться к Нему умом и сердцем с прошением Его благословения и помощи для всякого начинания, для совершения всякого более важного дела, с прошением благ, необходимых для жизни, с благодарением за ниспосланные блага и благодеяния, с прошением прощения грехов, которыми часто оскорбляем Бога, для

избавления от искушений, напастей и от всех наветов вражиих. Короче сказать, здесь разумеется постоянное памятование Бога, или богомыслие. Когда ешь, говорит святой Златоуст, помышляй, что Бог присущ тебе; когда намереваешься спать, разгневаешься, предашься утехам и что ни делал бы, помышляй, что Бог присутствует при тебе. Сюда же относятся краткие молитвы, особенно молитва Иисусова, сердечные вздыхания; только надобно опасаться, чтобы набожные вздыхания не обратились в пустой механизм и не сопровождались тщеславием и лицемерием. Такие краткие молитвы некоторые предпочитают чтению молитв продолжительных по их удобству и легкости. Они неутомительны, их легко и удобно совершать во всякое время и во всяком месте. Кратким молитвам никакое дело не препятствует, и они никакому делу не мешают, напротив, еще освящают и возвышают его достоинство; всякий случай, когда что видим, слышим, пользуемся какими-либо дарами Божиими, опасаемся или избавляемся от искушений и бед – все подает повод или предмет молитвы, славословия, благодарения Бога. От продолжительного чтения многословных молитв иногда приходит утомление внимания, развлечение мыслей по многим предметам, ослабление усердия – так, как от большого количества горячего материала огонь вдруг вспыхивает большим пламенем, а потом скоро угасает. Если же горячий материал хотя понемногу, но часто подкладывает, то огонь не угаснет и жар постоянно будет поддерживаться. Так и от кратких, но частых молитв сердечный жар, усердие к Богу постоянно поддерживаются. Преподобный Кассиан говорит, что подвижники советуют совершать молитвы чаще, хотя и краткие, чтобы через частовременные молитвы пребыть в непрестанном союзе с Богом, а через краткие избежать стрел дьявола, нападающего на нас во время молитвы.

Все святые подвижники благочестия во все времена почитание Пресвятой Девы Богородицы и призывание Ее в помощь полагали действительнейшим пособием к достижению совершенства. Она, как близкая к сердцу Сына Своего, имеет большое дерзновение к Богу, ходатайство Ее имеет большую силу и успех, и, как сердобольная Мать, как особенная покровительница нравственной чистоты, Она всегда оказывала скорую помощь притекавшим под Ее покров.

Особенную важность имеет также почитание и призывание в помощь ангела-хранителя. Если постоянно будем помнить, что ангел-хранитель всегда находится при нас, видит не только наши дела, но и мысли, желания, намерения, то это побудит нас больше стыдиться грешить, больше иметь ревности к добродетели; и у нас будет больше бодрости в

преодолении искушений или в восстании от грехопадений, когда будем призывать его на помощь, будучи уверены, что это составит для него радость, как и вообще ангелы радуются и об одном грешнике кающемся (Лк. 15:10).

Также особенно полезно призывать в помощь тех святых, которых имена мы приняли на себя в крещении и которые с того времени становятся особенными нашими покровителями. Также полезно призывать и тех святых, которых состояние было ближе к нашему состоянию и которых добродетелям мы удобнее можем подражать, следовать их примеру и за то удостаиваться большего благоволения и покровительства их.

О НАБОЖНЫХ ЧУВСТВАХ УМИЛЕНИЯ

Плодом молитвы иногда бывают чувства умиления, утешения. Правда, достоинство молитвы состоит не в мимолетном возбуждении и живости чувствований, как и вообще набожность в существе своем не требует необходимо горячности сердечных чувствований, а только твердого, неизменного, благоговейного расположения духа, искренней преданности Божией воле, всецелого посвящения себя на служение Богу. Сладкие чувства умиления без ущерба для благочестия могут и не быть, как видим высочайший пример на Самом Исккупителе (см. Мк. 14:33 и далее). Даже чем большую сухость чувствований кто терпит, тот тем более может напрягать и проявлять свою духовную силу, так что подкрепляемый одной простой верой прилепляется не к дарам и утешениям, а к одному виновнику их – Богу, говоря с Псалмопевцем: «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог – твердыня сердца моего и часть моя вовек» (Пс. 72:25–26). Хотя горячие благочестивые чувствования и не составляют сущности набожности, но и ими не должно пренебрегать. Когда они даруются нам от Бога, то много содействуют к нашему преуспеянию в совершенстве. При их помощи дух наш легче, скорее отрешается от земных удовольствий, чувствует даже отвращение к ним. Они дают нам чувствовать ни с чем не сравнимую сладость благодатных даров и духовной жизни, привлекают сердце к большему люблению Бога и всего небесного, а от того бывает, что то, что мы прежде делали с принуждением, неохотно, после будем делать уже с большей легкостью, охотой, даже удовольствием. Таким образом благодатные утешения, порождая в душе нашей любовь к благочестию, укрепляют наш дух, сообщают ему бодрость в прохождении трудного

поприща добродетели.

Но всякому надобно остерегаться, чтобы не злоупотреблять этими небесными удовольствиями. Такие злоупотребления бывают, если кто беспорядочно привязывается к ним, так что не столько Самого Бога ищет, желает, сколько живых, сладостных чувствований от Него. Также если кто в таком состоянии чувствований допускает самомнение, нравится сам себе, любит себя собою, когда кто во время утешения думает, что он все худые пожелания и страсти уже победил и восшел на высшую степень совершенства. От того бывает, что такие люди считают себя святее других, вовсе уже обезопасенными, предаются беспечности, отвергая советы духовного руководителя, следуют только своему мнению и безрассудно вдаются в опасные случаи к грехам и прочему. Равно погрешают и те, которые, думая, что все достоинство добродетели состоит в одних чувствованиях, во время молитвы стараются возбуждать эти чувствования силой или какими-нибудь нелепыми средствами, а когда это усилие их не увенчивается успехом по их желанию, то впадают в малодушие, уныние, оставляют и самую молитву.

Бывали и такие примеры, что люди, упоенные такими удовольствиями чувствований, становились склоннее и к нечистым удовольствиям плоти, так что корабль их, лишившись трезвого кормчего и слишком много полагаясь на попутные ветры, быстро несется по волнам живых чувствований и легко разбивается о камни постыдных пороков. Если сосуд будет нечист, то чего не вольют в него, все испортится.

Особенно это надобно сказать о тех чувствованиях умиления, которые происходят от легкой возбудительности слабых нервов, от чувствительности сердца, изнеженной природы, как это бывает иногда при чтении трогательных молитв, при слушании гармонического церковного пения. Потому есть много женщин, которые, сколько бы ни казались богатыми чувством набожности, большей частью не имеют твердой добродетели, постоянства в ней. Они бывают склонны к воздыханиям и слезам, проливаемым по нежности сердца, ежедневно прочитывают много молитв и желают чаще услаждать себя ангельскою пищей, а в домашнем быту бывают своенравны, капризны, сварливы, упрямы, завистливы, недоброжелательны, болтливы, любят пересуживать других, которые на них не похожи, угождают себе во всех прихотях. Но из этих примеров вовсе не следует заключать, что живые чувства благочестия не имеют никакой цены или пользы, когда между злоупотреблением и правильным употреблением есть большое различие. Потому, чтобы эта небесная пища, доставляющая нам отраду и укрепление сил в подвигах благочестия, не

обратилась в яд, надобно заметить следующее. Когда небесные утешения и наслаждения даруются нам, то мы должны принимать их всегда с глубоким смирением, в твердом убеждении, что они ниспосылаются нам не по нашим заслугам, а по одной благодати Бога, Который хочет нас, как слабых младенцев, сладостью благочестия привлечь к Себе, ободрить, укрепить для предстоящих подвигов и браней.

Особенно это Бог часто делает в начале обращения на путь благочестия, когда еще и страсти сильно влекут в противную сторону, и у слабого подвижника недостает сил противиться им, отрешиться от чувственных удовольствий.

Должно также остерегаться, чтобы сердце наше не слишком жаждало и привязывалось к таким наслаждениям до того, чтобы заниматься делами благочестия только для получения этих утешений или, наслаждаясь ими, забывать Самого Бога – благого подателя их. Строгие подвижники называют это духовным прелюбодейством. Надобно опасаться, чтобы не случилось того, что говорит Премудрый: «Нашел ты мед, – ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изbleвать его» (Притч. 25:16). Какая неблагодарность, когда этими самыми утешениями, которыми Бог так отечески привлекает нас к Себе, мы отвлекаемся, уклоняемся от Него! Когда Бог видит, что мы чрезмерно прилепляемся к сердечным наслаждениям, ища в них не Бога, а себя, то отнимает их у нас и посылает скорби. Также во время благодатных утешений, как бы мы ни казались превознесенными над всеми земными пожеланиями – так, что готовы бы взывать с апостолом: «Кто отлучит нас от любви Божией?» (Рим. 8:35) – однако же не должны надеяться на самих себя и предаваться самомнению и самодовольной беспечности, но должны помнить, что они как даруются нам без наших заслуг, так не от нашей воли зависит и удержать их. За гордое мнение о себе Бог отнимает благодатное утешение; тогда сердце становится как камень и мы можем вовсе упасть духом.

Особенно надобно стараться по силам достигать тех целей, для которых даются эти утешения, именно: чтобы дух наш более и более воспламенялся любовью к Богу, отрешался от пристрастия ко всему земному, с большим усилием преодолевал все препятствия и трудности на пути благочестия и неуклонно с бодростью стремился к высшему совершенству. Во всяком случае, особенно когда бывает необыкновенное утешение, надобно открывать свое душевное состояние духовному руководителю, чтобы узнать, что при этом надобно делать и чего остерегаться, потому что иногда и враг сообщает наслаждение для того, чтобы подвижника ввести в высокое мнение о себе, самонадеянность,

беспечность, обольстить и погубить.

О СУХОСТИ ЧУВСТВ

Как в атмосфере или на море не всегда бывает одинаковая погода – то тепло, ясно, тихо, то холодно, мрачно, бурно, – так и в жизни нашей, и в душе нашей то спокойствие, отрада, то смущение или уныние, холодность сердца, сухость чувств. Во время благодушия и молитва как бы сама собой выливается из души, и всякое благочестивое дело делается легко. А в безутешном состоянии сухости чувств душа вовсе черствеет, нет ни силы, ни расположения ни к молитве, ни к подвигам благочестия, деятельность духа вовсе упадает, и это состояние бывает весьма тяжелое. Потому очень важно знать, от чего оно происходит и как от него избавиться.

По словам преподобного Кассиана, сухость чувств, бесплодность духа, зависит от трех причин: от нас самих, от нашего нерадения; от нападения диавола и по устроению или попусшению Божию. Сухость чувств иногда зависит и от расстройств здоровья, а чаще от нашего нерадения, когда мы благодатные утешения не стараемся прилагать к делам благочестия, хотим беспечно только наслаждаться этими утешениями. А особенно теряются благодатные утешения от развлечения суетными мечтами, празднословием, от излишних житейских забот, от занятия бесполезными делами, от пресыщения в пище, питье, от излишества сна, от гнева и вообще от страстей, от чувственности, которая сильно тоскует, когда не дают пищи страстям, а по удовлетворении страстям еще больше дух упадает.

Если, брат, говорит один старец-подвижник ученику своему, не имеешь в душе своей умиления, то знай, что имеешь высокое мнение о себе, чрез меру насыщаешь чрево или много спишь. Все это не допускает душе умиляться; равно и смех, празднословие и то, что не часто обращаешь к Богу с молитвой. Плач от умиления есть как горящий светильник. Если за светильником внимательно не наблюдаешь, то он темнеет или и вовсе угасает. Так и плач угасается многоядением, многим сном, и всякий плотский покой подавляет его.

Преподобный Марк Подвижник говорит, что без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла, а сердце сокрушается от тройственного воздержания: от сна, пищи и телесного покоя. Излишество оных производит сладострастие, а сладострастие принимает злые помыслы и противится молитве и приличному служению.

Безотрадное состояние сухости иногда происходит и от злого духа.

Преподобный Марк Подвижник говорит, что когда диавол увидит, что ум наш помолился от сердца, тогда он наносит великие и хитросплетенные искушения. Когда Бог дает душе твоей умиление, тогда сатана вспоминает тебе разные дела, говоря: «Это дело нужно сделать теперь» или «иди к тому-то, он болит», – или возбуждает на гнев, который больше всего погубляет умиление. Святой Лествичник говорит, что если будем наблюдать за хитростями бесов, то найдем, что они часто горько насмеются над нами: когда мы насытились, они возбуждают в нас умиление, а когда постимся, ожесточают нас, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предалися наслаждению – матери страстей. А с другой стороны, наводя на душу сухость, они хотят отвлечь от подвигов благочестия как занятия скучного, привлечь к развлечению и чувственным утешениям, в которых обещают отраду и удовольствие. Если же это не удастся, то стараются привести в малодушие, уныние, которое, своей тяжестью подавляя дух, ведет к отчаянию – совершенной смерти души. И Бог лишает нас утешения, когда мы начинаем думать о себе высоко, любоваться собою, тщеславиться; Бог в таком случае поступает с нами подобно матери, которая отнимает сахар у ребенка, подверженного глистам.

Один подвижник говорит, что если Бог дарует тебе плачь, то не говори в себе: великое дело делаю, что плачу. Когда Бог увидит, что человек тщеславится слезами, то отнимает их у него, и остается сердце его жестоко, как камень, и погибает. Иногда Бог лишает утешения и без нашей вины, посылает душевный мрак даже на людей особенно любезных Ему и преимущественно на тех, которых хочет возвести к высшему совершенству, именно: чтобы этим средством очистить их от всякой нечистоты не только плоти, но и духа, более упражнять и укрепить их в добродетелях, особенно в смирении, чистоте сердца, терпении и т.п. Вообще Бог распределяет Свои утешения следующим образом. При начале благочестивой жизни, по словам блаженного Диадоча, Бог обыкновенно дарует сладостные и обильные утешения душам, недавно обратившимся, как слабым еще, которым нужно питаться не твердой пищей, а молоком, чтобы, этой сладостью привлекаясь к Богу, тем скорее отрешались от удовольствий плоти и мира, вкусив небесной манны, скорее получили отвращение к горькому луку египетскому; а когда они несколько преуспевают, то Бог мало-помалу отучает их и от этих услаждений, чтобы прилеплялись к Нему не из-за услаждения вкуса, а ради Его Самого. По Своей премудрости Бог такие любезные души попеременно то ободряет утешениями, чтобы не ослабели вовсе на пути добродетели, то опять

отнимает утешение как для того, чтобы они опытом познали свою слабость и свое ничтожество, так и для того, чтобы тем яснее сознали цену благодатного состояния, глубже и тверже пустили корни любви ко всякой добродетели. Как садовник нежные растения почасту поливает и от холодного ветра защищает, а более твердые растения открывает для ветра и холода, чтобы они от колебания бурей глубже пускали корни, укреплялись и больше зеленели, так и Бог поступает с подвижниками благочестия. Следовательно, погрешают те, которые, не имея утешительных чувств, думают, что молитвы и добрые дела их не имеют никакой цены перед Богом, не заслуживают милости Божией и что они вовсе оставлены, забыты Богом. Все святые по временам подвергаются душевной сухости, и все благочестивые писатели и здравый разум утверждают, что любовь наша к Богу никогда столько не искушается, не очищается и не укрепляется, как когда в большой борьбе чувств, во время мрака скорби продолжаем прилепляться к Нему и принуждаем себя к подвигам благочестия. Тогда мы служим Ему бескорыстно, и усилия, подвиги наши тем приятнее Ему, чем с большим напряжением сил совершаются нами. И при всякой изменчивости чувств и обстоятельств жизни мы должны сохранять постоянное расположение к Богу и благочестию и спокойствие духа. Пусть все около нас кружится вихрем, но мы должны быть тверды, непоколебимы в любви к Богу так же, как компас на корабле во время сильной бури и волнения всегда сохраняет свое направление к полюсу. Мы должны быть неизменно преданы Богу и благочестию всегда, волнуется ли наше сердце сладостными чувствами или скорбью, или мир и небесное утешение разливаются в нем, или мраком оно облегается и колеблют его яростные волны искушений. Кратко: «живем ли или умираем – всегда Господни». И «кто отлучит нас от любви Божией?» (Рим. 14:8, 8:35).

КАК ВЕСТИ СЕБЯ В СОСТОЯНИИ ДУХОВНОЙ СУХОСТИ

Прежде всего надобно исследовать, не от нашей ли вины произошла сухость чувств, и надобно постараться устранить те причины, от которых она произошла. Если же не найдем в себе ничего, что особенно подало бы повод к такой сухости, то без дальнейшего исследования надобно смириться перед Богом, искренно признать свое недостойнство, свою бедность, худость. Но не надобно и малодушествовать, унывать духом, а всю надежду возлагать на Бога и чаще молить Его об избавлении нас от

такого тяжелого душевного состояния; впрочем, не должно быть нетерпеливости или упрямой настойчивости на своем желании. С молитвой нашей всегда должна быть соединена совершенная преданность воле Божией. Пример этого видим в нашем Спасителе, Который в глубокой скорби смертельной молился Богу Отцу: «Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39). Но при этом и сами не должны ничего опускать, что со своей стороны можем сделать для облегчения тяжелого состояния, даже еще больше должны напрягать свои силы для совершения благочестивых подвигов и умножать добрые дела, сколько это возможно будет. Такие подвиги тем большую награду доставят, чем с большим усилием и чистым намерением будут совершаемы нами. Молитва, конечно, должна быть первым главным делом и средством для облегчения душевной тягости; как говорит апостол Иаков: «Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы» (Иак. 5:13). Однажды Антоний Великий впал в уныние и не знал, как избавиться от него. В раздумье ходя по пустыне, вдруг он увидел, что вдали кто-то молился, после молитвы взялся за рукоделие, потом опять становился на молитву, после которой опять занимался делом. Это был ангел, который своим примером учил Антония, что и он также может избавиться от уныния молитвой и занятием каким-нибудь делом, меняя и разнообразя их. Авва Дорофей при бесчувствии души считает полезным частое чтение Священного Писания и умиленных слов святых отцов, памятование о Страшном Суде, об исходе души из тела, об имеющих встретить его страшных силах, о вечном мучении и прочем. Подобно этому говорит и святой Нил Сорский. При сухости чувств считают весьма полезным принести исповедь духовному отцу, искренно раскрыть ему все тайники своего сердца с готовностью исполнить его совет. Весьма полезна и беседа с благочестивыми людьми. Из опыта известно, что через смиренное раскрытие своего душевного состояния сердце, утесняемое скорбью, облегчается, расширяется; даже часто случается, что вдруг все облако печали рассеивается и возвращается тихое, отрадное состояние духа.

Глава Третья. О ЧТЕНИИ НАЗИДАТЕЛЬНЫХ КНИГ

Чтение назидательных книг так же, как и молитва, доставляет пищу душе (см. 1Пет. 2:2; 1Кор. 3:2; Евр. 5:13–14) и служит средством к преуспеянию в духовной жизни. Это преимущественно надобно сказать о чтении книг Священного Писания и писаний святых отцов. Слово Божие, заключенное в Священном Писании, просвещает разум светом ведения Божественных, небесных духовных предметов, до которого естественный разум сам собою никогда не мог бы возвыситься по своим началам мышления путем исследования, указывает нам высшее назначение, святые законы нравственности, высшие, лучшие всех правил языческих мудрецов. Очищая разум от ложных понятий и обогащая истинным ведением спасительных предметов, оно расширяет круг его деятельности, делает его способным вести человека прямым, безопасным путем к высшему совершенству и вечному блаженству. Слово Божие, проистекая из источника святости и любви, очищает и сердце читающего от нечистых чувствований, делает его более способным к восприятию благодатных внушений. Красота добродетели и всех Божественных совершенств, усматриваемых в Священном Писании, дает сердцу чувствовать сладость Божественной жизни, возбуждает святые чувствования, воспламеняет любовь к великолепию Божественных совершенств. Утешения Божественные проливают в сердце отраду среди всех горестей земной жизни и радость о Боге живом. Наконец воля, от теплоты сердечной заимствуя силу, словом Божиим (угрозами и обетованиями его) еще более возбуждается к правильной деятельности, к исполнению Закона Божия, к угождению Богу и, воодушевляясь силой благодати, сокровенной в слове Божиим, делается более твердой в борьбе с искушениями, непреклонной к злу, неутомимой в добре. Ибо слово Божие «есть сила Божия ко спасению всякому верующему» (Рим. 1:16). Священное Писание имеет несравненное превосходство перед другими писаниями как по высокому своему содержанию, так и по происхождению от Бога – источника истины, святости, любви. Потому заключающиеся в нем сведения, как совершенно достоверные, не подвержены никаким изменениям, колебаниям, сомнениям; убеждения его глубоки, непоколебимы. Нравственные законы, как законы Творца и верховного Владыки людей и всех разумных существ, имеют высший авторитет, обязательность и силу побуждать нас к исполнению их, и, как премудро приспособленные к нашей природе, они удобно могут возводить людей к высшему совершенству. Обетования благ

и утешения, предлагаемые в Священном Писании от лица Бога – источника всех благ и всемогущего распорядителя судьбами мира духовного и вещественного, и притом соединенные с благодатию Святого Духа, лучше всякого человеческого утешения проливают в сердце отраду, успокоение и радость о Боге. Святой апостол Павел, показывая многообразную пользу слова Божия, говорит ученику своему святому Тимофею: «Ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2Тим. 3,15–17). Святой Псалмопевец о спасительных действиях слова Божия на ум, волю и сердце говорит: «Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых. Повеления Господа праведны, веселят сердце; заповедь Господа светла, просвещает очи. Страх Господень чист, пребывает вовек. Суды Господни истина, все праведны; они вожделеннее золота и даже множества золота чистого, слаще меда и капель сота; и раб Твой охраняется ими, в соблюдении их великая награда» (Пс. 18, 8–12). Святой Иоанн Златоуст, изображая пользу чтения слова Божия, говорит, что если тебе хочется узнать, какая происходит польза от Священного Писания, то испытай самого себя, что с тобой бывает, когда слушаешь псалмы, и что, когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении духа проводишь время в церкви и в каком – сидишь в театре. Тогда увидишь, как велика разность в душе при том и другом состоянии, хотя душа одна и та же. Священное Писание есть пища души, украшение, ограждение ее; напротив, не слушать Писания для души есть голод и пагуба. Дам им (иудеям), говорит Господь, «не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Ам. 8:11). Что этого бедственнее, когда то зло, которым Бог угрожает как наказанием, ты сам произвольно навлекаешь на свою голову, томишь ужасным голодом душу и делаешь ее слабейшею всего на свете? Ибо слово обыкновенно и портит душу, и исцеляет ее; слово срамное возжигает похоть, а слово благонравное внушает целомудрие. Если же обыкновенное слово имеет такую силу, то как же ты пренебрегаешь Священным Писанием? Если простое увещание столь сильно действует, то не гораздо ли действительнее увещание духовное? Слово, произнесенное из Священного Писания, сильнее огня смягчает ожесточенную душу и делает способной ко всему доброму. Этим средством великие мужи, други Божии, достигали совершенств.

И мы можем угодить Богу, и уста наши, когда упражняем их

духовными беседами, не оскверняются укоризнами, срамословием и ругательствами. Мы сделаемся страшными для демонов, когда вооружим свой язык беседами из Священного Писания. Мы в большей мере привлечем на себя благодать Божию, и взор наш делается пронизательнее, ибо Бог дал нам зрение, уста и слух для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы говорили и делали угодное Ему, воспевали Ему непрестанные песни, воссылали Ему благодарения и тем очищали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, бывает здоровее, так и душа, питаясь этими занятиями, делается мудрее. Не случилось ли тебе видеть, что из телесных очей, когда они долго побудут в дыму, текут слезы, а на открытом свежем воздухе, при источниках и в садах они делаются острее и здоровее. То же бывает и с душевным оком. Если оно пасется на лугу духовных писаний, то делается чистым, ясным и пронизательным, а если пребывает в дыму житейских попечений, непрестанно будет точить слезы и плакать в этом и будущем веке. Как приятно заниматься чтением Священного Писания! Приятнее и восхитительнее, нежели смотреть на какой-либо луг или прекрасный сад, особенно когда чтение бывает с разумением. Ибо хотя луг, красота цветов, древесные листья, розы и увеселяют зрение, но по прошествии нескольких дней засыхают. Напротив, разумение Священного Писания ограждает ум, очищает совесть, искореняет низкие страсти, насаждает добродетель, возвышает разум, не попускает предаваться отчаянию при неожиданных бедственных обстоятельствах, поставляет выше стрел диавольских, переносит на самое небо, отрешает душу от уз тела, дает ей легкие крылья. Но какая польза может быть, скажет кто-нибудь, когда иной слушает, но не исполняет того, что слышит? Немалая польза и слышать только. Узнаешь сам себя, вздохнешь и, может быть, дойдешь и до того, что будешь исполнять слышанное. А кто не знает даже, что он согрешил, может ли воздержаться от грехов, прийти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать чтением или слушанием Священного Писания. Это умысел диавола – не позволять нам видеть духовного сокровища, чтобы мы не обогатились. Он представляет нам малозначущим чтение или слушание Божественного закона, опасаясь видеть, что через слышание мы сделаемся исполнителями. А чтобы жизнь души не истощалась, всегда была полна, для этого нужно чаще читать Священное Писание. Чаще потому, что память наша не может надолго удерживать в себе то, что редко и слабо касается нашего сознания, особенно при частом развлечении от разнообразных впечатлений, произведенных земными предметами, которые, отовсюду окружая нас, вносят свои образы в нашу душу,

изглаждают в ней святые впечатления, особенно при коварном покушении духа злобы всеять в нас суетные, нечистые помыслы, которые, как мраком покрывая светлые мысли, почерпнутые из Священного Писания, и производя забвение читанного, омрачают разум, возбуждают в сердце нечистые чувствования и страсти, порабащующие волю чувственности, и таким образом вовсе расслабляют силы души. Потому-то и нужно чаще читать Священное Писание, которое, как противоядие, исторгает из души суетные помыслы и чувствования. Чаще надобно читать для того, чтобы слово Божие резко напечатлелось в сознании и, оставаясь в памяти, проникало ум и сердце так, чтобы все наши мысли, чувствования и стремления из семени слова Божия развивались, укреплялись, освящались им, чтобы из этого семени, посеянного здесь на земле, развивалась жизнь души и в вечности и по роду своему приносила плоды. При редком и малом занятии Священным Писанием слово Божие не может глубоко положить в нас зерна Божественной жизни. Напротив, при многократном и тщательном упражнении в нем благодатное семя, носимое человеком в тайне сердца, непременно растет, цветет и приносит нетленный плод. Положим, что мы знаем все, что должно делать, но не всегда это исполняем, потому что многое из того, что долженствовало бы располагать нас к какому-либо святому делу при случае к совершению его, бывает потеряно памятью. Потому посредством частого чтения Священного Писания и нужно возобновлять в памяти забытое. Впрочем, хотя бы мы и постоянно хорошо помнили, что однажды узнали, но одно памятование еще не много значит, если оно не обращается в жизнь нашего духа для возбуждения и направления его деятельности. Изучив известную науку, художества, снова уже не учатся им. Для науки достаточно, если и однажды приобретенные познания удерживаются в памяти. Но жизнь не наука, для нее необходимо постоянное питание словом Божиим для укрепления сил духа, ослабляемых бездеятельностью или беспорядочной деятельностью, или развлечением внешними предметами. Хотя хлеб, употребляемый нами в пищу, всегда одинаков, но мы не насыщаемся им однажды на всю жизнь. Так и слово небесного учения, конечно, одинаково для нашей памяти, но неодинаково для духа. Оно изрекает нам Божественное всегда новым образом, и старое в нем никогда не стареет.

Святой Давид говорит о себе, что он, с постоянным усердием поучаясь в Законе Божиим, всегда находил в нем отраду и услаждение. «Истомилась душа моя», говорит он, непрестанным желанием познать суды Твои, Господи! «Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое. Как сладки гортани моей слова Твои! лучше

меда устам моим» (Пс. 118:20, 148, 103).

Если и всегда полезно заниматься чтением Священного Писания для питания духовной жизни и укрепления ее сил, то особенно это нужно при сухости сердечных чувств, загрубелости сердца от беспечности, во время большого изнеможения духа от сильных искушений, от страстей, после рассеянности мыслей, для успокоения духа, для собранности мыслей, когда хотим приступить к совершению молитвы. А еще более нужно укрепление духа чтением Священного Писания при стечении бедственных обстоятельств, которые, чувством скорби раздирая сердце, своей тяжестью подавляют дух, повергают в уныние, тоску, даже отчаяние, особенно при безнадежности переменить бедственное свое состояние на лучшее, когда для этого недостает ни собственных сил, ни помощи со стороны других. В таком состоянии никакие человеческие утешения не сообщат душе отрады, которой нельзя найти больше нигде, как только в Боге, религии, в беседе с Богом, то есть в молитве и чтении Священного Писания. Ибо когда молимся, то мы беседуем с Богом, а когда читаем слово Божие, то Бог беседует с нами. Утешения в бедствиях, заимствуемые из Священного Писания, тем более отрадны, что они – утешения не человека, который по изменчивости воли легко может изменить свое обещание помощи и по слабости сил часто бывает не в состоянии оказать пособие, но предлагаются от Бога, Который, как бесконечно благий, благоволил облегчить бедствия и скорби, воздать за них награду, как премудрый, знает, когда и как избавить нас от напасти (см. 2Пет. 2:9), и, как всемогущий, все может исполнить.

Правда, что хотя всякий обязан знать Закон Божий и исполнять, но по обстоятельствам жизни или службы не всякий может в одинаковой обширности прочитывать Священное Писание. Советуют и считают возможным каждому прочитывать ежедневно, по крайней мере, по одной главе из Ветхого и Нового Завета утром и вечером, а в праздники следовало бы большую часть времени посвящать на поучение в Законе Божиим. Из книги Ветхого Завета можно прочитывать книгу Бытия, Второзакония, чаще надобно читать Псалтирь, полезно также читать Притчи Соломоновы, Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, из пророческих – Книгу пророка Исаяи, а преимущественно надобно читать Евангелия и Апостольские послания. После книг Священного Писания для возбуждения ревности к христианскому благочестию и разным добродетелям полезно читать Четии Минеи, то есть жизнеописания святых, также писания святых отцов нравственного содержания. Святые отцы, просвещаемые благодатию Божиею, собственным опытом лучше

ученых теоретиков познавали человеческую природу, все ее немощи, страсти, причины грехов, все хитрости, наветы врагов, средства побеждать их, различать действия врагов или природы от действий благодати, чтобы не вдаться в обман, вернее постигали путь благочестия и спасения. Чтение их писаний обогащает и разум наш самыми верными познаниями, взятыми из опыта, и что особенно важно, сердце от частого чтения напитывается благочестивыми чувствованиями, сильнее воспламеняется ревностью к подвигам благочестия. Ученые книги могут доставить пользу только ученым. На свете ныне много книг, но в выборе их для чтения надобно быть осторожным, чтобы иначе, ища без разбора во всем встречном пищи духу, вместо питательного хлеба не проглотить гнилого или совершенно ядовитого вещества. О сочинениях языческих, романических, которые льстят чувственности, разжигают страсти или содержат вольные мысли, противные религии, Церкви и гражданским постановлениям, нечего и говорить. Это гнилые болота, которые чем больше мерцают разноцветными огнями фосфора и разных газов, обольщающими взоры, тем больше заражают воздух смертоносными испарениями (миазмами). Даже и из хороших, одобренных книг не всякая одинаково полезна каждому. Кроме различия книг по достоинству содержания, различие пользы от чтения зависит и от различного духовного возраста, степени образования, настроения духа, характера и духовных нужд читающих. Так иногда и отличная сама по себе книга может принести больше вреда, нежели пользы, когда она превышает разумение или не приспособлена к внутреннему состоянию и силам нашим. Например, если юный по духовному возрасту, скудный разумением будет читать книги о высоких богословских истинах или о высоких подвигах – духовной молитве, безмолвии, высших озарениях, видениях, то больше повредит себе. Такому полезнее прежде читать те книги, в которых излагается учение, как побеждать в себе страсти, приобретать смирение, кротость, любовь, терпение, целомудрие и другие добродетели. Новоначальным можно советовать читать книги в таком порядке: сначала жития святых – для возбуждения ревности к подвигам благочестия; потом писания святого Ефрема Сирина, руководство к духовной жизни святого Варсонофия, нравоучения святого аввы Дорофея, святого Златоуста, святого Тихона Воронежского о должности христианина и другие; святого Иоанна Лествичника, святого Иоанна Кассиана Римлянина, преподобного Нила Сорского скитский устав; затем беседы и слова святого Макария Египетского, святого Исаака Сирина. В «Добротолубии» – сначала деятельные главы, а под конец уже и главы о трезвении и молитве. Кто

наоборот будет читать, тот больше повредит себе: начитается книг сначала о трезвении, духовной молитве, благодатных озарениях и будет думать, что он и сам уже достиг до этой же меры совершенства; или вместо того, чтобы начать с подавления в себе страстей, он прежде возьмется за трезвение, безмолвие – и повредит себе, впадет в гордость, самообольщение и погибнет.

Большая разность в пользе чтения зависит и от того, кто с каким намерением будет читать – из одного любопытства и желания приобрести больше познаний, или для возбуждения ревности к благочестию. Потому, чтобы получить пользу от чтения, надобно искать не столько обширных познаний или красноречия, сколько назидания. Иначе это все равно будет, как если бы кто в прекрасном саду стал рассматривать разнообразие деревьев, их породу, любоваться их цветами, а плодов их не касаясь, стал бы только умствовать о их формах, качествах; тот при всем обилии плодов не узнает вкуса их, не ощутит сладости и из-за сытного, роскошного стола выйдет голодным. А надобно стараться при чтении узнать истины и правила закона именно с тем, чтобы приложить их к своим поступкам, чтобы они всегда были правилами нашей жизни; благочестивые чувствования священных писателей или святых отцов надобно усвоить сердцем, возбудить в нем горячность подобных чувствований, чтобы оно воодушевилось ревностью к благочестию. Для этого надобно читать книги не слишком поспешно, бегло, урывками, а внимательно, рассудительно и останавливаться размышлением на важных местах. Часто смысл написанного мы тогда только хорошо понимаем и усвоим, когда два и три раза прочитаем то же. Как для знания, так и для благочестия весьма полезно читать хотя не много книг, но многое из них усвоить себе (*pop multa, sed multum legere debet*, говорили древние). Для этой цели, когда чувствуем, что душа наша возбуждается и услаждается какою-нибудь истиной, нравственным правилом или описанием добродетелей, надобно до тех пор останавливаться на этом месте размышлением, пока предложенная духовная пища будет, так сказать, хорошо пережевана и обращена к питанию нашего духа. Когда от чтения разгорится сердце и душа придет в умиление, то святые отцы советуют оставить чтение и заняться молитвою, которая в этом случае бывает пламеннее и больше пользы доставляет душе. Также очень полезно делать выписку хороших мыслей из книг, чтобы после чаще перечитывать их и лучше усвоить себе, подобно пчеле, которая собирает себе мед с разных цветов и при том трудится не столько для себя, сколько для пользы других.

Подраздел Б. О БЛАГОДАТНЫХ СРЕДСТВАХ К ПРЕУСПЕЯНИЮ. В ХРИСТИАНСКОМ СОВЕРШЕНСТВЕ, ДАРОВАННЫХ СПАСИТЕЛЕМ

Если человек и до падения имел нужду в Божественной помощи, как и для развития и укрепления телесной своей жизни получал пищу из внешней природы, то тем более по падении он стал нуждаться в высшей помощи. Душевные силы его до того расстроены, расслаблены грехом, что и по возрождении он ничего доброго не может сделать и спастись без содействия благодати Божией. Спаситель говорит: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15,5). И апостол говорит: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2:13). Бог «спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3:5–7). «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8–9). «Благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их (апостолов) потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1Кор. 15:10). А благодать Свою, необходимую для возрождения, освящения, просвещения, укрепления и возведения нас к высшему совершенству, Господь благоволил сообщать нам преимущественно посредством таинств, каковы суть крещение, миропомазание, Евхаристия, покаяние, священство, брак и Елеосвящение. Так как люди состоят не из души только, но и из тела, то Богу угодно было и благодать Свою сообщать для освящения как души, так и тела не только духовным, но и чувственным способом – чрез вещество или священнодействия, то есть посредством таинств. Если бы ты был бестелесен, говорит святой Иоанн Златоуст, то Бог преподал бы тебе Свои дары духовно; но поскольку душа твоя соединена с телом, то и подаются тебе сии дары в чувственных видах. Это для того, чтобы эти внешние виды были для нас, с одной стороны, видимым, как бы осязаемым удостоверением и залогом в действительном сообщении благодати, с другой – также видимым и живым напоминанием о неизреченных

благоденствиях, явленных нам Спасителем нашим, и вместе более сильным побуждением к тому, чтобы мы всегда старались надлежащим образом готовить себя к достойному, благоговейному принятию спасительной благодати, потому что на чувственного человека вообще сильнее действует все чувственное. Без внешних возбудителей долупреклонный человек скорее погрузился бы в духовный сон беспечности и не стал бы с таким усилием, принуждением себя искать благодати и без надлежащего приготовления не был бы способен и достоин получить ее, да и никогда ничем не мог бы увериться, что он получил благодать Божию. Притом же Богу угодно было раздаяние благодати верующим предоставить избранным, более способным служителям благодати, особо освященным для этого.

Хотя все таинства необходимы, но как некоторые только зачинают жизнь духовную, христианскую и более не повторяются (крещение и миропомазание), а некоторые установлены для особенных, частных целей, не относятся ко всем (священство и брак), то здесь остается рассмотреть только три таинства: покаяние, Евхаристию и Елеосвящение. Эти таинства суть как бы источники, преисполненные дарами Святого Духа, так что с нашей стороны требуется только приступать к ним и быть сосудами, способными к принятию их; именно: надобно дух свой приготовить, как должно к принятию их, сознанием собственных недостатков, немощи, пробуждением чувства потребности и искреннего желания благодати, верою, надеждою, любовью, благоговением, смирением, решимостью приносить плоды духовные (см. [Гал. 5:22–23](#)) и другими подобными действиями и расположениями души. Если к таинствам приступают с таким расположением духа, то благодать от Бога изливается всегда и на всех обильно. Если же мы не ощущаем в себе никакого плода или только малый плод, то такую скудость при большом богатстве благодати надобно приписать единственно нашему нерадению и нерасположению или неприготовленности к принятию ее.

О ТАИНСТВЕ ПОКАЯНИЯ

Хотя христиане в купели крещения возрождаются, освящаются, но как по немощи природы человеческой и после крещения часто подвергаются грехопадениям, то для очищения наших грехов Спаситель установил таинство покаяния, особенно когда по воскресении Своем говорил Своим ученикам: «Мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи,

тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:21–23). Даю вам «ключи Царства Небесного... что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 16:19, 18:18). А в лице апостолов и всем преемникам их – епископам и священникам всех времен – Господь предоставил Свое право или власть вязать и разрешать, то есть прощать или оставлять на людях грехи. Из слов Спасителя видно, что грехи, как узы, связывают душу, содержат в неволе; что никто не может сам собой развязать и освободиться от этих уз без разрешения священника, уполномоченного на то от Бога. Но и священник не разрешит, если узник греха и со своей стороны не будет содействовать этому. Что же требуется для этого со стороны грешника? Многие приступают к исповеди без всякого размышления, довольствуются только тем, что перескажут свои грехи священнику наскоро, поверхностно и думают, что тем и все дело кончено. Потому от такой исповеди и не получают надлежащей пользы. Для того чтобы принести истинное покаяние, нужно прежде всего вникнуть в свое душевное состояние, спросить свою совесть, какие именно у нас грехи, от чего происходили – от нерадения и легкомысленности или с обдуманым намерением, или по встретившемуся искушению, по увлечению от страсти; какие в нас господствующие страсти, от которых происходят многие грехи, как от корня дерева разрастается множество ветвей; что питает эти страсти; надобно сознать тяжесть своих грехов, которыми мы оскорбляли святость Божию или людей; сколько произошло от наших грехов вредных следствий для нас самих и для других, которым мы причинили скорбь или вред; сколько подали соблазнов, которыми ввели других в грех. За все это подвергаемся гневу Божию и наказанию временному и вечному, если не раскаемся чистосердечно.

Живое сознание своей греховности и ее губительных последствий есть начало покаяния, без которого не может быть никакого продолжения. Ибо кто раскаивается, тот прежде всего должен знать, в чем надобно раскаиваться. Но как скоро кто сознает тяжесть грехов, свою виновность перед Богом, глубоко почувствует расстройство души, произведенное грехами, угрызения совести, смущение страхом гнева Божия и гибели, тот не может не жалеть о том, что своими грехами так часто оскорблял Бога – своего Творца, Благодетеля, Спасителя, Который посылает нам все блага, а от нас ничего не требует, кроме любви к Нему, благодарности, исполнения Его Закона или преданности Его воле, и за то обещает вечное блаженство; тот не может не скорбеть сердцем о своем несчастном состоянии и опасности погибнуть. Вместе с этим кающийся не может не

почувствовать отвращения от своих грехов, не может не гнушаться своей нечистотой, не может не пожелать скорее освободиться от грехов, скорее загладить свою виновность сколько можно, исправить допущенное им зло, с твердой решимостью отстать от прежних грехов, переменить расположение своей души и вступить на путь добродетели для благоугождения Богу. В этом-то, собственно, и состоит раскаяние, то есть в решительной перемене греховных мыслей, желаний, расположений, вообще всей худой жизни на лучшую, добродетельную жизнь, а не в том, чтобы только пересказать священнику свои грехи. Как на суде человеческом преступник, схваченный на месте преступления, сколько бы ни сознавался, что он виновен, если при том не даст обещания больше не делать подобных преступлений, не уменьшает тем своей вины и не освобождается от наказания по всей строгости, а кто непритворно высказывает сожаление о том, что сделал преступление, и дает решительное обещание впредь вести себя лучше, тому на суде оказывается больше снисхождения. Так и на суде Божиим бывает. Кто не чувствует скорби, не сожалеет о том, что много сделал грехов, тот, значит, имеет сердечную привязанность к ним, не хочет отстать от них; и пока питает в сердце любовь к ним, пока не возгнушается ими и не решится отстать от них, до тех пор он остается нечистым по душе, а к нечистой душе Бог по Своей святости не может благоволить и не удостоит ее вечного блаженства. Напротив, всякая греховная нечистота возбуждает в Боге отвращение, гнев. Бог по Своему милосердию всегда готов миловать людей, прощать им грехи, но не иначе как под тем условием, если люди сами решаются оставить свои грехи и с сокрушенным сердцем просят прощения. А кто не хочет отстать от грехов, сбросить с себя оковы страстей, тот, хотя бы сто раз приходил на исповедь, не способен принять и хранить благодать, даруемую искренно кающимся, навсегда останется узником страстей, рабом греха, чадом гнева Божия.

Мало того, чтобы только отстать от прежних грехов, нужно еще добрыми делами доказать свое раскаяние, удовлетворить правосудию Божию, заплатить долг, вознаградить за оскорбление Бога и за зло, причиненное другим, уничтожить последствия своих грехов, исправить сердце, подавить страсти – корень зла, с большей заботливостью, осмотрительностью избегать случаев, поводов, всех приманок к грехам, с большей тщательностью употребить средства не возвращаться на прежние грехи, утвердить в себе добрые намерения, решимость неуклонно следовать по пути добродетели, мужественно преодолевать все препятствия на этом пути. Но опыт показывает, что грешник при всем

желании освободиться от темной власти греха, изгладить следствия прежних пороков не в состоянии сделать ни того, ни другого. Он не может исправить своей природы, потому что для этого нужно стать выше себя, выше своей природы. Для этого у него не останется ни умения, ни сил; для этого нужна сила творческая, сила всемогущей благодати Божией, которая одна может изменить на лучшее самое основание нашей жизни. Не может грешник изгладить и следствий своих грехов, потому что эти следствия простираются далеко за круг нашей власти. Убеждение в невозможности освободиться собственными силами от грехов, их губительных последствий и самому собою удовлетворить за них правосудию Божию заставляет грешника прибегнуть к милосердию Божию, смиренно просить прощения ради бесконечных заслуг Иисуса Христа, которые Он оказал послушанием Богу Отцу, страданиями и смертью на кресте, как умиловительную жертвою правосудию Божию за грехи людей. Если Бог милует нас, то не за наши заслуги, которых мы вовсе ничем не можем оказать Богу, а по Своему милосердию и по вере нашей в искупительные заслуги Иисуса Христа, и только ради этих заслуг прощает нам грехи (см. Деян. 4,12), сообщает благодать, очищающую нас от греховной нечистоты и укрепляющую в подвигах благочестия, но под условием исповеди грехов перед священником и получения от него разрешения.

Хотя всякий грешник может и должен ежедневно каяться в глубине души и исповедовать свои грехи перед очами одного Бога, но вместе с тем нужна для нас и устная, подробная исповедь перед священником. Всеведущему Богу, конечно, давно известны не только дела, но и все помышления наши – не прошедшие только, но и будущие. Но исповедь необходима для нас, чтобы мы имели побуждение глубже вникнуть в свое нравственное состояние, яснее узнать самих себя, свою жизнь, свои недуги; чтобы засвидетельствовать, что мы помним свои грехи, понимаем тяжесть их, не хотим более скрывать их от правосудия Божия, чтобы имели побуждение сильнее возненавидеть их, сознавая, как стыдно, тяжело открывать их; чтобы искренне пожелали освободиться от них, посредством устной исповеди как бы извергнуть всю скверну беззаконий из души и чтобы с большим сокрушением сердца и смирением просили у Бога прощения их. Кроме того, кто искренно раскаивается в своих грехах перед Богом, для того не может быть ничего вожделеннее, как получить свыше ответ на свою исповедь и действительное уверение в прощении грехов, и пока не получит этого уверения, до тех пор он постоянно будет возмущаться сомнением, точно ли Бог простил ему грехи. Но для этого уверения голос собственной совести недостаточен, потому что сама

совесть наша подлежит суду, прежде и больше всего имеет нужду в успокоении от Бога. Притом разрешение от грехов есть дар благодати Божией, а этого дара как мы сами не можем произвольно восхитить, так и никто другой не может сообщить нам без посредства священников, как освященных слугителей благодати. Им одним Бог предоставил Свою власть разрешать грехи и уполномочил их от Себя уверять кающихся в прощении грехов (см. Ин. 20, 22–23; Мф. 18,18).

Для более совершенного очищения грехов необходимо со всей ясностью и подробностью раскрыть на исповеди перед священником все свои грехи, сделанные волей или неволей, делом, словом, помышлением и всеми чувствами, именно: прежде всего надобно исповедать все грехи произвольные, более смущающие совесть; раскрыть, по каким побуждениям они сделаны, при каких обстоятельствах, которые более или менее увеличивают тяжесть грехов; показать, часто ли подвергались одним и тем же грехам; потом должны быть исповеданы те грехи, в рассуждении которых совесть не ясно дает нам видеть степень нашей виновности; затем должно исповедать грехи опущения добра, или нерадения, грехи легкомыслия, малые и частые проступки, грехи слова и вообще все те грехопадения и недостатки, в которых допускается хотя малое, по-видимому, нарушение Закона, но которые, составляя нечистоту нашей души и виновность перед Богом, не могут не вменяться нам по Его праведному суду. Затем должны быть открываемы на исповеди все господствующие расположения души, страсти, склонности, привычки, чтобы было вполне раскрыто нравственное состояние наше и тем совершеннее могло быть врачевание его. Одно общее исповедание перед священником (а когда кто скажет, что грешен во многом) и одно общее разрешение всем исповедающимся вовсе недостаточно для получения полного разрешения грехов и совершенного успокоения совести. Исповедь должна быть как судом для нашей совести, так и врачевством для души и поучением для всей жизни нашей, а потому требует ясного и полного раскрытия всех немощей и болезней душевных, чтобы применительно к ним сообщено было полезное врачевание. Как в телесных болезнях, когда больной подробно расскажет, от чего приключилась болезнь, что именно болит, какие припадки бывают, часто ли повторяются, тогда врач лучше может указать, что это за болезнь, какое назначить лекарство против нее, как надобно пользоваться этим лекарством, тогда и лечение будет успешнее, и выздоровление скорее. А когда больной скажет вообще, что он болен, а не объяснит, чем именно болен, тогда и врач не узнает, какое лекарство назначить, и болезнь, застаревшись, останется неисцеленною.

Так и в духовных недугах бывает: исповедник какие грехи откроет, в тех только грехах и получит разрешение и приличное наставление, а каких грехов не откроет, в тех и не получит разрешения, прощения, и они всегда будут тяготить и смущать совесть. А кто с намерением утаивает свои грехи на исповеди по стыду или по ложному страху, тот тем хуже делает, к прежним грехам прибавляет новый грех – ложь, хочет обмануть священника или, лучше сказать, самого Бога, Который невидимо присутствует при исповеди и принимает покаяние от грешника, а священник служит только свидетелем этого покаяния для разрешения грехов от имени Бога и для засвидетельствования на всеобщем Страшном Суде о раскаянии всякого исповедника и открытые ему грехи обязан хранить в тайне под опасением лишения сана за открытие грехов исповедников. А если кто, не очистив своей совести от грехов утаенных, приступает к Святому Причащению, тот прибавляет еще новый, самый тяжкий грех – святотатство, тот становится как бы вторым Иудою предателем, унижающим пречистое Тело и Кровь Христовы, и принимает их не в исцеление души и тела, а еще в большее осуждение (см. 1Кор. 11, 29–30). Нехотение открыть свои грехи есть явный признак, что грешник крепко привязан к ним и не хочет расстаться с ними. Поэтому рана душевная может остаться застарелой и неизлечимой. Какие грехи будут открыты и очищены здесь на исповеди, те уже не откроются и не вспомнятся на Страшном Суде, а утаенные здесь на Страшном Суде все откроются перед Богом, ангелами и всеми людьми во всей их наготе и безобразии. Тогда будет несравненно больше стыда, а каяться тогда уже поздно, никто и не примет покаяния. Потому лучше здесь перед одним священником потерпеть стыд и загладить свои грехи исповедью, нежели подвергнуться невыносимому посрамлению перед всем миром на Страшном Суде и осуждению на вечное мучение.

Как часто надобно исповедоваться? Надобно исповедоваться во всякой тяжелой болезни, пока она еще не дошла до крайней степени. Когда от жестокой боли чувства все бывают возмущены или вовсе подавлены, сознание помрачается, часто приключаются обмороки, тогда человек не способен уже бывает и к исповеди. Надобно исповедаться при всякой близкой опасности смерти, например, когда кто хочет плыть по морю или зимой отправляется в дальний, опасный путь и т.п. Полезно исповедоваться тотчас после всякого тяжкого грехопадения. Надобно исповедаться перед временем причащения Святых Тайн Тела и Крови Христовых. По правилам церковным ревностные к благочестию исповедуются четыре раза в год, а всем поставлено в непременною

обязанность исповедаться однажды в год.

А что сказать о тех, которые очень редко и неохотно, как бы по принуждению, приходят или и вовсе не ходят на исповедь? Такие подобны человеку, который, поскользнувшись на высокой, крутой горе, чем ниже спускается, тем более затруднительным делает для себя подъем на гору, тем легче и скорее может упасть в пропасть и разбиться.

Напротив, кто чем чаще ходит на исповедь, чем с большей искренностью, сокрушением сердца и подробнее исповедует свои грехи, тот тем больше получает душевной пользы.

А польза от частой исповеди вот какая:

отпущение грехов – прощение виновности, избавление от вечного наказания, примирение с Богом, дерзновение в молитве;

возвращение освящающей благодати, которая сообщает нам способность делать добрые дела, всем силам души дает правильное направление, укрепляет их против искушений и наветов врагов;

служит необходимым приготовлением к причащению Святых Тела и Крови Христовых для утверждения в благочестии (а без этого приготовления – очищения совести от грехов посредством исповеди – недостойное причащение послужит только к большему осуждению);

восстанавливается спокойствие совести и мир души, превосходящий всякое чувство, который придает нашему духу бодрость и готовность нелестно шествовать путем добродетели;

хотя мы по немощи нашей природы и не можем не подвергаться иногда легким грехопадениям, но через частое исповедание мы по крайней мере возбуждаемся возобновлять и усиливать заботливость предостерегать себя от новых больших грехов;

самое открытие грехов, смиренное обвинение себя, возбуждая стыд и отвращение от грехов, сильно ослабляет худые наклонности и страсти и удерживает от новых грехов, а скорбь о грехах, сокрушая и умягчая сердце, делает его более способным к принятию благодати, совесть становится чувствительнее, голос ее яснее, слышнее, и ум делается более зорким для усмотрения и различения грехов самых малых;

много помогают увещания и наставления духовного отца, особенно когда он опытен в духовной жизни.

Больше пользы будет исповеднику, когда он будет исповедоваться постоянно одному духовнику. Как лечение телесной болезни успешнее бывает, когда лечит один врач, который при долговременном наблюдении за проявлениями болезни верно узнает все особенности натуры больного и, применяясь к ним, удачнее вылечивает, а если часто переменять лекаря,

то это мало принесет пользы. То же надобно сказать и о врачевании душевных недугов, когда будет врачевать их постоянно один духовный отец.

О ПРИЧАЩЕНИИ

Бог по Своей беспредельной благодати, жалея о гибели грешников и зная, что они сами собою не могут избавиться от нее, определил спасти их через Единородного Своего Сына. Сын Божий с любовью принял на Себя исполнение этой воли Бога Отца. Для сего сошел на землю, то есть принял тело и душу человеческие, чтобы в естестве человеческом за людей во всей точности исполнить Закон Божий, Своими страданиями и смертью удовлетворить правосудию Божию. И Своими заслугами Он не только заплатил за людей долг, но исходатайствовал еще благодать Святого Духа, которая необходима для возрождения, укрепления, освящения и спасения людей и которую сообщает посредством Святых Таинств, особенно посредством таинства Евхаристии, установленного перед временем Его страданий и смерти. Для безмерной любви Спасителя к нам как бы недостаточно было того, что Он добровольно предал Себя на страдания и крестную смерть в жертву для искупления нас от вечной смерти, гибели; Он благоволил еще дать нам в пищу Свою пречистую Плоть и Кровь под видом хлеба и вина для теснейшего соединения с Ним, для лучшего усвоения заслуг Его, для более полного получения даров благодати, так что мы становимся членами Его, как Главы, и «причастниками Божественного естества» (2Пет. 1:3–4). Таинство это служит для нас:

Новым Заветом, который скрепляет наше единение (союз) с Богом; напоминанием об умиловительной жертве, принесенной Спасителем на кресте для очищения наших грехов и спасения всех верующих в Него, и вместе служебную жертвою, причастники которой усваивают себе заслуги крестных страданий и смерти Иисуса Христа;

знаком и залогом безмерной любви Его к нам и пламенного желания нам спасения;

символом и пособием братской любви между всеми христианами, которые, причащаясь одного хлеба, становятся одним телом Главы – Христа;

пищею для питания духовной жизни и для возрастания в духовном совершенстве;

залогом воскресения тела и вечной жизни души и тела.

Спаситель говорит: «Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6:51, 53–56). Потому Спаситель и призывает всех верующих к причащению: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, которое за вас предается. Пейте от нее (чаши) все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета» (у евангелиста Луки: «сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови), за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание» (Мф. 26:26–28; Лк. 22:19–20). И святой апостол говорит: «Я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1Кор. 11:23–26), то есть воспоминаете, прославляете, благодарите Его за то, что Он по безмерной любви Своей к нам предал Себя на смерть для избавления нас от вечной гибели.

Из слов Спасителя и апостола прежде всего видно, что предлагаемые в таинстве Евхаристии хлеб и вино суть истинное Тело и истинная Кровь Христовы. Это Бог часто подтверждал и разными чудесами. Одно из многих чудес таких представляется в следующей достоверной истории. Один строгий подвижник благочестия по простоте думал, что хлеб, предлагаемый в Евхаристии, не есть существенно Тело Христово, а только образ его. Два благочестивых старца, узнав об этом, пришли к нему увещевать, чтобы он не думал так ошибочно, а верил, как верит вся Святая Церковь. Подвижник сказал им: «Если я не удостоверюсь самым делом, то не могу поверить вам». Они сказали ему: «В эту неделю помолимся Богу, чтобы Он открыл нам, что в Евхаристии предлагаются истинное Тело и Кровь Христовы». Подвижник с радостью принял это слово и молился Богу так: «Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злобе, а чтобы не заблуждаться по неведению; открой мне истину». Также и старцы молились Богу таким образом: «Господи! Открой старцу это таинство, чтобы он уверовал и не погубил своих трудов в благочестии». Бог услышал

их молитву. По прошествии недели они пришли в воскресенье в церковь, отдельно от других трое стали вместе, и им отверзлись очи. Когда хлеб положен был на Святой Престол, то он представился этим троим старцам в виде младенца. Когда же священник простер руку для преломления хлеба, ангел Господень сошел с неба с ножом, заклал младенца и кровь его вылил в чашу. Когда священник раздроблял хлеб на малые части для причастников, тогда и ангел отсекал от младенца малые части. Когда эти старцы приступили к Причащению, то сомневавшемуся старцу одному подана была плоть с кровью. Увидев это, он ужаснулся и воскликнул: «Верую, Господи, что хлеб этот истинно есть Тело Твое и в чаше сей есть Кровь Твоя!» И тотчас плоть в руке его стала хлебом, как обыкновенно бывает в таинстве, и он приобщился, благодаря Бога. После этого старцы говорили ему: «Бог знает, что люди по природе своей не могут есть сырую плоть и пить кровь, потому и преподает Тело Свое под видом хлеба, а Кровь Свою под видом вина принимающим с верою».

Когда Бог и словами, и чудесами удостоверяет в истинности Тела и Крови Христовых, предлагаемых в Евхаристии под видом хлеба и вина, то нельзя не верить, что они доставляют нам величайшую пользу, именно: это таинство утверждает нашу веру и надежду на искупительные заслуги Иисуса Христа, которые мы усвоаем себе в этом таинстве, и возбуждает нас к взаимному люблению Бога и Спасителя, Который из любви к нам пожертвовал Своею жизнью для нашего спасения, побуждает больше остерегаться, избегать грехов, особенно тяжких. Причащение Тела и Крови Христовых, тесно соединяя нас с Самим Источником святости, благодатной жизни и блаженства (см. [Ин. 6:57](#)), как причастие жертве искупительной, умиловительной, ради заслуг Иисуса Христа сообщает нам прощение виновности нашей, очищение грехов, освобождает от осуждения на вечное мучение: с одной стороны, служит врачевством наших немощей и болезней душевных, а иногда и телесных, с другой стороны, служит пищей для души. Как вещественная пища, питая тело, поправляет испорченные соки, восполняет потерю их и тем не только поддерживает жизнь, но и придает рост телу, укрепляет здоровье и вкусу доставляет наслаждение, так тем более небесная пища Святой Евхаристии, исправляя в нас нравственную порчу, ослабляя греховные склонности, не только поддерживает духовную жизнь, но и способствует к возрастанию в нравственном совершенстве, придает душе свежие силы, укрепляет их против греховных влечений, искушений для одержания победы над всеми врагами нашего спасения и исполняет душу небесным удовольствием, благодатным утешением. Святая Евхаристия также служит

верным, утверждающим нашу надежду залогом славного воскресения, бессмертия и вечного блаженства по душе и по телу, как уверяет Спаситель: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день... истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:54, 53).

Может быть, кто-нибудь спросит, отчего же многие причастники почти вовсе не ощущают в себе тех действий благодати, каких можно было бы ожидать от принятия святыни, и не бывает перемены в их нравах и улучшения жизни? На это можно сказать: хотя благодать Божия всемогуща и обильно преподается в таинстве Евхаристии, но действует не вдруг, не производит внезапной, чудесной перемены в душе человека без участия его свободы, а действует большей частью сокровенно, постепенно и притом тогда, когда человек и со своей стороны к влечению благодати прилагает усердие и труд; иначе и благодать не будет действовать в человеке против его воли, насильственно. Как обыкновенная пища, как бы питательна ни была, не вдруг поправляет здоровье, расстроенное болезнью или изнуренное продолжительным голодом; мы даже не ощущаем тотчас по принятии ее действия, как она обращается в наши кровь и плоть, как умножает силы и полноту тела, как укрепляет здоровье; все это мы чувствуем уже по прошествии довольно времени и притом, если строго соблюдаем правила благоразумной диеты, а иначе и питательная пища не только не доставит пользы, но еще обратится во вред, особенно при слабости пищеварительных органов и неспособности их к пищеварению. Так бывает и в случае причащения Тела и Крови Христовых. Кто по надлежащем приготовлении с благоговением причащается Тела и Крови Христовой с твердой решимостью исправить свое поведение, переменить свои душевные расположения и навыки на лучшие, тот по принятии святыни более или менее ощущает сладкую тишину в душе, мир помыслов, спокойствие совести, светлость в уме, отраду и радость в сердце, утишение обуревавших страстей, любовь к Богу, расположение к духовным подвигам и добродетелям. Кто не подавляет в себе этих благодатных действий, а еще со своей стороны к влечению благодати прилагает посильное усердие и труд и больше старается возгревать в себе дар благодати, тому тем охотнее становится делать всякое доброе дело, легче побеждать греховные искушения и тем больше духовных плодов бывает от причащения (см. [Гал. 5:22](#)). А кто мало старается пробуждать в себе потребность и приемлемость благодати, тот мало и действия ее ощущает. Вообще надобно сказать, что благодать, при всем обилии своем,

изливается на нас через таинство Святой Евхаристии по мере нашей способности к принятию ее. Чем больше будет раскрыта эта способность, тем обильнее и плоды получим, подобно тому, как из источника тем больше воды почерпнем, чем просторнее и способнее будет сосуд. А если сосуд, которым черпаем, будет тесен или худой, разбит или отверстие его узко или вовсе закрыто, то или мало, или вовсе ничего не почерпнем.

Потому для принятия благодати в большей мере надобно заблаговременно готовить себя к Святому Причащению постом, молитвою в доме и церкви, при неопустительном хождении к богослужению, с вниманием чтению и пению церковному и чтением Священного Писания и других назидательных книг в доме, чтобы этим утишить воюющие на душу страсти, умягчить загрубелое от чувственности сердце, пробудить в нем сокрушение о грехах с искренним сознанием своих душевных и телесных немощей, с живым чувством своего недостойнства, чтобы через это сделать сердце вполне отверстым, способным к принятию благодати, то есть возбудить желание причаститься Тела и Крови Христовой как единственной пищи, могущей утолить голод и жажду нашего духа, как единственного врачевства, способного исцелить наши немощи и недуги, – так, чтобы силу причащения заключать не в одном внешнем приеме Святых Тела и Крови, а в усвоении их сердцем. Потом, заранее очистив совесть от всех грехов посредством исповеди перед священником и приступая к Святому Причащению, надобно очистить душу от всех житейских забот и земных помыслов; особенно надобно оставить вражду и ненависть к ближним, беречься гнева, который враг старается возбудить или через людей, или другими способами, все чувства охранять от развлечения так, чтобы совесть и вся душа была совершенно умиротворена и проникнута одним благоговейным представлением величия таинства, к которому хотим приступить, – нужно размышлять, что в этом таинстве невидимо присутствует Сам Творец вселенной, Царь неба и земли, верховный Владыка всех существ, на Которого не смеют взирать светлые херувимы и серафимы, что при всем Своем величии Он для нашего спасения сходил на землю, унижил Себя, претерпел жестокие страдания и смерть на кресте, предал Свое Тело и Кровь, неразлучные с Его Божеством, в пищу нам и теперь хочет вселиться в нас для нашего освящения и дарования живота вечного. Найдет ли он храм души нашей чистым, достойным Его пребывания? Для недостойных, нечистых «Бог наш есть огонь поядущий» (Евр. 12:29). Само собою разумеется, что размышление об этом и самое причащение Святых Тайн должно быть соединено с твердою,

несомненно верую в искупительные заслуги Иисуса Христа, в действительность Тела и Крови Его в Евхаристии, в благодатную силу их для освящения души и тела; также должно быть соединено с надеждой на милосердие Божие и заслуги Иисуса Христа, ради которых Бог милует и удостоивает нас Своего небесного дара, чтобы он при нашем недостоинстве вместо спасительного врачевства не был огнем сожигающим. Надобно принимать Святые Тайны с такой же любовью к Спасителю, с какой Он предал Себя для нашего спасения на страдания и смерть и предает Себя в пищу нам, чтобы теснее соединиться с нами, чтобы в Нем мы «соделались участниками Божеского естества» (2Пет. 1:4) и жизни вечной. И за такую безмерную любовь к нам Спасителя, за такое величайшее благодеяние мы должны оставаться всегда благодарными к Нему. А благодарность свою ничем лучше не можем засвидетельствовать, как твердой решимостью и старанием во всем поступать по воле Божией, раскрытой в заповедях Его, – благоугождать Спасителю чистотою сердца и добрыми делами. Только такая решимость может дать всю силу действию Божественного врачевства и предотвратить возврат душевных болезней. Особенно вскоре после причащения надобно стараться поддерживать благоговейное настроение духа, возгревать горячность набожных чувствований молитвою, благочестивым размышлением, чтением Священного Писания, житий святых и других душеполезных книг, надобно воздерживаться от праздных разговоров о суетных предметах, от шуток, смеха, пения светских песней, пиршества, особенно от неумеренного употребления спиртных напитков и от других непристойных поступков, даже от нечистых мечтаний. Не лишне заметить, что и перед причащением с вечера до времени литургии, по правилам Святой Церкви, не должно ничего есть и пить и должно устранить причины или побуждения к тошноте, а в случае предчувствуемой опасности тошноты лучше отложить причащение на другой день. Кто таким образом будет приготавливаться к Святому Причащению, с выполнением канона молитв, положенных Святой Церковью, и после станет сохранять благоговейное расположение духа, в том, конечно, и благодать Божия больше, ощутительнее будет производить спасительные действия.

А что сказать о тех, которые и приступают к Святому Причащению без надлежащего приготовления, и принимают пречистое Тело и Кровь Христовы с нечистой совестью, без благоговения, без всякого чувства и по причащении вместе с оставлением храма Божия оставляют и заботу о своей душе и спасении и скоро возвращаются на прежние грехи? О таких

святой апостол говорит, что с ними случается истинная притча: «пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2Пет. 2:22). Так и безумный, по своему развращению возвращаясь на свой грех, мерзок бывает перед Богом (см. Притч. 26:11, 7:22–23). И то уже крайнее унижение и бесчестие, что такие люди уподобляются самым нечистым животным. Но этого еще мало. Святой апостол говорит, что кто причащается Святых Тела и Крови Христовых недостойно, не уважая Тела Господня, тот причащается в осуждение себя, «виновен будет против Тела и Крови Господней» (1Кор. 11, 27–29), то есть виновен в смерти Сына Божия, как совершивший убийство.

Как злобные иудеи мучили и распяли Иисуса Христа на кресте на Голгофе, так и недостойные причастники, принимая Святые Тело и Кровь Христову в нечистую душу, как в смрадный гроб, по словам святого апостола, бесчестят, мучат, «снова распинают в себе» Спасителя (Евр. 6:6). Какого наказания достойны распинающие Сына Божия, всякому понятно. Если за смерть обыкновенного человека преступники наказываются смертью, то за поругание и смерть Сына Божия, вечного, и наказание будет вечною смертью, вечным мучением в неугасимом огне геенском. Да и в настоящей жизни Бог иногда наказывал за недостойное причащение. Святой апостол Павел говорил коринфянам, что в наказание за такое причащение многие из них бывают немощны, больны, умирают преждевременно (см. 1Кор. 11:30). Святой Иоанн Златоуст говорит, что диавол часто входит в тех, которые недостойно причащаются Святых Тайн, как случилось и с Иудою предателем. Святой евангелист говорит, что тогда как прочие апостолы на Тайной Вечери просвещались, Иуда Искарот после недостойного причащения Тела и Крови Христовых наказан был тем, что «вошел в него сатана» (Ин. 13:27), который осетил его душу, внушил ему предать своего благодетеля в руки врагов Его на распятие. А когда Иуда одумался, что он предал кровь неповинную, то впал в отчаяние, пошел и удавился (см. Мф. 27:3–5). Окаянное тело его, оборвавшись с виселицы, низринулось, так что расселось у него чрево и выпали все внутренности (см. Деян. 1:18), а душа его низверглась в преисподний тартар. Спаситель, жалея о гибели его, говорил: «Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26:24). А недостойным причастникам можно бы сказать: лучше бы им с нечистой совестью и не приступать к Святому Причащению. Но и удаляться от Святого Причащения из-за привязанности к греховным удовольствиям, по нежеланию принести чистосердечное раскаяние с решимостью отстать от пороков и вести

жизнь честную, добродетельную, также опасно. Удаляться от Святого Причащения значит удаляться от своего спасения и от Бога. А от Бога куда уйти? Он везде присутствует, небо и землю наполняет, ясно видит не только дела, но и все помышления наши, и никто не избежит суда и наказания Его, если кто останется нераскаянным в грехах. Сам Бог через пророка говорит, что если нечестивые скроются в ад, и там рука Моя схватит их; если взойдут на небо, и оттуда свергну их; если притаятся на вершине (горы) Кармила, и там отыщу и возьму их; если укроются от взора очей Моих в глубине моря, то и там повелю змею, и сгрызет их; если уйдут в плен (к другим отдаленным народам), и там повелю мечу, и убьет их (см. Ам. 9, 2–4; см. также Авд. 1–4; Пс. 138, 7–12). А впасть в руки правосудия Божия страшно (см. Евр. 10, 31). Лучше же обратиться к Богу с искренним раскаянием и смиренным прошением Его милости, пока Он ждет нашего обращения и готов помиловать.

Как, часто надобно приобщаться Святых Тайн? Спаситель говорит: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53). По такой необходимости, очевидно, надобно чаще причащаться Тела и Крови Христовых. Самое установление таинства Евхаристии под видом хлеба и вина указывает на частое употребление его. Как телу необходимо доставлять пищу каждый день, так и душу нужно бы как можно чаще питать этим таинством, потому что и душа не меньше имеет нужду в духовной пище, как и тело в вещественной. Христиане первого и последующих веков очень часто приобщались, некоторые – в каждый праздник. Но в последующее время, когда ревность христиан охладела, стали реже приобщаться. Ныне церковью положено приобщаться клирикам четыре раза в год в посты, а мирянам – по крайней мере один раз в год. Кто и один раз в год не приобщается, тот явно показывает холодность к Святому Таинству и Спасителю, нерадение о спасении своей души, привязанность к порокам, идет скорыми шагами к гибели; потому справедливо такие считаются людьми недобросовестными – по нерадению об очищении совести от грехов, не допускаются до присяги и подвергаются церковной епитимий. Благоразумие и заботливость о спасении требуют чаще приобщаться Святых Тайн во время тяжелой болезни, не отлагая до того времени, когда усилившаяся болезнь совершенно расслабит и душевные, и телесные силы и сделает неспособным к приобщению с самосознанием, чувством и спокойным духом. Это вредный предрассудок, будто нельзя причащаться раньше шести недель после последнего причащения. Надобно также приобщаться перед войной, перед дальним и опасным путешествием,

плаванием по морю, во время эпидемии и т.п. Вообще, чем чаще причащаться, тем лучше. Правда, для причащения требуется особенная душевная чистота, благоговейная набожность и даже горячность набожных чувств, которыми много условливается усвоение благодатных даров Евхаристии. Но не у всякого и не всегда, говорят, бывает совершенная чистота души и горячность; напряженность набожных чувств не может непрерывно продолжаться; для ослабленных напряженностью чувств нужен отдых; при частом причащении мало-помалу ослабевает благоговение и уважение к этому таинству, рождается равнодушие, даже холодность, при которой не бывает и надлежащего приготовления и которая, так сказать, сжимая душу, закрывает вход в нее благодатным дарам Евхаристии. Как о больном нельзя сказать, что чем чаще и больше он употребляет лекарств, тем скорее выздоровеет (напротив, слишком частый и неумеренный прием лекарств может еще больше расслабить здоровье, когда желудок по слабости не может переварить принятого лекарства), так и здесь: и частое причащение при недостаточном приготовлении, при малой приемлемости может остаться без пользы или даже послужить в осуждение. Польза зависит не от количества причащения, а от степени приемлемости, усвоения, а это зависит от надлежащего предварительного приготовления, которое часто зависит и от внешних причин, не всегда удается по разным обстоятельствам жизни, каковы, например, множество общественных обязанностей, неотложные дела и нужды хозяйственные, слабость здоровья и т.п. Нельзя умолчать, что к частому причащению иногда подстрекает и тщеславие, желание показаться набожными и тем заслужить внимание и благоволение людей влиятельных, особенно начальства; по крайней мере, видимый недостаток благих плодов от частого приобщения в таких людях невольно приводит к такому мнению. А людей, по привычке предающихся порокам, надобно даже удерживать от причащения, пока не покажут искреннего раскаяния, смирения и желания исправиться. Иногда и благонравные люди воздерживаются от причащения по смирению. Закхей мытарь и сотник (см. [Лк. 19:2–10, 7:6–9](#)) равно почтили Иисуса Христа, когда первый с радостью принял Его к себе в дом, а второй почел себя недостойным того, чтобы Он вошел под его кров. Впрочем, надобно иметь рассудительность, чтобы под предлогом смирения напрасно не заграждать для себя обильного источника благодати. Если и порочные люди, смиренно раскаиваясь, желают исправиться, то хотя иногда и подвергаются грехопадениям по слабости, не должно удалять их от причащения, из которого они могут почерпать себе силы и большее побуждение

противиться греховным влечениям, искушениям и врагу спасения. Воспрещающие мало понимают дух Искупителя, у Которого было намерение и сильное желание взыскать и спасти погибших, как Он Сам говорил: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Я пришел призвать не праведников» (которые по гордости себя считают праведниками), «но грешников к покаянию» (Мф. 9:12–13, 18:11). Хотя мы и грешники, но будем приступать к Святому Причащению не как пренебрегающие, а как уязвленные, больные, как имеющие нужду во враче, и Тот, Который исцелил кровоточивую, исцелит и нас. Возлюбим много, чтобы и нам простилось много (см. Лк. 7:47). Не только частое причащение, но и присутствие при совершении Святой Евхаристии доставляет большую пользу. Святая Евхаристия есть не только таинство, в котором предлагает Себя в пищу Иисус Христос для освящения и питания наших душ, но и истинная жертва, которая различается от жертвы крестной только образом приношения. Эта жертва есть центр всей нашей религии и верх всех тайн, превышающих человеческое разумение. Подлинно, что можно представить возвышеннее того, как Сын Божий из любви к нам ежедневно приносит Себя на жертвенник в жертву Богу Отцу? Какие мысли и чувства должны возбуждаться в нас при виде такого дивного зрелища безмерной любви Богочеловека, умирающего за нас для нашего спасения? Такая беспредельная любовь Бога к нам достойна и нашей безмерной любви к Нему, благоговейного удивления и благодарности. И какие сокровища благодати от заслуг Иисуса Христа истекают для нас через эту жертву! Ибо эта жертва есть служебная и благодарственная, которою мы воздаем Богу достойное Его почитание сообразно Его бесконечному величию, воссылаем благодарение за оказанные нам благодеяния, свидетельствуем Ему свою любовь, потому что это приношение есть действие или свидетельство как любви Бога к нам, так взаимно и нашей любви к Богу; из любви и благодарности мы должны часто вспоминать о страданиях и смерти Иисуса Христа, по Его заповеди, пока придет на Суд (см. Лк. 22,19; 1Кор. 11,24–26). Кроме того, Святая Евхаристия есть жертва умиловительная, которая сообщает нам очищение грехов, благодать освящения, обновления, соединения с Богом и другие блага духовные. Участием в этом бескровном приношении мы прилагаем к себе заслуги Иисуса Христа, усваиваем плоды заслуг Его. Эта жертва имеет безмерную силу. Впрочем, от внутренней силы ее и достаточности надобно отличать внешнюю ее деятельность, или меру нашей причастности, усвоения ее. Мера причастности нашей зависит от нашего расположения, с каким мы участвуем в принесении жертвы, и от

воли Иисуса Христа, Который бесконечную цену искупления и благодать, истекающую отсюда, распределяет в известной мере, как благоугодно Его благодатному промыслению. Хотя и однажды принесенная бескровная жертва сама по себе вполне достаточна испросить и излить на нас все дары благодати, но мы по своей немощи не можем вдруг вместить всей полноты благодати. Потому Бог хотел, чтобы не однажды или только изредка, а как можно чаще притекали к этому Божественному источнику. Как телесной жажды нельзя утолить однажды навсегда, так при своей немощи имеем нужду чаще притекать и к источнику спасения для утоления духовной жажды, для освежения и укрепления ослабевающих душевных сил; и должно стараться приносить сосуд довольно просторный для почерпания воды из источника благодати или, по крайней мере, если не надеемся на свою вместимость, как и должно не надеяться, чаще должны повторять свое почерпание и восполнять то, чего не могли принять в один раз. Потому особенно священникам надобно стараться сохранять в душе своей благоговение к этому таинству и возбуждать желание чаще причащаться небесных даров. А кто равнодушно приступает к этой величайшей тайне, на того падает страшная угроза Божия: «проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48,10). Кроме того, что подумает народ о священниках, когда заметит, что они совершают это таинство без всякого чувства благоговения, в предстоянии перед престолом обнаруживают холодность, невнимательность или только заботу о земных вещах (см. Лев. 10, 3)?

Достойно сожаления, что многие так мало обращают внимания на это спасительное таинство, которое веселит небо и весь мир сохраняет, по ослеплению и ожесточению сердца не ценят неизреченного дара Божия, от ежедневного употребления доходят до бесчувственности и невнимательности к нему оттого только, что оно даром сообщается им, не только без заслуг, но и без трудов. А если бы это таинство совершалось только одним священником в мире и в одном месте, то с каким усердием должны были бы притекать туда и какое уважение должны были бы оказывать священнику, совершающему это таинство и через него сообщаемому верным дары благодати, необходимые для спасения?!

О ТАИНСТВЕ ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ

Сын Божий, сшедший на землю для спасения людей, благоволил установить таинства для сознательного, свободного усвоения верующими благодати Святого Духа, необходимой для возрождения, освящения,

укрепления душ. Одно таинство Он установил и для уврачевания недугов телесных. Он хотел, чтобы верующие в Него во всем зависели от Него не только по душевной, но и по телесной жизни и здоровью, чтобы всецело и всем обязаны были Ему, чтобы ничем своим не похвалилась перед Богом никакая плоть – никакой бранный человек, но чтобы человек более смирялся перед Богом и был преданнее и благодарнее Ему (см. 1Кор. 1:29).

Благодать врачевания Господь сообщает посредством таинства Елеосвящения. Но важность таинства требует употреблять его не во всяких болезнях, которые могут быть врачуемы лекарствами, а только в тяжких недугах, как видно из слов апостола Иакова: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне... И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14–15). Слова «болен» и «болящего» значат быть подверженным тяжкому недугу, до совершенного расслабления сил.

Как по тесной связи души с телом от душевных страстей, грехов, происходят многие болезни тела, так и от телесных болезней часто расстраивается душа, все силы ее расслабляются. Спаситель, когда исцелял болезни телесные, всегда прежде отпускал грехи – причины болезней (см. Мф. 9, 2–6). Потому в тяжких недугах недостаточно одних лекарств, необходимо благодатное средство, которое могло бы уврачевать недуги души и тела или, по крайней мере, облегчить страдания их; особенно оно важно в тяжких болезнях, угрожающих смертью. В это время от жестокости страданий тела и душевные силы вовсе расслабляются, терпение изнемогает, чувства возмущаются или вовсе подавляются, воспоминание о сделанных грехах, страх смерти и осуждения на вечное мучение возмущают всю душу, наводят тоску, уныние. Таинством покаяния, которое должно совершаться перед Елеосвящением, хотя очищаются грехи, прощается виновность, но страсти, от которых происходили грехи, остаются неподавленными, делают, так сказать, отрыжку греховную – порождают греховные помыслы, которые не могут не смущать совесть и не тяготить душу; греховные склонности не вдруг подавляются. Случается, что на исповеди грехи не все с надлежащей искренностью, беспристрастием и подробностью бывают раскрыты, часто виновность их по самолюбию уменьшается, часто иные грехи допускаются по неведению или по забвению не бывают раскрыты священнику – они оставляют на душе большую тяжесть, в предсмертное время сильно смущают совесть, колеблют надежду на милосердие Божие. В это время нужна особенная помощь благодати, которая подается именно через

таинство Елеосвящения. И тем благонадежнее это средство, что вере и усердному желанию больного получить целебную благодать в случае их изнеможения много помогают молитвы пресвитеров, как говорит апостол, «молитва веры пресвитеров спасет болящего» (Иак. 5, 15) – исцелит недуги телесные и душевные или, по крайней мере, облегчит страдания; а если остались какие грехи неочищенными, то они отпустятся ему, совесть получит извещение в прощении грехов, смущенная душа успокоится, терпение утвердится, вера и надежда на милость Божию укрепятся, а при благодушии и телесные страдания уменьшатся, будут сносными, а иногда совершенно восстанавливается и здоровье, если это будет угодно Богу и полезно для больного – для довершения дел благочестия, чтобы заслужить вечное блаженство. Нельзя, конечно, с настойчивостью желать, непременно ожидать, чтобы за Елеосвящением скоро последовало исцеление болезни, не надобно малодушествовать, если не восстанавливается здоровье, лучше предаваться воле Божией. Безусловно, можно молить только о том, чтобы Бог облегчил страдания или дал терпение переносить их, врачевал недуги душевные – страсти, простил грехи, умиротворил душу, а исцеление или продолжение болезни лучше предоставить воле Божией. Бог лучше знает, что для нас в деле спасения души полезнее, то и делает. Если Он видит, что по выздоровлении мы опять будем жить в нерадении, станем предаваться тем же или еще большим грехам, то Он и не дает нам здоровья, продолжает болезнь, чтобы, с одной стороны, удержать от больших грехов и ответственности за них, а с другой – скорбью страданий очистить от прежних грехов, страстей, врачевать душу и тем спасти ее. А если признает более полезным, благовременным, то посылает и смерть. И в таком случае Елеосвящение не лишне; оно, умиротворив душу, облегчает для нее переход в вечность, ослабляет страх смерти и осуждения на вечное мучение. Но несправедливо некоторые считают это таинство напутствием в вечность, простолюдины даже уподобляют его погребальному отпеванию и человека, над которым совершено Елеосвящение, даже по выздоровлении считают отпетым, как бы уже не принадлежащим настоящему веку. Это предрассудок.

Елеосвящение совершается именно для исцеления души и тела или, по крайней мере, для облегчения их страданий. Потому можно совершать его не один раз в жизни, а всегда, когда встретится особенная надобность в этом благодатном врачевстве в жестокой болезни. Хотя благодать всесильна, но она действует не насильственно, а по той мере сообщается, в какой мере мы желаем или способны вместить ее. Потому для большего

воздействия благодати над больным ему надобно приготовиться к принятию этого таинства, именно нужно иметь: веру во всемогущую силу благодати Божией, надежду на милосердие Божие, особенно на заслуги Сына Божия Иисуса Христа, ради которых Бог все дарует нам; смиренное сокрушение о своих грехах с искренним раскаянием и решимостью оставить их; полную преданность воле Божией во всем, что ни случилось бы с нами в жизни или смерти.

Употребление других таинств, например покаяния и причащения, не делает это таинство лишним, потому что там благодатная сила действует преимущественно в душе, а здесь она простирается вместе на душу и на тело. Это таинство не делает лишним употребление лекарств, которые Бог сотворил для того, чтобы они приносили пользу людям. Действия благодати и природы в этом случае не могут быть во взаимном противодействии, не исключают друг друга, а, напротив, содействуют к достижению одной цели – благодать помогает природе. Потому не нужно слишком много приписывать силе лекарств и только на них надеяться, от них одних ожидать исцеления. При употреблении их всегда надобно просить Бога, чтобы Он дал им целебную силу, и всего ожидать от одного Бога. Были такие примеры, что некоторые подвижники в болезнях отказывались пользоваться лекарствами в надежде на одного Бога, и Бог по их вере исцелял их без лекарств. Здесь не лишне привести мнение об этом предмете святого Макария Египетского и других. Ты скажешь мне, говорит святой Макарий Великий, что Бог на врачевание телу дал земные травы и лекарственные вещества и для телесных немощей приготовил врачебные пособия, распорядив, чтобы от земли взятое тело было врачуемо разными земными же произведениями. И я согласен, что это так. Но будь внимателен и дознай, кому дано сие и о ком Бог имел особое смотрение. Бог явил в сем смотрение Свое о немощных и неверных, по великой благодати не восхотел, чтобы совершенно погиб грешный род человеческий. К отраде и уврачеванию тела, к удовлетворению нуждам его дал врачебные средства людям мирским и всем внешним (неверным), потому что они не в состоянии еще всецело вверить себя Богу. А ты, инок, пришедший ко Христу, возжелавший быть сыном Божиим и родиться свыше от Святого Духа, должен приобрести новые, необычайные перед всеми мирскими людьми веру и понятие, и жизнь – должен веровать, что Христос, врачующий неврачуемые людьми язвы бессмертной души и греховные болезни, силен уврачевать и телесные немощи и болезни, и к Нему одному должно прибегать, не полагаясь на врачебные пособия и услуги.

Касательно того, чтобы показывать себя врачу, святой Варсонофий Великий говорит, что предоставить все Богу есть дело совершенного, хотя это и трудно, а немощнейшего дело – показать себя врачу, потому что не только не грех, но и знак смирения, когда он, как немощнейший, пожелал показать себя врачу. Но и тогда надобно признавать, что без Бога и врач не может ничего сделать; если же угодно будет Богу, Он подаст здравие больному. Мы должны надеяться не на врачевания, а на Бога, Который умерщвляет и оживляет, Который говорит: «Я поражаю, и Я исцеляю» (Втор. 32, 39).

Без Бога никто не получает исцеления. Если ты употребишь врачевания, не согрешишь; а когда не употребишь, не высокоумствуй. Знай же, что хотя ты и ко врачам прибегнешь, но будет лишь то, что угодно воле Божией. Непринимавшие врачевств достигли меры веры. Совершенные предоставляют все Богу, а немощный показывается врачу.

О ПОСОБИЯХ, УСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕРКОВЬЮ

Все постановления Церкви премудро придуманы святыми отцами для того, чтобы возбуждать, питать, укреплять дух благочестия верующих. Таковы постановления Церкви: священные обряды, совершаемые при богослужении в храме и при других случаях, священные вещи и священнодействия.

Святые отцы, просвещенные благодатью Святого Духа, при постоянном самонаблюдении хорошо понимали долупреклонную природу человеческую, знали, что чувственные люди живут больше внешней жизнью, что на них больше действует все чувственное, без внешних возбудителей большей частью не могут они возвышаться к невидимым Божественным предметам и легко погружаются в чувственную жизнь, а духовная жизнь бывает подавлена. Потому, на основании ветхозаветных Божественных постановлений касательно обрядности, по духу Христову и по преданию апостольскому, святые отцы установили разные обряды при совершении таинств и вообще богослужения, чтобы тем яснее изобразить величие Тайн Божественных, умы верующих посредством видимых знаков возбуждать к созерцанию высших духовных предметов, пробуждать и питать чувства благоговения, умиления, благодарности к Богу за Его бесчисленные благодеяния, явленные в искуплении и постоянно являемые в промышленности, и тем укреплять дух в подвигах благочестия, в служении Богу духом и истиной. В этом отношении общественное богослужение в храме имеет особенную важность: храм есть лучшее училище

христианского благочестия.

В доказательство пользы величественной обрядности можно указать на то, какое сильное и благотворное впечатление произвело совершенное Патриархом в Константинопольском Софийском соборе богослужение на непредубежденные души послов великого князя киевского Владимира, которых он посылал узнать на месте, какая вера лучше всех, и они отозвались о великолепии богослужения Греческой Православной Церкви, что во время его от восхищения и сами не знали, где они находились, на земле или на небе.

Но чтобы получать больше пользы от совершения обрядов, для этого вовсе недостаточно одного буквального соблюдения их, нужно разуметь значение, смысл обрядов, вникать в их дух и намерение Церкви, с каким она их установила, иначе одно наружное совершение их будет бездушной машинальностью, не будет возбуждать набожные чувства, а будет только предметом суетного увеселения и праздного любопытства. При совершении священных обрядов священникам особенно надобно заботиться о соблюдении скромности, приличия, степенности, благоговения, чтобы искра благочестия в нас и в других разгоралась и возвышалась в небесный пламень. А когда священники при совершении богослужения выказывают небрежность, торопливость, суетливость, надменный вид или рассеянность глаз и мыслей, то что удивительного, если и предстоящий народ будет оставаться холодным зрителем без всякого чувства набожности.

Как телу нашему нужна разнообразная пища для поддержания сил и здоровья (однообразная пища скоро прискучивает, не восполняет всех потерь, и здоровье слабеет), так и для души нашей нужна разнообразная пища духовная для удовлетворения разных потребностей ее. Однообразие действий или впечатлений скоро теряет силу возбуждать, а разнообразие лучше возбуждает внимание и живость души. Потому, хотя благодать Божия одна, но дары ее различны и она действует на души посредством разнообразных вещей и священнодействий и в разнообразных нуждах наших в разной мере изливается. Например, посредством таинств в большей мере изливается, а посредством священных вещей и действий, смотря по разнообразию случаев и нужд, в разной мере сообщается. Таковы, например, изображение крестного знамения на челе, персях – во имя Святой Троицы, священное благословение именем Иисуса Христа, освящательные молитвы на разные потребности, освященные вещи – вода, елей, просфора и т.п. Употребление их сообщает благодать освящения. Есть примеры, что через помазание благословенным елеем исцеляли

больных, например, святой Иларион Великий, авва Вениамин и другие подвижники. Также и крестным знаменем подвижники благочестия освящали свои мысли, прогоняли худые помыслы, даже исцеляли болезни: преподобный Юлиан, благословив крестом чашу с ядом, безвредно выпил ее; особенно оно страшно для бесов, которые бегут от него, как от пламенного оружия, и не смеют даже в сонных мечтаниях изобразить крест для обольщения нас, как свидетельствует святой Варсонофий Великий, потому что на кресте сокрушена сила их и крестом нанесена им смертоносная язва. При употреблении этих священных вещей и действий надобно избегать двух крайностей. Не должно пренебрегать и считать маловажными и бесполезными такие священные вещи и действия. Мы не мудренее и не святее святых отцов, которые под осенением благодати установили и признали их полезными для возбуждения, питания и укрепления духа благочестия. За пренебрежение к малому Бог не дает благодати и в великом. А надобно стараться и этими, по-видимому, малыми средствами возбуждать в себе веру, надежду, благодарность к Богу, скорбь о грехах, благоговение и другие благочестивые чувствования, для чего они и установлены. Но в употреблении этих священных вещей и действий надобно быть рассудительным, помнить, что хотя они и доставляют нам освящение, но действенность их заключается не в их внутренней силе, а зависит, с одной стороны, от благоволения Божия, а с другой – от нашего душевного расположения, от степени нашей приемлемости, от веры и чувства благоговения. Возлагать на них одних всю надежду спасения было бы неразумно.

О ПОЛЬЗЕ ХОЖДЕНИЯ В СВЯТОЙ ХРАМ К БОГОСЛУЖЕНИЮ

Дома человек, окруженный разными предметами, напоминающими о разных житейских нуждах и развлекающими внимание, не может скоро оставить все заботы, собраться с мыслями, чтобы вознести чистую молитву к Богу, без возбуждения внешних причин не имеет достаточно силы поддерживать в себе усердие к молитве. А в святом храме и священные обряды, и священные изображения небесных предметов, лики святых угодников и Самого Бога и вся величественная обстановка невольно пробуждают внимание, благоговение к храму, как к месту особенного, благодатного присутствия, возвышают наши мысли от видимого к невидимым, небесным предметам, возбуждают чувства благоговения, святое расположение; чтение назидает, поучает

боговедению, благочестию; стройное, благочинное пение умягчает, согревает душу, возбуждает умиление, при котором и молитва имеет больше силы и успеха; притом и пример усердия других молящихся поддерживает и в нас усердие, которому в храме ничто не препятствует, а, напротив, все благоприятствует. В храме Бог присутствует, здесь по преимуществу обещал Он выслушивать наши молитвы и изливать Свою благодать (см. 3Цар. 9, 2–3; 2Пар. 7, 14–15; Мф. 18, 19–20). Да и душа наша при благоговейном настроении здесь бывает открытее, способнее к восприятию впечатления благодати Божией. А особенно потому молитва в храме имеет больше силы и успеха, что здесь приносится бескровная жертва умилоостивительная. Как на Голгофе Иисус Христос, принеши Себя в жертву на кресте, удовлетворил тем правосудию Божию, умилоостивил Бога, испросил прощение грехов всем верующим, попрали смерть, упразднил державу диавола и исходатайствовал бесчисленные дары благодати и Царство Небесное, так и здесь тот же Иисус Христос приносит Себя в жертву умилоостивления в таинстве Евхаристии, ходатайствует за нас перед Богом Отцом, и наши молитвы, соединяясь с ходатайством Иисуса Христа, без сомнения, будут приятнее Богу; Бог ради заслуг возлюбленного Своего Сына скорее услышит нас, в большей мере излиет на нас благодать Святого Духа, подаст и другие блага. Таинство Причащения есть источник благодати. Если в Ветхом Завете приносившие, даже прикасавшиеся к вещественной, прообразовательной жертве освящались, то тем более получают освящения приступающие к источнику благодати или присутствующие при совершении освящающего таинства, все равно как приближающиеся к большому огню не могут не освещаться его светом и не согреваться теплотою, так и здесь. Нужно только остерегаться, чтобы нам произвольно не заградить втечения освящающей благодати в нашу душу нашей невнимательностью, рассеянностью и нечистыми помыслами. А кто не ходит к богослужению, тот лишается этой просвещающей и животворящей благодати, мало-помалу сердце черствеет, душа хладеет к Богу и религии, которая только одна и облагораживает, возвышает человека на степень разумного, нравственного существа, даже возводит до ангелоподобного совершенства и блаженства. А без религии человек нисходит до скотоподобного состояния. О пользе хождения в церковь к богослужению хорошо говорит святой авва Дорофей.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава Первая. О ПОРЯДКЕ В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ

Кто хочет построить большой дом, тот наперед составляет план, по которому следует строить, и смотрит, какой материал надобно класть в фундамент, какой в стены, какой в другие части здания, чем украшать его, чтобы оно вышло прочно, красиво, удобно для помещения. А кто строит без плана, без разбора употребляет материал, тот строит плохое здание, которое худо приспособлено к жительству, скоро разрушится, и напрасно тратит материал.

Так и душевный дом созидать, устроить духовную жизнь надобно по зрело обдуманному плану, а не как-нибудь, как случится, чтобы не трудиться напрасно; надобно знать, с чего начинать, что полагать в основание благочестивой жизни, как возвышать, чем украшать это духовное здание.

Кто без разбора будет строить его, тот не только напрасно потратит время и труд, но и получит большой вред. Но прежде построения плана благочестивой жизни нужно сделать общий взгляд на земную жизнь человека, на всю ее обстановку, рассмотреть, из каких элементов состоит наша жизнь, чтобы яснее было, с какой стороны лучше приступить к делу и что в жизни главное, на что преимущественно надобно обратить внимание и труд и что второстепенное имеет значение, в каком порядке, как располагать элементы жизни и т.п.

Глава Вторая. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Как главное свойство жизни всего существующего состоит в развитии сил, в стремлении к возможному для каждой твари совершенству, к улучшению своего состояния, к тому, чтобы принести плод и наслаждаться жизнью, так и существенное свойство жизни нашего духа состоит в непрерывном стремлении к развитию, укреплению сил, к дальнейшему, нескончаемому усовершенствованию, к достижению и наслаждению счастьем, которое состоит в полном довольстве своим состоянием, которое обуславливается гармоническим развитием всех сил, правильным удовлетворением всем существенным потребностям нашей духовной и телесной природы, согласным с Законом Божиим, напечатленным в совести и Священном Писании. В душе нашей три главные силы или способности: ум, воля и сердце; три существенные потребности: для ума – познание истины; для воли – желание правды, добра себе и другим, любовь, святость; для сердца – приятное возбуждение чувствований, радость, блаженство. Телесные потребности ограничиваются пищей, одеждой, жилищем для охранения от вредного влияния стихий, для поддержания жизни и здоровья так, чтобы тело могло быть способным орудием для проявления душевной деятельности. Здравый ум бывает только в здоровом теле, говорили древние (*mens sana in corpore sano*). Но телесные потребности, вообще все чувственные, инстинктивные склонности должны быть подчинены разуму, чтобы содействовали, а не препятствовали душевным пользам. Низшие душевные способности также должны быть подчинены высшим способностям, а высшие способности – познавательная, желательная и чувствующая, или ум, свободная воля и сердце, – должны быть развиваемы правильно, гармонически, чтобы одна способность не брала перевеса над другими, но все равномерно были совершенствуемы, одна другой содействовали в стремлении к высшим духовным целям; например, разум надобно развивать, образовывать, обогащать познаниями для того, чтобы он, имея верные понятия о Боге, о своей природе, о всех существах, с которыми состоит во взаимных отношениях, и о всех вещах, которыми мы окружены и пользуемся, мог руководствовать волю к правильной деятельности, чтобы иметь правильное отношение к ним; без руководства разума воля не может правильно действовать, как слепой не может идти по прямой дороге, не уклоняясь в стороны и не претыкаясь. Сердце также слепо может

прилепляться к предметам недостойным со вредом для себя или отвращаться от предметов достойных. Достоинство и пользу предметов может оценивать только здравый разум, которого руководство потому необходимо для сердца. Именно для руководства воли и сердца нужны образование разума и познания, а целью сами для себя эти познания не могут и не должны быть. По общему убеждению, образование ума без образования воли и сердца бесполезно, даже вредно, потому что, по словам апостола, «знание надмевает, а только любовь назидает» (1Кор. 8:1). Сам Господь говорит: «Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим... но желающий хвалиться да хвалится тем, что понимает и знает Господа» (Иер. 9:23; 1Цар. 2:10). Апостол признает истинным и полезным знание Бога не теоретическое, а практическое, приобретаемое любовью, исполнением заповедей Божиих. «Что мы познали Бога, – говорит он, – узнаём из того, что соблюдаем Его заповеди. А кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины...» Только любящий Бога знает Его, а кто не любит, тот «не познал Бога» как следует (1Ин. 2:3–4, 4:7–8). И Спаситель убождает знание практическое, приобретаемое исполнением заповедей Божиих. Знание практическое столько же важнее теоретического, сколько доброе дело важнее бесплодной мечты (см. Ин. 13:17; Рим. 1:21–24, 28; 1Кор. 1:19–20; Иак. 3:13–17). Вся важность состоит в образовании воли, добром направлении ее деятельности. Из действий ее слагается нравственность; постоянные навыки добрых действий по закону Божию составляют добродетели, которые все сосредоточиваются в любви к Богу и ближним. Добрая нравственность, любовь гораздо важнее умственного образования. Они и без этого образования не теряют своей цены, заслуживают общее уважение. А образование ума и познания при дурном направлении воли не только не приносят никому пользы, но еще могут служить пищей страстям, тщеславию, гордости, быть ловким орудием для разных хитростей и всякого зла. Глупый негодяй будет казаться только смешным или, лучше, достойным сожаления, а хитрый злодей страшен для всех, и чем он образованнее, хитрее, тем больше зла наделает себе и другим. Только одна любовь созидает общее благо. Добрая нравственность дает доброе направление и умственной деятельности, и сердцу. От доброй нравственности зависит и внутреннее довольство, и внешнее счастье. И Царство Небесное обещается не за глубокие познания и не за живые чувствования, а за добрые дела. За праведность, святость. Потому об образовании воли, о приобретении добродетелей и надобно больше всего

заботиться. Хотя настроение сердца много зависит от нравственности, но и сердце не надобно оставлять без заботы об образовании, потому что и оно, в свою очередь, имеет большое влияние на волю, ум и всю жизнь. Оно сообщает им свою теплоту, силу, живость, при которой они действуют с большей энергией, приятные чувства сердечные производят полноту жизни и услаждают ее. Чем сердце услаждается, к тому и воля сильнее стремится, то охотнее, легче делает, и ум больше, чаще и с приятностью о том размышляет. От какого зла сердце отвращается, от того легче, скорее мы уклоняемся, то искушение и не опасно нам. А оставленное в небрежении сердце может загубеть, сделаться малочувствительным, сухость чувств бывает причиной вялости в деятельности всех душевных сил, производит в душе пустоту, томность, так что и жизнь становится в тягость. Напротив, излишняя чувствительность сердца, легкая раздражительность и ложное направление чувствований легко могут расстраивать все силы душевные. Меланхолия, ипохондрия – тяжелые, опасные болезни сердца.

У первых людей в невинном состоянии все силы и способности развивались гармонически, скоро, действовали правильно, жизнь духовная возвышалась в совершенстве тем успешнее, что люди при тесном общении с Богом получали от Него просвещение разума, укрепление воли, освящение сердца, даже самая телесная природа вместе с возвышением духа могла бы постепенно очищаться, утончаться, усовершенствоваться и счастливо перейти в состояние небесной славы, когда они свой союз с Богом поддерживали всецело преданностью воле Божией. Но когда по обольщению эдемского змия они захотели сделаться богами – всеведущими, самостоятельными, независимыми ни от кого, с нарушением заповеди Божией уклонились от преданности воле Божией, прервали союз и общение с Богом, стали удаляться от Него, всю любовь вместо Бога обратили на себя, тогда в душе их произошло совершенное расстройство, от греха преступления заповеди Божией родилось самолюбие с тройственной похотью – страстью плотоугодия, своекорыстия и самовозношения, которые совершенно нарушили гармонию душевных сил, дали им превратное направление, вместо стремления к Богу обратили их к своей личности и в область чувственной жизни. В таком расстроенном состоянии люди неспособны и недостойны были райской жизни и из рая сладости были изгнаны в юдоль горести. Правда Божия присудила грешникам проходить поприще земной жизни путем тяжких трудов, разнообразных нужд, лишений, скорбей, болезней и смерти, чтобы они горьким опытом познали ядовитость, вредные

следствия греха, пришли в чувство раскаяния, научились смирению и старались путем самоотвержения и любви возвратиться к Богу. К этой цели Промыслом Божиим приспособлены все обстоятельства нашей земной жизни. Как Адама за грех преступления заповеди Божией в раю Бог осудил на тяжелые труды до пота для приобретения пищи, так и все сыны Адама по суду Божию теперь много трудятся, иногда даже до изнурения, а мало приобретают: сеют пшеницу, а проклятая Богом земля производит куколь, сажают плоды, а вырастают терния и волчцы. Притом всякому приводится более или менее переносить крайне болезненные удары от разных переверотов в обстоятельствах жизни человеческой и от разрушительных действий природы. Для чего же люди поставлены в такое многотрудное, горестное состояние? Все вообще так называемое физическое зло есть необходимое, неизбежное следствие наших грехов и посылается на нас от Бога как наказание за грехи и вместе как врачевство (см. Сир. 39:34–37, 40:8–10; Втор. 28:15–68, 8:3–16). При благоприятных обстоятельствах, когда человек не испытывает никакой горести, часто предаётся он лени, беспечности, надменности, греховные влечения усиливаются, обращаются в страсти, которые укрепляются от повторения греховных действий. И при таком ходе жизни человек мог бы вовсе погрузиться в чувственность, сердце могло бы огрубеть, дойти до совершенной бесчувственности или, наоборот, до зверства и нерадения об улучшении нравственности или о спасении. В таком состоянии человек не способен ни желать, ни принять благодать Божию, без помощи которой невозможен успех в исправлении жизни и спасении. Но когда поражает человека какое-нибудь несчастье, то скорбь пробуждает его от усыпления, беспечности, сокрушает, смягчает сердце, смиряет гордость духа; горечь скорби, как противоядие, истребляет сладость греховных чувствований. Грех входит услаждением, а горечью изгоняется, говорит святой Геннадий, патриарх Константинопольский. Потому скорбь ослабляет греховные влечения, парализует их, часто возбуждает даже отвращение к греховным удовольствиям, заставляет человека раскаиваться в прежних заблуждениях и обратиться на путь добродетели.

Поскольку прародители пали преимущественно от гордости, то и наказания, наложенные Богом на них и всех потомков их, все имеют силу смиряющую, сокрушающую горделивую самомечтательность человека и живо напоминающую ему ничтожество его. Наказания эти таковы: болезненный, униженный путь его рождения; возделывание земли и прочие земные, житейские труды, сколько тяжкие, изнурительные, столько же горькие, унижительные для того, кто был поставлен царем

рая и всей земли; жестокие болезни; безобразный, страшный вид смерти.

Бог ничего так не отвращается, как гордости, говорит святой Златоуст. Потому-то Он еще изначала так все устроил, чтобы истребить в нас страсть эту. Для сего мы сделались смертными, живем в печали и сетовании; для сего жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек пал в грех гордости, возжелал быть равным Богу, а за это не удержал и того, что имел. В невинном состоянии тело было легко, здорово, крепко, не требовало столько, как ныне, попечения о защищении его от вредного влияния стихий, при благословенном плодородии природы не нужно было много трудиться над приобретением пищи и одежды для поддержания сил и здоровья его.

А теперь от греховной жизни тело человеческое, сделавшись дебатым, тяжелым, слабым, болезненным, стало больше нуждаться в разных вещах, в разнообразной пище, одежде, удобствах жилищ, в орудиях для производства работ и т.п., а прихоти, роскошь, вообще греховные страсти еще больше умножают число потребностей, так что многие теперь все время и труд употребляют только для тела, для приобретения пищи и одежды, считая это главным делом, а главное дело – нравственное образование души, спасение – считают неважным поделем досужих людей и оставляют его в небрежении. С умножением нужд и прихотей увеличилась и зависимость людей от внешней природы – от стихий, разных вещей. Все это научает смирению – убеждает, что люди вовсе не боги, не самостоятельны, не независимы, зависят не только от Бога, но и от внешней природы, всего должны смиренно просить и ожидать от Бога для поддержания жизни и здоровья как тела, так и души. Такая суетливая многопопечительность, множество нужд и трудов, поглощающих все время и истощающих силы, допущены, с одной стороны, для того, чтобы люди не предались бездеятельности, праздности – матери пороков (см. Сир. 33, 28); бездеятельность и пороки могли бы совершенно подавить, убить душевную жизнь; с другой стороны, тяжесть и малоуспешность трудов, отягощая людей, причиняют скорбь, невольно заставляют чувствовать, что этому подверглись они в наказание за грехи, и таким образом побуждают их смириться и обращаться к Богу.

Премудрый говорит, что Бог дал людям великое непразднство, тяжкую муку от многопопечительности и множества трудов, чтобы им смириться от этого (см. Еккл. 1,13–18), чтобы им в праздности не уклоняться в худшее.

Самая даже дебатысть, тяжесть, болезни тела, отягощающие душу,

смирняют ее, удерживают от самовозношения. Как груз в корабле, придавливая его вниз, не допускает волнам слишком высоко поднимать, опрокинуть и потопить его, так и тело, своей тяжестью придавливая дух к земле, не допускает ему слишком высоко возноситься гордостью и погибнуть в бездне зла. Бесплотные духи, при легкости и удобоподвижности их природы, вознесшись слишком высоко гордостью, ниспали так быстро и глубоко, что теперь восстание для них сделалось невозможным.

С умножением немощей и нужд телесных умножилась и зависимость людей друг от друга – для научения смирению, взаимной покорности, услужливости и любви.

Святой Златоуст говорит, что Бог, провидя, что люди будут самолюбивы, связал их взаимными нуждами и сим, как уздою, обуздал их самолюбие. Люди и не подумали бы заботиться о выгодах ближнего, если бы не были поставлены в необходимость взаимных сношений. Бог соединил их такими узами, что каждый может искать собственной пользы не иначе, как только содействуя пользам других. Мы теперь имеем нужду друг в друге, однако же необходимость этой взаимной нужды не связывает нас дружбою. А если бы каждый из нас все для себя находил сам собою, то не жили ли бы люди, как дикие звери? Теперь силой принуждения и необходимости Бог подчинил нас друг другу, и мы ежедневно приходим в столкновение друг с другом. Но если бы Бог снял с нас такую узду, то кто бы стал искать дружбы другого?

Люди, будучи тесно связаны между собой единством происхождения, или природы, союзом родства и различными нуждами, которых у каждого из нас много и которым никто не может удовлетворить сам собою без помощи других, необходимо сближаются между собой, чтобы оказывать помощь друг другу. Нужда во взаимной помощи и оказывание услуг друг другу, благотворительность заставляют людей уважать друг друга, смиряться, питать чувства благодарности и взаимной любви. К этой же цели, то есть к подавлению самолюбия, смирению и развитию любви, ведет и устройство обстоятельств общественной жизни.

По распоряжению Промысла Божия, разные общественные состояния, звания, должности установились для того, чтобы, совокупными силами охраняя общественную и частную безопасность, спокойствие, собственность от внутренних и внешних врагов и ненарушимо соблюдая порядок, правильный ход дел и жизни, каждый на своем месте мог иметь случаи упражняться в разных добродетелях, услуживать друг другу, содействовать как внешнему благосостоянию, так и преуспеянию в

умственном и нравственно-религиозном отношении, или в любви к Богу и ближним. Потому на разные звания и занятия (земледелие, ремесленничество, фабричное ремесло, торговлю и прочее), нужные для приобретения пищи, одежды и разных удобств жизни, на разные общественные должности (разные разряды начальников, чиновников), учрежденные для охранения личных каждого прав, собственности, для пресечения неправд, пороков, насилий, для охранения общественного порядка, спокойствия, надобно смотреть не только как на средства к удовлетворению телесных потребностей и удобств жизни, но и как на поводы к услугам разным людям, вообще к упражнению в разных добродетелях. Потому при всем разнообразии званий, состояний, должностей и занятий у всех должно быть одно главное дело – нравственно-религиозное усовершенствование, которое, начавшись здесь, на земле, будет продолжаться и в вечности.

Главная задача нравственно-религиозной жизни должна состоять в том, чтобы «отложишь прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях... обновиться духом ума... и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4:22–24), или распять свою «плоть со страстями и похотями» (Гал. 5:24), чувственность подчинить духу, самолюбие со всеми его порождениями – страстями покорить закону духовному; очистить, обновить в себе помраченный грехом образ Божий, украсить его теми цветами добродетелей, какие видны в первообразе – Иисусе Христе; потом возвысить дух постоянным богомыслием и достойно приготовить бессмертное свое существо к вечному единению с Богом в Царстве Небесном для бесконечного наслаждения блаженством.

Приспособительно к этой тройной задаче подвижничества различают три поприща, или пути, по которым христиане должны проходить к нравственному совершенству и к Царству Небесному, именно: путь очистительный, путь просветительный и путь совершительный. Первым путем идут начинающие, вторым – преуспевающие, а третьим – совершенствующиися.

Так как подвиги эти сколько важны, столько же и трудны, а грехолюбивая природа наша ленива на добро, то считают необходимым руководствоваться побуждениями к совершению этих подвигов, именно: для начинающих необходим страх Божий, страх подвергнуться вечному мучению за грехи; преуспевающих воодушевляют на подвиги благочестия частью страх Божий, частью надежда на получение награды в Царстве Небесном; а усовершенствующиися руководствуются уже чистой любовью,

которая вон изгоняет страх.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава Первая. ОБ ОЧИСТИТЕЛЬНОМ ПУТИ НАЧИНАЮЩИХ

Кто искренно сознает поврежденность своей природы, расстройство души, свои слабости, свою греховность, виновность перед Богом, тот не может долго оставаться спокойным зрителем своего жалкого состояния ввиду опасности гибели в таком положении, не может не позаботиться об исправлении своих немощей нравственных, чтобы выйти из греховного состояния, от тьмы греховной обратиться к свету Христову, от области сатаны – к Богу, верой в Иисуса Христа «получить прощение грехов и жребий с освященными» (Деян. 26, 18).

Земледелец, желая посеять, возрастить хорошие семена, наперед удобряет землю, очищает от дурной травы; иначе сорная трава заглушит хорошие семена, не будет плода, и труд напрасно пропадет. Так и христианин, вступая на путь благочестия, прежде всего должен удобрить почву своего сердца – не только оставить все прежние пороки, слабости, греховные привычки с сознанием не делать ничего противного закону Божию, но и греховные наклонности, страсти подавлять, самые корни пороков исторгнуть из своего сердца, иначе греховные наклонности подавят хорошие намерения, не дадут им созреть и принести плод. Этот подвиг называется покаянием, которого требовал и Спаситель, говоря: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15). Покаяться значит переменить худой образ мыслей, желаний, намерений, поступков и всей жизни на лучший, мыслить и поступать не по своему мудрованию, не по своей воле, а по учению Евангельскому. Необходимые условия покаяния и обращения к Богу, как можно видеть из евангельской притчи о распутном сыне (см. Лк. 15, 11–32), составляют: познание своих грехов и всего нравственного состояния своего; искреннее сожаление о сделанных грехах и отвращение от них; твердое намерение исправить себя, начать новую жизнь; ревностное старание исполнить это намерение и постоянно преуспевать на лучшее.

Глава Вторая. О ГРЕХАХ

СОЗНАНИЕ СВОИХ ГРЕХОВ

Необходимое требование для исправления нравственности, как бы первый шаг к преобразованию порочного характера, есть ясное, живое сознание своих грехов. Грешник, подобно распутному сыну, прежде всего должен войти в себя, отрезвиться от греховного опьянения, беспристрастно рассмотреть, сколько он наделал грехов, как они тяжки, противны Богу, сколько вреда причинил ими себе и ближним, сколько пренебрегал благостью Божиею, призывавшею его к покаянию, какому наказанию он должен подвергнуться от правосудия Божия в будущей жизни, если не покается, и т.п.

К этому спасительному познанию приводят чтение или слушание назидательных поучений, сильно возбуждающих душу, частое собеседование с благочестивыми людьми, внимательное рассматривание полученных от Бога благодетей, наших обязанностей, побуждений к деланию добра и к удалению от зла, испытание всех в течение жизни помышлений, желаний, слов, действий, особенно грехов. Иногда образумливают застарелого грешника разные несчастные события: последовавшие от грехов или другого чего бесславие, неудачи, болезни, притеснения, потеря имущества, внезапная смерть любимых родственников, друзей и другие скорбные случаи, опасности, угрожающие смертью, которые сильно потрясают душу, подавляют чувственность, возбуждают к размышлению и покаянию. Скорбные случаи зависят от Промысла Божия, который хочет ими отрезвить, образумить нас, отвести от грехов, заставить обратиться к Богу и благочестию. От нас зависит уразумевать эту цель, смиренно принимать посылаемые от Бога скорби для этой цели, покаяться, исправиться и строже жить для угождения Богу.

СКОРЬБЬ О ГРЕХАХ

От ясного, живого познания грехов и всего нравственного состояния происходит спасительный страх правосудия Божия, угрызение совести, осуждение своей жизни. А когда от рассматривания милосердия Божия и заслуг Спасителя возбудится надежда на прощение и любовь к Богу, в высшей степени благому, милосердному, происходит отвращение, ненависть к греху, потому что преступление Закона Божия, неповиновение воле Божией есть гнусная неблагодарность к преблагому Отцу и

благодетелю и лишение благоволения и благодати Божией. Потом следует смущение духа, стыд, презрение к себе и святое негодование на себя (см. Лк. 15:19, 18:13; 2Кор. 7,10), затем – скорбь сердца и искреннее обещание никогда не делать грехов и сделанные грехи загладить, потом – намерение вести новую жизнь.

Глава Третья. ОБ ИСПРАВЛЕНИИ СЕБЯ

Намерение вести новую жизнь

Действием или спутником искренней скорби бывает твердое намерение вести новую жизнь, именно: не только не повторять тех же грехов, соблазны или вред, причиненные другим, загладить, похищенное возвратить, устранить все причины и поводы к грехопадениям, но и все последствия прежних грехов по возможности прекратить, старательно исполнять все условия для получения прощения от Бога или сделать удовлетворение; точно соблюдать все заповеди Закона Божия, постоянно исполнять все обязанности человека христианина, гражданина, семьянина или частного состояния с искренним старанием угодить Богу; все несчастья принимать от руки Божией со смирением, покаянным духом; насаждать и укреплять добродетели, противоположные особенно прежним грехам.

Намерение это хотя скоро зачинается, но только постепенно может быть приводимо в исполнение и усовершаться многими трудами, долгим временем и не без напряженной борьбы. Чтобы оно было тверже, постояннее, действеннее, оно должно быть предпринимаемо с глубокой обдуманностью, с ясным сознанием предметов, средств, образа деятельности; должно быть глубоко напечатлено в душе; чаще должно быть повторяемо; не должно безрассудно подвергаться новым опасностям падения, а должно быть укрепляемо и ограждаемо разными средствами и пособиями.

Исполнение намерения исправить нравы

Доброе намерение надобно приводить в исполнение, чтобы обращение было истинное. Это вначале, особенно в человеке, подвергавшемся порокам и доселе связанном худыми привычками, может быть с большим трудом, усилием и постоянной борьбой с греховными влечениями и приманками (см. [Гал. 5:16–24](#); [1Пет. 2:11](#)). А когда сила чувственности постепенно уменьшится, опасности нового падения будут удалены и любовь к добру более будет утверждена, тогда исполнение христианских обязанностей будет легче и насаждение добродетелей удобнее.

Для выполнения намерения нужно, чтобы скорбь и отвращение от греха были чаще возобновляемы для совершенного истребления остатков

худых навыков и склонностей; с осторожностью надобно избегать случаев к новым падениям, а против искушений, которые часто бывают у вновь обратившихся, ревностно должны быть употребляемы надлежащие средства; главные худые склонности – корни прочих грехов, особенно господствовавший доселе порок и худые привычки, должны быть истребляемы частым упражнением в делах, противоположных им; устранив препятствия к добродетели и употребляя надлежащие пособия, надобно постоянно возгревать усердие и принуждать себя – преуспевать в добре, восходить на высшую степень добродетели.

Нравственное образование надобно начинать раньше

Обращение к Богу, образование себя надобно начинать с самых ранних лет. Ибо чем оно раньше начинается, тем бывает удобнее, легче, потому что еще нет предрассудков, худых склонностей и привычек, которые, укоренившись, много препятствуют наставлению и насаждению добродетели. Неиспорченный дух, нежное сердце, наподобие мягкого воска, скорее принимают, усвоят семена добродетели, потому оно будет совершеннее, ибо с течением времени познание нравственных правил делается яснее, удобопримимее. Суждение делается тверже, нравственное чувство сильнее, воля склоннее к добру, упражнение в нравственных делах легче и чаще, потому оно будет постоянно тверже, ибо у порочного исправившегося обыкновенно бывает больше опасностей опять пасть, нежели у того, кто не имеет худых привычек. Образовывание этого бывает гораздо удобнее, нежели исправление испорченного, потому что нравственные начала в нежной душе юноши глубже насаждены, легче развиваются, укрепляются. Тем оно будет благороднее и достойнее награды, когда мы посвящаем Богу и добродетели цвет юности, такую часть возраста, которая более способна к добродетели и более приятна Богу бывает (см. Еккл. 12, 1; Притч. 22, 6).

Напротив, чем дальше отлагается образование характера, тем оно труднее, несовершеннее, непостояннее, менее достойно будет, подобно тому, как устарелое, хилое, больное или изувеченное, с пороками животное приносить в жертву Богу, тогда как Бог в Ветхом Завете повелел приносить в жертву животных молодых, беспорочных. Позднее образование, по трудности своей, часто вовсе оставляется в небрежении. Премудрый потому убеждает: «Сын мой! от юности твоей предайся учению... Чего не собрал ты в юности, – как же можешь приобрести в

старости?» (Сир. 6:18, 25:5) Потому дело исправления себя не должно откладывать со дня на день. Отлагательство исправления себя вредно и опасно. Что может быть безрассуднее откладывать на неизвестное время важнейшее из всех дело, от которого зависит вечная судьба? Такой человек напрасно будет ожидать благодати Божией, да и кто может быть уверен, что доживет до старости или до предположенного для исправления времени? Поскольку вечность есть время жатвы (см. Гал. 6:8), какое безрассудство теперь, когда есть время сеять, пренебрегать тем, чем можем заслужить счастливую участь в вечности! Какое безрассудство упускать время и случаи к заслугам, которые возможны только в настоящей жизни! А без заслуг Бог не удостоит вечного блаженства. Обращение на путь спасения есть дело весьма трудное. На каком основании можно надеяться, что сердце, привыкшее к грехам, застарелое в них, вдруг оживится, воспламенится любовью к Богу, особенно когда дух слабеет от старости или от жестокости болезни и от страха смерти делается неспособным к самообладанию? Но кроме безрассудства, откладывание покаяния отзывается еще нечестием. Кто прямо отвергает благие советы Божии, жизнь свою проводит в пороках, тот явно показывает, что он не имеет любви и благоговения к Богу. Да и самое обращение, которое откладывают до конца жизни, отзывается самолюбием, потому что, пренебрегая угождением Богу в течение жизни, хотят получить прощение только для своей выгоды или вечное блаженство без трудов и заслуг. Человек создан для Бога, должен и служить Богу всецело. Но он сознательно и упрямо всю жизнь противится Богу, а в вечности хочет получить себе от Него благоволение и блаженство – не странно ли это? «Пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию?» (Рим. 2:4) Потому «не медли обратиться к Господу, и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдет гнев Господа, и ты погибнешь во время отлучения» (Сир. 5, 8). Опыт показывает, как опасно откладывать покаяние, потому что или такие грешники по большей части нечаянно умирают, или усилившаяся болезнь подавляет всякое душевное чувство, или пробудившаяся совесть и едкая скорбь о сделанных грехах приводят больного в крайнее смущение и отчаяние. Потому редко бывает, чтобы всю жизнь по беспечности предававшиеся порокам искренно покаялись в старости, когда греховные привычки укоренились, обратились в нравственную необходимость, как бы во вторую природу. Впрочем, мы никого не должны осуждать из тех, которые всю жизнь провели в грехах и только в конце, перед смертью, стали раскаиваться. Господь милосерд ко

всем, милосердию Его нет предела. И позднее покаяние может быть спасительным. Но нам не следует рассчитывать на то. Он – один, говорит блаженный Августин о покаявшемся разбойнике, не отчаивайся, но он – один, не обнадеживайся.

Вывод из сказанного

Доселе сказанное о покаянии можно сокращенно так изложить. Сущность покаяния состоит в перемене мыслей, желаний, намерений (или ума, воли и сердца), в обращении их к Богу и Закону Его и в исправлении нравов и всего поведения. Скорбь о грехах, которые больше всего противны Богу, с твердым намерением вести лучшую жизнь есть основание покаяния. Эта скорбь должна быть разумным сокрушением духа, сожалением о сделанных грехах, не должна доходить до чрезмерного возмущения духа, страха, уныния, отчаяния (см. Мф. 14,25–31). Покаяние должно простираться как на внутреннюю, так и на внешнюю деятельность, и по плодам надобно судить об истинности его (см. Мф. 3, 8; Рим. 6, 1–6; Кол. 3, 1–10). Покаяние каждому падшему совершенно необходимо для спасения, ибо удостоить милости или жизни вечной человека, растленного грехами, неисправившегося, противно святости и правосудию Божию, искуплению Иисуса Христа, Который приходил не награждать порочных, а исправить их и привести к спасению; противно цели человека и общему благу, которое не достигалось бы, если бы люди могли надеяться, что достигнут спасения и те, которые не очистились от грехов, не исправились.

Верные признаки истинного покаяния и обращения суть:

ревностное, постоянное старание преуспевать в познании спасительных истин, исторгать остатки, корни грехов, ревностно устранять препятствия к добродетели и употреблять все пособия, усердно, в точности исполнять даже и трудные обязанности, хотя бы потребовалось для этого большое усилие и борьба с препятствиями;

благоразумная и постоянная ревность в исполнении обязанностей священных и своего состояния;

постоянное, твердое, деятельное намерение пребывать в добродетели и преуспевать на лучшее;

наконец, смирение во всем.

Напротив, чувствительность сердца с набожными воздыханиями и слезами, слезы при слушании поучения или умилительного пения, скоропроходящий энтузиазм исправить грехи или исполнить

предположенные добрые дела, избегание только грубых пороков, пренебрежение малыми грехами. Исполнение только внешних священных обрядов, наружное благочестие без смирения сердца – все это сомнительные знаки покаяния и обращения к Богу. Истинное покаяние должно отличаться особенно самоотвержением, о котором, по его важности, скажем подробнее.

Глава Четвертая. О САМООТВЕРЖЕНИИ

Покаяние, или обращение к Богу, должно быть соединено с самоотвержением, которое есть основание и отличительная черта христианства и которого потому Спаситель требует от Своих последователей. «Если кто хочет идти за Мною, говорит Он, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24). То есть, если кто хочет быть Моим последователем, учеником и наследовать со Мною Царство Небесное, в которое Я призываю, тот должен отвергнуться себя – своего «я», или самолюбия, отвергнуть пристрастие к своему мудрованию, своеволию, своенравию, самоугодию, отвергнуть пожелание своего превосходства перед другими, чести, славы, своих выгод, отвергнуть и те удовольствия, к каким располагается страстное сердце и чувственность; должен понести «свой крест», другими словами, добровольно потерпеть случающиеся искушения, лишения, скорби, болезни, несчастия, гонение, мучение, даже смерть, когда Богу угодно будет послать кому это или попустить. И при этом должен следовать за Спасителем, то есть последовать Его учению, воле и примеру жизни.

Спаситель говорит, что Он ничему не учил и ничего не делал от Себя, но все по научению и по воле Бога Отца (см. Ин. 7:16, 8:28, 12:49, 6:38; Мф. 26:39), Которому Он был «послушным даже до смерти... крестной» (Флп. 2, 8). Такого же самоотвержения Спаситель требует и от Своих последователей. Апостол Павел побуждает верующих совлечься, «отложить... ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» (Еф. 4, 22; см. также Кол. 3, 9), распять свою «плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24), или духом умерщвлять дела плотские (см. Рим. 8, 13; Кол. 3, 5), то есть обуздать, подавить плотские или чувственные наклонности, страсти, влекущие к греховным делам.

Такое самоотвержение сколько трудно, столько же и необходимо для достижения спасения. Первородный грех расстроил всю нашу природу, самолюбие дало превратное направление деятельности всех сил души – вместо Бога к себе и к чувственности, расстроило первобытную гармонию чувствований, высших потребностей духа и влечений низшей природы, породило тройственную похоть (см. Быт. 3, 6; 1Ин. 2, 16). От этого разум помрачился, стал туп в уразумении истины, неудобопонятлив, погрешителен, стал содержать истину в неправде, искажал ее, даже часто стал возноситься против разума Божия, осуетился в помышлениях, стал мелочным (см. Рим. 1, 18–21; 1Кор. 2, 14; 2Кор. 10, 5).

Сердце, средоточие душевной жизни и деятельности (см. [Притч. 4, 23](#); [Мф. 15, 19](#); [Лк. 6, 45](#)), развратилось – вместо стремления к Божественной красоте стало привязываться к чувственным удовольствиям и сделалось гнездилищем страстей. А под влиянием самолюбия и страстного сердца и воля стала превратно действовать – не по любви, а по своенравию, своеугодию, сделалась удобопреклонной ко злу, а к истинному добру охладела, ослабела, и вообще вся душа поработилась чувственности, которой чем больше кто угождает, тем больше питает, укрепляет ее греховные наклонности, похоти, которые чем больше возрастают, укрепляются, тем больше ослабляют высшие потребности духа, подавляют духовную жизнь, как узами привязывают сердце к земле, не дают ему возноситься на небо к Богу.

Апостол Павел говорит, что живущие по влечению растленной плоти только о плотском и помышляют, только плотского желают и ищут. У них ум, воля и сердце всецело погружаются в чувственное, оттого человек становится неспособен делать духовные, добрые дела, а делает плотские, худые. Следствием этого неизбежно бывает смерть души – и временная (лишение благодати и неспособность к доброму), и вечная (бесконечное мучение в удалении от Бога) – именно потому, что мудрование плотское и жизнь чувственная по страстям враждебны Богу и Закону Божию, потому как совершенно противоположны закону и не могут покоряться ему.

Поэтому живущие по влечению плоти или чувственных наклонностей, пока живут по греховным страстям, и не могут угодить Богу, Который, как Дух Святейший, любит только одно святое и отвращается от всего противного тому (см. [Рим. 8,5–8](#)).

Потому-то для угождения Богу и для достижения спасения и необходимо обуздывать все чувственные наклонности и чувствования, все силы, стремящиеся врознь, по разным, даже противоположным направлениям, направлять снова к одному центру – чувственность подчинять духу, а дух покорять Богу, так чтобы Бог был последней целью всех стремлений нашего духа.

Короче сказать, самоотвержение должно состоять в подавлении самолюбия и в удалении от всего того, к чему влекут страсти.

Глава Пятая. О ПОДАВЛЕНИИ САМОЛЮБИЯ И СТРАСТЕЙ

Самолюбие – превратное стремление нашего духа от Бога к самому себе и к чувственности – есть корень всех страстей, грехов и всех зол душевных и телесных. От самолюбия, как ядовитого корня, выродились три главные страсти: гордость, сластолюбие, своекорыстие. Духу нашему прирождены потребность и стремление к развитию своих сил и высшему совершенству. Самолюбие дало превратное направление этому стремлению. От него родилось беспорядочное пожелание собственного превосходства, почитания, самовозношение, самоуважение, самоуслаждение и неумеренный страх или отвращение от всего противного тому, или гордость. Чувственной природе нашей дан инстинкт самосохранения, или продолжения жизни личной и видовой через употребление пищи, питья и посредством брачного союза. Самолюбие и этой инстинктивной потребности дало превратное направление: вместо правильного употребления стало беспорядочно искать только наслаждения в пище, питье и брачном союзе, и родилась похоть плоти. От беспорядочного пожелания вещей, необходимых для защищения здоровья от вредного влияния стихий и для удобств жизни, родилось корыстолюбие.

Гордость есть собственно недуг души, а сластолюбие и корыстолюбие гнезятся больше в чувственности и порождают много разных страстей – виновниц худых дел. Чувственностью человек привязывается к внешним предметам, которые льстят его низшим чувствам. А гордостью он как бы сосредоточивается, замыкается в самом себе, услаждается своими совершенствами, считает себя лучшим других, хочет жить только для себя, для своего удовольствия, как последней цели жизни, а не для угождения Богу и блага других, к которым становится холоден, старается употреблять их даже в средство для своих выгод или удовольствий, хочет все вовлечь в свой мрачный центр, забывая о своей зависимости от Бога и о долге жить для Его прославления и для блага ближних.

Самолюбию вообще противопоставляется чистая любовь к Богу и ближним, с совершенной преданностью воле Божией, с готовностью пожертвовать собой и всем своим для угождения Богу и спасения ближних. От подавления гордости происходит добродетель – смирение. В частности, от отвержения своего мудрования и своей воли происходят вера в слово Божие и послушание заповедям Божиим с преданностью воле Божией. От обуздания чувственности, в которой гнезятся две главные

страсти – родоначальницы прочих страстей – сластолюбие и корыстолюбие, в противоположность первой страсти происходят добродетели воздержание и целомудрие, и в противоположность второй страсти происходят бескорыстие, нестяжательность, щедрость. Так как все предметы действуют на чувственность нашу двояким образом (одни доставляют удовольствие, а другие производят неприятные чувствования; к первым наше сердце привлекается, привязывается, а от вторых отвращается, болезненно раздражается), то в первом случае от обуздания чувственности происходит добродетель воздержания в обширном смысле, а во втором случае – терпение и кротость.

Как самолюбие с тройственной похотью – гордостью, корыстолюбием, сластолюбием – служит корнем всех прочих страстей и пороков, так и противоположные им добродетели служат началом прочих добродетелей. По такой их важности надобно рассмотреть подробнее, в чем они состоят, как их исполнять, как успевать в них. А как гордость есть самая зловредная страсть, то самоотвержение должно начинаться с подавления гордости, чтобы приобрести смирение – основание всех добродетелей, которые без смирения не будут иметь цены, успеха и награды.

О подавлении гордости

Гордость, или самовозношение, проявляется сообразно со свойством каждой способности души: в уме – кичливым мудрованием, высокой мечтательностью о себе, самоуверенностью; в воле – своеобразием, желанием независимости, домогательством поставить все по-своему, самонадеянностью; в сердце – самоуслаждением, желанием жить только для себя, для своего удовольствия, а не для угождения Богу и блага других. Отсюда происходит множество разных страстей и пороков. Потому самоотвержение должно простирается на все способности души, надобно отвергнуть самовозношение, мечтательность о своем превосходстве, свое кичливое мудрование, отвергнуть своеволие и всякую страстную привязанность к наслаждениям, разум и волю подчинить учению и воле Божией так, чтобы мыслить, желать, чувствовать и делать все согласно с волею Божиею, по любви к Богу, для угождения Ему, для Его славы, а не в угождение своим прихотям, не для своей славы, не для своего только удовольствия.

Гордость есть самый зловредный порок, тяжкий недуг души, особенно когда она обратится в господствующую страсть. Гордость, омрачая душу и

не давая ни видеть свои грехи, слабость сил, недостатки, ни чувствовать нужду в высшей, благодатной помощи, ни ценить благодеяния Божии, удаляет человека от Бога, Который «гордым противится» (Иак. 4, 6), отвращается. Кто не сознает своей слабости и недостатков, напротив, услаждается своими совершенствами, тот не считает нужным и не старается стремиться к высшему совершенству, при самодовольстве оставаясь в беспечности, неизбежно опускается все ниже в нравственности, скоро нисходит в глубину зол. Кто не сознает своей немощи, тот не чувствует нужды в помощи Божией, не желает, не просит ее, не прибегает к Богу, своим самодовольством заграждает в себя вход благодати Божией, которая изливается только на смиренных (см. Иак. 4,6), жаждущих ее и без которой душа подвергается духовной смерти. Таким образом, гордость подавляет стремление к высшему нравственному совершенству, угашает благодатную жизнь души, иссушает сердце, доводит человека до бессердечности, омрачения, самообольщения, иногда даже до умоисступления, истребляет корень всех добрых расположений – любовь к Богу и ближним – и становится источником многих пороков и разнообразных вредных следствий их.

К сожалению, у сынов Адама так велика склонность к гордости, что искушение от нее губительнее всякого другого. Как ни тяжело подчинить чувственность духу, однако же это подчинение при помощи Божией для людей, по крайней мере более образованных, не составляет такого труда, как совершенное подавление гордости. У этой злой гидры часто от самой победы над прочими худыми склонностями и пороками вырастают новые головы. Кто подвергается искушениям от чувственного пожелания, тот по меньшей мере сознает свое недостойнство, греховность, стыдится своей нечистоты, скоро может прийти в чувство раскаяния и исправиться. А гордость, довольная собой, из самих добродетелей часто получает новую пищу и силу, и зараженного ею человека весьма трудно вразумить, исправить. Поэтому, чтобы эта ехидна своим ядом не иссушила прекрасных цветов добродетелей, не изгрызла и самый корень их, надобно употребить все усилия и средства подавить ее. От подавления гордости происходит смирение.

О смирении

Смирение есть самоуничижение перед Богом и людьми – при искреннем сознании как совершенной во всем зависимости от Бога, так и нравственного нашего повреждения, слабостей, недостатков, греховности

и виновности. В смирении по отношению к Богу главное то, чтобы признавать себя зависимым, грешным, виновным перед Богом, недостойным благоволения, столько слабым, что без помощи благодати Божией мы ничего доброго не можем сделать; потому совершение всякого доброго дела приписывать благодати Божией, а не своему умению и тщанию, вечного спасения ожидать не от своих дел и заслуг, а от милосердия Божия, ради заслуг Иисуса Христа. А по отношению к людям считать себя более других грешным, худшим, во всем ставить себя ниже всех, не искать ни в чем преимущества перед другими, никакого отличия, считать себя недостойным внимания, уважения, расположения других и даров счастья.

Святой Варсонофий говорит, что смирение состоит в том, чтобы ни в каком случае не почитать себя за нечто, во всем отсекав свою волю, повиноваться всем и без смущения переносить то, что постигает нас отвне, считая себя по своим грехам достойным всякого унижения и скорби.

Прежде всего, говорит святой авва Дорофей, нужно нам смиренномудрие. Смирения же два вида, так как и две гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, осуждает и бесчестит его, как ничего не значащего, а себя считает выше его. Таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога и подвиги, добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собой совершил их своим знанием и умом, а не помощью Божией. А смирение первое состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее себя и по всему превосходнее, вообще почитать себя ниже всех. Второе смирение состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги.

Святой Кассиан перечисляет десять признаков смирения:

если кто умерщвляет свою волю;

ничего не скрывает от своего старца-руководителя не только из дел, но и из помышлений своих;

ни в чем не полагаясь на свое мнение, все представляет на рассуждение руководителя и охотно, с жадной слушается его наставлений;

во всем соблюдает повиновение, кротость, терпеливость;

не только не делает никому обиды, но и о нанесенной ему от другого не болезнует, не печалится;

ничего не делает, ничего не предпринимает, чего бы не одобрило или общее правило (монастыря), или пример старших;

доволен всякой малостью, скудостью, униженным состоянием и

всякое приказание исполняет, как худой, недостойный раб;
считает себя низшим всех не на словах, а с искренним расположением сердца;

сдерживает язык, не дерзок на слове;
не легкомыслен, не поползновенен на смех.

Иные перечисляют семь видов смирения:

молчаливость;

смиреномудрие;

смиреннословие;

смиреннодеяние;

самоукорение;

сокрушение;

почитание себя последним.

Иные различают три степени смирения:

добровольно подчиняться старшему, его мнению и распоряжению и не превозноситься пред равным;

подчиняться равному и не превозноситься перед меньшим;

подчиняться меньшему.

Святой Исаак Сирийский говорит, что совершенство смирения в том, чтобы с радостью сносить ложные обвинения. Кто истинно смиреномудр, тот считает себя грешником, человеком ничего не значащим, презренным даже в своих глазах; будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но просит прощения. Иные добровольно навлекли на себя название непотребных, не будучи таковыми; с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали. Иные, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими в тайне, представлялись в образе юродивых. Думаешь ты о себе, что есть в тебе смирение. Но другие сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и провозглашаешь себя смиреномудрым. Если хочешь узнать, смиреномудр ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают.

Побуждения к смирению

Первое, что всегда должно побуждать нас к смирению, есть наша совершенная во всем зависимость от Бога. Ибо как не дали мы себе жизни, так не имеем в себе и самостоятельной основы для поддержания и продолжения жизни без поддержания ее силой Божественной. Как в

видимом мире солнце в своей сфере составляет центр, к которому все планеты стремятся, притягательной силой которого поддерживаются и совершают правильное движение по своим кругам (орбитам); его светом освещаются, его теплотой согреваются, оживляются все органические вещи и живые существа на земле. А если бы земля как-нибудь насильственно отторглась от солнца, выступила из-под влияния его, тогда она стала бы блуждать по неизмеримому пространству неправильными путями, погрузилась бы в вечный мрак и холод. Тогда все живущее на ней подверглось бы смерти, потому что все растения и живые существа живут и развиваются не иначе, как только при прямом на них влиянии солнечного света и теплоты. А это возможно только при неизменно правильном отношении земли к солнцу.

Так точно и в духовном мире. Бог есть центр всех разумных существ, от Которого они произошли, от Него зависят, к Нему должны стремиться как к источнику жизни и света, Его силой поддерживаются в бытии, Его светом просвещаются, согреваются, Его благодатной силой оживотворяются, процветают совершенствами и приносят приятные Богу и полезные людям плоды добрых дел – каждое существо по мере своей приемлемости сил от Бога и по мере усердия своего. А по своевольном удалении от Бога они, подобно блуждающей комете, погружаются в вечный мрак, холод, смерть. Как физическая жизнь человека не может развиваться без помощи природы, без содействия воздуха и света, ибо тело непрестанно имеет нужду в содействии и подкреплении внешнем, в каждую минуту и возвращает природе, и заимствует из нее новые части и силы, так и для поддержания внутренней, духовной жизни душа имеет нужду в свете высшем, Божественном. Физическая жизнь человека потому только поддерживается и усовершенствуется, что состоит в соединении с духовной; так и духовной жизнью человек живет и дышит только в той мере, как он сообщается, так сказать, с воздухом мира духовного, Божественного, принимает питание и просвещение от животворящего Духа Божия. Потому все наши блага или достоинства, прирожденные или приобретенные посредством воспитания или благоприятного течения обстоятельств, не наша собственность, а дары Божии, которые все от Бога, источника всякого блага, проистекают и от Его воли всегда и вполне зависят. Нравственные добродетели, по-видимому, зависят от нашей свободы. Но кроме того, что достоинство их зависит только от освящающей благодати, даже самая воля наша, расслабленная греховным растлением, не имела бы силы совершать их без благодати Божией, которая возбуждает и укрепляет ее. «Потому что Бог производит в нас и

хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2, 13). «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя... но способность наша от Бога» (2Кор. 3, 5). Посему всякого можно спросить с апостолом: «Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил» (1Кор. 4, 1)?

Самый здравый разум внушает считать себя такими, каковы мы на самом деле. Что же мы в себе собственного находим? Всякий из нас усматривает в себе множество нравственных недостатков, слабостей, грехов, которые заставляют стыдиться самих себя и унижать себя перед Богом и людьми. Мы зачинаемся в грехах и рождаемся в нечистоте, всегда носим в себе склонность к греху (см. Быт. 6, 5) и падаем. «Все мы много согрешаем», говорит апостол (Иак. 3, 2). «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19). «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин. 1:8). Если бы мы даже и ничего не сознавали в себе худого, что невозможно, то и тогда не могли бы оправдаться перед Богом, Которому, как всеведущему, открыты все тайники нашего сердца, в котором скрываются греховные нечистоты, часто закрываемые от нашего внимания и сознания нашим самолюбием; как говорит апостол: «Хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь» (1Кор. 4, 4). Даже самые святые люди боялись за свои добродетели, чтобы они не были осквернены скрытным самолюбием, самомнением, которое есть мерзость перед Богом (см. Иов. 9, 28; Ис. 64, 6). Даже и по возрождении сколько еще испытываем в себе слабостей. Как мы далеки от той чистоты расположений, какой требует от нас Евангелие! В таком состоянии мы не имеем в себе никакой надежды на спасение своими делами, а оправдываемся только заслугами Иисуса Христа, усвояемыми верой, и только при содействии благодати Божией можем достигать высшего нравственного совершенства и блаженства (см. Рим. 3, 24; 1Кор. 1, 30; Гал. 2:16, 3:11; 1Пет. 1:13, 18:19).

Что касается отношений наших к ближним, то мы должны смотреть на всякого человека как на прекрасное творение Божие, украшенное образом Божиим, назначенное для уподобления Богу в нравственных совершенствах, для небесной жизни, для вечного блаженства в общении с Богом. Особенно христианская вера возвысила достоинство человека: всякий христианин искуплен бесценной кровью Сына Божия, возрожден, освящен благодатью Божией, стал храмом Святого Духа, участником Божеского естества, Сыном Божиим, наследником Царства Небесного (см. 1Кор. 6, 15, 19–20; 2Пет. 1, 4; Рим. 8, 16–17), в котором все удостоившиеся будут возведены до высшего достоинства, по словам тайновидца святого

Иоанна Богослова, будут царями и священниками в небесном Иерусалиме (см. Откр. 1,6). Представляя такое высокое достоинство каждого христианина, мы должны смотреть на всех с уважением как на освященных Святым Духом, как на детей Божиих, которых Бог любит, никого не презирает. Как же мы будем уничивать кого-нибудь? Напротив, усматривая в себе разные недостатки, слабости, грехи, которыми помрачается образ Божий, унижается достоинство человека, мы должны себя считать хуже всех и ставить ниже всех во всем. Если и видим в других явные слабости, погрешности, даже пороки, то все же из-за них не должны осуждать, унижать их и считать себя лучшими их. Мы видим один или немногие явные грехи, а многих добрых качеств, сокровенных в них, не видим, не знаем их расположения духа, намерений и причин, по которым они что-нибудь допускают, – согрешили, может быть, необдуманно, по легкомыслию, по увлечению от страсти, при сильном искушении, потом скоро образумились, покаялись перед Богом, а Бог ради их смирения, искреннего раскаяния простил им грехи, оправдал, а мы обвиняем их и становимся противниками Богу, тогда как у нас, может, больше грехов, если не явных, то скрытых. Одна гордость, от которой происходит осуждение и унижение других, составляет самую противную Богу нечистоту и недуг души и, иссушая наше сердце, истребляет корень духовной жизни – смирение и любовь, без которых ничего доброго не может быть. На согрешающих мы должны смотреть как на больных. Больных телом мы не унижаем, напротив, сострадаем, жалеем, желаем помочь им выздороветь. Так и согрешающих, как больных душою, мы не должны унижать, но сожалеть о них, стараться помочь им избавиться от душевных недугов. Тем более не должны унижать живущих в низкой доле, занимающих низшее место по званию и состоянию в обществе, даже нищих. Апостол Иаков им присволяет еще то достоинство, что при внешней нищете они часто бывают богаче других верой, смирением и другими добрыми качествами, каких нет и у знатных мира. Апостол говорит: «Послушайте... не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия» (Иак. 2:5)? Бедные, теперь последние, может, займут место выше нас по достоинству и блаженству, и тогда нам стыдно будет перед ними, что мы унижали их. Иудейские фарисеи, гордившиеся своей законной праведностью, презирали мытарей, грешников и всех, не принадлежавших к их обществу, а Спаситель возвещает им: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф. 21:31–32). Потому не перед кем не должно превозноситься, перед всеми надобно смириться.

В Священном Писании смирение представляется как одна из важнейших обязанностей христианина и как необходимое условие для достижения всякого блага. Апостол говорит: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время» (1Пет. 5:5–6). И Спаситель говорит: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29). «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18, 14). «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20:26). «Кто умалится (смирится), как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18,4; см. также Иак. 4:10; Рим. 12:16; Кол. 3:12; Флп. 2:3–11).

О важности смирения

Смирение очень важно, даже необходимо для исполнения наших обязанностей в отношении к Богу, себе и ближним. Смирение служит основанием главных добродетелей: веры, надежды и любви к Богу.

Кто сознает недостаточность, тупость, удобопогрешительность своего разума, который под влиянием страстей и расстроенного воображения, омрачаясь, часто погрешает в суждении даже и о земных предметах, подлежащих опыту, а в познании высших, небесных предметов и вовсе близорук, слеп бывает, тот, не полагаясь на свой разум и опасаясь заблуждения, просит просвещения от Бога, с полным доверием принимает то учение, которое сообщено от Бога и заключено в Священном Писании, словом, предается вере в Бога – источник света истины, который не может ни обманываться, ни обманывать. Кто искренно сознает в себе одну пустоту, нищету, слабость сил в приобретении благ, каких жаждет наше сердце, тот не может не обратиться к Богу – источнику всех благ и сил, от Него только может получить желаемые блага, силы и средства к получению этих благ. Кто сознает слабость своей воли в делании добра, бессилие ее в сопротивлении злу, частое порабощение ее страстям, тот никаких успехов в добродетелях приписывает не себе, а все помощи Божией, тот чаще и усерднее молится о даровании ему благодатной помощи. Ни в чем не полагаясь на свои силы и ничего не ожидая от себя, тем совершеннее полагается на Бога, от Него одного ожидает всего доброго, частыми опытами помощи и благодеяний Божиих удостоверяться в благости Божией, тем достовернее возлагает надежду на Бога во всем и в этой надежде успокаивается. Кто чем яснее усматривает, с одной стороны, свои слабости, недостатки, греховность, виновность свою перед Богом, а с

другой стороны, достолюбезные совершенства Божии – святость, милосердие, человеколюбие, долготерпение, по которым Бог не только не наказывает по всей строгости за грехи, щадит, но еще оказывает ежедневно разные благодеяния, тот тем более ценит благодеяния Божии, оказываемые ему, как незаслуженный дар благодати Божией, которой удивляется и благоговеет, тем сильнее возбуждается к благодарности и люблению Бога за Его любовь и милости, тем с большей преданностью повинуется Его воле, усерднее исполняет заповеди Божии, более остерегается, как бы чем не оскорбить такого любвеобильного, благодетельного Отца.

Исполнение обязанностей по отношению к нам самим также основывается на смирении. Когда мы сознаем свою духовную нищету, слабости, греховную нечистоту, то ясно видим, как еще далеко мы отстоим от той высоты совершенства, какой требует от нас Евангельское учение (см. Мф. 5, 48; 1Пет. 1, 15–16), а этим самым возбуждается желание исправить себя, воспламеняется ревность к большему преуспеянию. Кто чем яснее сознает свое бессилие, чем глубже чувствует нужду в содействии благодати Божией, тот тем больше возбуждается к постоянной, усердной молитве к Богу о ниспослании помощи, тем больше и воспринимает благодатных сил, и успевает в добродетелях. Ибо только сознание своей немощи и молитва приближают к нам помощь Божию, открывают вход благодати в душу, вселяют в нас силу Христову, которой возмогаем совершать все доброе (см. 2Кор. 12:9, 4:7; Флп. 4,13). Кто сознает недалекость, удобопогрешительность своего разума, омрачаемого страстями, слабость своей воли в делании добра, удобопреклонность к злу, растленность сердца, увлекающегося к греховным удовольствиям, тот тем решительнее вступает в подвиги самоотвержения, а это единственный путь для выхода из области сатаны на путь евангельский, ведущий к Царству Небесному; не полагается на себя, не доверяет своему разуму, отвергается своей воли, охотно предается послушанию, руководству более разумных и опытных в духовной жизни, воздерживается даже и от позволенных удовольствий, которые при неумеренности могут породить и питать какую-нибудь страсть в сердце и расслаблять душу; тем бдительнее становится в уклонении от поводов к грехам, в препобеждении греховных искушений, в преодолении всех трудностей на пути добродетели; не высокоумдрствует, но водится смиренным разумением, не дерзает постигать глубокие тайны веры, превышающие разум; не берется прежде времени за высокие подвиги, превышающие его силы, но неослабно старается исполнять по силам

заповеданное; считает себя недостойным награды, высших благодатных дарований, сердечных услаждений, не домогается их; тем избегает самообольщения, прелести бесовской, а сухость сердечных чувств, томность духа благодушно переносит, не оставляя своего усердия в исполнении своих обязанностей и духовных подвигов, – оттого и добродетели его бывают чище, тверже, чужды самомнения, тщеславия, угоднее Богу. Питая в себе чувство своего недостойнства, греховности, смиренный не ищет себе никаких отличий, почестей, славы, наград, выгод или даров земного счастья; в счастье не возносится, считая его незаслуженным даром Божиим, не предаётся расслабляющей душе беспечности, а несчастья переносит благодушнее, сознавая, что он терпит их за свои грехи, за которые заслуживает еще большее наказание, считает их уплатой долга перед Богом, средством к очищению грехов, врачевством душевных недугов, страстей, даже лобызает наказывающую десницу Божию в той уверенности, что «Господь, кого любит, того наказывает» скорбями (Евр. 12:6) для того, чтобы, очистив ими от грехов, приготовить вечную милость. Таким образом, и среди несчастий смиренный не малодушествует, не унывает, не ропщет ни на кого, даже бывает спокоен духом, предаваясь во всем воле Божией.

По отношению к ближним смиренный, сознавая собственные недостатки, свою греховность, худость, считает себя худшим других во всех отношениях, поставляет себя ниже всех, не ищет никаких преимуществ, отличий перед другими, чужд бывает зависти. Почитая всех лучшими себя, всех уважает, никого не презирает. Сознавая свои слабости, снисходительнее судит о других, благосклоннее сносит их слабости, никого не осуждает, ни на кого не сердится, не питает ненависти. Сознавая свои немощи, тем охотнее помогает немощным, усерднее оказывает другим послушание и услуги. Таким образом питает христианскую любовь к ним, при которой удобнее сохраняется взаимное согласие, мир и дружба, а от них главным образом зависит благоденствие в жизни. Короче сказать, пусть человек смирится, и он скоро будет представлять в себе достойный подражания образец многих добродетелей. Напротив, гордость и высшего архангела превратила в страшного демона. Хотя бы кто, как орел, вознесся на высоту добродетелей и между звездами поставил престол своего величия, однако же гордость оттуда низвергнет его на дно ада, до крайней степени нравственного унижения (см. Авд. 1,4).

Святые отцы смирение считают одной из самых важных, необходимых добродетелей, без которой нельзя спастись. Если увидишь,

говорит святой Макарий Великий, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он – причастник благодати, то хотя бы и знамения он творил, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестной и униженной и себя нищим по духу и грешным, тот окрадывается злобой и сам не знает того. Если и знамения творит он, не должно ему верить, потому что признак христианства – и тому, кто благоискусен перед Богом, стараться таить сие от людей, и если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: «Не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я нищий; когда положивший захочет, возьмет его у меня». Если же кто говорит: «Богат я, доволен с меня и того, что приобрел, больше не нужно», – то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасытимо, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу; чем более они стараются преуспевать и приобретать, тем более признают себя нищими как во всем скудных и ничего не приобретших. Они говорят: «Недостойн я, чтобы это солнце озаряло меня». Таков признак христианства – смирение! Смиранный никогда не падает. Куда и пасть тому, кто ниже всех? Высокомудрие есть великое унижение. А смиренномудрие есть великая высота, честь и достоинство. Обитель или упокоение Святого Духа есть смиренномудрие, любовь, кротость. Человек не получит пользы от других добродетелей, хотя бы и на небе жительствовавал, если будет иметь гордость, которою диавол, Адам и многие другие пали.

Святой авва Дорофей говорит, что для спасения прежде всего нужно смиренномудрие. Без него никакая добродетель не может быть совершенна. Смирение и одно может ввести нас в Царство Божие, хотя и медленно. А без смирения нельзя спастись. Смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага. По словам святого Антония Великого, одно только смирение бывает выше всех сетей диавольских и избегает их. Оно избавляет человека от многих зол и охраняет его от великих искушений. По мере того как человек смиряется, он получает помощь от Бога и преуспевает. Если диавол подвигнет все хитрости злобы своей со всеми демонами своими, то все коварства его упразднятся и сокрушатся от смирения, по заповеди Христовой.

По словам святого Варсонофия, смирение есть мать всех добродетелей и имеет первенство между добродетелями. Смирение есть сокращенное спасение. Смирение содействует человеку селением Бога. Чем более кто нисходит в смирение, тот тем более преуспевает в добродетелях. Смирению подаются многие дарования от Бога.

В душах смиренных почивает Господь, а в сердце гордых постыдные страсти, ибо ничто так не усиливает их в нас, как гордые помыслы, и ничто так удобно не искореняет этого злого бытия души, как блаженное смирение.

Пока человек не смирится, говорит святой Исаак Сирийский, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, а за смирение. Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны (например, пост, бдение, безмолвие, прочитывание многих молитв и т.п.), даже уготовляют много худого (то есть дают пищу самомнению, тщеславию, гордости, которая есть явная погибель). Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели: оно может сокрушить крепость многих грехов. Если приобретем оное, то сделаем нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все наши дела, всякие добродетели и всякое делание. Кто не почитает себя грешником, написано одним из святых, того молитва не приемлется Господом. Тайны открываются (от Бога только) смиренномудрым. Как благодать близка к смиренномудрию, так болезненные приключения близки к гордости. Очи Господни на смиренномудрых, чтобы возвеселить их. Лице же Господне против гордых, чтобы смирить их. Смирение всегда приемлет от Бога милость. А жестокосердию и маловерию (происходящим от гордости) встречаются страшные события. Умаляй себя во всем перед всеми людьми, и будешь возвышен перед князьями века сего. По мере смиренномудрия дается тебе терпение в бедствиях твоих, а по мере терпения облегчается тяжесть скорбей твоих и приемлешь утешение; по мере же утешения твоего увеличивается любовь твоя к Богу, и по мере любви твоей увеличивается радость твоя о Святом Духе.

Где произошло грехопадение, говорит святой Иоанн Лествичник, там привитала уже гордость, потому что падение служит указателем гордости. За гордость Бог часто наказывает попущением подвергаться большим порокам, например запойному пьянству, распутству, которые унижают человека до скотоподобного состояния и поневоле заставляют смиряться. Горделивый человек, говорит святой Лествичник, не будет иметь нужды в демоне, потому что сам для себя стал уже демоном и врагом. Есть двенадцать страстей бесчестных; если возлюбишь одну из них, именно гордость, то она восполнит собой место прочих одиннадцати. Не постился, не предавался бдению, не возлегал на голой земле, но смирился, и вскоре спас меня Господь. Смирение есть дверь Царствия, вводящая приближающихся к оному. Без него никто не взойдет в брачный чертог

небесный. Если гордость некоторых ангелов сделала демонами, то смирение, без сомнения, может и демонов сделать ангелами. Подвижники благочестия говорят, что Богу угоднее грешник и ленивый человек с сокрушенным и смиренным сердцем (или смиренный, кающийся грешник), нежели делающий добро с тщеславием (гордый праведник).

Святой Златоуст говорит, что величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости, так как диавол, не бывши прежде таковым, сделался диаволом от гордости, указывая на что, и апостол Павел сказал: «Чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом» (1Тим. 3:6). Так и первый человек, подобной надеждой оболоченный от диавола, пал и сделался смертным, ибо, надеясь быть богом, потерял и то, что имел. За то и Бог, порицая его и как бы издеваясь над его неразумием, сказал: «Вот, Адам стал как один из Нас» (Быт. 3:22). И каждый после Адама, мечтая о своем равенстве с Богом, впадал в нечестие. Поскольку, говорю, эта гордость есть верх зол, корень и источник всякого нечестия, то Спаситель и приготовляет врачевство, соответствующее болезни, полагает этот первый закон как крепкое и безопасное основание. Ибо на этом основании с безопасностью можно созидать все прочее. Когда же не будет этого основания, то, хотя бы кто до небес возвышался жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы ты отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения разрушится и погибнет.

Средства к приобретению смирения

Смирение сколько важно, столько и трудно. По указанию святых отцов-подвижников, средства к приобретению его могут быть следующие. Для приобретения смирения полезно размышление о величии Божиим и нашем ничтожестве. Бог есть все, а мы – тварь, ничто. Святые чем более приближаются к Богу познанием и чистотою жизни, говорит святой авва Дорофей, тем яснее усматривают величие совершенств Божиих, тем более видят себя грешными, при блеске славы Божией яснее усматривают свои недостатки, слабости, греховную нечистоту и смиряются.

Полезно размышление о всецелой зависимости нашей от Бога во всем. Мы все получили от Бога – и жизнь, и силы; без содействия благодати Божией мы не можем совершить ничего доброго. Не имея ничего собственного, мы не можем ничем превозноситься перед людьми (см. Деян. 17:25–28, 4:12; Флп. 2,13; 2Кор. 3,5; 1Кор. 4,7). Внешними отличиями, каковы суть почетная должность, чин, богатство, знатность

рода и т.п., нечего и превозноситься. Они составляют не существенную нашу собственность, а случайную принадлежность, на время даны Богом для службы обществу, для общей пользы. Как Бог дал их, так может и отнять за превозношение ими. Важнее дарования душевные, которые не могут быть отняты никем, кроме Бога, и составляют существенную принадлежность нашей духовной природы. Но и эти дарования суть дар Божий, а чужим (Божиим) даром хвалиться неразумно (см. 1Кор. 4:7). Если царь, говорит святой Макарий Египетский, положит свое сокровище у какого-нибудь нищего, то принявший на сохранение не считает сего сокровища своей собственностью, но везде признается в своей нищете, не смея расточать чужого сокровища, потому что всегда рассуждает так: «Это сокровище у меня не только чужое, но еще положено ко мне сильным царем, и он, когда захочет, возьмет его у меня». Так и имеющие какие-нибудь дарования Божии должны быть смиренномудрыми, исповедовать нищету свою. Если нищий, приняв от царя вверенное ему сокровище и понадеявшись на это чужое сокровище, начинает превозноситься им как собственным богатством, и сердце его исполнится кичения, то царь берет у него свое сокровище, и имевший оное на сохранении остается таким же нищим, каким был прежде. Так, если и имеющие дарование от Бога превознесутся и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет у них дары Свои, и они остаются такими же, какими были до принятия благодати от Господа.

К смирению приводит и частое рассмотрение наших недостатков, слабостей, грехов, которых у нас всегда бывает много. Сoderжи, говорит святой Исаак Сирий, в памяти бедность своего естества и скорость, с какой последуют в тебе изменения. Как сказал некто из святых старцев, когда приходит к тебе помысл гордости, говоря тебе: «Вспомни свои добродетели», – ты скажи: «Посмотри, старик, на свой блуд». Разумел же тот блуд, каким во время пощущения бываешь искушаем в помыслах, что с каждым устрояет благодать или вводя нас в брань, или являя нам помощь, когда что для нас полезно. Знай, что все это (обуревание помыслов) к смирению нашему навел на нас Промысел Божий, который о каждом из нас промышляет и устрояет, что кому полезно. А если превознесешься дарованиями его, оставит тебя, и совершенно падешь в том, в чем будешь искушаем одними помыслами. Знай, что устоять не твое и не добродетели твоей дело, – совершит же это благодать Божия. А ты плачь, проливай слезы и припадай к Богу при воспоминании о своих грехопадениях во время пощущения, чтобы избавиться тебе этим и приобрести через то смирение. Истинное смирение есть порождение ведения, а истинное

ведение есть порождение искушений. Кто познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает много молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце. Как скоро человек смирится, немедленно окружает его милость, и тогда сердце ощущает помощь Божию. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Потому-то Господь оставляет святым причины к смирению и сокрушению сердца в усердной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями их естества и поползновениями нечистых помышлений, а часто укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей, иногда же болезнями и недугами телесными, в другое время нищетой и скудостью необходимых потребностей, то мучительностью сильного страха, оставлением, явной бранью дьявола, чем обыкновенно устрашает их, то разными страшными происшествиями. И все это бывает для того, чтобы иметь им причины к смирению и чтобы не впасть им в усыпление нерадения. Но говорю сие не в том смысле, будто бы человеку следует добровольно расслаблять себя нечистыми помыслами, чтобы памятование о них служило для него поводом к смирению, и будто бы он должен стараться впадать в другие искушения, но в том смысле, что следует ему в благом делании во всякое время трезвиться, чтобы, зная цель, с какой Бог попускает на нас мысленные искушения и внешние скорби – именно в наказание за гордость, для научения смирению – мы, видя свою немощь и нечистоту, смирялись и просили у Бога милости, помощи и избавления от искушений. Есть много действий ума, которые могут доставить нам благий дар смирения, если не будем нерадеть о спасении своем, как то: воспоминание грехов, словом, делом и мыслью сделанных, и другое очень многое, споспешествующее смирению. Производит истинное смирение и то, когда кто-нибудь часто размышляет о добродетелях ближнего (великих подвижников) и другие естественные преимущества их в уме своем превозносит, и что имеет, сам сравнивает с тем, что они имеют. Когда таким образом ум видит свою бедность и сколько он отстоит от совершенства брата, человек начинает почитать себя землею и прахом, по всему низшим и худшим всех на земле разумных человек.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что путем к смирению и основанием, по определению приснопамятных отцов, служат труды телесные; а я присовокупляю послушание и правоту сердца, потому что они естественно противоположны самомнению. Крепость смирения и путь его, а не признаки, суть: нестяжательность, внутреннее странничество,

утаение мудрости, простота речи, прошение милостыни, сокрытие благородства, устранение вольности в речах, удаление от себя многословия. Для приобретения смирения полезны: послушание или подчинение воле и распоряжению духовного руководителя с отвержением своей воли и своего мудрования, простая жизнь, чуждая неги, чтение сказаний о высоких подвигах и добродетелях святых отцов, сокрушение сердца, рождающееся в подчинении, памятование грехопадений, осуждение себя за них перед Богом, самоукорение. Преподобный Петр Дамаскин говорит, что смирение рождается от послушания, терпения находящихся скорбей, нестяжания, нищеты, от страха Божия, познания себя, а познание себя происходит от искушений, именно от искушений и их терпения всякий бывает искусен и от этого познает свою немощь и Божию силу.

Святой авва Дорофей говорит, что смирение у святых естественно рождается в душе от исполнения заповедей Божиих. Кто постоянно внимает себе, вникает в свое душевное состояние, тот скоро увидит, что как только он возьмется за дело Божие, враг еще крепче возьмется за него – станет посеять в нем разные помыслы, возбуждать страсти, а совне смущать его то обольщениями, то скорбями; и у человека не достанет ни благоразумия, ни сил не только сделать богоугодное дело, победить врага, преодолеть искушения, подавить в себе страсти, но даже и с помыслами своими не может совладеть сам собой без помощи Божией. Убедившись в своем бессилии и греховной нечистоте, человек невольно смиряется, с сокрушением сердца припадает к Богу, молясь о помощи. А путем к начальному смирению, говорит святой отец, служат и труды телесные, совершаемые благоразумно, и то, чтобы считать себя ниже всех (укорять, унижать себя во всем) и постоянно молиться Богу. Всякий, молящийся Богу: «Господи дай мне смирение», – должен знать, что он просит Бога, дабы Он послал ему кого-нибудь оскорбить его. Итак, когда кто-либо оскорбляет его, то он и сам должен укорить себя, унижить себя мысленно, чтобы в то время, когда другой смиряет его извне, он сам себя смирял внутренне. Когда, советует один подвижник благочестия, говорят о тебе худо, то скажи: «Я худо сделал, я худ, я достоин того, я сам подал повод этому, потому и говорят». Когда бранят тебя, то ты еще прибавь, более себя брани: «Несмирен я, нетерпелив, непослушен, упрям, горд». Во всем надобно обвинять себя, а не других. Через самоукорение приобретается смирение. Еще один подвижник благочестия, блаженный Диадок, говорит, что смирение нелегко приобретается, потому что чем важнее оно, тем больших требует подвигов. Достигают же его

причастники святого ведения двояким образом.

Если подвижник благочестия находится на середине духовного испытания, то заставляют его некоторым образом вести себя смиреннее или немощь телесная, или неосновательная вражда людей, не расположенных к любителям правды, или нечистые помыслы. Когда же ум весьма удовлетворительно и ощутительно озарится святою благодатью, тогда душа имеет смирение как бы естественное. Ибо она, будучи питаема благодатью Божиею, уже не может надмеваться тщеславием, хотя бы непрестанно исполняла Христовы заповеди, и почитает себя ниже всех, ибо приобщилась Божественной кротости. Смирение первого рода обыкновенно сопровождается скорбью и печалью; последнее, напротив, радостью и мудрым стыдом. Потому первое приобретают находящиеся, так сказать, в середине подвигов; последнее, напротив, ниспосылается приближающимся к совершенству. То часто препинается земными благами, а сие, хотя бы все царства мира были предложены ему, не прельщается ими и не чувствует нисколько действия страшных стрел греха. Ибо будучи совершенно духовно, оно не знает мирской славы. Подвижнику необходимо через первое вступить в последнее. Ибо если благодать не испытает в первом приумножении научительных страданий и не умягчит наперед свободы нашей, то не даст нам и многоценности последнего.

Святой Иоанн Дамаскин для приобретения смирения советует не обращать внимания на грехи других, не подмечать слабостей, недостатков в других, никого не подозревать ни в чем худом, напротив, все обращать в добрую сторону, слабости извинять, помня о своих слабостях, никого не презирать, почитать себя грешным более других; также совершение всякого доброго дела приписывать помощи Божией, а не своей ревности, трудам; во всех поступках соблюдать простоту, безыскусственность и постоянно молиться Богу, чтобы Он просветил нас, омраченных, чтобы нам видеть свои слабости и грехи, и даровал нам чувство смирения. Один брат спросил авву Крония: «Чем человек достигает смиренномудрия?» «Страхом Божиим», – отвечал старец. Брат снова спросил его: «Как же человек приходит в страх Божий?» «По моему мнению, – сказал старец, – человек должен отрешиться от всего, предать тело свое труду и всеми силами держаться памятования о смерти и о суде Божиим».

Короче сказать, средства к приобретению смирения суть:

размышление о нашей зависимости от Бога, без помощи Которого мы ничего доброго не можем сделать и приобрести; рассматривание своих недостатков, слабостей, грехов, ничтожества тех предметов, особенно

внешних, каковы: мирское образование, чины, богатство, знатность рода, красота и т.п., которыми люди гордятся, и рассматривание великих подвигов и добродетелей святых угодников, в сравнении с которыми наша жизнь, качества и дела ничего не стоят;

памятование о гибельных следствиях гордости, которая сама есть великое падение и погубляет все добродетели; потому Бог больше всего отвращается от гордых, оставляет их, даже противится им, попускает им впадать в самые тяжкие пороки и посрамляет их;

старание исполнять вообще все заповеди Божии и особенно понуждать себя к снисканию смирения во всем – в образе мыслей, в желаниях, поступках и во всем поведении; не выказывать себя ни в чем, не отличаться от других;

послушание старшим (духовному руководителю и начальствующим) с отвержением своей воли и своего умствования, безропотное терпение приключаящихся ежедневно искушений и скорбей, укорение себя во всем;

усердная молитва к Богу, чтобы Он научил нас смирению, даровал нам видеть свои недостатки, грехи и иметь смирение.

Глава Шестая. О ВОЗДЕРЖАНИИ

Воздержание состоит в ограничении наших чувственных, инстинктивных потребностей поддерживать свою жизнь и здоровье употреблением пищи и питья и сохранять, распространять свой род посредством брачного союза, другими словами, в отречении от чувственных удовольствий. Обуздание чувственности прежде всего требует, чтобы мы воздерживались от удовольствий непозволенных, а потом – чтобы и позволенными удовольствиями пользовались умеренно, с чистым намерением, без пристрастия к ним, остерегаясь, как бы не допустить чего-нибудь противного воле Божией и нашему спасению. Без этой осторожности можно погрешить и в позволенных удовольствиях. Но в настоящем растленном состоянии нашей природы как трудно избежать излишества и злоупотребления! Потому советуют и позволенными удовольствиями и благами пользоваться с крайней осторожностью, а от иных лучше и вовсе воздерживаться. Никто легче не побеждает искушений, как привыкший к победам над своими склонностями, к ограничению своих прихотливых желаний.

Степеней воздержания в отношении строгости или меры употребления бывает много. По разнообразию предметов удовольствий, от которых воздерживаемся, разные бывают и добродетели: в рассуждении пищи и питья – умеренность до строгого поста, трезвость; в рассуждении полового вожделения – целомудрие, девство, которое для сохранения чистоты души и тела требует подавлять не только похоть, нечистые ощущения плоти, но и нечистые мечты. Воздержание должно простираться даже на самый дух – на отсечение желания даже духовных утешений, сердечных услаждений, которые строгие подвижники называют духовным прелюбодейством, когда кто слишком жаждет их, из-за них только хочет заниматься делами благочестия, служить Богу, а не для угождения Ему, а не получая их, ослабевает в подвигах благочестия или и вовсе оставляет дело Божие.

Глава Седьмая. О ТЕРПЕНИИ И КРОТОСТИ

Как от удовольствий и всех приманок их надобно воздерживаться, удаляться, чтобы не привязалось к ним сердце, так и при встрече неудовольствий надобно обуздывать раздражение чувств, чтобы сердце не отвращалось от них до ненависти, которая есть гибельная болезнь души. Так как неприятные предметы действуют на нас двояко: или, сильно раздражая чувства, производят в них противодействие (реакцию) болезненным впечатлениям – возбуждают гнев, или чрезмерно подавляют наши чувства – производят скорбь, то от обуздания беспорядочного возбуждения чувств происходят две добродетели: терпение и кротость; первое умеряет скорбь, а последняя – гнев. К терпению относятся: равнодушие, когда мы безбоязненно встречаем наступающие несчастья или скорби; великодушие, когда среди постигших нас несчастий не смущаемся, не упадаем духом, переносим их без уныния, ропота, с преданностью воле Божией.

Необходимость терпения и кротости

Терпение и кротость совершенно необходимы для достижения нравственного совершенства и спасения. Это видно из многих мест Священного Писания, где предлагаются побуждения приобретать их (см. Евр. 12:1–3; 1Пет. 2:19–21; Флп. 2:5; Мф. 11:29; Еф. 4:31). Впрочем, для добродетели терпения не требуется, чтобы мы вовсе не чувствовали скорби в несчастии; это и невозможно; это значило бы истребить в душе самую способность чувствующую, что совершенно противно намерению Творца, а нужно только укрощать это чувство, умерять его едкость, чтобы оно не расстраивало деятельности прочих способностей душевных, чтобы не дойти до уныния и отчаяния. Потому слезы, стоны, жалобные восклицания и другие выражения скорби не только не ниспровергают терпения и не противны ему, но чаще еще уменьшают скорбь, облегчают стесненное ею сердце, и мы легче переносим тяготеющее над нами несчастье. Сам Спаситель плакал о несчастии других (см. Лк. 19,41–43; Ин. 11,35) и при наступлении страданий в саду Гефсиманском скорбел и тужил (см. Мф. 26:37). И апостол говорит о Спасителе, что «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы... к Могущему спасти Его от смерти» (Евр. 5:7). Также кротость не исключает вовсе возбуждения чувств; напротив, когда кроткие меры бывают недостаточны, то нужно

употребить и строгие меры для защиты правды и прекращения пороков. Также ревность к славе Божией и добродетели бывает соединена с некоторым дерзновением, как это видно из поступков святого пророка Илии. Сам Спаситель с живым чувством негодования не только обличил фарисеев за лицемерие, гордость и развращение, но и выгнал торжников из храма (см. Мф. 11:20, 23:13–35; Мк. 3:5; Ин. 2:15–17). Это особенно относится к имеющим власть над другими, например, к родителям, начальникам. Впрочем, каково бы ни было побуждение к негодованию, раздражение чувств никогда не должно выходить из границ умеренности, пользы и подчинения разуму и надобно остерегаться, чтобы, преследуя пороки, не питать отвращения, ненависти к самим лицам. Но как это трудно соблюдать, то лучше скорее обуздывать, подавлять гнев, когда нельзя избежать вспышек его, особенно в неожиданных случаях. Апостол говорит: «Гневаясь, не согрешайте», то есть если случится осердиться, то не допускайте гневу прорываться в бранных словах и доходить до обидного дела; «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4:26–27), то есть не продолжайте до другого дня, потому что продление гнева усиливает его, порождает ненависть и желание мщения, через что дается место диаволу, который входит в сердце и овладевает им.

Побуждения к терпению

К терпению побуждают нас следующие мысли. Все, что ни встречается с нами, происходит не по слепому случаю, а по премудрому распоряжению Промысла Божия (см. Мф. 10:29–31).

Скорби посылает нам любвеобильный Отец наш Небесный по любви к нам для нашего же блага (см. Евр. 12:6; Рим. 8:28). Скорби очищают наши грехи (а кто из нас без греха?), пробуждают от душевной дремоты, нерадения, к которым склонна наша природа и от которых душа расслабевает, а страсти усиливаются; скорби врачуют застарелые душевные болезни, страсти, предохраняют от разных греховных искушений, новых грехопадений (см. 1Пет. 4, 1–2), легче отрешают сердце от привязанности к чувственным удовольствиям, заставляют чаще прибегать к Богу, искать утешения в Боге, в Котором только и можно найти истинное утешение, блаженство, умягчают загорбелое от чувственности сердце, смиряют его, а потому делают его более способным к восприятию впечатлений благодати, подают случаи и побуждения к упражнению в различных добродетелях. Особенно, по словам апостола (см. Рим. 5, 3 и далее), скорбь приучает к терпеливости; терпеливость

научает опытности, искусству в брани с собственными страстями и внешними искушениями для одержания победы над ними и в приобретении добродетелей; а опытность в этом утверждает надежду на спасение (2Кор. 4, 16; Иак. 1, 3–4; 1Пет. 1, 6–7). Святые отцы изображают многообразную пользу скорбей. Святой Максим Исповедник говорит, что всякий грех бывает для наслаждения и потому истребляется страданием и скорбью – или вольной, происходящей от покаяния, или по Божию смотрению от обстоятельств, попускаемых самим Провидением. Чем ты злонравнее, тем менее отвращайся страданий, чтобы, смирясь оными, избавиться гордости. Искушения приходят к человекам иные со сладостями, иные с печальями, а иные с телесными страданиями. Ибо Врач душ по судьбам Своим прикладывает врачевство, смотря на причину страстей, находящуюся в душе. Искушения наводятся на одних для истребления грехов, уже сделанных, на других для прекращения соделываемых, а на иных для отвращения имеющих последовать, исключая искушения, посылаемые для испытания человека, как то было с Иовом.

Как стебель конопли, говорит святой Макарий Египетский, если не долго колотить его, не может быть годным к прядению самых тонких ниток (но чем долее его колотят и чем более вычесывают, тем чище делается он и пригоднее к делу), и как выделанный из глины сосуд, если не был в огне, негоден к употреблению людям, и как младенец, не искусный еще в делах мирских, не может ни строить, ни садить, ни сеять, ни выполнить какое-либо другое мирское дело, так нередко и души, как не искушенные и не испытанные различными скорбями от лукавых духов, остаются пока в младенчестве и, так сказать, неблагопотребны еще для Небесного Царства. Ибо апостол говорит: «Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12:8). Потому и искушения, и скорби посылаются на человека к пользе его, делают душу тем более благоискусной и твердой. Среди скорбей душа очищается, «как золото в горниле» (Прем. 3:6). Святой авва Дорофей говорит, что скорби привлекают к душе милость Божию подобно тому, как ветры наносят дождь. И как продолжительный дождь, действуя на нежное растение, производит в нем гниение и портит плод его, а ветры постепенно осушают и укрепляют оное, так бывает и с душою: продолжительное счастье, покой приводят душу в нерадение, беспечность, которые расслабляют и рассеивают ее, искушения же, напротив, скрепляют и соединяют с Богом, как говорит пророк: «К Господу воззвал я в скорби моей» (Ион. 2:3). Потому-то нам не должно ни смущаться, ни

унывать в искушениях, но надобно безропотно терпеть и благодарить Бога в скорбях и всегда молиться Богу со смирением, чтобы Он сотворил милость с нашей немощью и покрыл нас от всякого зла во славу Его.

Другого пути в Небесное Отечество нет, кроме тесного пути самоотвержения и скорбей (см. Мф. 7,13–14; Деян. 14, 22). Никто без искушений не может войти в Царство Небесное, говорил святой Антоний Великий, ибо не будь искушений, и никто не спасется. Как Самому Иисусу Христу надлежало пострадать и таким образом войти в славу Свою (см. Лк. 24, 26), так и последователям Его не иначе, как тем же путем надобно идти за Иисусом Христом, чтобы достигнуть Царства славы (см. Мф. 16:24). Апостол говорит, что если мы с Иисусом Христом страдаем, то с Ним и прославимся, сделаемся сонаследниками Ему (см. Рим. 8, 17; 1Пет. 4:13, 2:21). Этим же путем шли и все святые, как видно из Священного Писания и истории Церкви. За временные страдания Бог обещал воздать вечную радость и такую славу, в сравнении с которой ничего не стоят все настоящие скорби, говорит апостол (см. Рим. 8:18; 2Кор. 4:17). По словам святого Макария Великого, в скорбях сокрыта небесная слава, как в зерне плод. Потому-то Спаситель и апостолы считают блаженными тех, которые терпят скорби за веру в Иисуса Христа и за добродетели, даже побуждают радоваться о том, что за малые страдания они получают великую награду на небе – целое Царство со всеми возможными благами (см. Мф. 5:10–12; Иак. 1:2; 1Пет. 1:6–9, 3:14; Пс. 93:12), как и действительно апостолы радовались, когда подвергались бесчестию и побоям за исповедание Иисуса Христа (см. Деян. 5:41; Рим. 5:3). Притом Господь посылает бедствия, не превышающие наших сил, и обещал страдающим ради Него ниспосылать благодатную помощь для перенесения страданий и изливать в скорбное сердце утешение для облегчения тяжести бедствий, как говорит апостол (см. 1Кор. 10, 13; Пс. 93, 18–19).

Средства для приобретения терпеливости

Святой Григорий Великий советует угрожающие нам несчастья и скорби заранее представлять себе, размышлением и молитвой приготавливаться к встрече их, чтобы они, внезапно напав на нас, не привели в большое смущение, не подавили нашего духа. А когда мы видим слабости, недостатки других, которые причиняют нам неприятность, то должны обратить внимание на свои немощи и грехи, которыми часто оскорбляем и Бога, и ближних.

Основанием терпения должно быть смирение, то есть сознание того, что мы по своим грехам достойны еще больших скорбей; эти скорби по воле Божией служат нам возмездием за сделанные нами грехи и вместе врачевством от душевных болезней, застарелых страстей. А смирение привлекает нам и помощь Божию для успокоения нашего духа, для благодушного перенесения скорбей, для облегчения тяжести их.

Если кто перенесет искушение с терпением и смирением, говорит святой авва Дорофей, то оно пройдет без вреда для него. Если же он будет малодушествовать, смущаться, обвинять каждого, то он только отягощает самого себя, навлекая на себя искушения, и не получает совершенно никакой пользы, а только вредит себе, тогда как искушения приносят большую пользу тому, кто переносит их без смущения.

Вредные следствия нетерпеливости и раздражительности

Терпению противопоставляется малодушная скорбь среди несчастий, которая обнаруживается различно, именно по отношению к Богу – в безнадежности, ропоте, хуле и прочем. По отношению к самому страдающему скорбь обнаруживается в том, что нетерпеливый безрассудно, жестоко мучит себя, предаётся унынию, которое расслабляет душевные и телесные силы, как говорит Псалмопевец, «душа моя истаеает от скорби» (Пс. 118:28), оставляет полезную деятельность, впадает в малодушие, даже отчаяние – душевную смерть, пренебрегает благопристойными средствами к утолению печали, расстраивает и внешнее свое благосостояние. А других людей часто оскорбляет то подозрением, то ропотом и другие неприятности делает. Кротости противопоставляется раздражительность, которая вообще означает беспорядочную досаду на других за оскорбление или обиду.

Когда досада бывает соединена с одним неудовольствием на виновника обиды, то называется негодованием. А если присоединяется к тому и желание мщенья, то называется собственно гневом, или беспорядочным пожеланием мщенья.

Нет сомнения, что всякий гнев неприличен христианину и часто доводит его до такого состояния, что он не владеет собой. Потому Спаситель и говорит: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21,19).

Особенно страшно и смотреть на человека, пришедшего в ярость, когда он кипит гневом, шумит и походит на беснующегося. Всякий гнев чем сильнее, тем вреднее и для нас самих, и для других: вредит телесному

здоровью, иногда расстраивает и внешнее благосостояние. По отношению к другим от него происходят ненависть, вражда, зложелательство, ссоры, поношения, обиды, даже драки и убийства.

Раздраженный иногда и на Бога изрыгает ропот и хулу. А что всего хуже, почти всякий гневающийся считает свой гнев справедливым. Потому всякому особенно надобно бдеть над собою, чтобы под предлогом справедливости не потворствовать одной страсти необузданной природы, хотя бы иногда и по справедливым причинам возбуждался гнев. Все-таки весьма опасно на малой лодке пускаться в бурное море, управлять ею против разъяренных волн и не подвергнуться потоплению или не разбиться на камнях. Во всяком случае, кто в гневе позволяет себе колкости, злословие, тот явно показывает, что он водится недобрый духом. Особенно людям с раздражительным темпераментом надобно стараться во всяком случае обуздывать гнев, который у них легко возбуждается и по малому поводу; и чем больше дров и чаще подкладывать этому огню, тем больше он будет разгораться, пока не превратится в пламень всепожирающий. А как не давать пищи огню, он мало-помалу погаснет сам собою.

Средства против гнева

Для обуздания гнева советуют заранее готовиться к встрече тех случаев, при которых может возбуждаться гнев, и стараться сдерживать его. А если бы и случилась внезапная вспышка, то надобно стараться не произносить оскорбительных слов тому, кто подал повод к гневу; таким образом мало-помалу при помощи Божией можно привыкнуть хладнокровно встречать неприятности.

Об этом и говорил святой Псалмопевец (см. Пс. 76:5, 118:60, 38:2–3, 10, 37:14–15).

Гнев надобно подавлять размышлением о его вредных последствиях для нас и для других. «Гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1:20), то есть дела доброго, угодного Богу, а зла много причиняет. Для укрощения гнева не надобно дорожить никакими вещами, ничем земным, кроме добродетели.

На всякую неприятность, от которой может возбуждаться гнев, надобно смотреть как на искушение или наказание, посланное от Бога за наши грехи. В таком случае надобно смириться, обвинить себя, признать себя достойным огорчения, а других, причинивших огорчение, извинить, как орудие наказания Божия, приписывать не злонамеренности, а

заблуждению, увлечению от страсти, обольщению дьявола или слабости, общей всем нам, по которой все «мы много согрешаем» против других, как говорит апостол (Иак. 3:2), и надобно помолиться за оскорбившего. Это есть дело смирения и любви, а смирение и любовь – лучшее оружие против всякой страсти.

Если придет на тебя нечаянное искушение, говорит святой Максим Исповедник, не вини того, через кого оно приходит, а изыскивай, для чего оно приходит, и обретешь исправление. Ибо через того ли, другого ли, но тебе надлежало испить полынь из чаши судеб Божиих. Рассудительный, помышляя о врачевстве, подаваемом судьбами Божиими, с благодарением сносит приключаются по суду Божию бедствия, ни на кого не возлагая вины грехов своих, а несмысленный, не постигая премудрого Промысла, согрешив и наказуясь, виною зол своих поставляет или Бога, или людей. Святой авва Дорофей говорит, что оскорбления посылаются от Бога через людей, а мы оставляем Бога, попускающего напастям находить на нас для очищения грехов наших, и сердимся на людей. Святой Марк Подвижник говорит, что, о всяком деле сказав однажды, потом должно прощать тому, о ком думаем, что он обидел нас, хотя бы обида эта имела правильное основание, хотя бы и вовсе не имела его, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели. Мы должны даже радоваться при различных обидах от людей, а не скорбеть; радоваться же не просто и не без рассуждения, а потому, что имеем случай простить согрешившему против нас и ради этого получить прощение собственных наших грехов. Наконец, понуждая себя к обузданию гнева, надобно при этом молиться Богу о ниспослании помощи для укрощения гнева, потому что без помощи Божией мы ни в чем добром не можем успеть. «Если Господь не созиждет дома душевного, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126, 1).

Глава Восьмая. О НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

Нестяжательность – добродетель монашеская, о которой довольно сказано в сочинении о монашестве.

Мирянам не запрещается приобретать имущество, богатство, запрещаются только жадность к корысти, пристрастие к богатству, нечестные способы приобретения, неправильное употребление богатства, когда тратят его на прихоти, роскошь, тогда как богатство дается Богом, с одной стороны, для удовлетворения необходимых потребностей в пище, питье, одежде, жилище и некоторых удобствах жизни, при которых сберегаются время, труд, силы, облегчается и нравственное образование, а с другой стороны, дается богатство для употребления на дела богоугодные, благотворительные, чтобы тем питать любовь к Богу и ближним и заслужить награду в будущей жизни (см. Лк. 16:9).

Глава Девятая. ЗАМЕЧАНИЕ КАСАТЕЛЬНО ОТВЕРЖЕНИЯ РАЗУМА И ВОЛИ

Выше сказано, что самоотвержение должно простираться и на все способности души – разум, волю и сердце. Отвержение разума состоит не в том, чтобы оставить собственное мышление, исследование предметов, вникание в основания, причины и цели всего существующего и происходящего в мире, а в том, чтобы в познании предметов, особенно Божественных, не полагаться на свой разум, не доверять своему мнению, а, по выражению апостола (см. 2Кор. 10:5), надобно разум пленить в послушание Христово, то есть подчинить разум вере Христовой, Божественному учению, изложенному в Священном Писании, так, чтобы оно было главным руководительным началом в познании предметов, особенно Божественных; всякое знание, согласное с этим учением, признавать за истинное, не согласное отвергать как ложное, опасаясь в противном случае заблуждения; тем более нельзя идти в познании предметов вопреки Священному Писанию – это уже не только заблуждение, но и пререкание Богу, явная погибель.

В чем состоит отвержение воли своей и подчинение воле Божией, раскрытой в Законе Божиим, это всякому понятно. Но не всякому бывает понятна воля Божия, открывающаяся в разных обстоятельствах нашей жизни, устрояемых Промыслом Божиим. Тут до познания воли Божией надобно доходить путем размышления, соображения внешних обстоятельств с нашим нравственным состоянием, чего оно требует, надобно прислушаться к голосу совести, что она одобряет, считает богоугодным, то надобно сделать со страхом Божиим, с желанием исполнить волю Божию. Если голос совести неясен, советуют до трех раз помолиться Богу, чтобы Он открыл нам Свою волю, и после того, что Бог положит на сердце, несомненно то и исполнить; а в случае недоумения можно попросить совета у людей благоразумных – с верой и желанием узнать от них волю Божию и по совету их поступить. Иные в недоуменных случаях хотели узнать волю Божию метанием жребия; но при сложных, запутанных обстоятельствах это не может быть верным, несомненным указателем воли Божией.

Самоотвержение по отношению к сердцу должно состоять в том, чтобы отвергнуть желание жить только для своего удовольствия, не домогаться утешений, радостей не только чувственных, но и духовных, опасаясь излишества их как духовного пьянства. Как вещественное вино,

принимаемое нечасто и в меру, веселит сердце человека, ободряет, придает силы для труда, а выпитое не в меру причиняет большой вред, так надобно думать и о духовных утешениях, особенно в настоящем нашем состоянии, когда грехолюбивая природа наша легко может злоупотреблять ими. Если без нашего домогательства Бог пошлет нам утешение, то надобно принимать его с благодарностью, как незаслуженный дар Божий для подкрепления нашей немощи, а в случае скорби не малодушествовать, не унывать, но с покорностью воле Божией принимать как полезное, необходимое врачевство наших душевных недугов и как должное возмездие за грехи и все делать для угождения Богу.

О порядке подавления страстей

Для успеха в подвигах самоотвержения недостаточно оставить прежние пороки, греховные привычки, слабости, обычаи, не довольно подавлять и одни производные страсти, все равно, как бесполезно отсекал одни крайние ветви ядовитого дерева – от ствола и корня опять вырастут новые ветви; чтобы истребить дурное дерево, надобно вырвать корень его. Так и в нравственной жизни надобно сначала подавить главные страсти – родоначальницы прочих страстей, от которых происходит целое полчище пороков. А из этих главных страстей прежде всего надобно подавлять первое порождение самолюбия – гордость; иначе обуздание одной чувственности с ее страстями, без подавления гордости, без подчинения духа Закону Божию, будет бесполезно, даже может еще питать и усиливать духовную гордость, которая губительнее всех чувственных страстей. Дьявол пал одной гордостью, и пал глубоко, безвозвратно. А с подавлением гордости легче будет побеждать и прочие страсти. Потому прежде всего надобно стараться о приобретении смирения. Оно должно быть основанием духовного здания добродетелей. Как высокие здания без фундамента не могут прочно создаться и долго стоять, так и добродетели без смирения не могут быть твердыми, устоять против искушений и не имеют внутренней чистоты и достоинства, все равно как яблоко, по наружности красивое, а внутри гнилое. Хотя и пост нужен в начале подвижничества для подавления плотской страсти, для облегчения деятельности души в молитве и духовном размышлении, но без смирения и пост не принесет пользы, даже может еще послужить пищей самомнения, тщеславия. Иные страх Божий считают началом как премудрости, так и спасения. Так думает преподобный Кассиан и лестницу, по которой надобно восходить к высшему нравственному

совершенству, изображает так. Начало премудрости и нашего спасения, говорит он, есть страх Божий. От страха Божия рождается спасительное сокрушение; от сокрушения сердца происходит отвержение мира, нестяжательность; от этого – смирение, от смирения происходит умерщвление своей воли; от умерщвления своей воли увядают корни страстей; а от этого все страсти душевные исчезают; а когда страсти исчезнут, тогда добродетели плодятся, возрастают. А от возрастания добродетелей происходит чистота сердца; чистотой сердца приобретает совершенство апостольской любви. И таким образом достигнем до края любви, которая есть Бог. Но страх Божий служит только сильным побуждением к подвигам благочестия и лучше всего ведет к смирению. Так же надобно понимать и тех, кто говорит, что поприще благочестия надобно начинать с терпения ежедневно встречающихся искушений, скорбей. Это потому, что безропотное терпение скорбей удобнее приводит к смирению, а смирение должно быть основанием всех подвигов и добродетелей. Об этом говорит святой авва Дорофей. Некто из святых старцев сказал: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие». Исследуем, почему он говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, а не сказал, что прежде нужно воздержание? Ибо апостол говорит: «Подвижники воздерживаются от всего» (1Кор. 9:25). Или почему не сказал старец, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: «Начало мудрости – страх Господень» (Пс. 110:10); «Страх Господень отводит от зла» (Притч. 16:6). Почему не говорит он, что прежде всего нужны нам милосердие, правда или вера? Ибо сказано: «Милосердием и правдою очищается грех» (там же); и апостол говорит: «Без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11,6). Как же старец говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие? Старец хочет показать нам сим, что ни самый страх Божий, ни милосердие, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия. Смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и противника. Смирение привлекает в душу благодать Божию, покрывает душу от всякой страсти и от всякого искушения. С победой над гордостью, с приобретением смирения легче, вернее можно подавлять все прочие страсти, приобретать добродетели и охранять плоды их от порчи тщеславием.

Как побеждать страсти

Всегда отсекайте страсти, говорит святой авва Дорофей, пока они еще

молоды, прежде нежели они вкоренятся и укрепятся в вас и станут удручать вас. Ибо тогда придется вам много пострадать от них, потому что иное дело вырвать малую былинку и иное – искоренить большое дерево. Один великий старец прохаживался с учениками своими, где были различные кипарисы, большие и малые. Одному ученику старец велел вырвать малый кипарис; ученик без большого труда вырвал его. Потом старец велел вырвать большой кипарис; ученик один уже не мог вырвать этот кипарис, но при помощи других с большим усилием едва мог вырвать его. Тогда старец сказал братьям: «Вот так и страсти, братия, пока они малы, то, если мы пожелаем, легко можем исторгнуть их; если же вознерадим о них, как о малых, то они укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего труда требуют от нас. А когда очень укрепятся в нас, тогда даже и с трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, если не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Боге». Итак, постараемся отсекаать свои страсти, пока они еще молоды; прежде чем испытаем от них бедствия и горести, потрудимся немного, и найдем великий покой. Отцы сказали, каким образом человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер он должен испытывать себя, как он провел день, и опять утром, как провел ночь, и каяться перед Богом, в чем случилось ему согрешить. И каждый из нас должен говорить себе: «Не сказал ли я чего-нибудь такого, что прогневило брата моего? Не осудил ли, не уничижил ли, не злословил ли кого? Если пища была нехороша, не пороптал ли в себе, не укорил ли повара? Не сказал ли мне кто из братии неприятного слова, и я не перенес сего, но противоречил ему? С усердием ли встал на бдение? С вниманием ли стоял на молитве, или увлекался страстными помышлениями? Прилежно ли слушал богослужение, или вышел из церкви в рассеянии?» и т.п. Если кто так испытывает себя постоянно, раскаивается, в чем согрешил, и старается исправиться, то он начинает уменьшать в себе зло, и если делал девять проступков, то будет делать восемь, и так, преуспевая постепенно, с помощью Божией не допускает укрепиться в себе страстям. Ибо великое бедствие впасть кому-либо в навык страсти, потому что, хотя бы такой даже и захотел покаяться, то он не может один преодолеть страсть, если не имеет помощи от некоторых святых. Если у кого-нибудь хотя одна страсть обратилась в навык, то он подлежит муке, и случается, что иной совершает десять добрых дел и имеет один злой навык, и это одно, происходящее от злого навыка, превозмогает десять добрых дел. Орел, если весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся сила его, ибо ловец может схватить его, лишь только захочет. Так и душа,

если хотя одну только страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, ибо она находится в его руках по причине той страсти. Потому-то не допускайте, чтобы какая-либо страсть обратилась вам в навык, но подвизайтесь и молитесь Богу день и ночь, чтобы не впасть в искушение. Если же мы и будем побеждены, как человеки, и впадем в согрешение, то постараемся тотчас восстать, покаемся в нем, восплачемся перед благостью Божией, будем бодрствовать и подвизаться. И Бог, видя наше доброе произволение, смирение и сокрушение наше, подаст нам руку помощи и сотворит с нами милость.

Не надобно пренебрегать и малостями

Надобно стараться не только избегать грехов тяжких, отсекают корни их – страсти, но не допускать и легких, так называемых простительных грехов, потому что они хотя и не причиняют вдруг смерти души, однако же мало-помалу расслабляют силы душевные, порождают смелость пренебрегать Закон Божий, постепенно притупляют нравственное чувство, ослабляют голос совести, уменьшают страх греха вообще, ослабляют ревность к добродетели; самое частое повторение и привычка как бы какую тяжестью влекут к худшему, к большим грехам; от частого повторения грехов и от закоснения рождается злой навык, который после весьма трудно бывает исправить. По словам Премудрого, «ни во что ставящий малое мало-помалу придет в упадок» (Сир. 19,1). При кораблекрушении все равно, одной ли волной покроется корабль или вода, по каплям вливаясь и по беспечности оставленная без внимания, мало-помалу наполняет корабль и потопляет. Хотя в растленном состоянии нашей природы невозможно в течение долгого времени без помощи Божией сохранять себя чистым от простительных грехов – грехов нерадения, опущения, празднословия, страстных помыслов и т.п., – однако же всякий должен беречься, чтобы по крайней мере с сознанием не допускать таких грехов и особенно не питать расположения к ним. Ибо иное дело – однажды или несколько раз подвергнуться легкому грехопадению по немощи, по увлечению, невнимательности, оплошности, а иное дело – предаваться слабости по небрежности, по пристрастию, по привычке. Такие слабости, хотя не заключают в себе тяжкой вины, однако же непременно расслабляют душу, очерствяют сердце и прямо противоположны ревности о совершенстве и подобны мертвым мухам, делающим зловонной масть мироварника (см. Еккл. 10,1).

О борьбе с помыслами

Хотя страсти имеют свои корни в прирожденной порче природы нашей, но вырастают не вдруг, а постепенно, питаются и возрастают от худых помыслов и чувствований, как деревья, хотя главно получают пищу из почвы через корни, но и листьями из атмосферы поглощают питательную для них углекислоту и другие газы, от них зеленеют и цветут. Помыслы неизбежно приражаются к нам, по словам святого Исаака Сирина, от четырех причин: от темпераментальных склонностей; от впечатления внешних предметов, которые встречаются нам постоянно и действуют на наши чувства зрения, слуха и прочее; от предзанятых понятий, от привычек прежней жизни; от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, – и человек даже до смерти, пока живет в этой плоти, не может не иметь помыслов и брани. Необходимо охранять себя от нечистых помыслов, чтобы они не дошли до страсти или не питали страстей. А доходят помыслы до страстей, по наблюдению подвижников, с такой постепенностью: сначала возникает представление помысла или предмета – прилог, внушающий сделать то или другое; потом принятие оно – сочетание, собеседование с помыслом, как с приличным; далее согласие с ним – сложение, благосклонный прием помысла, склонение к исполнению его; затем пленение – насильственное увлечение к исполнению помысла; наконец страсть – порабощение помыслам; а страсть увлекает в действительные грехи. Чтобы не дойти до этого, надобно трезвенно наблюдать за помыслами, отражать от себя прилоги, не давать им закосневать в душе. Для этого советуют мысли обращать на полезные предметы, заняться делом, требующим полного внимания.

Если ум, говорит святой Исаак Сирин, приложит старание к чтению Божественных Писаний, потрудится несколько в посте, бдении, безмолвии, молитве, то забудет прежнее свое житие, достигнет чистоты, как скоро удалится от скверного поведения, однако же не будет иметь постоянной чистоты, потому что скоро он очищается, но скоро и оскверняется. Сердце же – корень жизни, гнездилище страстей – достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется. Потому не надобно полагаться на чистоту своих помыслов, а всегда надобно остерегаться приражения страстей; нельзя быть беспечным: когда на время затихают в нас страсти, их нельзя скоро подавить. Исцеление души от недугов, страстей совершается обыкновенно

не вдруг, а только мало-помалу, постепенно, с большим, долговременным трудом; зато оно бывает тем вернее, прочнее. Скорое исцеление как тела, так и души скоро опять ослабевает, и часто бывает быстрый возврат болезни, иногда еще с большим ожесточением. Это очищение должно составлять труд всей жизни. Ростки страстей, как бы ни казались подавленными, всегда продолжают пускать отпрыски; совершенно истребить их нельзя, пока живем в брэнной плоти. Потому, когда мы называем один путь жизни очистительным, а другой – просветительным, или путем преуспевающих, то не так надобно понимать, будто когда-нибудь можно оставить очищение сердца от страстей. Но название берется от главного, или того, что в каком состоянии больше должно занимать нас.

О необходимых предосторожностях

Жизнь плотскую, по влечению страстей святые подвижники уподобляют рабству египетскому, когда израильтяне были крайне отягощаемы земными работами и за то пользовались скудной пищей – луком, чесноком и мясом без приправы. Так и христианин, пока живет жизнью плотской, в рабстве страстям, по требованию страстей он делает дела только земные, плотские, греховные за цену ничтожных удовольствий, которые отягощают совесть, подавляют дух. Когда грешник доходит до глубины зол, то, по словам Премудрого (см. [Притч. 18, 3](#)), высшие потребности духа, так сказать, замирают у него, он становится бесчувственным к голосу совести: удовлетворенные страсти бывают спокойнее, как сытые звери успокаиваются, – оттого человек, по видимому, бывает доволен собою. Но когда христианин решится оставить рабство страстям, станет отказывать им в удовлетворении, то они становятся злее, как проголодавшиеся звери.

Чтобы совершенно смирить зверей, надобно заморить, ослабить их голодом. Так и страсти можно подавить только отнятием у них пищи. Но этот подвиг очень труден, борьба со страстями весьма тяжела, прискорбна для плотского сердца и самолюбия и продолжительна. Оттого-то путь жизни по страстям кажется широким, просторным, легким, а путь самоотвержения – тесным, прискорбным, жизнь благочестивая кажется скучной, безотрадной по причине многих лишений, искушений, скорбей, отречения от чувственных удовольствий, утешений, особенно в начале обращения на путь благочестия, когда дух еще слаб, а страсти сильны, чувственность утучнена. Да и враг нашего спасения, когда видит, что добыча его уходит от него, подобно фараону, погнавшемуся за

израильтянами к Чермному морю, тем с большей злостью нападает, чем больше в ком видит ревности к подвижничеству, – преследует его то греховными помыслами, то внешними искушениями, льстивыми и скорбными, наводит тоску, уныние, то порочных людей возбуждает против него, как Амалик напал на израильтян в Аравийской пустыне. Для такой трудной борьбы со своими страстями, духами злобы и порочными людьми – орудиями дьявола у юного подвижника не достало бы ни умения, ни сил. Тут надобно остерегаться, чтобы прохождение поприща благочестивой жизни не почесть безотрадным блужданием по пустыне мира, как израильтяне считали бесцельным блужданием свое путешествие по Аравийской пустыне и хотели возвратиться в Египет.

Благий Господь для облегчения брани в начале подвигов юным подвижникам обыкновенно ниспосылает благодатную помощь, утешения, которые дают чувствовать сладость любви Божией и благочестия и ободряют дух, как мать ласкает и поддерживает свое дитя, когда учит его ходить, чтобы оно не разбилось. Тогда и иго Закона Божия становится благим, и бремя заповедей Христовых легким, и все подвиги благочестия совершаются с удовольствием.

Святая Синклитикия говорила, что много подвигов и трудов предстоит приходящим к Богу, но потом ожидает их неизглаголанная радость. Желаящие воспламенить огонь сперва задыхаются от дыма и проливают слезы, а потом уже достигают того, чего ищут; так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Люди, недавно обратившиеся к Богу, часто бывают столько горячи в молитве, столько усердны в делах покаяния, в изнурении плоти постом, бдением, трудами, столь готовы ко всякому послушанию и лишениям, что, по-видимому, совсем подавлены в них страсти. Однако же надобно остерегаться, чтобы не слишком доверять себе, не думать, что мы уже совершенно исцелились от своих ран. Ибо эта горячность, усердие есть не что иное, как приятное, ощутительное действие благодати, которой Бог часто ободряет вновь обратившихся. Они подобны нежным растениям, недавно посаженным, которые, пока орошаются, зеленеют и кажутся довольно твердыми, а как только охватит их зной или холод, они вянут, потому что не имеют корней. Страсти не вдруг истребляются, а мало-помалу ослабляются; и добродетель или крепость сил и искусство хорошо действовать приобретаются только постепенно, долгим временем, частым упражнением, уже после многих искушений, браней и одержанных побед. Только такая добродетель при помощи благодати Божией во всяком состоянии утешения ли или сухости пребывает твердой, умея и смиряться,

и изобиловать, и насыщаться, и алкать (см. Флп. 4,12).

Надобно стараться, особенно в начале подвижничества, вести жизнь сокровенную, намеренно не выказывать благочестия в словах, вздохах, набожных восклицаниях при других (например: «Ах Боже мой!» и т.п.), в печальном выражении лица или как делали лицемеры фарисеи (см. Мф. 23). Необходимость сокровенности открывается из самого свойства духовной жизни. Всякая жизнь, как физическая, так и духовная, зачинается в сокровенности. Зерно сначала в недрах земли пускает корни, потом уже росток постепенно выходит на поверхность земли и развивается. Если рано вынуть росток из земли, когда еще нет или мало корней, или если цветок, завязывающийся сначала в почке, прежде времени обнажить от покровов и развернуть, то росток и цветок скоро завянут от холода или зноя. Так и духовная жизнь, если, прежде нежели укоренится в сердце, укрепятся добрые расположения, а страсти пока не будут подавлены, будет обнаруживаться во внешних набожных поступках, скоро может зачахнуть от зноя и холода, то есть от похвал или порицаний людских: добрые люди будут хвалить набожность и похвалами питать тщеславие, которое, как червь, в самом корне будет подъедать росток благочестия или, наподобие гнилости, испортит его, а нечестивые люди своими порицаниями, насмешками могут совершенно подавить набожные чувства, охладить ревность, ослабить любовь к благочестию, ввергнуть в скорбь, уныние и дать противное направление жизни. Дьявол, не проникая во внутреннее святилище нашей души, о состоянии духовной жизни гадает только по внешним проявлениям ее в словах и поступках.

Если кто, не очистив своего сердца от страстей, не укрепив в себе добрых расположений, только по внешности выказывает благочестие, то тем раздражает, вооружает дьявола против себя на брань и, не имея достаточных сил и искусства противоборствовать ему, может скоро пасть под тяжестью искушений. Или как если кто свои сокровища, вынесши из потаенной кладовой, показывает всем проходящим, то у вора невольно глаза разгораются на них, и он скорее, удобнее может украсть их; а скрытые в кладовой сокровища лучше могут сохраниться: хотя вор и догадывается о них, но не знает, что хранится в кладовой, не воспламеняется столько страстью к воровству и не имеет столько удобства похитить их. Да и от собственного самолюбия меньше бывает искушений при сокровенной жизни. А кто, не укоренив еще благочестия в сердце, выказывает его только в набожных словах, богомолье и некоторых набожных поступках, тот, останавливая свое внимание на внешней набожности своей, будет довольствоваться только ею, будет нравиться

себе, тщеславиться, не подозревая, что сердце у него еще гнилое, и легко может впасть в духовную гордость, самообольщение и погибнуть. Поэтому Спаситель и научает делать добрые дела так сокровенно, чтобы левая рука не знала, что делает правая (см. Мф. 6:3), не обращать внимания, не любоваться своей добродетелью, не тщеславиться, не присвоить себе какой-либо заслуги или важности. А намеренное обнаружение набожности перед другими с целью заслужить от них похвалу есть явное обличение тщеславия, лицемерие, противное в глазах всех и добрых, и порочных людей, а тем более перед Богом, потому что лицемер злоупотребляет благочестием, самую добродетель или вид добродетели обращает в средство к удовлетворению своей страсти. Это уже не слабость, а произвольное извращение начал добра, это – ханжество, лицедейство, насмешка, поругание над благочестием. Потому-то Спаситель никого с такой силой не обличал, как лицемерных фарисеев и книжников (см. Мф. 23), уподоблял их гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны всякой нечистоты, и внушал прежде очистить внутренность – сердце, тогда будет чиста и внешность – внешнее поведение. Потому, чтобы не казаться особняком и избегать тщеславия, надобно в большинстве случаев применяться к поведению окружающих нас благонамеренных людей.

Также надобно остерегаться, чтобы ревнитель благочестия, когда вначале имеет горячее усердие к подвижничеству, не доходил до чрезмерности в подвигах внешнего самоумерщвления, например посте, бдении, лишении сна, и не усилиствовал скоро возвыситься к совершенству или получить высокие духовные дарования, потому что от чрезмерного напряжения силы душевные и телесные скоро расслабят, оттого усердие охладевает и подвижник часто впадает в нерадение, за которым нередко следует увлечение страстями, падение среди искушений. Кто прежде времени ищет того, что приобретается долгим временем, тот не получит и того, что можно бы получить со временем. По лестнице совершенства надобно восходить постепенно; одним скачком нельзя взойти на небо.

Если видишь, говорит святой Ефрем Сирин, что юный по своей воле восходит на небо, то удержи его, потому что это не полезно ему будет. Кто хочет скоро возвышаться или получить высокие духовные дарования, тот подвергается опасности падения и гибели. В самом желании скорого возвышения и высоких даров скрывается гордость, которая сама есть падение, ведет к самообольщению, поруганию от бесов и к вечной гибели.

Святой Исаак Сирийский говорит, что всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в деятельной жизни переходит к созерцательной, привлекаемый ее сладостью, не говорю уже – своей ленью, постигает гнев Божий. Не должно нам прежде времени касаться великих мер (дарований), чтобы дарование Божие от скорости приятия оно не сделалось бесполезным, потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же приобретенное с болезнью сердечной и хранится с осторожностью. Если делаешь доброе перед Богом и даст тебе дарование, то умоли Его дать тебе познание, сколько прилично для тебя смириться, или приставить к тебе стража над дарованием, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всех безвредно хранить богатство. Пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, возведет взор к духовному и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы лукавого. Всякому делу свой порядок, и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред. Если возжеленно тебе это, то с радостью терпи то бесчестие, которое по Божию смотрению, а не по твоей воле постигнет тебя, и не смущайся, не питай ненависти к тому, кто бесчестит тебя.

Гораздо лучше, полезнее упражняться во внутреннем самоумерщвлении, именно: в смирении, отвержении своей воли, самоугодия, в терпении ежедневно встречающихся трудностей, лишений и скорбей, в кротости, сообразности во всем с волей Божией и т.п. В этом вовсе никакого излишества нельзя опасаться, тогда как внешние подвиги самоумерщвления, хотя вообще и необходимы, однако же не больше имеют цены, как средства, ведущие к внутренним добродетелям.

Иногда случается, что и преуспевающие подвергаются искушениям гораздо сильнейшим, нежели в самом начале обращения. Но у таких происходят брани не от недостатка твердости, а от особенного распорядка Божия. От тех, которые довольно укрепились в духовном подвижничестве, Бог по временам скрывает благодатную помощь и утешения, предоставляет самим потрудиться, чтобы больше напрягали свои силы в борьбе со страстями и искушениями, с большим усердием совершали подвиги благочестия не из-за утешений, а по любви к Богу и благочестию, лучше познали свои немощи и смирились.

Иногда Бог попускает им подвергаться более сильным браням от страстей, огненным искушениям от врагов, которые часто колеблют разными сомнениями, смущениями веру, надежду, любовь к Богу, наводят через худых людей разные скорби, уничижения, напасти, чтобы, огнем скорбей совершеннее очистившись от всякой греховной нечистоты, по мере своих трудов, смирения, терпения, усердия и скорбей они получили награду в будущей жизни. Такое испытательное состояние долго продолжается, некоторыми уподобляется продолжительному, скорбному странствованию древних израильтян по Аравийской пустыне на пути к обетованной земле.

В это время нужно много иметь терпения, преданности воле Божией и опасения, как бы не поколебаться, такое состояние не почесть напрасным, безотрадным, опасным блуждением по сухой, бесплодной пустыне среди трудностей, лишений и разных нападений от врагов, не жалеть об оставлении в Египте лука, чеснока и мяса (см. Исх. 16, 3). В безутешном состоянии сухости сердца, уныния среди скорбей надобно заградить все источники или причины ослабления бодрости духа, ведущие к нерадению, и возбуждать, ободрять дух, воспламенять усердие соответственными средствами.

Как возбуждать ревность к нравственному совершенству

Нельзя ожидать никакого преуспеяния в нравственном совершенстве, если не будет в нас искреннего желания его. Желание это должно быть не вялое, а живое, деятельное, ревностное. Ревность к благочестию прежде и больше всего возбуждается страхом Божиим, как сказано выше. В этом смысле он и называется в Священном Писании началом премудрости. «Начало мудрости», а следовательно и благочестия, – «страх Господень. Страх Господень – источник жизни, уклоняющий от сетей смерти» (Притч. 1:7, 14:27). Страх Божий, говорит святой Исаак Сирий, есть начало добродетели. Называется же он порождением веры и посеваётся в сердце, когда ум устранен от мирской рассеянности, чтобы кружащиеся от парения мысли свои собрать ему в размышлении о будущем восстановлении.

Святой авва Дорофей говорит, что страх Божий предшествует всякой добродетели, ибо «начало премудрости – страх Господень» (Пс. 110:10), и без страха Божия никто не может совершить ни добродетели, ни чего-либо благого, ибо «страхом Господним уклоняется всяк от зла» (Притч. 15:27).

Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и мучений, если каждый вечер испытывает себя, как он провел день, и каждое утро, как прошла ночь, если не будет дерзновенен в обращении и если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога. Говорят, что один брат спросил некоторого старца: «Что мне делать, отче, для того, чтобы бояться Бога?» Старец отвечал ему: «Иди, живи с человеком, боящимся Бога, и тем самым, что он боится Бога, научит и тебя бояться Бога». Отгоняем же страх Божий от себя тем, что делаем противное сему: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений, тем, что не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, но живем нерадиво и обращаемся с людьми, не имеющими страха Божия, и тем, что не охраняемся от дерзновения. Ибо ничто так не отгоняет от души страх Божий, как дерзость. Ревность к благочестию возбуждается и возгревается также чтением Священного Писания и житий святых, молитвой, частым хождением к богослужению, участием в таинствах, размышлением о ничтожности благ и удовольствий чувственных, кратковременных, о превосходстве благ духовных, небесных, вечных.

Святой Григорий Великий говорит, что между удовольствиями плоти и духа различие то, что телесные удовольствия, пока не наслаждаются ими, воспаляют сильное желание их, а когда наслаждаются ими, то от пресыщения возбуждают совершенное отвращение во вкушающем их. Напротив, духовные удовольствия, пока их нет, кажутся непривлекательными, а когда наслаждаются ими, то бывают вожделенны и вкушающий тем более алчет, чем более вкушает.

Иго Закона Христова надобно представлять благим, приятным и бремя легким,сообразным с потребностями нашей духовной природы и с нашими силами (см. Мф. 11:30), и потому благочестие не должно считать суровым, лишенным удовольствия, радости – оно «на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (1Тим. 4:8).

При употреблении положительных средств для возбуждения ревности к благочестию надобно также заграждать и источники охлаждения усердия, по возможности удалять причины нерадения, каковы большей частью бывают:

вялость темперамента (флегматического), по которому многие ведут жизнь только животную;

пресыщение в пище, питье, а также слишком продолжительный сон;

излишние заботы о житейских делах и вещах, которые развлекают мысли, заставляют забывать главное дело спасения, очерствляют сердце,

делают его холодным к священным предметам,

притупляют вкус к духовным удовольствиям, порождают в нем привязанность к земным вещам;

обращение с людьми холодными к благочестию или вовсе нечестивыми, чтение светских книг, дышащих духом мира, страстей;

развлечение, рассеянность, гульбища, забавы, увеселения, светская музыка, даже праздные разговоры.

Блаженный Диадок говорит, что как из бани скоро выходит жар оттого, что часто отворяют дверь, так и душа скоро хладеет ко всему Божественному от многословия, внимание к себе ослабевает, добрые мысли рассеиваются, и остается в душе пустота через излишнее развлечение.

Святой Марк Подвижник говорит, что без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла (греха); а сердце сокрушается от тройственного воздержания: от сна, пищи и телесного покоя. Ибо излишество оных производит сладострастие, сладострастие же принимает злые помыслы и противится молитве и приличному служению.

Подобно страху Божию и совесть может быть сильным побудителем к удалению от зла и к совершению добрых дел, только нужно ее усовершенствовать, чтобы она имела достаточную силу. Для этого надобно всегда соблюдать чистоту совести, при всяком деле надобно обращаться к голосу ее, одобряет или оуждает она задуманный поступок, внушения ее никогда не отвергать, в точности исполнять, совесть через это чутье утончится, нравственное чувство делается нежнее, разборчивее, внушение сильнее, и приобретется совестливость, которая будет и верным руководителем в поступках, и сильным побудителем к удалению от грехов, и пособником добродетели.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Глава Первая. О ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ПУТИ ПРЕУСПЕВАЮЩИХ

По очищению нивы от сорной травы и удобрении земли, земледелец посеивает уже и добрые семена, из которых развивается полезное растение, постепенно возрастает и приносит плод по свойству семени. Так и в духовной жизни по очищении сердца от терния страстей надобно сеять уже и семена добродетелей и возвращать их до плодоношения. Это вторая задача духовной жизни.

Выше было сказано, что душевная жизнь состоит в деятельном обнаружении, развитии и укреплении сил души. Главные силы души: познавательная, желательная и чувствующая, или разум, воля и сердце. От развития разума в приложении к практической жизни происходит благоразумие; от развития и укрепления воли – мужество и правда, от развития и образования сердца – чистота чувств, целомудрие или воздержание. На эти добродетели, как главные, указывается и в книге Премудрости Соломона (Прем. 8:7).

И подвижники благочестия считают эти добродетели главными, основными и производят от трех главных сил души. Добродетели эти – премудрость или благоразумие, воздержание, мужество, правда – не только сами по себе важны, но и составляют условия, без которых не может быть ни одной добродетели. Потому и нужно рассмотреть их подробнее.

Глава Вторая. О ГЛАВНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ

О благоразумии

Разуму нашему прирождена идея истины, потребность и стремление к познанию истины, которой идеал заключается в Высочайшем Существе – Боге. Разум наш по врожденной любознательности старается познать все окружающие нас предметы, и сколько бы ни расширял круг своих знаний, не довольствуется отрывочными познаниями отдельных предметов, старается подвести их к общим, высшим началам и соединить их в одном высочайшем начале знания и бытия всего – Боге. Потому Бог есть первый, самый главный, высочайший предмет нашего познания как по превосходству Своего совершеннейшего Существа, так и по нашей всецелой зависимости от Него по бытию (началу, продолжению и концу жизни) и по совершенствам, и по высшей пользе познания Бога, даже по обязанности знать Бога, исполнять волю Его, благоугождать Ему для прославления Его и для нашего счастья на земле и блаженства в вечности. А все прочее, существующее в мире, заслуживает нашего познания только в такой мере, в какой отражает на себе следы Божественных совершенств или пригодно нам для какого-нибудь полезного употребления. А если этого не иметь в виду, то познание наше будет вовсе бесцельным, мелочным, суетным, бесполезным и труд – напрасным. Но и познание Бога, Божественных предметов и годных для нашего употребления вещей само по себе, без приложения к жизни, не имеет жизненной теплоты, останется бесплодным, как свет луны без теплоты не может оживлять природу. Теоретическое знание даже может быть вредным, потому что, по словам апостола, «знание надмевает, а только любовь назидает» (1Кор. 8,1). Теоретическое знание не заключает само в себе последней цели; оно нужно главным образом для того, чтобы дать душевной деятельности верное направление, установить правильное отношение наше к Богу и познаваемым предметам; иначе сказать, главное назначение разума – быть руководителем главной действующей силы души – воли в подвигах добродетельных, в достижении высшего нравственного совершенства, так чтобы вернее прямым путем привести нас к последней цели нашей жизни – к возможному уподоблению и общению с Богом, источником жизни и всех благ, для вечного блаженства. Познания для лучшего устройства разных удобств внешней жизни, для более успешного приобретения выгод житейских, временных, хотя полезны для облегчения трудностей земной

жизни, но без отношения к улучшению нравственности не имеют цены, даже могут давать пищу страстям, причинять душевный вред или, по крайней мере, останутся бесполезными, труд в приобретении их – напрасным; все это, по выражению Премудрого, будет суета сует.

Умноживший познания умножит и скорби (см. Еккл. 1:14, 17–18, 2:11). Приобретать много теоретических познаний, из них составлять множество книг – и конца не будет, и долгое занятие ими утомительно для тела. А конец слова, вся важность, вот в чем: «бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека» (Еккл. 12:12–13). Это есть главный долг всякого человека, от этого зависит и временное счастье, и вечное блаженство.

Но чтобы разум мог быть верным руководителем воли на пути добродетели, для этого надобно развить его до возможного совершенства, которое достигается частым упражнением в мышлении, еще лучше – образованием, так называемыми формальными науками, особенно логикой, приобретением необходимых познаний посредством обучения наукам, чтения книг, самостоятельного размышления, наблюдения и т.п.

Этого мало; надобно иметь рассудительность, благоразумие, которое состоит в том, чтобы наперед обдумывать, что и как нам надобно делать или оставить, для какой цели делать, какие лучшие средства употребить или какие препятствия устранить, обсудить все обстоятельства места, времени, лиц, потребности, последствия и другие принадлежности. Для этого, кроме знания многих вещей, нужно иметь много осмотрительности, зоркости, смысленности. А без рассудительности и доброе дело не будет добрым, потому что оно совершается или неблагоприятно, или без нужды, или через меру, через силу, с ревностью не по разуму, или недостойным образом, неразумно, или с целью недоброй и т.п. Рассудительность есть правительница добродетелей. Не будь рассудительности, тогда и добродетель будет пороком. Добродетели всегда должны держаться середины между недостатком и излишеством. Отсюда у древних составилось золотое правило: добродетель в середине. Это – путь царский, которым должно проходить всякому. Крайности обе одинаково вредны, на правую или на левую сторону кто уклонится; например, чрезмерный пост так же вреден, как и невоздержание, пресыщение; чрезмерность бдения так же вредна, как и многоспание. А рассудительность предохраняет добродетели от крайностей, например: мудрость – с одной стороны, от презорства, лукавства, а с другой – от неразумия; целомудрие – с одной стороны, от окаменения, бесчувственности, а с другой – от сластолюбия; мужество – от дерзости и

робости; правда – от суровости и поблажки. Высший дар рассудительности, благоразумия дается от Бога только смиренномудрым.

Преподобный Кассиан говорит, что дар рассудительности и разумения Священного Писания приобретается не столько изучением наук, сколько молитвой и чистотой сердца.

О мужестве

Духу нашему прирождена идея добра, потребность и стремление к нему; воля наша в силу прирожденного нам нравственного закона стремится осуществлять добро в своих действиях. Но в настоящем растленном состоянии нашей природы стремление к добру ослаблено, а противное ему влечение к злу сильно, осуществление добра соединено с большими трудностями, препятствиями, требует больших усилий, – по словам Спасителя, «Царство Божие с усилием приобретается» (Мф. 11,12). Для совершения подвигов благочестия, для преодоления разных трудностей на этом поприще нужна большая сила воли, крепость духа, мужество; при вялом желании, при слабости воли, нерешительном намерении ни в чем добром нельзя успеть; особенно нужно мужество для препобеждения разных искушений, неразлучных с добродетелью, для перенесения разных неприятностей, опасностей, телесных болезней, лишений, несчастных приключений, неизбежных в настоящей жизни, оскорблений, обид от злых людей и т.д. Здесь нужно великодушие – большое терпение и кротость. Дело терпения умерять, утолять скорбь, печаль, которыми поражают нас какие-нибудь несчастные приключения; а дело кротости удерживать гнев и мщение при нанесении нам обид. Хотя терпение и кротость прежде и больше всего проявляют мужество духа, но не меньше оно проявляется и в той силе, с какой обуздываются все прочие греховные влечения нашей испорченной природы.

Ибо что мужественнее, говорит Григорий Великий, как все движения души подчинить разуму, все вожделения плоти обуздать силой духа, собственную волю отвергнуть, презрев видимое, возлюбить невидимое.

Премудрый говорит, что «долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города» (Притч. 16:32).

А какое дивное великодушие, мужество открывается в поступках апостола Павла, который говорит, что мы «во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах... в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах... нас

почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2Кор. 6, 4–10). «Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей... Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа» (2Кор. 7:4, 12:10).

Мужество нужно не только для перенесения искушений, бедствий, среди которых слабодушный легко может упасть духом, погибнуть, но оно нужно и для приобретения добродетелей. И чем больше кто употребляет усилий, преодолевает больше трудностей, тем тверже, совершеннее добродетель бывает и большую награду заслужит. Совершение без принуждения себя, без труда не есть дело, но дар, говорит преподобный Петр Дамасский.

Не дивись, говорит святой Исаак Сирин, что, когда приступаешь к добродетели, отовсюду источаются на тебя жестокие и сильные скорби, потому что и добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. Ибо по сему самому она и названа добродетелью. Добродетели обычно встречать затруднения; она достойна порицания, когда привязана к покою.

Как приобрести силу воли, мужество? Удалением всего того, что расслабляет душу, упражнением в подвигах самоотвержения, принуждением себя к деланию добрых дел. А расслабляет душу вместе с телом пресыщение в пище и питье, особенно лакомых, изнеженность тела, излишний сон, покой, бездеятельность, праздное препровождение времени, рассеянность, продолжительное счастье и все то, что питает страсти, которые, поработая себе волю, делают ее слабой на добро. Потому-то святые подвижники строги были в воздержании от пищи и питья, особенно лакомых, соблюдали умеренность во сне, утомляли свое тело то земными поклонами, то трудами, не нежили мягкой постелью, часто ложились на голой земле, жестком возглавии, носили колючие власяницы, вериги, не предавались душевной дремоте и излишнему покою телесному, который питает и возвращает страсти, часто подвергали себя холоду, зною, голоду, разным трудностям в пути, чтобы перенесением этих трудностей закалить свое здоровье телесное и душевное, приучиться к терпению. Укреплять волю можно и подвигами самоотвержения, например: хочется есть – откажи себе; хочется пить прежде времени – подожди до срока; хочется сказать праздное слово – удержишься; хочется любопытствовать что-нибудь, откажи себе, – и тогда воля приучится повиноваться разуму и совести, сделается более послушной и твердой на добро.

Также надобно принуждать себя к деланию добрых дел – от частого принуждения себя рождается навык, который облегчает труд добродетели. Святой авва Дорофей говорит, что если бы мы хотели немного подвизаться, то мы не скорбели бы много и не испытывали бы трудностей; ибо если кто вначале понуждает себя, то, продолжая подвизаться, он мало-помалу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели, поскольку Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь. Итак, будем понуждать себя, положим доброе начало, усердно пожелаем доброго, ибо хотя мы еще не достигли совершенства, но самое это желание есть уже начало нашего спасения. От этого желания мы начнем с помощью Божией и подвизаться, а через подвиг получаем помощь к стяжанию добродетелей. Потому-то некто из отцов сказал: «Отдай кровь, и примешь дух», то есть подвизайся в добродетели.

Между главными средствами, укрепляющими наш дух среди несчастий, имеют особенную важность надежда на Бога и любовь к Богу. Надежда говорит: «На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне человек? ...Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс. 55:12, 26:1) А любовь внушила апостолу Павлу сказать: «Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни... какая тварь не может отлучить нас от любви Божией» (Рим. 8,38–39). И пример Иисуса Христа укрепляет нас среди страданий (см. Евр. 12, 2–3); также и чаяние небесной награды за временные скорби облегчает тяготу их. Для укрепления духа полезно предвидеть угрожающие нам искушения, несчастия и размышлением, молитвой готовить себя к мужественному перенесению их. Ибо предвиденные стрелы меньше поражают, и мы терпеливее переносим бедствия мира, если ограждаемся против них щитом предведения. Кого непредвиденно постигает несчастье, на того оно, как враг на спящего, нападает.

Но надобно остерегаться даже и успевшим несколько в подвижничестве, чтобы не возмечтали о своих силах или одержанных победах, не полагались на свою твердость, не вдавались сами в опасности с излишней отважностью или по ревности не по разуму не вздумали подражать необыкновенным подвигам великих подвижников древних, хотя обыкновенно изнемогают и в бранях легких, ежедневных искушениях. Но надобно остерегаться и того, чтобы не раздумывать много о тех несчастях и обидах, которым мы уже подверглись. Лучше во время тяжелой скорби мысли свои обращать на другие предметы, не давать воли воображению и утешать себя тем, что все это скоро пройдет и за скорби воздается награда на небе. Для облегчения горести полезно открывать ее другим, которые принимают в ней искреннее участие, могут подать

утешение, ободрить др.

О правде

Вторая добродетель воли есть правда, под которой разумеется правота действий воли, направление нравственности, согласное с врожденным нам нравственным законом, или Законом Божиим, естественным и откровенным, праведность, неповинность перед Богом и людьми, вообще – стремление к добру по требованию напечатленного в совести Закона, или по воле Божией, открытой нам в Священном Писании. Святой Максим Исповедник так понимает правду: «Если хочешь быть праведен, то воздай каждой в тебе части, то есть душе и телу, им принадлежащее. Мыслительной части души предоставь чтение, духовные созерцания и молитву; раздражительной (желательной) – духовную любовь, противоположную ненависти; вожделевательной (чувствующей) – целомудрие и воздержание и, наконец, плотской – пищу и одеяние, только необходимые». Добродетель правда, или праведность, в ряду прочих добродетелей имеет особенную важность. От правильного настроения воли, от доброй нравственности зависит полезное настроение умственных способностей, мир сердца, утешение совести, вообще спокойствие духа, мирное отношение к другим. От образования воли зависит все достоинство человека и полезность для общества; только при доброй нравственности человек может быть хорошим христианином, полезным гражданином и наследником Царства Небесного. А при дурной нравственности ни высокое образование ума, ни богатство разных познаний не доставят ни утешения совести, ни спокойствия духа и довольства своим состоянием. Умный человек без доброй воли будет только хитрым злодеем, и чем умнее, хитрее, тем вреднее он будет для общества. Хотя образование ума и сердца нужно для возвышения нравственности, но недостаток образования воли не может быть восполнен успехами в развитии ума, а при доброй нравственности недостаток развития ума не будет препятствием к внутреннему и внешнему благосостоянию, временному и вечному спасению. И на небе обещается от Бога награда не за обширные познания, не за горячие чувствования, а за нравственную чистоту, за добродетели. Правда, пока человек живет в брэнной, долупрекклонной плоти, среди сетей искушений, повсюду расставленных на поприще земной жизни, не может быть совершенно праведным, ни в чем неповинным; по словам Премудрого, и праведник семь раз в день падает – то по неведению, то по забвению, то по оплошности, то по немощи плоти, то по внезапному

увлечению, сильному искушению, то в мыслях по страсти тщеславия, то празднословием, а иногда и поступками. Но при этом весьма важно постоянно сохранять в душе доброе направление воли, стремление к добру. Потому праведник, хотя и падает, но не разбивается, – Господь поддерживает его (см. Притч. 24, 16; Пс. 36, 24), и он скоро восстает от падения, которое, может быть, послужит ему большим побуждением к большей бдительности над собою, к большому смирению перед Богом и людьми. Апостол Петр глубоко пал, когда по немощи человеческой, по страху отрекся от своего Учителя и Господа, но при добром настроении воли, при любви к добру и Богу скоро встал – раскаялся, исправился. И это падение послужило ему к более глубокому смирению, которое предохраняло его от греха сатаны, упавшего с неба невозвратно. Иуда Искарот при дурном настроении воли пал и разбился.

Как же приобрести эту добродетель? Добродетель эта объемлет все стороны нравственной жизни; потому нужны для нее вообще все те средства, о которых сказано выше. В частности, нужно иметь ясное познание Закона, верно понимать дух и цель его, уметь прилагать правила его к частным поступкам и случаям жизни, знать лучшие средства для достижения желаемых нравственных целей, чаще испытывать свое нравственное состояние, свои поступки и всю жизнь поверять, сличать с Законом Божиим, замечать, что хорошего и что худого сделано нами ежедневно, понуждать себя к деланию добрых дел и к удалению от всего противного закону. Особенно надобно стараться более и более очищать и усиливать в себе нравственное чувство, внимательнее прислушиваться к голосу совести, как сказано выше, при всяком предпринимаемом деле спрашивать совесть, хорошо ли это, полезно ли, угодно ли Богу; в утвердительном случае надобно исполнить, а в случае сомнительном лучше оставить дело; чувство стыда не подавлять, а оставить то дело, которое возбуждает стыд. Возвышенная совестливость, стыдливость – лучший охранитель добродетелей. Но вернее всего ожидать оправдания от искупительных заслуг Иисуса Христа и от Его благодати, сообщаемой нам в Святых Таинствах. «Нет ни в ком ином спасения, кроме Иисуса Христа», говорит апостол. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12). «Делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть». Ныне люди оправдываются «даром, по благодати Божией, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления... через веру» в кровь Его (Рим. 3:20, 24–25).

О воздержании

Добродетель воздержания, или целомудрия, относится к образованию сердца. Сердце, способное чувствовать, ощущает все перемены, происходящие в нашей душе и теле, и впечатления внешних предметов. Если эти предметы своим действием или влиянием на нас благоприятствуют стройному течению нашей жизни, то в сердце бывает чувство приятное, удовольствие, радость, которая расширяет сердце, возбуждает жизненную теплоту, живость; в противном случае сердце чувствует скорбь, которая стесняет, иссушает сердце и жизнь делает тягостной. Но существенное свойство и потребность нашего сердца – стремиться к наслаждению Божественной красотой, созерцаемой в Божественных совершенствах и в отражении их на разных существах и вещах, на творении Божиим, так как духу нашему прирождена идея красоты, которой идеал заключается в Боге. Если что достойно имени истинной красоты в видимом мире, то это только то, что отражает на себе совершенства Божии – премудрость, благодать, всемогущество, в нравственных существах – святость, любовь, правосудие. Но в настоящем греховном состоянии сердце наше по влечению инстинктивных потребностей увлекается больше к наслаждению чувственными удовольствиями, которые, как материальные, несродные нашему духу, созданному по образу и подобию Божию, не удовлетворяют его жажды и, возбуждая горячий жар, тем больше усиливают томительную жажду, чем больше кто предаётся чувственным наслаждениям, льстящим плоти. Они отравляют наше сердце, расстраивают, расслабляют, оскверняют дух; со спасением души они несовместимы. Потому от непозволенных удовольствий надобно совершенно воздерживаться и позволенными удовольствиями надобно пользоваться умеренно, с благоразумной осторожностью, только по требованию крайней нужды, без пристрастия. Это – отрицательная сторона добродетели, а положительную сторону составляет целомудрие – целое, здоровое, нерастленное состояние сердца, или живость и нравственная чистота чувствований.

Слово «целомудрие» указывает на то, что сердце должно находиться под руководством здравого разума и от него зависеть. Если мудрование разума цело, здраво, согласно с Законом Божиим, не испорчено страстями, то и сердце, руководимое таким разумом, бывает здорово, имеет жизненную теплоту, живость, не растлено грехом, не поработчено страстям, имеет нравственно чистые чувствования. Один подвижник благочестия говорит, что целомудрие находится между двумя

крайностями: окаменением, бесчувственностью сердца и необузданностью – и относится не к чревоугодию только и сладострастию, но и ко всякой страсти и помыслу, не угодным Богу. Целомудрие укрощает все страсти, удерживает бессловесные (животные, чувственные) стремления души и тела и направляет их к Богу. Окаменению, бесчувственности противопоставляется живость чувствований, а сладострастию – чистота, которые (живость и чистота) необходимы для образования и благосостояния сердца и вообще всех способностей души. Окаменение, бесчувственность – болезненное состояние; паралич сердца, иссушая его, делает жизнь безотрадной, скучной, тягостной, ослабляет и другие способности души, останавливает их деятельность, может привести к унынию и отчаянию, которое есть смерть для души. Напротив, живость чувствований – веселие, расширяя сердце, умножая полноту чувств, услаждает наше бытие, делает жизнь отрадной и бессмертие возделанным благом. Теплота сердечная, живость чувствований имеют благотворное влияние и на другие способности – ум и волю, сообщает им живость, бодрость. В каких предметах сердце находит удовольствие, к тем склоняет мысли и желания, сообщает этим последним больше живучести, продолжительности, плодовитости. Особенно в трудных подвигах добродетели очень важно и нужно участие сердца, его воодушевление. А мысли и желания, не прочувствованные сердцем, не согретые им, бывают большей частью сухи, вялы, безжизненны и скоро пролетают бесследно. Потому-то сердце есть корень жизни, по словам Премудрого (см. Притч. 4,23); потому он и советует больше всего хранить его. Но для благосостояния сердца, для того, чтобы оно имело благотворное влияние на другие способности, нужно стараться не доводить живость его за пределы умеренности, до чрезмерного возбуждения чувствований, потому что чрезмерное возбуждение чувствований расстраивает, подавляет деятельность ума и воли, нарушает гармонию разумно-свободной жизни и, по психологическим законам не имея возможности долго продолжаться, влечет за собой тем большее расслабление сердца и всего духа, чем напряженнее было возбуждение, и, что хуже всего, может довести до опасной мечтательности, даже до исступления, умопомешательства.

Теплота, живость сердца есть свойство больше психологическое. Важнее его нравственное качество – чистота сердца, которая состоит в том, что сердце не привлекается, не услаждается ничем плотским, греховным, радуется только о истине, добре, святости, о Боге. Если сердце чисто, не заражено никакой страстью, стремится только к наслаждению духовными, небесными благами, то оно дает доброе направление и

деятельности ума и воли – все мысли и желания устремляет только к духовному, Божественному, все силы душевные сосредоточивает в одном главном деле спасения, в любви Бога и угождении Ему.

Но чистота сердца – дело нелегкое и не скоро приобретается. Так как главный враг ее – сладострастие, то воздержание от удовольствий сладострастия и всего того, что ведет к нему, есть лучшее средство к приобретению чистоты. Более строгие подвижники для приобретения чистоты сердца воздерживаются даже и от позволенных удовольствий, пользуются некоторыми только по требованию необходимости, без пристрастия к ним, бдительно охраняют свое сердце от всяких прилогов вражиих – худых помыслов, желаний, от всякой страсти. Всякая страсть, как болезнь души, – особенно гнев, гордость, зависть, ненависть, злоба, – оскверняют, очерствяют сердце; скука, происходящая, от праздности, бездеятельности, подавляет чувствительность, расслабляет и весь дух; продолжительная скорбь, переходящая наконец в меланхолию, иссушает сердце. Удаление этих причин будет благоприятствовать оживлению сердца. Благоприятствует этому также частое созерцание величия дивной красоты небес, усеянных мириадами разноцветных звезд, совершающих движение по своим орбитам с дивной правильностью, гармонией; созерцание красоты, блистающей во всех царствах природы – органической, неорганической, животной; только для усмотрения здесь красоты нужно иметь разумный, светлый взгляд на природу. Такой взгляд раскрывают особенно науки естественные: астрономия, физика, ботаника, минералогия, геология, зоология, отчасти химия. Возбуждению сердца, оживлению чувствований могут благоприятствовать и художественные произведения: картины, поэзия, музыка, искусное пение, но только если они религиозного характера. А светская поэзия, музыка и пение возбуждают только страсти. Живость чувствований много поддерживается также частым дружеским обращением, искренней беседой с добрыми, чувствительными, благочестивыми людьми. Святой Давид любил рассматривать небеса, украшенные солнцем, луной, бесчисленным множеством звезд, блистающих разноцветными огнями, и, восхищаясь их величием и красотой, в восторге восклицал: «Небеса проповедуют славу Божию» (Пс. 18:2)! А в Законе Господнем он находил еще больше красоты совершенств Божиих и больше наслаждения (см. Пс. 18:2–12, 118:103). Святые подвижники находили отраду сердца и освящение его в благоговейном псалмопении, в сыновней беседе с Богом, или молитве, размышлении о Боге и Его совершенствах.

Глава Третья. О БОГОСЛОВСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ

Показанные добродетели, происходящие от развития и усовершенствования трех главных способностей души – ума, воли и сердца – и составляющие как бы основу духовной жизни, как ни важны, но они недостаточны для высшей духовной жизни. Они обращаются, так сказать, преимущественно в области естества, не объемлют собой всех отношений наших к Богу. А это самое главное. Разум наш по своей ограниченности и особенно под влиянием прирожденной растленности греховной не может иметь столько мудрости, чтобы правильно, ясно знать все необходимое для вечного спасения. Хорошо говорит об этом Премудрый: «Какой человек в состоянии познать совет Божий? или кто может уразуметь, что угодно Господу? Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны, ибо тленное тело отягощает душу, и эта земная храмина подавляет многозаботливый ум. Мы едва можем постигать и то, что на земле, и с трудом понимаем то, что под руками, а что на небесах – кто исследовал? Волю же Твою, Боже, кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святого Твоего Духа? И так исправилась пути живущих на земле, и люди научились тому, что угодно Тебе, и спаслись премудростью» (Прем. 9, 13–19). Разум наш имеет необходимую нужду в просвещении от Бога и в наставлении. Просвещения от Святого Духа не всегда и не все при греховной жизни достаиваются, а наставлением, сообщенным нам от Бога в руководство и изложенным в Священном Писании, все и всегда могут и должны пользоваться, особенно в познании предметов небесных, Божественных, которые мы ни из опыта, ни из идей ума не можем познавать, а сведение о них заимствуем из Священного Писания на веру – по доверию к истинности Бога, Который, как совершеннейшая истина и источник истины, не может ни обманываться, ни обманывать. Потому-то вера и необходима нам. И хотя она, как согласие ума на принятие истин, содержащихся в Божественном Писании, больше принадлежит уму, но поскольку зависит и от нашей доброй воли верить или не верить, а также свидетельствует, что мы признаем Бога совершенно истинным и единственным источником истины, то вера от этого получает значение добродетели богословской, то есть относящейся к Богу. Мужество и правда, происходящие от развития и усовершенствования нашей воли, также не достаточны для достижения вечного спасения. Воля наша по растленности нашей природы слаба в деле добра, имеет необходимую нужду в благодатной помощи и не может быть

непоколебима в праведности. Наша праведность, как формальное согласие поступков с законом, как неповинность перед судом Божиим, больше отрицательного свойства (неповинного не наказывают, и только) и сама по себе недостаточна; мы получаем оправдание перед Богом не за свою праведность, а за заслуги послушания, крестных страданий и смерти Сына Божия, Иисуса Христа, которые мы усвоим верою, но не иначе, как если эта вера споспешествуема любовью, оплодотворяемую исполнением заповедей Божиих (см. Рим. 3,19–28; Гал. 5,6). По словам Спасителя, хотя бы и все повеленное нам исполнили, и тогда мы должны говорить, что «мы рабы ничего не стоящие» (Лк. 17, 7–10). Раб, обязанный всем господину, не заслуживает еще награды за исполнение должного; ради этого он избавляется только от наказания. Такова и наша праведность; притом в растленном состоянии нашей природы она и не может быть непоколебима – и праведник часто падает. Только любовь никогда не отпадает. А если иногда по немощи человеческой или по сильному искушению и упадет, то не будет лежать в нерадении, а скоро встанет и опять стремится вперед – к Богу и всякому добру. Любовь есть душа всех добродетелей и праведности. Потому-то апостол и говорит, что в настоящей жизни пребывают, как самые главные и необходимые для спасения добродетели, вера для ума, надежда для сердца, любовь для воли и вообще деятельной жизни; любовь больше, важнее и веры, и надежды (см. 1Кор. 13,13).

К целомудрию относятся чистота и здоровье, живость сердца. Это указывает только на состояние сердца. Но этого еще недостаточно. Сердце наше жаждет наслаждения высшими благами небесными, которые не в нашей власти состоят, а зависят от Бога, Который в настоящей жизни только отчасти сообщает их, а всю полноту благ обещал даровать праведникам в будущей жизни на небе. Эти блага составляют высшую цель всех наших желаний и подвигов; к ним мы стремимся с надеждой; надежда нас и ободряет, укрепляет среди всех искушений, горестей и бедствий нашей земной жизни. Так как этой надеждой мы, так сказать, опираемся на всеильное покровительство и обетования Божии при всех превратностях жизни, признаем Бога источником силы и всех благ, изливаемых на нас и на все творения, то мы этим почитаем Бога, и потому надежда наша на Бога имеет значение добродетели богословской. По важности и необходимости для нашего спасения этих трех добродетелей – веры, надежды и любви – надобно подробнее рассмотреть, в чем они состоят, на каких основаниях утверждаются, какой предмет их, как можно в них утверждаться и усовершеншаться.

Глава Четвертая. О ВЕРЕ

Вера есть согласие нашего ума на принятие истин, сообщаемых нам от Бога и заключенных в Священном Писании. Когда же убеждение ума в истинности учения, сообщенного от Бога, доходит до глубины сердца, которое, услаждаясь истинностью и благотворностью этого учения, располагает к нему, тогда вера будет уже сердечным принятием Божественного учения.

Предмет веры

Предмет веры составляет вообще все Божественное откровение, заключенное в Священном Писании, а особенно те весьма важные истины, которые изложены в Символе Веры, именно: Бог есть дух совершеннейший, вечный, вездесущий, всемогущий, всеведущий, премудрый, всесвободный, святейший, правосуднейший, всеблагий, истинный, блаженный. Он есть один по существу, а по лицам троичен: Бог Отец нерожденный, Сын, рожденный от Отца, и Святой Дух, исходящий от Отца. Сей Триипостасный Бог есть Творец мира духовного и вещественного, о всем сотворенном промышляет, то есть сохраняет, поддерживает жизнь всех тварей, сообщает им силы, все блага, потребные для жизни, и средства к достижению назначенных им целей, все направляет к высшим целям, все содержит в порядке. Особенно Бог промышляет о людях, как о лучшем Своем творении на земле, и столько возлюбил их, что для спасения их от грехов и вечного мучения послал на землю Своего Единородного Сына, то есть благоволил, чтобы Он воплотился, принял естество человеческое, в нем совершил искупление людей, чтобы «всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Первородный грех от прародителей путем рождения распространился во всех людях, как ядом отравил все их существо, растлил душу и тело, так что люди сами собой не имели ни средств, ни сил исправить порчу своей природы, избавиться от грехов и осуждения на вечное мучение за них. Сын Божий по любви к людям добровольно принял на Себя дело искупления рода человеческого от грехов и вечной гибели, только Он один и мог спасти людей (см. Деян. 4:12; 1Тим. 2:5–6) и спас тем, что научил людей истинному познанию и почитанию Бога и другим истинам, которые необходимо знать для достижения спасения, преподавал закон, руководствующий к богоугодной жизни и вечному блаженству;

Своим совершенным послушанием Богу Отцу, точным исполнением Закона Божия и вообще воли Бога Отца вознаградил опущенное людьми добро, которое они должны были делать по требованию Закона Божия, Своими страданиями и крестной смертью заплатил за нас долг правосудию Божью, которое требовало наказать людей за грехи по мере их вины. Спаситель этим не только снял с нас вину, доставил оправдание, избавил от осуждения на вечное мучение, которому все мы подлежали за грехи, но еще заслужил для нас благоволение Божие, исходатайствовал и послал благодать Святого Духа, необходимую для возрождения людей, просвещения, освящения, укрепления. Если Бог милует и спасает нас, то спасает единственно ради заслуг послушания и страданий Иисуса Христа, а не за наши заслуги, которых мы и не можем ничем оказать Богу. С нашей стороны для спасения требуется усвоить себе учение, заслуги Иисуса Христа и благодать Святого Духа всеми силами души – умом, волей и сердцем, то есть веровать в Иисуса Христа, веровать и всему тому, чему Он учил и что совершил для нашего спасения, любить Его, исполнять Его волю, или заповеди, всю надежду спасения, блаженства возлагать на Него одного, должны вступить в завет или союз с Ним – креститься с обязательством умереть для греха и жить только для Бога, по воле Божией, для прославления Бога Отца, Сына и Святого Духа; должны пользоваться также и другими таинствами, установленными Иисусом Христом, через которые сообщается благодать Святого Духа, необходимая для вспомоществования в исполнении заповедей Божиих и для достижения спасения. В конце мира Сын Божий по воскресении всех умерших опять придет со славой судить всех людей, воздаст каждому по делам: сохранивших правую веру в Него, очистившихся от грехов благодатию Божией и по силам исполнявших заповеди Божии Он введет в Царство Небесное для вечного блаженства, а неверовавшим в Него и всем закоренелым грешникам назначит участь, сообразную с их нравственными свойствами и делами. Вот самые главные предметы веры, которые необходимо знать и принимать всякому для достижения вечного спасения.

Необходимость веры

Необходимость веры в Бога очевидна всякому благомыслящему человеку. Бог есть Творец и верховный Правитель мира. От Него мы получили жизнь, постоянно получаем силы, средства, разные блага для продолжения жизни, все дары счастья для наслаждения, от Него вполне зависим во всех обстоятельствах жизни и смерти. Потому мы необходимо

должны Ему покоряться, служить, благоугождать, исполнять Его волю, чтобы удостоиться Его милости. А для этого, очевидно, надобно наперед знать Бога, Его совершенства, волю, закон; чего не знаем, того и не можем желать (*ignoti nulla cupido*) и исполнять, не можем и угождать Богу, а от этого неизбежно произойдет все наше бедствие, гибель. Потому знание Бога составляет жизнь для нашего духа, животворное начало наших богоугодных действий. Спаситель говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17:3). Но посредством одного умозрения и опыта, без помощи откровения Божия, нельзя приобрести верные познания о Боге и небесных предметах, тем более что разум наш в настоящем греховном состоянии поврежден, часто помрачается страстями, как глаза – темною водою или желтухой. Потому если мы многих и близких к нам земных предметов, подлежащих нашим чувствам и наблюдению, не знаем хорошо, то тем более небесные предметы, удаленные от нашего наблюдения, как можем ясно, правильно познавать без помощи откровения Божия (см. Ин. 3, 12–13)? Евангелие говорит: «Бога не видел никто никогда; только Единородный Сын Божий, сущий в недре Отчем, Он явил» нам Его (Ин. 1:18) – сообщил верное, возможно полное познание о Боге.

Многие из этих познаний превышают наш разум и принимаются, усваются только верой, а без веры в откровение, не имея верного познания Бога, не зная Его воли, нельзя и почитать Его, нельзя и угодить Ему. Не всякое почитание угодно Богу. Языческое почитание Бога в лице идолов или служение Ему принесением людей в жертву противно Ему, возбуждает гнев Его. Почитание и служение Богу, как Духу, должно быть такое, какое Ему угодно, по Его же наставлению, должно быть духовное, сообразное с Его величием, святостью и другими совершенствами. Как будут призывать или исповедовать Того, в Которого не уверовали (см. Рим. 10,14)? Потому апостол и говорит, что «без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11,6). Кто хочет приблизиться к Богу, тот должен верить тому, что Он есть, существует и что Он воздаст каждому по делам. Особенно при настоящем растленном состоянии людей необходима вера в Иисуса Христа – единственного Искупителя и Ходатая перед правдою Божию – для усвоения Его искупительных заслуг и для получения исходатайствованной Им благодати Святого Духа, которая совершенно необходима нам для возрождения, освящения и без которой невозможно избавиться от прирожденной порчи греховной, освободиться от виновности и осуждения на вечное мучение за произвольные грехи, делающие нас чадами гнева Божия (см. Ин. 3, 5–7; Еф. 2, 3–8; Тит. 3, 5–6),

потому невозможно и спастись; как говорит апостол: «Нет другого имени под небом, данного человекам», кроме имени Иисуса Христа, которым надлежало бы нам спастись (Деян. 4, 12). И Спаситель говорит: «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне... без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 4–5). Потому «верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3:36). «Кто будет веровать в Сына Божия и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16, 16).

Потому вера в Иисуса Христа есть начало, основание нашего спасения и утверждается на всеведении, истинности и благодати Божией, то есть Бог, как всеведущий и истинный, знает все вполне, не может ни обманываться, ни обманывать и, как благий, сообщает нам только полезное для нашего блага, для вечного спасения; и мы, веря словам Божиим больше, нежели своему разуму, свой разум, так сказать, приносим в жертву Богу истинному, почитаем Его как источник истины и всех благ, свидетельствуем свою покорность, преданность Ему, как благому, верховному Владыке мира. А не верить Богу значит оскорблять Его и произвольно лишать себя тех благ, какие получают от Бога через веру. Святые подвижники говорят, что вера порождает желание добра и страх мучений; желание лучшего и страх мучений побуждают к точному соблюдению заповедей Божиих; соблюдением заповедей составляется действенная добродетель, которой плод есть чистая молитва и любовь.

Необходимость православной веры

Каждому надобно знать, что не всякая вера спасительна, а только та, которую содержит Православная Церковь. Хотя источник веры один – Священное Писание со Священным Преданием, но разные люди под влиянием страстей разное понимают и толкуют содержащееся в них учение, не всегда согласно с намерением Духа Божия – виновника откровения. Оттого появились разные исповедания веры христианской. А оно должно быть одно, потому что одно дано всем от Бога откровенное учение; у всех людей как одинакова природа, так одни и законы мышления, потому и понимание одних и тех же предметов должно быть у всех одинаково, как говорит и апостол, старайтесь «соблюдать единство духа» – единомыслие, согласие в образе мыслей о предметах веры – «в союзе мира», потому что все вы – "одно тело" Церкви, «и один дух» Христов в вас, так «как вы и призваны к одной надежде вашего

звания» (Еф. 4:3–6), то есть к наследию Царства Небесного, где все удостоившиеся будут составлять одно единоедушное общество, в котором не будет и не должно быть разномыслия, а непременно должно быть единомыслие, необходимое для утверждения в единокрушии и взаимной любви. Глава этого общества есть и будет один Господь Иисус Христос – единственный Искупитель всех; потому должна быть одна и вера, одно и крещение – единственное средство для возрождения, оправдания и спасения, так как и Бог один у всех, единственный Отец всем нам. А разность исповеданий веры показывает несогласие их с истиной; истинное исповедание должно быть одно, как одна истина.

Истинность исповедания веры нашей Православной Церкви подтверждается тем, что вера от святых апостолов передана их преемникам – святым отцам, представителям Церкви. Святые отцы, жившие ближе к апостольскому веку, лучше, вернее понимали букву и дух писаний апостольских. Отличаясь высоким духовным просвещением, благодатным озарением и святостью жизни, правильнее понимали высокие истины Божественного откровения, нежели новейшие мудрователи, общим согласием многих представителей всех Церквей на Вселенских Соборах уяснили подробно, определительно изложили догматы веры, даже иные чудотворениями подтвердили истинность учения веры и правила христианской жизни, изложенные ими. Эта вера апостольская, отеческая без всяких изменений и прибавлений сохранилась в Православной Восточной Церкви до наших времен. Прочие христианские исповедания Западной Церкви произошли уже после времен Вселенских Соборов, и виновники их не только не отличались ни высоким духовным просвещением (которое надобно отличать от мирского образования в науках), ни святостью жизни, ни благодатными дарованиями, но явно заражены были духом гордости, своеволия и от благомыслящих пастырей Церкви подвергались справедливому обличению в новизне и неправоте учения. Истинность, богоугодность веры нашей Православной Церкви подтверждается и тем, что Бог почти в каждом веке доселе прославлял нетлением и чудотворениями святых мощей угодников Божиих, в нашей Восточной Церкви исповедовавших православную веру и спасавшихся по руководству правил святых отцов вселенских, чего в других исповеданиях христианских нет с тех пор, как западные церкви отделились от Православной Восточной Церкви. Другие исповедания – произведения суемудрых людей поздних времен, после семи Вселенских Соборов, как не согласные с Божественной истиной и с волей Божией, не ведут к спасению. Замечательно, что и святые иконы чудотворные в

разные времена являлись только в Православной Церкви, и теперь во многих местах нашего отечества совершаются чудотворения от этих икон, чего нет ни у раскольников наших, ни в западных церквях. Это явный знак правоты, богоугодности нашей православной веры и Церкви. Да и характер нравственной жизни, дух благочестия у подвижников Православной Церкви сообразнее с духом Евангелия и с правилами древних святых отцов, нежели как это замечается у наших раскольников и монашеских орденов Западной Церкви. Это – дух смирения, самоотвержения, любви с благодатным помазанием.

Средства к укреплению веры

Вера и зачинается, и утверждается смирением, то есть сознанием недостаточности, тупости, удобопогрешительности нашего разума в понимании небесных предметов, которые по своей высоте и таинственности, не прозреваемой умом, омрачаемым страстями, далеко превышают наш разум. Сколько небесные истины высоки, столько же необходимо знать их для достижения спасения и потому необходимо принимать их на веру, тем более что эти истины открывает нам Сам Бог, Которому нельзя не верить и нельзя не повиноваться без оскорбления Его.

Для утверждения веры нужно чаще и внимательнее рассматривать открытые нам Богом истины, изложенные в Священном Писании, размышлением уяснять и глубже в сердце напечатлеть их. Как свет солнечный тем более являет свое благотворное действие в растениях, чем более обращены и открыты они к нему, так и Божественное учение тем более просвещает и животворит верующих, чем открытее к нему умы и сердца их. Свет яснее всего свидетельствует сам о себе; нужно только иметь чистый взор, глаза, не помраченные темной водой или желтухой.

В случае недоумений, сомнений не надобно полагаться на свой разум, толковать по-своему, а лучше за уяснением истины, советом обратиться к пастырю Церкви, знающему хорошо учение святых отцов и вообще Православной Церкви, которая не может погрешать под управлением Духа Божия, всегда присущего ей. Притом и самим надобно упражнять, утверждать свою веру, например, когда молимся, то оком веры должно взирать на Бога, присущего нам; когда исповедуемся, то в лице священника должно представлять не человека, а Самого Иисуса Христа; когда приступаем к причащению, то должно верить, что, под видом хлеба и вина причащаясь Тела и Крови Христовой, соединяемся с Самим Иисусом Христом, присущим в таинстве; когда постигают нас искушения,

должно возводить очи к Небесному Царю и Правителю мира, без воли Которого ничего не может случиться с нами и т.п.

Но поскольку и сама вера православная, спасительная есть дар Божий (см. Еф. 2:8; Флп. 1:29; Лк. 22:32), и апостолы просили Спасителя умножить их веру (см. Лк. 17:5), без которой невозможно получить оправдание и спасение (см. Рим. 1:17, 3:18; Евр. 10:38), то будем и мы молить Господа, чтобы Он даровал и укрепил в нас веру, чтобы нам не впасть в сомнения, суемудрие, суеверия или холодность к вере и спасению; особенно нужна молитва об укреплении веры, когда диавол колеблет ее разными сомнениями, стараясь довести до неверия, как это нередко бывает и с ревностными подвижниками, которые знают, что враг нашего спасения диавол не оставляет ни одной добродетели в них без искушения.

Глава Пятая. О НАДЕЖДЕ И УПОВАНИИ

Сердцу нашему свойственно стремиться к наслаждению сродными ему благами, которые бы улаждали, согревали его, расширяли круг жизни, делали жизнь отрадней, вожделенней. При всем, чего бы мы ни желали, что ни предпринимали бы, всегда поставляем целью достижение какого-либо блага. Но земные, временные блага, каковы бы они ни были, не утоляют вполне жажды нашего сердца; по врожденной нашему духу идее красоты, идеал которой заключается в Боге, сердце наше стремится преимущественно к наслаждению Божественной красотой, небесными благами. Но как земные, временные, так и небесные блага зависят вполне от Бога. Бог, даровав нам жизнь, дает силы и средства к продолжению жизни, Своим Промыслом охраняет наше благополучие от разных бед и зол, посылает помощь для совершения добрых дел и для избежания грехов и их последствий – несчастий. Мы всегда во всем от Него зависим, на Его помощь надеемся, так сказать, опираемся и от Него ожидаем всех благ. Так как главный предмет наших желаний – блага небесные, которые, впрочем, не даются нам в этой жизни, а обещаны Богом в будущей жизни, то мы и стремимся к ним с надеждой.

В этом смысле апостол и говорит, что «мы спасены в надежде» (Рим. 8:24), то есть, избавившись от грехов и их последствий, оправдавшись заслугами Христа, мы получили здесь только начатки духовных даров и благ в залог, а вся полнота их обещана Богом в будущей жизни, и мы стремимся к ним с надеждой получить их.

Важность надежды

Важность надежды открывается из важности и необходимости тех благ, которые составляют предмет надежды, каковы суть относящиеся к внешней жизни силы и средства к поддержанию и продолжению жизни (пища, одежда, жилище, плодородие земли, благорастворение воздуха), здоровье, благополучие, такое устройство обстоятельств, которое бы содействовало к нашему спасению; духовные блага: отпущение грехов, сообщение благодати, которая просвещает наш разум светом боговидения, укрепляет слабую нашу волю в делании добра, в подвигах благочестия, освящает и улаждает наше сердце, приводит в состояние сынов и наследников Божиих и к вечному блаженству в Царстве Небесном.

Блага эти совершенно необходимы нам для продолжения жизни и для

счастья, и Бог, от Которого они вполне зависят, по Своей благодати обещал нам сообщить их, если только мы будем ревностно употреблять назначенные Богом средства и стремиться к ним с надеждой. Надежда необходима, потому что надежда ободряет наш дух среди самых трудных обстоятельств, воодушевляет ревностью к самым трудным подвигам добродетели и благочестия с уверенностью, что мы не напрасно трудимся, непременно получим желаемое по благодати Божией.

А если отнять надежду на получение благ, то трудиться без цели, без пользы, напрасно никто не будет; не будет ни охоты, ни решимости на труды, ни постоянства и твердости в подвигах добродетели и благочестия; человек впадает в бездеятельность, малодушие, отчаяние, которое расслабляет все силы души, подавляет, убивает душу, самую жизнь делает тягостной, невыносимой и заставляет предпочитать ей смерть. Что якорь для корабля на бурном море, то надежда для души в житейском море (см. Евр. 6,19).

Основание надежды

Чем важнее для нас надежда, тем она должна быть тверже. Она основывается на вере в Промысел Божий, естественный, благодатный. Бог, по Своей благодати даровав жизнь Своим творениям, дарует им и все необходимое для поддержания, продолжения жизни и благосостояния их. Особенно Бог промышляет о людях, все обстоятельства их жизни направляет к высшим целям – к нравственному усовершенствованию, спасению и вечному блаженству в Царстве Небесном, которое Он обещал даровать всем под условием выполнения всех наших священных обязанностей и употребления средств, назначенных Богом. Надежда основывается и на обетовании, а обетования Божии основываются, утверждаются на верности Божией, по которой Он не может не выполнить обещанного. Апостол говорит: «Будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший» (Евр. 10, 23; см. также Чис. 23, 19; 1Цар. 15, 29). Как всеведущий и премудрый, Бог знает все, что возможно, полезно и необходимо для нас и как удобоисполнимо (см. Лк. 12, 16 и далее). Как всемогущий, Он может все сделать, что ни захочет (см. Лк. 1:37). Как благий, Он хочет, даже поставляет, так сказать, за удовольствие сообщать Свои блага всем, кто только достоин или способен принять их. Бог столько возлюбил нас, говорит апостол, что и возлюбленного едиnorodного «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего» (Рим. 8, 32)?

Средства к утверждению надежды

Надежда как основывается на вере, так и утверждается вместе с утверждением веры в Промысел Божий. Кто верит словам Спасителя (см. Мф. 6:25–33; Пс. 54:23), что Бог промышляет даже о малых птицах и о полевых цветах, тем более о людях, тот будет возлагать и надежду на Бога во всех своих нуждах и обстоятельствах жизни. Нужно только, по слову Спасителя, прежде всего искать Царства Божия и правды Его, а все прочее, нужное для земной жизни, Бог по Своей благодати дает нам, если, впрочем, и сами мы будем употреблять и труд, и законные средства к тому. От нас требуется старание и труд, а успех труда вполне зависит от Бога. Да и при усердном труде не надобно иметь усиленной настойчивости, чтобы все было по нашему желанию; эта настойчивость будет только ослаблять надежду на Бога, противиться действиям Промысла Божия.

А лучше во всем возлагать надежду на Бога с полной преданностью воле Божией и с уверенностью, что Бог, как всеведущий, лучше нас знает наши нужды, что нам полезно, что вредно; как благодатный, Он доставил нам только то, что нам полезнее; часто вместо внешних благ, которые мы усиленно ищем, Он хочет дать нам блага духовные, необходимые для вечного спасения, а что препятствует спасению, того не дает. И благоразумная мать прихотливому ребенку не дает сладкого кушанья, которое усиливает в нем болезнь, а иногда дает горькое лекарство, которое исцеляет недуги любимого дитяти. Так и Бог поступает с нами в рассуждении не только вещественных, но и духовных благ. Он главным образом имеет в виду наше душевное спасение, вечное блаженство, к которому все направляет, и Ему, как всемогущему, ничто не может воспрепятствовать, кроме нашего сопротивления.

Правда, наши грехи удаляют нас от Бога, ослабляют нашу надежду на Него. Но надобно помнить, что Бог есть беспредельная благодать, любовь. Он столько возлюбил нас, что возлюбленного Сына Своего предал на смерть, чтобы «всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Хотя и правосудие Божие так же беспредельно, как и милосердие, но Иисус Христос Своим послушанием Богу Отцу, невинными страданиями и крестной смертью за всех верующих в Него вполне удовлетворил правосудию Божию, и теперь, по выражению Церкви (четвертая и седьмая молитвы ко причащению), нет греха, побеждающего милосердие Божие, только бы грешник сам произвольно не закосневал в грехах, с верой в заслуги Иисуса Христа калялся, просил прощения в них, и Бог ради заслуг возлюбленного Своего Сына, без сомнения, простит все

грехи. В этом смысле апостол называет Иисуса Христа надеждой нашей, то есть надежда спасения основывается на заслугах Иисуса Христа и на силе Его ходатайства о нас (см. 1Тим. 1, 1). Для утверждения надежды на Бога полезно читать Священное Писание, особенно те места, в которых содержится учение о действиях Промысла Божия, естественных и благодатных, о людях и даже о всех тварях, как бы они ни казались маловажными.

Также полезно читать жизнеописания святых, которые, возлагая надежду на Бога во всем, касающемся не только внешней жизни, но и душевного спасения, удостоивались особенного покровительства Промысла Божия; иные из великих грешников, обращаясь на путь покаяния, благочестия, спасались верой и надеждой на заслуги Иисуса Христа, и надежда их приводила к мирному пристанищу блаженной вечности.

Лучшее средство к утверждению надежды на Бога есть добродетельная жизнь. При праведной жизни и чистоте совести больше бывает дерзновения к Богу, больше и надежды на Него. Апостол говорит: «Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение (свободный доступ) к Богу; и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним» (1Ин. 3, 21–22). Потому-то бегают нечестивый, хотя никто не гонится за ним, будучи смущаем в совести страхом гнева Божия, а праведник, как лев, благодушен в надежде на Бога (см. Притч. 28, 1).

Святой Исаак Сирин говорит, что человек не может приобрести надежды на Бога, если прежде в своей мере не исполнял воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести, и только при истинном свидетельстве ума нашего мы имеем упование на Бога. Свидетельство же ума состоит в том, что совесть нимало не осуждает человека, будто бы вознерадел о чем-либо таком, к чему он обязан по мере сил своих. «Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1Ин. 3, 21). Надежда на Бога обнаруживается в злостраданм за добродетели. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих и всемогущ? Да сопровождает веру твою приличное делание и тогда услышит тебя Бог. Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду и с верой и чистым сердцем пойдет вослед Богу, тотчас последует за ним благодать и открывает ему силу свою в различных вспоможениях.

Как всякая добродетель, так и надежда подвергается искушениям. Часто колеблется надежда среди постигших несчастий, скорбей, особенно

во время тяжелой болезни, перед смертью. В это время враг нашего спасения диавол сильно вооружается на нас, старается ввести в малодушие и отчаяние, и у нас недостает сил противодействовать ему. В это время особенно нужна смиренная и усердная молитва, чтобы Господь укрепил наш дух, утвердил нашу надежду на Его благость и покровительство ради заслуг Иисуса Христа – нашего упования.

Глава Шестая. О ЛЮБВИ

По врожденной нашему духу идее добра, которого идеал находится в Боге, воля наша по требованию нравственного закона, напечатленного в совести, стремится к высшему добру, к возможному осуществлению его в своей деятельности, к уподоблению Богу в духовных совершенствах. Такая деятельность воли, как главной, центральной силы, имеет благотворное влияние на благосостояние всего духа, доставляет сердцу – корню духовной жизни – особенное удовольствие. Потому доброжелательство воли всегда сопровождается благорасположением сердца и составляет главное направление нравственной деятельности – любовь, стремление к осуществлению добра для себя и для других, соединенное с расположением тесно соединиться с этим добром для счастья своего и других нравственных существ. Бог есть высочайшее добро наше; потому Бог есть первый, главный предмет нашей любви. Любя Бога, мы должны любить и не можем не любить и Его образ, отражающийся в наших ближних, созданных по образу и подобию Божию. Потому любовь разделяется на два вида: любовь к Богу и любовь к ближним нашим.

О любви к Богу

Апостол говорит: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1Кор. 13:13). То есть в настоящей жизни для спасения необходимы три главные добродетели – вера, надежда, любовь, – которые объемлют все силы души, внутреннюю и внешнюю деятельность, все отношения наши к Богу, себе и ближним. Вера просвещает ум светом Божественной истины, к которой он стремится; надежда питает, оживляет сердце, жаждущее блаженства; любовь, относясь преимущественно к воле, стремящейся к высшему добру – святости, составляя предмет ее деятельности, объемлет и прочие силы души – ум и сердце, споспешествует и вере, утверждает и надежду. Один законник спросил Иисуса Христа, какая самая главная заповедь в законе, которую исполняя можно бы получить жизнь вечную? Спаситель сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим; сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40). «Так поступай, и будешь жить» (Лк. 10:28) – получишь жизнь вечную.

Важность любви

Любовь есть как бы расширительная, животворная сила души: она расширяет сердце наше, умножает полноту (сумму) нашей жизни, расширяет круг нашего бытия и деятельности, тогда как, напротив, ненависть есть сила сжимательная, охлаждающая, мертвящая. Апостол говорит: «Нелюбящий брата (своего) пребывает в смерти» (1Ин. 3:14). Любовь, объемля все силы души, дает правильное направление их деятельности, приводит их в согласие (гармонию); она есть главная стихия нравственного Царства Божия, соединяет все разумные существа в единоедушное общество для взаимного вспомоществования в разных духовных и вещественных нуждах, устрояет общее всех и частное каждого благо, возводит к высшему нравственному совершенству и блаженству. Потому апостол и называет ее большей всех духовных дарований и добродетелей (см. 1Кор. 12:30, 13:1–13), которые составляют или свойства, проявления ее в частных поступках, или только средства к ней, как главной цели всех нравственных подвигов, которые без любви не имеют надлежащей цены (см. 1Кор. 13, 1–4). Она составляет сущность и цель закона (см. Мф. 22,40; 1Тим. 1,5), «исполнение закона» (Рим. 13,10) и «совокупность совершенства» (Кол. 3,14), потому что любовь объемлет, соединяет в себе все добродетели и всех людей соединяет между собой и с Богом. По словам апостола (1Ин. 4,16), как Бог есть по преимуществу любовь, так одна любовь и нас соединяет с Ним. Что же такое любовь? Любовь вообще есть жизнь души, стремление ее к общению с другими, расположение, по которому разумное существо не заключает добра в одном себе, а ищет делиться им с подобными и в общении с ними находит свой покой, удовольствие. Любить Бога значит ценить Его больше всего на свете по достолюбезным совершенствам и всецело стремиться к Нему всеми силами души: умом – к совершеннейшему познанию Его, волей – к уподоблению Его совершенствам, к благоугождению Ему, сердцем – к соединению с Ним для наслаждения идеалом красоты Божественных совершенств, блаженством; стремиться постоянно, неослабно, так, чтобы это стремление составляло главную, преимущественную деятельность нашего духа. И ничто не должно отвлекать нас от этого стремления к Богу.

Основание и побуждение любви

Как жизнь наша проистекла от вечного источника жизни – Бога, так к Нему же и должна обращаться, сливаясь с другими подобными потоками жизни. Потому первый, высочайший предмет любви нашего духа, без

сомнения, есть Бог, а потом и ближние наши, которые соединяются с нами сходством природы богоподобной.

Какое основание и побуждение любви? Основание ее в Боге, Который есть любовь вечная, и в самой душе нашей, которая сотворена по образу Божию. В сем-то образе Божиим и состоит собственно побуждение любви или то, что располагает нас истинно любить Бога и ближнего. Мы любим Бога, как Отца, любим ближних, как братии. Что заставляет детей любить отца, братии, друг друга? Родственная их природа. Так и Бога любить побуждает душу ее внутренний образ Божий; и тот же образ влечет ее к ближним, в которых он же просиявает. Чистая любовь к Богу и ближнему не спрашивает, что я получу от Бога или ближнего, но как бы естественно, по природе стремится к ним. Это уже ныне, когда мы грехом отпали от Бога, стали нужны для возбуждения любви предварительные понятия о благодати Божией, представление ожидаемого блаженства в Боге, а равно и тех потребностей, какие мы имеем в наших ближних. Чем проявляется истинная любовь? Как жизнь души, она проявляется и во внутренних ее действиях, и во внешних. Кто, например, истинно любит Бога, тот не может не помышлять о Нем, не стремится к Нему сердцем, не покорять Ему своей воли и не выражать благоговения и преданности своей к Нему в словах и делах своих. Словом, истинная любовь к Богу сама по себе исполняет эту первейшую заповедь: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (Лк. 10:27). По этой заповеди любовь к Богу должна наполнять всю душу, обнимать все ее силы – сердце, волю и ум. Надобно любить Бога не частью только, но всем сердцем, так, чтобы в нем не было места никакой другой любви или пристрастия, привязанности к каким-нибудь земным предметам, которая не может совместиться с любовью к Богу, противна ей или охлаждает любовь к Богу, как, например, по словам Спасителя (см. Мф. 6:24), никто не может служить, угождать Богу и страсти корыстолюбия.

Вообще, с любовью к Богу несовместимо никакое пристрастие к земным предметам, которое по своему свойству враждебно любви к Богу. Всецело надобно любить одного Бога, как существо высочайшее, совершеннейшее, достолюбознейшее всех существ, надобно любить и все то, что Бог любит, что Ему приятно. Потому, если можно любить что-нибудь, кроме Бога, то надобно любить для Бога, то есть потому, что Бог то любит, Ему то приятно или нам полезно.

А всякую любовь или пристрастие к каким бы то ни было предметам надобно отвергнуть, если чувства эти несовместимы с любовью к Богу;

надобно отвергнуть пристрастную любовь даже к самым любезным для нас лицам – родителям, родственникам, когда они требуют от нас противного Богу, отвлекают нас от любления Бога и исполнения Его воли. Когда в сердце – источники жизни (см. Притч. 4, 23; Мф. 15, 19), когда оно глубоко проникнуто любовью к Богу, то оно возбуждает благорасположение к Богу, стремление к возможному уподоблению Ему в достолюбезных совершенствах, к исполнению Его воли, к благоугождению Ему и желание быть в тесном общении с Ним.

Заповедь Божия повелевает любить Бога «всею душою и всею крепостию», то есть не одной свободной волей стремиться к угождению Богу, но и все действия инстинктивных потребностей, склонностей подчинять воле или Закону Божию и во всех чувственных, дозволенных удовольствиях не допускать ничего противного любви к Богу; и притом во всем этом надобно проявлять любовь со всей крепостью, как бы с напряжением всех сил, с неослабным постоянством, так, чтобы человек готов был скорее лишиться всех вещей, удовольствий, потерпеть скорби, бедствия, подвергнуться даже смерти, нежели сделать что-нибудь противное Богу, оскорбить Его грехом и лишиться Его благоволения и благодати (см. Рим. 8:35, 38–39). Кто любит Бога всем сердцем с искренним (без лицемерия), горячим (без равнодушия) расположением (то есть с ревностью), любит больше всего, любит всей силой воли, с совершенной преданностью воле Божией и с готовностью пожертвовать своей жизнью для исполнения воли или заповеди Божией и для славы Божией, тот, без сомнения, будет любить Бога и всем умом.

Любить Бога умом значит умом стремиться больше всего к познанию Бога – Его совершенств и дел в царстве природы и благодати, и притом не столько по началам разума и на основании опытных наблюдателей или созерцания природы, сколько из откровенного учения Божия с испрашиванием от Бога благодатного просвещения, потому что разум наш по своей недалёковидности, особенно под влиянием страстей, омрачающих его, не всегда ясно, верно познает даже земные предметы, а о небесных он большей частью только гадает, легко подвергается ошибкам, заблуждениям. Потому он должен заимствовать сведения о Боге преимущественно из Священного Писания, которое сообщает ясное и правильное познание о Боге. А в предметах таинственных, неудобопостижимых надобно разум покорить вере (см. 2Кор. 10, 5; 1Пет. 1, 22), то есть с полной доверенностью, без пытливости принимать учение, сообщенное от Бога, Который не может ни обманываться, ни обманывать, как источник истины, а на свое мудрование не полагаться, не доверять

ему, как ошибочному. Но стремиться к этому познанию надобно не по одной любознательности и не ограничиваться одним созерцательным знанием, а нужно это для того, чтобы, верно познав Бога, Его совершенства, можно было иметь правильное отношение к Нему, почитать Его разумным образом, несуетливо, сообразно с Его величием, святостью, благостью. Преимущественно ум должен быть занят поучением в Законе Божиим, чтобы, яснее познав волю Божию, точнее исполнять ее, совершеннее благоугождать Ему. Свойство любви таково, что любящая душа что больше всего любит, о том больше и думает.

Так и любовь к Богу не довольствуется одним только знанием или повременным воспоминанием, а заставляет постоянно возноситься мыслями к Богу, находить особенное удовольствие в размышлении о Боге – Его совершенствах, действиях Промысла, открывающихся в управлении миром, обществами человеческими и в устроении судьбы каждого человека, о путях спасения, по которым благий Господь ведет каждого к Царству Небесному.

Это явный признак оскудения любви к Богу, когда кто занимается познанием только предметов видимого мира или помышлением, заботами только об удобствах земной жизни, а не имеет охоты к размышлению об истинах веры и нравственности христианской под предлогом их общеизвестности. Немного пользы и от того холодного исследования, которое происходит от одной любознательности; это как лунный, тусклый свет без теплоты – здесь нет еще любви. Любовь заставляет заниматься постоянным богомыслием по благоговению к вездеприсутствию Божию, по опасению, как бы по невнимательности к этому вездеприсутствию, по забвению о Боге не допустить чего-нибудь оскорбительного для Бога в мыслях и делах, занимается богомыслием по желанию, с благоговением, так сказать, предстоять пред лицом Божиим, зреть красоту Его и быть всегда с Богом, как говорит Псалмопевец: «Мне благо приближаться к Богу! На Господа Бога я возложил упование мое, чтобы возвещать все дела Твои... Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое; Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек» (Пс. 72:28, 25–26). От такого размышления, говорит Псалмопевец, «воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих разгорелся огонь» любви к Богу (Пс. 38, 4).

Кто чем яснее познает Бога, чем живее представляет себе Его совершенства, тем больше возбуждается в том благоговение, тем больше согревается любовью и услаждается сердце, тем больше жаждет благоговейного размышления о Боге. Впрочем, истинная набожность,

совершенная любовь состоит не в горячности только и сладостном возбуждении сердечных чувств, а в искреннем, постоянном благорасположении всей души к Богу. Истинная любовь к Богу может быть и при сухости чувств, даже еще будет иметь тем более цены, достоинства, чем менее бывает сладких чувствований. Кто в изобилии имеет такие чувствования, тот подобен кораблю, который при попутном ветре на полных парусах легко несется к пристани, причем не требуется никакого труда. А кто и при сухости чувств искренно предан всей душой Богу, тот без пособия попутного ветра с большим усилием должен грести на лодке тяжелыми веслами, по бурным волнам плыть к назначенному месту. А чем больше усилий, трудов употребляется для какого дела, тем оно лучше, тверже, совершеннее бывает; и в благочестии или любви чем меньше бывает сладких чувствований, тем они чище, постоянное, совершеннее; любить Бога нужно для Самого Бога, потому что Он по Своим совершенствам достоин любви, а не из-за корысти, не за сладкие чувствования, желание которых святые отцы называют духовным прелюбодейством, которое всякую добродетель делает нечистой, корыстной, показывает, что мы любим не столько Бога, сколько сердечные удовольствия. Истинная любовь состоит в разумном, всецелом стремлении души к Богу, особенно в расположении благоугождать Ему, в совершенной преданности Его воле, в усердном исполнении Закона Божия, как говорит Спаситель: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня... тот соблюдет слово Мое» (Ин. 14:21–23). И святой апостол Иоанн говорит: «Любовь к Богу состоит в том, чтобы мы соблюдали заповеди Его» (1Ин. 5, 3). Для этого нужно иметь, с одной стороны, сыновний страх или опасение, как бы не сделать чего-нибудь запрещенного Богом, не только с сознанием, но и по невнимательности как бы не допустить чего оскорбительного для Бога даже в мыслях и словах; допущенные погрешности должны быть очищены скорбью, раскаянием, сожалением о том, что тем оскорбили преблагого Отца Небесного; после нечаянных грехопадений человек усиливает внимательность к себе, больше остерегается новых погрешностей, от больших грехов – как бы они ни были обольстительны – отвращается, бежит, как от ядовитой змеи; с другой стороны, надобно иметь заботливое старание в точности исполнять заповеданное Богом и при всей исполнительности говорить в сердце, как поучал Спаситель: «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10). Искренняя любовь не довольствуется исполнением только повеленного. Как сын,

нежно любящий доброго отца, и без приказания делает похвальные дела в пользу или честь отца, когда знает, что это приятно будет ему, чтобы тем заслужить большее благоволение его, так и любовь к Богу побуждает стараться постоянно более и более преуспевать во всякой добродетели, всячески угождать Ему, чтобы быть более достойным Его благоволения, заставляя свою волю вполне подчинить воле Божией, чтобы тем совершеннее служить и благоугождать Ему; и во всех случаях и обстоятельствах жизни любящий Бога предается распоряжению Промысла Божия с отвержением своей воли – никогда не желает, чтобы все было по его желанию, но все предоставляет воле Божией, успокаиваясь той мыслью, что Бог лучше нас знает, что нам полезно, так и устрояет наши обстоятельства. Если по воле или поущению Божию постигают его иногда какие-нибудь несчастья: потеря имущества, лишение любезных лиц, болезни, клеветы, притеснения, оскорбления и т.п., – он не предается малодушию, унынию, ропоту, все терпеливо переносит с совершенной покорностью, преданностью воле Божией, говоря с блаженным Иовом: «Как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21). И такая преданность воле Божией, с отвержением собственной воли, с готовностью исполнять всякое распоряжение Божие с нами, должна простираться не только на дела трудные, события важные и редкие, но и на самые обыкновенные, ежедневно встречающиеся приключения, обстоятельства, даже на самые действия и состояния душевные, например на внутренние утешения или сухость сердечных чувств, вообще на все вещи, дела и случаи.

Любовь к Богу должна быть соединена также с ревностью к славе Божией, к защите ее и распространению, то есть когда нечестивые пороками, поруганием святых, кощунством или искажением Божественного учения помрачают имя Божие, то любовь заставляет святых защитить, заградить уста злохулителям, пороки пресечь распространением Божественного учения и правил доброй жизни между людьми, сидящими во тьме сени смертной, распространить славу Божественных совершенств, возвеличить имя Божие. Кто не имеет ревности, тот холоден к Богу или вовсе не имеет любви; а кто не любит, тот пребывает в смерти. Впрочем, ревность должна быть разумная, ревность не по разуму может причинить много зла, перейти в яростный фанатизм.

С ревностью в любви должно быть соединено смирение и самоотвержение, которые служат основанием любви и всякой добродетели и без которых не может быть ни чистой любви, ни другой какой

добродетели.

Но если кто, удаляясь больших грехов, малые грехопадения в словах, помыслах и чувствованиях, случающиеся ежедневно, оставляет без внимания, в обуздании страстей нерадив, прихотей своих не ограничивает, бывает своенравен, упрям, строптив по отношению к другим, неприятностей не переносит, раздражается за всякую малость, досадует, ропщет, когда другие делают не по его желанию, ни со своими, ни с чужими не может ужиться в мире, заводит споры, ссоры, тяжбы, к бедствиям других равнодушен, а в своем несчастье нетерпелив, не имеет преданности воле Божией; если набожность свою поставляет почти только в частом хождении к богослужению, в пожертвованиях на церковь (например, на свечи или другое что), в ежедневном прочитывании многих молитв, канонов с поклонами, в постничестве, в чтении благочестивых книг и подобных наружных делах благочестия; и когда при этих занятиях мягкое сердце по действию благодати, а иногда только от живого воображения согревается, исполняется умилительными чувствами, от которых происходят частые воздыхания, набожные восклицания, и это считает он благочестием, угодным Богу, при этом бывает самодоволен, нравится сам себе, высоко думает о своей праведности, тщеславится, увлекается до самохвальства, а других уничивает, пересуживает, считает себя лучшим других, то хотя бы казалось, что такой разгорается даже серафимским пламенем, однако же набожность его лицемерна, ложна, суетна, должна почитаться не плодом благодати, а порождением почти одного воображения, даже соединена с опасностью, потому что легко может привести к самообольщению или бесовской прелести. Только смирение с самоотвержением избавляет от этой опасности и дает цену набожности.

Средства к приобретению любви к Богу

К возбуждению и сохранению любви к Богу может служить страх Божий при представлении высочайшей святости и правосудия Божия, по которому Бог за всякий грех, не очищенный покаянием, наказывает. Страх наказания должен побуждать нас к исполнению заповедей Божиих, а исполнение заповедей по мере очищения сердца от страстей порождает чистую любовь к Богу.

К любви возбуждает и размышление о Божественных совершенствах и благодеяниях, усматриваемых в творении, промышленности, особенно в искуплении рода человеческого через Иисуса Христа. Именно: Бог есть

творец, промыслитель наш, раздаятель всех даров вещественных и духовных, естественных и благодатных, которыми мы пользуемся, – справедливость требует, чтобы все, проистекшее от Бога к нам потоком любви, опять возвращалось к Нему возношением благодарности, ибо любовь к Богу есть высшее почитание и прославление Бога; Бог есть как верховное начало, так и последний конец человека и всех тварей, потому все должны стремиться к Нему любовью от всего сердца; Бог есть существо совершеннейшее, есть безмерная благодать, любовь и источник всех благ, которые Он щедро изливает на все существа по мере их способности, приемлемости. Сколько Он каждому из нас благодетельствует, и несмотря на то, что мы постоянно оскорбляем Его своими грехами, удаляемся от Него, Он милует нас, не только не наказывает каждый раз за наши грехи, но еще наделяет разными благами, хранит нас и избавляет от многих зол, от которых мы сами собой не могли бы избавиться, ради одной веры в искупительные заслуги Иисуса Христа и ради смиренного покаяния прощает нам грехи и обещает вечное блаженство в Царстве Небесном. Потому Он в высшей степени любезен и должен быть любим всем сердцем. Все прочие блага в сравнении с Богом ничего не стоят, как дым и тень, и потому сами по себе не должны быть любимы, а только для Бога. К возбуждению любви могут служить также чтение Священного Писания и жизнеописаний святых, упражнение в молитве и других делах благочестия; размышление о непостоянстве и кратковременности настоящей жизни, о блаженстве праведных в будущей жизни и о других благочестивых предметах; постоянное хранение себя от развлечений, чрезмерных забот житейских, от всякого пристрастия, привязанности к земным вещам, от возмущения духа гневом, плотской похотью, вообще всякой страстью, даже от нечистых помыслов и пожеланий, от которых дебелиет, грубеет сердце, становится неспособным питать нежные чувства любви и вследствие дебелиности тяготеет к земле – влечется к чувственным удовольствиям. Спаситель говорит: «Смотрите... за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34), которые, подавляя дух, погашают и любовь к Богу. Любовь к ближним служит и средством к развитию, укреплению любви к Богу, и верным признаком или доказательством ее. О способе приобретения любви к Богу святой Максим Исповедник говорит, что любовь рождается от бесстрастия; бесстрастие от упования на Бога; упование от терпения; сие последнее содержится в воздержании; воздержание от страха Божия; страх от веры в Господа. Верующий Господу страшится наказания. Боящийся наказания воздерживается от

страстей; воздерживающийся от страстей терпеливо сносит скорби; терпеливый в скорбях приобретает упование на Бога; упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия; отрешенный от этого ум приобретает любовь к Богу. Блаженный Диадок говорит, что никто не может возлюбить Бога всем сердцем, не очистив и не умягчив его страхом Божиим, а в страх Божий никто не придет, если не освободится от всех житейских попечений.

О любви к ближним

Любовь к Богу, по учению Спасителя (Мф. 22, 37–40), есть первая и большая заповедь в законе, а любовь к ближним – вторая, подобная ей, то есть также главная заповедь в отношении к ближним, составляет сущность и исполнение Закона, основание всех наших обязанностей к ближним, душу всех добродетелей, которые без любви не имеют цены, бесполезны (1Кор. 13, 1–4); даже любовь к Богу невозможна без любви к ближним или ложна, как говорит святой апостол: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1Ин. 4:20–21), то есть всякого человека. И Спаситель говорит: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34–35, 15:12).

Основание любви к ближним лежит в единстве нашей природы, то есть в том, что все люди произошли от одних прародителей (см. Деян. 17:26), все мы между собою братья и потому, естественно, должны любить друг друга. Бог сотворил всех людей по образу и подобию Своему и есть общий всем людям Отец, а люди все составляют как бы одно семейство. Еще теснее соединены мы в Иисусе Христе, Который сделался главою Церкви; верующие в Него составляют одно тело Церкви, а каждый в отдельности есть член одного тела (см. Рим. 12:5; 1Кор. 12:12–27; Еф. 1:22–23, 5:23); все одним духом напоены, воодушевлены, имеем одно высшее назначение путем веры и исполнения заповедей Божиих достигать Царства Небесного, где все должны любовью соединяться с Богом, общим всех центром, также и между собою, как радиусы круга соединяются в центре. Этого требует и самое свойство любви – любообщительность. Любовь есть как бы сила расширительная, живительная, зиждительная, она не замыкается в самой себе, но простирает свои действия на все

окружающее. Как в нас самих любовь есть главная жизненная сила, которая все наши способности (ум, волю, сердце) возбуждает к деятельности, дает ей правильное направление, умножает полноту нашей внутренней жизни, расширяя сердце, расширяет и круг нашего бытия и деятельности, от силы и полноты ее в сердце происходит в душе чувство довольства, радость, так и вне нас любовь желает созидать благо везде, где только можно, чтобы все проявляло стройность в течении жизни, гармонию в деятельности всех окружающих нас существ, стремящихся к развитию своих сил по Законам Творца и к наслаждению жизнью и счастьем.

Очевидно, для развития и укрепления в нас любви нужно обширное поле деятельности в кругу подобных нам людей, которым мы могли бы оказывать любовь, делать добро, созидать счастье, чтобы при общем содействии друг другу удобнее нам устроить и внутреннее, и внешнее наше благосостояние, успешнее достигать умственного и нравственного совершенства и высшего нашего назначения – вечного спасения в общении с Богом в Царстве Небесном. Потому-то и суждено нам жить не отдельно каждому по себе, а в обществе, чтобы иметь случаи и возможность оказывать добро и тем развивать в себе любовь – источник внутреннего и внешнего благосостояния, наслаждения радостью. К тому же мы и от природы имеем сочувствие (симпатию) к другим, которое располагает нас к общительности с другими и к принятию участия в них. Этого требует и взаимная польза, потому что без помощи других сами собою мы не можем ни преуспевать в умственном и нравственном совершенстве, ни обезопасить нашей внешней жизни, упрочить наше благосостояние и достигать высшего своего назначения. А главное побуждение к любви то, что Бог Сам всех нас любит столько, что предал Единородного Своего Сына на смерть для искупления нас, «дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную», говорит Спаситель (Ин. 3,16; см. также Рим. 8:32). А «если так возлюбил нас Бог, говорит святой апостол, то и мы должны любить друг друга» (1Ин. 4:11). Кто не любит того, кого Бог любит и нам повелел любить, тот не только не может иметь любви к Богу, но и прогневляет Его противлением Его воле.

Собственно любить значит считать что-нибудь дорогим, приятным для нас, что нравится нам по своим качествам, с чем мы желаем быть в тесном общении для созидания взаимного счастья; это – любовь симпатическая. Любить значит также питать к кому-нибудь душевное благорасположение, благоволение, желать ему истинного блага для его счастья, прилепляться к нему с сердечным удовольствием; это – любовь

доброжелательная.

Хотя любви свойственно чувство удовольствия, оно придает ей силу, живость и много облегчает трудные подвиги ее, но это приятное чувство не составляет ее сущности. Тем более врожденное сочувствие (симпатию), инстинктивное, бессознательное влечение сердца к другим надобно отличать от разумной любви и часто соединяемого с нею чувства удовольствия. Симпатия, правда, служит естественным основанием общительности и человеколюбия, но не составляет еще самой любви. А когда она не управляется разумом, то к ней присоединяется слепая страсть – пристрастие и плотская похоть, которая то лицо, к которому имеют влечение, хочет употребить только в орудие своего удовольствия, а любви собственно здесь нет. Любовь состоит не в приятных сердечных ощущениях и влечениях, а в благоволении – разумном, искреннем расположении души, по которому мы желаем другим истинного блага и по возможности стараемся доставить им эти блага. Симпатия слепа, основывается на сходстве внутренних или внешних, душевных или телесных (темпераментальных) качеств, какие в нас есть и какие нам нравятся в других. А любовь утверждается на разумных основаниях, то есть на ясном сознании важности тех побуждений, по которым мы должны любить людей. Симпатия, как инстинктивное влечение, основывающееся больше на кровной или духовной близости, сходстве качеств в известных лицах, не может относиться ко всем. А христианская любовь должна простирается на всех. Притом симпатия всегда ищет своего удовольствия в сближении с тем лицом, в котором усматриваются те свойства, совершенства, которые нам нравятся, хочет любоваться этими совершенствами для возбуждения и продолжения в себе чувства удовольствия.

Христианская любовь должна быть чистая, бескорыстная, должна искать не своей выгоды, удовольствия, а истинного блага любимого лица для его счастья. Любить кого-нибудь для своей выгоды значит любить себя, а других употреблять только в орудие для своей выгоды или удовольствия. Любить надобно для Бога, то есть потому, что Бог любит людей, желает им добра и нам повелел любить людей, желать им добра для их счастья, чтобы тем исполнить волю Божию, угодить Богу. Спаситель говорит: «Если вы будете любить любящих вас (то есть только за любовь), какая вам награда?» (Мф. 5:46). Кроме того, любовь должна быть деятельная, должна состоять не в одном душевном расположении, благоволении, доброжелательстве, но и в усердном старании на самом деле оказывать другим добро, как говорит апостол (см. Иак. 2, 15; 1Ин. 3,

18).

Так как любовь состоит в искреннем благоволении, благожелании и делании истинного добра ближним, а истинное добро, высочайшее благо наше, заключается в Боге и истинно полезно для нас только то, что содействует нам к достижению этого блага и к соединению с Богом для вечного блаженства, что называется вечным спасением души, то первой заботой любви должно быть содействие спасению души, а потом – доставление и других благ, которые близким или отдаленным образом могут вести к спасению души, или доставить пользу для благосостояния душевного и телесного, или по крайней мере для удобств по внешнему состоянию жизни. Прежде всего для любви требуется не делать никому зла или вреда, обиды, оскорбления, не только уважать и сохранять права других, но и от своих прав иногда надобно уступать в пользу ближних и быть готовым оказывать им всякое добро. Не делай зла ближнему, говорит святой авва Дорофей, не огорчай его, не клевети, не злословь, не уничижай, не укоряй, и таким образом начнешь после мало-помалу и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему или давая ему то, в чем он нуждается, и так, поднимаясь с одной ступени на другую, достигнешь с помощью Божией и верха лестницы (совершенства). Ибо, мало-помалу помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Это и значит возлюбить ближнего своего, как самого себя.

Действия любви

Действий, в которых проявляется любовь, так много и так они разнообразны, что трудно и перечислить их. В этом случае руководительным правилом для любви может служить следующее наставление Спасителя и апостолов: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12). А чего себе не хотите, того не делайте и другим (см. Деян. 15, 29). Более общие и важные выражения любви следующие.

Искренность в обращении с ближними, которая состоит в том, чтобы слова и поступки наши были согласны с мыслями, а не поступали бы мы так, что одно на словах, а другое в мыслях; это было бы притворство, лицемерие, обман (см. 1Пет. 2, 1). Впрочем, эта искренность, простодушие должны быть соединены с благоразумием. Нельзя перед всеми и во всем быть совершенно откровенными, нельзя о всем говорить всякому, иное нужно и умолчать, скрыть; когда излишняя откровенность не только не

приносит никому пользы, но может послужить еще ко вреду или соблазну, тогда она будет глупостью. Потому Спаситель и говорит ученикам: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10,16; см. также 1Кор. 14, 20; Еф. 5,15–16; Кол. 4, 5). Потому притворство, допускаемое с лукавым намерением, надобно отличать от благоразумной скрытности в том, о чем полезнее умолчать.

С любовью сообразна также вежливость, ласковость – такое обращение с другими, которое соответствует как достоинству их, так и принятому обыкновению. Такое обращение не только устраняет много неудовольствий, жизнь человеческую делает приятнее, но и привлекает к нам расположение других, и возгревает, утверждает взаимную любовь. «Слово ваше, говорит апостол, да будет всегда с благодатию, приправлено солью благоразумия, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4, 6). От такого образования нравов, мягкости, вежливости много отличается слишком изысканная, натяжная учтивость в словах и поступках, манерность, принятая между светскими людьми, которые большей частью делают это не по любви, а почти только для одного вида, по тщеславию, чтобы выказать свою утонченность в обращении, образованность, и стараются обмануть друг друга. Впрочем, такой притворной учтивости в обращении сами светские не доверяют, платят тою же монетой, какую сами принимают. Но христианину никогда не следует вежливость соединять с ласкательством, лицемерием и употреблять ее для обмана других.

При вежливости, приветливости должна быть простота и доступность, по которой кто-либо делает другим свободный доступ к себе и являет себя к ним благосклонным, готовым к исполнению их желаний. Такая доступность приобретает нам доверенность и расположение других.

Много содействуют любви и разумная общительность, взаимная уважительность, почтительность. Апостол учит даже предупреждать других в свидетельствовании почтения и отдавать другому предпочтение (см. Рим. 12, 10). Когда встретишься с ближним своим, говорит святой Исаак Сирин, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его; оказывай ему всю ласковость. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и что ни есть досточестного. Ибо сим и подобным этому привлечешь его к добру, заставишь его стыдиться тем приветствием, каким приветствовал ты его, и посеешь в нем семена добродетели. От такой снисканной тобой привычки отпечатлеется в тебе добрый нрав, приобретешь в себе смирение и без труда преуспеешь в великом. Пусть всегда будет у тебя этот нрав – ко всем быть благоприветливым и

почтительным. Никого не огорчай, никому не завидуй ни в чем. Берегись кого-либо и в чем-либо порицать или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на небесах. Любовь не умеет раздражаться или огорчаться на кого, или укорять кого неравнодушно. Указанием любви и видения служит смирение, которое рождается от доброй совести о Христе Иисусе, Господе нашем.

Более важным проявлением любви служит благотворительность, услужливость, когда мы душевное расположение к ближним свидетельствуем пожертвованием каких-либо вещей или оказыванием полезных услуг. В этом-то преимущественно и состоит любовь, чтобы всем благотворить и оказывать услуги, кто чем и как может. Благотворительностью и услужливостью преимущественно и возгревается чувство любви в сердце благотворителя и возбуждается чувство благодарности и любви в облагодетельствованном, взаимная услужливость соединяет всех людей союзом любви, содействует успехам во всех предприятиях, вообще бывает причиной различных благ и счастья семейной и общественной жизни и даже вечного спасения. Потому в Священном Писании благотворительность преимущественно перед другими добродетелями и восхваляется, и на Страшном Суде прославится, по обетованию Спасителя (см. Мф. 25:34–40; Притч. 19:17, 15:27; Сир. 3:30). Случаев и способов благотворительности и услужливости у всякого может быть много. Одни дела благотворительности относятся к душе, другие – к телу, то есть телесной жизни, здоровью, внешнему благосостоянию, например, напитать алчущего, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, в трудных и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах; кто не может благотворить вещественным пожертвованием, тот может благотворить своим трудом и оказывать разные услуги. Еще важнее благотворительность душе, например, наставить невежду или заблуждающего на путь истины, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, облегчить труд в преуспейнии в добродетелях, назидать словом, примером, снисходить немощам слабых, впрочем, без потворства страстям, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении особенно заблуждающих – спасти от вечного огня и смерти и другие подобные дела делать. Это – милостыня душе, гораздо лучшая телесной милостыни. Святой апостол о проявлении любви в разных видах говорит так: «любовь долготерпит», то есть любовь вдыхает терпение, великодушие в трудных обстоятельствах; любовь «милосердствует», или благосклонна бывает, ласкова, доступна, сострадательна,

благотворительна, чужда суровости, строптивости; «любовь не завидует» счастью ближних; любовь «не превозносится» перед другими – не тщеславится, не хвастает ничем, «не гордится», не мечтает о себе высоко, не надмевается, ни на кого не смотрит с презрением, напротив, перед всеми смиряется, всех считает лучшими себя, всех уважает, оказывает почтительность; любовь «не бесчинствует», не делает ничего беспорядочного, безрассудного, бесчестного, внушает вести себя скромно, степенно, благопристойно, без наглости, оскорбительной для других; «не ищет своего», то есть заботится не о себе только, но и о благе других, пользу других, особенно общую пользу, даже предпочитает своим выгодам; «не раздражается», не предается гневу, умеряет его, не увлекается до мстительности за оскорбления, охотно прощает; «не мыслит зла», не думает о других худо, не подозревает в чем-нибудь худом, но все понимает в добрую сторону, погрешности других извиняет, приписывает больше прирожденной всем нам слабости, а не злонамеренности, не помнит причиненного кем-нибудь зла, не мстит, извиняет; «не радуется о неправде», то есть о грехопадении или несчастьи ближних, «но радуется о истине», то есть о благе ближних, как о своем, когда видит, что они живут честно, праведно и преуспевают в благочестии и благоденствии; «все прикрывает», то есть слабости ближних прикрывает молчанием, не обнаруживает, не разглашает, немощи немощных терпеливо сносит, не гнушается, поддерживает слабых, чтобы вовсе не упали и не погибли; «всему верит», то есть всему вероятному, чему не вредно верить, без достаточной причины никого не подозревает во лжи, обмане, лицемерии; всего надеется, то есть всего доброго ждет от ближних, например, их обращения на пути правды, спасения, ни в ком не отчаивается; «все переносит», то есть великодушно переносит клеветы, злословия, обиды, несчастья, даже саму смерть без смущения ожидает с покорностью воле Божией; терпеливо ожидает исполнения обетовании Божиих, хотя бы и долго было ждать его. Из слова апостола (см. 1Кор. 13, 1–13) видно, что любовь важнее всех добродетелей и дарований духовных, потому что ею предотвращается всякое зло и совершается всякое добро.

Прекрасное дело человеколюбия составляет и гостеприимство, оказываемое странникам, путешествующим как по своим нуждам, так особенно для целей религиозных. В древности у многих народов, даже языческих, как на Руси, считалось оно важной добродетелью. Не один патриарх Авраам за странноприимство удостоился принять в свой дом Бога или ангелов в виде странников.

Средства к приобретению любви

Для утверждения любви надобно стараться сохранять согласие, миролюбие со всеми окружающими нас, сколько возможно это с нашей стороны. Поскольку все мы во многом погрешаем, то любовь требует, чтобы мы старались всячески остерегаться, избегать взаимных столкновений, оскорблений, а сверх чаяния возникшие тотчас прекращать. Какое прекрасное зрелище представляет общество людей единомышленных, живущих в мире, согласии, любви и дружбе (см. [Деян. 4, 32](#)). Псалмопевец с восторгом говорит: «Как хорошо и как приятно жить братьям всем вместе» ([Пс. 132:1](#)), то есть в мире, согласии. Напротив, где нет любви, «где зависть и сварливость, там неустройство и всё худое», говорит апостол ([Иак. 3:16](#)). Потому в обращении с другими надобно остерегаться, как бы не оскорбить кого не только с сознанием или с намерением, но и по невнимательности, по небрежности или в пылу гнева, хотя и без намерения. А для этого надобно постоянно бдеть над собой, обуздывать раздражительность, стараться приобретать смирение, кротость, скромность, чтобы по тщеславию не выставлять напоказ своих преимуществ к неудовольствию других, а совершенства других надобно по справедливости ценить, уважать, ни о ком не отзываться худо, никого не чернить. Как смирение и скромность во всем – в суждении, словах, взорах, телодвижениях, одежде – привлекают расположение, уважение всех, так, напротив, тщеславие, заносчивость, самохвальство, пренебрежение к другим, грубость, смех, дерзкая вольность в словах, взорах и других поступках возбуждают неудовольствие во всяком (см. [Сир. 19:26–27](#)). «Кротость ваша да будет известна всем человекам», говорит апостол ([Флп. 4:5](#)).

К сохранению любви много содействуют снисходительность и уступчивость другим. Недостаткам, немощам других мы должны снисходить тем более, что и в нас самих есть так много слабостей, которые неприятны другим. Потому апостол и убеждает: «Носите бремена», то есть снисходите немощам «друг друга, и таким образом исполните закон Христов» ([Гал. 6:2](#)). Конечно, не похвальна уступчивость, когда она бывает по человекоугодию или по суетной боязливости или даже с оскорблением совести, с потворством страстям других. Но когда этого нет, то прекрасное дело братской любви – для сохранения мира угождать желаниям других и жертвовать своими удобствами для их удобств. Чем великодушнее мы сдерживаем неприятные для других склонности свои или жертвуем другим своими удобствами, тем больше цены имеет наш

поступок. В этом отношении назидательный пример представляет поступок Авраама с Лотом (см. Быт. 13, 8–9). Уступчивость в мнениях о безразличных предметах похвальна, избавляет от многих неприятных следствий спора.

Причинами нарушения согласия и мира – раздоров чаще бывают: упрямое своеобразие (каприз), тщеславие или славолюбие, желание властвовать или иметь преимущество, взять верх над другими, чрезмерное своекорыстие. Напротив, приводят к миру, согласию: смирение сердца, презрение славы, уступчивость в мнениях и желаниях, подчинение, бескорыстие, жертвование своими выгодами для выгод ближних или предпочтение выгод других собственным выгодам.

Первой причине раздора – своеобразию, настойчивости на своем мнении и желании апостол противопоставляет любовь к единомыслию (см. Флп. 2:2): «будьте единомысленны и единомысленны»; второй причине раздора – славолюбию противопоставляет презрение славы: «ничего не делайте... по тщеславию» (Флп. 2:3); третьей причине раздора – властолюбию противопоставляет подчинение, уступчивость другим в мнениях и желаниях и смирение сердца: «по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (там же); четвертому врагу мира – своекорыстию противопоставляет заботливость о выгодах других столько же, сколько и о собственных: «не о себе только каждый заботься, но и каждый о других» (Флп. 2,4). Если человек не будет замечать пороков ближнего, говорит святой авва Дорофей, то с помощью Божию рождается в нем добросердечие, которым благоугождается Бог.

Для сохранения согласия и любви преподобный Иоанн Кассиан советует не дорожить никакими земными вещами, ничего из имущества не предпочитать братской любви; не считать себя умнее, лучше других, ни в чем не настаивать на своем мнении и своем желании, а уступать желанию других, в чем нет греха; даже все то, что представляется для нас выгодным, полезным, надобно жертвовать дружеской любви и миру, которые должно предпочитать всему; не должно предаваться гневу даже и по справедливым причинам; оскорблением других не только не обижаться, но стараться погасить в них гнев, даже несправедливый; утверждать себя в мирных чувствах любви и дружбы представлением того, что если не ныне, то завтра, может быть, постигнет нас смерть, разлучит с друзьями и переселит в другой мир.

Если же мир как-нибудь нарушен, то братская любовь требует вспыхнувшую искру раздора скорее погасить. Потому когда мы сами подали повод к оскорблению чьему-нибудь, то, заметив это, мы должны

объяснить оскорбившемуся свое намерение и поступок, который он понял в противную сторону. Если же кто в самом деле потерпел от нас оскорбление или вред, то мы обязаны смиренно попросить прощения и удовлетворить за вред. В этом случае неразумно было бы стыдиться сознаться в своей погрешности. Благодного человека ничто так не украшает, как смиренное сознание своих погрешностей, слабостей и искреннее старание по возможности устранять их (см. Мф. 5, 23–26). А если мы сами оскорблены или обижены другими, то должны быть удобопреклонны к примирению. Эта удобопреклонность к миру требует, чтобы в суждении о погрешностях других мы водились не раздраженным чувством или оскорбленным самолюбием, а рассудком, погрешности других приписывали больше слабости человеческой, общей нам, нежели злонамеренности, подражая Спасителю, Который на кресте молился за Своих распинателей, говоря: «Отче! Прости им, ибо они не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Когда оскорбившие нас просят прощения и примирения, то мы с готовностью должны принять это, помня, что и сами мы оскорбляем других иногда и ненамеренно. Прощение обид приучает к незлобию, а незлобие мало-помалу приводит и к любви. А для этого нужно много терпения и кротости при содействии благодати Божией. Иногда для обоюдного блага полезно оскорбленному самому искать примирения с оскорбившим, особенно когда он по жестокости характера не заботится об этом. В требовании удовлетворения за обиду мы не должны быть строги, но снисходительны, готовы простить, помня слова Спасителя: «Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6:37). Когда есть важные причины требовать полного удовлетворения или даже наказания обидевшего, то должны искать этого не по ненависти к нему, а только для обезопасения нашего и других от обид на будущее время и для вразумления, исправления обидчика. Хотя иной упрямо отвергает всякое примирение, но мы должны иметь благосклонное расположение к нему и готовность помириться. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром», говорит апостол (Рим. 12:21). К такому немирлолюбивому надобно иметь не гнев и мщение, а сожаление.

Из сказанного следует, что хотя дело весьма похвальное стараться о мире со всеми, однако эта обязанность есть только условная. Потому что иногда бывают важные причины, по которым нельзя соглашаться с желаниями и поступками других. Иногда что мы ни делали бы, другие не хотят жить в мире. Потому апостол не безусловно, а только под условием повелевает: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). Впрочем, надобно остерегаться, чтобы в защищении

своих прав против нарушителей их под предлогом правды не увлекаться своеобразием, раздраженным чувством, гордостью или своекорыстием.

Братская любовь требует, чтобы мы не только сами сохраняли мир со всеми сколько это зависит от нас, но и других враждующих старались примирять между собою. Но весьма неблагородно, не по-христиански поступают те, которые по безрассудной болтливости, а иногда и злонамеренно сплетнями возбуждают раздор, вражду между разными лицами и тем причиняют много зла той и другой стороне враждующих. Это свойственно только диаволу производить вражду между людьми. Где вражда, «там неустройство и всё худое», говорит апостол (Иак. 3:16). Одна злоба, как демон, постоянно терзая душу враждующих, никогда не дает им покоя и всю жизнь их отравляет ядом горестей. Напротив, где любовь, там и спокойствие духа, утешение совести и внешний мир со всеми, там радость и благоденствие, скажем словами святого Златоуста: там блаженство, там Царство Небесное, там Сам Бог, потому что "Бог есть по преимуществу любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем пребывает» (1Ин.4, 16).

Поскольку любовь есть добродетель сколько важная, столько же и трудная и одними естественными силами и средствами не может быть приобретена, то чаще и усерднее надобно молить Бога, чтоб Он Своею благодатью согрел наше сердце, воспламенял любовь к нему, нашему Отцу, Спасителю, Благодетелю, и к ближним нашим.

Развитие любви и житейский быт

Для развития и укрепления любви Бог устроил и все обстоятельства нашей земной жизни – поставил людей в большой зависимости и от внешней природы, и друг от друга, чтобы научить их смирению, которое есть основание любви и всякой добродетели и без которого неугодно Богу никакое доброе дело; связал Бог людей разнообразными нуждами, которым всем никто в отдельности не может удовлетворить и по необходимости должен просить содействия других. Таким образом, всякий, получая помощь от других и сам в свою очередь помогая другим, должен питать чувства благодарности и любви к своим благодетелям и благотворимым.

Для этой цели разнообразные нужды людей – телесные и духовные – заставили их разделиться на разные сословия, звания, состояния, чтобы каждое из них, занимаясь одним известным делом, оказывало своими трудами услуги другим и само имело право получать услуги от других,

чтобы при этом иметь больше случаев упражняться в разных подвигах благочестия и добродетелей, чтобы таким образом соединенными силами люди удобнее могли преуспевать в устроении внешнего благосостояния, благополучия и в духовном совершенстве. Так, потребности телесные заставили образовать классы земледельцев, разных ремесленников; душевные потребности – класс ученых, художников; неправды человеческие заставили учредить класс судей, правителей, начальников – для охранения прав собственности, личной безопасности членов общества, для соблюдения общественного порядка, спокойствия, благоденствия, которые нужны для преуспевания в благочестии, вообще в духовном совершенстве; для защищения граждан от нападения внешних врагов нужно было образовать войско, которое и должно честно выполнять свое назначение.

На все телесные, механические, тяжелые работы смотреть надобно как на наказание от Бога за грехи, наложенные еще в лице павших прародителей (см. Быт. 3:17–19), как на побуждение к смирению перед Богом и людьми, как на средство к поддержанию телесной жизни, а главное – как на случай оказывать другим услуги и тем возгревать в себе любовь к ближним. При этом должно быть трудолюбие, добросовестное исполнение работ, продажа или обмен изделий без обмана, без лишней корысти, барыша, а сколько они стоят или сколько нужно для пропитания себя и своего семейства; иначе не будет достигаться главная цель их – любовь, благотворительность, за которую обещается Царство Небесное. Начальники, правители, судьи должны особенно соблюдать справедливость, бескорыстие, милосердие, заботливость о благосостоянии подчиненных, иначе главная цель их должности не будет достигаться, а выйдет совсем противное: что могло бы послужить случаем к оказанию любви, благотворительности ближним и к заслуге перед Богом, то они обратили во вред ближним и к своему осуждению пред правдою Божиею, тогда они будут политическими преступниками, разбойниками (см. Ис. 1, 21–23). Ученые, отличаясь терпеливостью, усердием в изыскании истин, результаты своих исследований должны независтливо сообщать другим и все это направлять к нравственному усовершенствованию себя и ближних; в противном случае труд их будет напрасен, даже может привести к гордости и затем к гибели.

Высшим религиозным потребностям удовлетворять предоставлено сословию духовных, которые потому должны отличаться духовностью, святостью жизни, большею пред другими набожностью, ревностью к славе Божией и спасению ближних.

Глава Седьмая. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

О порядке в исполнении разных обязанностей и в упражнении в добродетелях

Всякому желающему преуспевать в духовном совершенстве нужно знать, в каком порядке надобно исполнять разные обязанности, которых у нас много, чтобы не было замешательства и остановки в духовном усовершенствовании. Обязанности к Богу, как нашему Творцу, Отцу, верховному Владыке мира и нашей жизни и смерти, должны быть предпочитаемы и в точности исполняемы прежде обязанностей к себе и ближним. Спаситель повелевает любить ближних, как себя (см. Ин. 15, 13; 1Ин. 3, 16); следовательно, и высшие обязанности к ближним надобно исполнять, как обязанности к себе. Впрочем, между ближними надобно предпочитать единоверцев иноверцам; между единоверцами – родственников чужим (см. 1Тим. 5:8). Обязанности к душе надобно предпочитать обязанностям к телу, а последние – обязанностям к внешнему благосостоянию. Так как мы обязаны Богу и жизнью, и временем, то первое время всякого дня надобно посвящать на служение Богу – на молитву славословную, благодарственную, просительную и на поучение в Законе Божиим, чтобы точнее уразуметь волю Божию, совершеннее исполнять ее и тем благоугодить Богу. После обязанностей к Богу надобно исполнять дела по должности или общественные дела своего звания, состояния и потом дела свои домашние. Всякое дело надобно освящать молитвою – начинать испрошением благословения Божия, сопровождать прошением помощи Божией, оканчивать благодарением Богу за оказанную помощь и успех. На всякое внешнее дело надобно смотреть не только как на средство к удовлетворению телесных потребностей в пище, одежде, удобном жилище – это одно недостойно было бы разумно-нравственного существа, – а преимущественно надобно смотреть как на обязанность послужить для пользы других, для общественного благосостояния, от которого зависит частное благосостояние каждого члена общества, и как на случай к упражнению в разных добродетелях. На телесные, механические тяжелые труды, кроме того, надобно смотреть как на наказание за грехи, наложенные в лице праотца Адама на всех потомков его, как на побуждение к избеганию праздности, вредной для души и тела, к смирению, терпению и раскаянию в грехах. Телесные труды, утомляя тело,

смиряют его, а вместе смиряют и душу и подавляют плотские страсти. Но всякое внешнее дело, даже умственное дело по должности, есть только как бы поделье, только подготовка к главному делу, а главным делом должно быть угождение Богу, образование ума, воли и сердца, нравственное усовершенствование, спасение души. Здесь не лишне вкратце изложить для лучшего удержания в памяти, в чем именно должно состоять это главное дело, которое должно быть делом целой жизни, в каком порядке и как исполнять его по отношению к Богу, к себе и к ближним.

О порядке в исполнении обязанностей вообще

В исполнении обязанностей и совершении добродетелей надобно наблюдать правильный порядок и на каждую из них употреблять столько времени, усердия и труда, сколько требует их относительная важность, достоинство и необходимость. Так как религия освящает всякое дело, даже самой любви к себе и другим представляет сильное побуждение, особенное достоинство, цену, то прежде всех обязанностей и с большим усердием надобно исполнять религиозные обязанности – обязанности к Богу, так, чтобы религия имела благотворное влияние на исполнение и прочих обязанностей.

Впрочем, и обязанности религии надобно исполнять так, чтобы не было упущения и в исполнении, в правильном порядке и прочих обязанностей. Надобно так делать, чтобы религия способствовала верно, свято, в совершенстве исполнять прочие обязанности. Потому те недобрым духом водятся, которые, предаваясь большей частью или единственно религиозным занятиям, нерадят об обязанностях самоотвержения и любви к ближним. Кто слишком много занимается молитвой, а вовсе мало заботится о самоумерщвлении и мало имеет любви к другим, милосердия, кротости, тот и Бога недостаточно и неправильно любит. Ревность религиозная, не имеющая милосердия и кротости, происходит не от любви к Богу и противна Ему; а иногда по требованию необходимости, по любви к другим можно и оставить некоторые религиозные обязанности, например, молитву ради гостеприимства. В совершении всякой должности или добродетели и в стремлении к христианскому совершенству надобно поступать постепенно, как бы по ступеням восходить вверх – одним скачком нельзя подняться с низшей на высшую ступень по лестнице совершенства, прежде нужно научиться твердо ходить по земле, по пути добродетели, а не усильствовывать летать по высоте; прежде нужно верно, рачительно исполнять легкие и ежедневно встречающиеся дела, а не

браться за трудные подвиги; сначала надобно очищать душу от пороков и страстей, а потом насаждать в душе семена добродетели, святые расположения; сначала надобно стараться быть добрым, а потом – святым. Надобно помнить, что важно не то, что и сколько надобно делать, а с каким намерением, усердием и совершенством делается; кто не старается простираться вперед по пути добродетели, тот по необходимости отступает назад; кто не старается о самоотвержении, тот увлекается во зло.

Вот краткое правило начального подвижничества: по руководству здравого разума и Евангелия владей собой, будь терпелив, воздержан, противоборствуй злу, привыкай к трудностям, неудобствам, какие могут встречаться ежедневно по устройению Промысла Божия.

О порядке в исполнении обязанностей к Богу

Прежде всего надобно приобрести верное, ясное, полное, живое познание Бога и спасительную веру в Него; препятствия и грехи, противные им, устранять и употреблять пособия к возрастанию в знании и вере. Этим познанием надобно возбуждать в себе чувство почитания Бога, благоговение перед Его величием, ревность к славе Божией и особенно горячую, сыновнюю любовь к Богу, которая должна господствовать и управлять всеми действиями и расположениями духа. Также надобно питать набожность, благодарность, надежду на Бога до успокоения в Боге и Христе Иисусе. Потом все относящееся к внешнему общественному и частному богочтению совершай так, чтобы всегда иметь в виду цель его, именно: приращение внутреннего богочтения – веры, надежды, любви, благоговения. Надобно с благоговением пользоваться и Святыми Таинствами, установленными Иисусом Христом, особенно таинством покаяния и Евхаристии. На все вещи надобно смотреть как на творение Божие, уразумевать назначение их, чтобы не злоупотреблять ими; на все происшествия в мире физическом и нравственном надобно смотреть как на действия Промысла Божия, уразумевать цели их, чтобы не противиться намерениям Божиим, так, чтобы во всех тварях и во всех действиях Божиих усматривать и прославлять премудрость, благость, всемогущество, святость, величие Божие, чтобы благоговеть перед Богом.

О порядке в исполнении обязанностей к себе и другим

Чтобы в правильном порядке исполнять обязанности к себе и другим,

надобно начинать с себя самого, познать себя, свои недостатки, несовершенство, прежде исправлять свои слабости, а потом уже и в других, если есть на ком обязанность эта, чтобы иначе не сказали: врач, исцелись сам. Кто для себя зол, тот кому будет добр? В исправлении и усовершенствовании себя и других надобно начинать с внутреннего состояния. Сначала надобно подавить страсти, худые привычки, наклонности, потом насаждать добрые семена. От образования разума надобно переходить к образованию сердца и воли, а потом переходить и к внешнему состоянию, поведению. А если начинать с внешнего поведения, заботиться о благовидности его, а расположение духа оставлять без исправления, то это будет только лицемерие. Попечение об образовании души, особенно нравственном, надобно предпочитать попечению об образовании тела; а попечение о здоровье тела надобно предпочитать попечению о внешнем состоянии, благополучии и т.п.

Об образовании душевных способностей

Для образования познавательной способности, кроме так называемых формальных наук, которые, впрочем, не всякому доступны, полезны и доступны всякому следующие средства: частое размышление о спасительных истинах; чтение или слушание слова Божия и других назидательных книг; молитва, для облегчения которой нужно соблюдать умеренность в пище и питье; собеседование и обращение с добрыми, благомыслящими людьми; частое воспоминание о последних событиях (смерти, воскресении, вечном мучении грешников и блаженстве праведных); очищение совести, забота о приобретении совестливости; частое испытание своего нравственного состояния.

Для образования воли и сердца надобно питать отвращение от пороков и всякого греха и любовь к добродетелям посредством размышления о низости порока, вредных действиях и гибельных следствиях его, о внутреннем достоинстве, красоте и сладких плодах добродетели. Низшие наклонности надобно подчинять разуму, особенно главные страсти, корни пороков, надобно истреблять: гордость, желание своего превосходства перед другими; своекорыстие, желание богатства, скупость; сластолюбие, желание чувственных удовольствий. Также надобно подавлять неумеренный страх и скорбь о чувственных неприятностях, о собственных несовершенствах физических, о бедности и разных недостатках.

Для этого надобно соблюдать следующие правила христианского

самоотвержения. Смотря по разным предметам или обстоятельствам, надобно то убежать, то сражаться, то воздерживаться, то быть умеренным, то уклоняться, то стерпеть. Частыми действиями самоотвержения в малом и дозволенном надобно приучать себя к твердому постоянству побеждать себя и в трудном деле. Надобно противиться злу в начале. Особенно прежде всего подавлять главные худые наклонности и господствующий порок, как источники или корни других, и не переставать, пока не победишь; тогда легче победить и прочие страсти; гораздо полезнее один главный недостаток совершенно исправить, нежели слабо, лениво вооружаться против всех худых наклонностей вместе. Надобно стараться по истреблении главных страстей насаждать в душе противоположные добродетели: воздержание и умеренность; скромность, презрение славы; довольство малым – тем, что есть; неумеренному страху скорбей надобно противопоставлять терпение и мужество в перенесении разных трудностей и неудобств, искреннее смирение сердца, благодушное перенесение бедности и разных нужд – и в этих добродетелях с каждым днем надобно более преуспевать.

О правильном попечении о теле и внешнем состоянии

Если нельзя пренебрегать никакой обязанностью, то надобно заботиться и о жизни, телесном здоровье, совершенстве, также о добром мнении людей и благополучии; впрочем, эту заботу надобно подчинять нравственности, так, чтобы она не только не препятствовала добродетели, но и способствовала ей, чтобы при здоровье, достаточном имуществе и благополучии свободнее, удобнее было упражняться в подвигах добродетели. Если же добродетели нельзя сохранить иначе, как с потерей здоровья, людского уважения, благополучия и даже самой жизни, то надобно быть готовым пожертвовать всеми этими добродетелями для угождения Богу.

Настоящим состоянием, званием, должностью своей надобно пользоваться для усовершеннения себя, для улучшения нравственности и счастья других. Надобно поступать достойно своего звания и заботиться не о том, сколько делать, а с каким намерением, усердием, постоянством, совершенством делать то, что сообразно с твоим званием.

Для того чтобы упражнение в добродетели было легче, приятнее и плодоноснее, надобно сохранять веселое расположение духа, бодрость, воодушевляться надеждой, что труд наш будет не напрасен перед Богом;

«делая добро, да не унываем» (Гал. 6, 3). Приключаются несчастья надобно терпеливо переносить, скорби умерять.

Правила благоразумия

Благоразумие имеет большую важность как для успеха в добродетелях, так и для счастья жизни. Под именем благоразумия разумеется ловкость, умение находить лучшие средства или пособия для более удобного достижения желаемых целей и приспособлять их к каждому обстоятельству и случаю жизни. Если это благоразумие споспешествует преуспеянию в добродетели – спасению, то называется христианским, а если относится только к житейским выгодам, то слывет житейским благоразумием, которое иногда перерождается в хитрость, лукавство. Поскольку благоразумие состоит в прозорливой, находчивой ловкости, умении употреблять лучшие средства для достижения нравственных целей применительно к каждому обстоятельству жизни, то надобно обращать внимание на обстоятельства дела – время, место, лица – и иметь о них верные, ясные понятия.

Всякому сродно желать счастья в жизни, а счастье состоит частью в благопристойных радостях, веселии, частью – в безопасности от несчастий, частью – в благодушии среди самих несчастий, от которых нельзя уклониться. По важности этого для жизни надобно знать правила: как приобретать и пользоваться радостями, как предотвращать несчастья или уклоняться их, как иметь благодушие в перенесении несчастий.

Правила для приобретения истинных радостей

Чтобы быть способным и достойным истинной радости, надобно быть добрым и постоянно становиться лучшим.

Пророк Исайя говорит: «Нет мира нечестивым» (Ис. 57:21). Истинная, духовная радость находится только в Боге и добродетели, именно:

в точном исполнении своих обязанностей, в довольстве своим состоянием, тем, что есть, в ограничении своих желаний;

в укрощении страстей, в свободе духа от рабства плоти;

в сознании своей правоты или спокойствии совести и благотворительности другим;

в полной сообразности с волей Божией;

в твердой надежде на Бога с преданностью воле Божией и успокоением в Боге при всех обстоятельствах жизни.

Этот способ приобретения истинной, духовной радости сначала

бывает горек и труден, со временем становится легким, а в конце – блаженным. Этот путь к истинной радости только один, и он всякому человеку открыт, только не многие вступают на него. Но никто не раскаивается, что вступил на него, а в конце жизни он бывает даже весьма вожделенным. Напротив, плотские, суетные увеселения вначале бывают очень привлекательны, возбуждают сильную жажду к ним, но неумеренно принятые возмущают дух, однако же не утоляют жажды духа, не доставляют ему успокоения, напротив, подавляют его, после себя оставляют пустоту в душе, большую скуку, производят томление, делают не способным к чистым духовным радостям, изнеживая сердце, доводя до слабости женоподобной, делают человека не способным к важным, трудным делам, которые требуют собранности мыслей, напряжения сил, постоянства в труде, и, что еще хуже, возбуждая страсти, развращают сердце – корень нравственности.

Святые отцы единогласно оуждали театральные представления, зрелища и общественные увеселения, внушали, что без греха никто не может посещать театры, как школы дьявола, место смертоносной заразы, гроб для стыдливости, целомудрия и всякой добродетели. Они учили, что христиане отреклись в крещении от мирской пышности и всякой суеты, а зрелища возбуждают страсти, которые христиане обязаны укрощать, чувства христианского благочестия мало-помалу подавляют, корень добродетели истребляют, изображением плотской любви разжигая страсть, возмущают сердце, расслабляют душу, подают поводы и к другим грехам, так что многие возвращаются из зрелищ худшими и никто не выходит лучшим. Это выдумка язычников для развращения нравов.

Обрати взоры свои на жалкую заразу зрелища, говорит святой Киприан Карфагенский в письме к Донату, в театре увидишь то, чего должен бы стыдиться и сожалеть. Здесь научаются прелюбодеянию, которое выставляется на сцене, и при худом, публичном примере, увлекающем к порокам, иная матрона (госпожа), может быть, пришла на зрелище стыдливою, а с зрелища возвращается бесстыдною. Кроме того, какая здесь порча нравов! Сколько возбуждений к бесчестным делам! Сколько пищи порокам! Можно оскверняться жестами комедиантов, видеть против закона и естественного нрава выработанную терпимость гнусной нечистоты.. Исследуй же, может ли быть непорочным, целомудренным тот, кто был на зрелище?

Не говори, сказано святым Златоустом, что все, что представляется в театре, есть только вымысел, подражание, а не истина вещей. Это подражательное представление сделало многих прелюбодеями и многие

домы разорило. Потому-то особенно я и сокрушаюсь, что такое большое зло не почитается и злом.

Препятствие к истинной радости составляют: беспорядочные страсти, особенно сладострастие и всякий порок; угрюмый, робкий, тяжелый нрав; привычка и чрезмерная привязанность сердца к известным вещам, лицам, местам, нуждам. Напротив, пособием к радости служат: умерение желаний и прихотей, довольство своим состоянием, подавление страстей; свобода духа, как бы некоторая независимость от всех вещей, беспристрастие сердца; забота о чистоте и спокойствии совести; веселое, бодрое расположение духа при всяком случае; ловкость, умение отклонять от себя несчастья или уменьшать и равнодушно переносить их.

Правила для отклонения несчастий

Первое. Для отклонения несчастий надобно заграждать источник их, именно: надобно оставить пороки и скорее исправиться; надобно подавлять страсти, особенно господствующие над другими; ничего не нужно до чрезмерности желать или бояться, ни к какой вещи не надобно сильно привязываться, не слишком горячо усиловать отклонять неприятности; надобно отвыкать от удобств.

Второе. Надобно, так сказать, закалить душу в терпении, не изнеживать чувства и привыкать к неудобствам – не тяготись тем, что изнеженным причиняет неприятность; помня, что всякому человеку приходится терпеть разные неприятности, не домогайся быть совершенно свободным от них, а лучше приготавливайся к благодушному перенесению неудобств, какие могут случиться в жизни; приучай себя к терпеливости и мужеству или, по крайней мере, не страшись неприятностей; поступай во всем осмотрительно, а между тем употребляй приличные средства для отклонения неприятностей; незаконных средств никогда не употребляй, но что как случится, предоставляй все Промыслу Божию с уверенностью, что благий Бог Сам лучше все устроит к твоей душевной пользе.

Третье. Старайся в точности исполнять свои обязанности и заслужить у людей доброе мнение. Для этого не берись за многие и трудные дела, в точности и совершенстве исполняй то, что можешь, что под силу; необходимое предпочитай полезному, а полезное – приятному; никакого дела по обязанности не откладывай надолго, все делай в правильном порядке, даже в малостях будь точен, аккуратен; избегай даже вида зла, ни за что не соглашайся со злым судьей; старайся, чтобы ни ласками, ни угрозами, ни другим каким способом не отвлекали тебя от исполнения

долга и преуспевания в добродетели; имей твердое намерение постоянно действовать искренно, правдиво, честно, набожно – так, чтобы никто не мог и заподозрить тебя в чем-нибудь недобром; имей расположение и готовность быть услужливым для всех, но не допускай ложной политики, лукавства, обмана, ничего такого, что заставило бы подозревать или презирать тебя; не обещай другим ничего, чего не хочешь или не можешь исполнить.

Четвертое. Осмотрительно, осторожно, благоразумно поступай по отношению ко всем. Для этого никому безрассудно и до излишества неверяйся; незнакомым или еще неиспытанным не открывай своих намерений и тайн и не заводи дружбы с ними; избегай излишней фамильярности. Так поступай с каждым, чтобы не пришлось тебе раскаиваться в твоём поведении, если бы кто и сделался врагом твоим. Не доверяй льстецам, человекоугодникам, наушникам и удаляйся их; не гоняйся за славой, похвалами, отличиями, чинами; не выказывай тщеславия, величавости, презрения к другим ни в словах, ни в поступках; не навлекай на себя неудовольствия других прекословием, спорливостью, упрямством, болтливостью или упрямым молчанием, или каким-нибудь особничеством и натянутостью; не делай другим неприятности ничем.

Пятое. Каждому охотно оказывай послушание, услужливость, человеколюбие (гуманность) по требованию не только долга, но и приличия или пользы. Высшим или поставленным на высоте достоинства оказывай уважение без рабского унижения и ласкательства всегда и везде, не в присутствии только, но и за глазами. По отношению к равным, не допускай излишней фамильярности, будь скромн, кроток, благосклонен, миролюбив, услужлив, любезен не на словах только и в обращении, но и на самом деле, так, чтобы никто не чуждался обращения с тобой, но и любил его. По отношению к низшим будь приветлив, благосклонен, ласков, услужлив, так чтобы они уважали и любили тебя. По отношению к врагам и друзьям поступай так, чтобы никого, даже последнего человека, не делать себе врагом, а лучше из своих прав уступай, благоразумно оказывай другим снисхождение; отвращающихся от тебя привлекай к себе вежливостью, кротостью, благоразумием; добродетели отсутствующего врага хвали, недостатки извиняй, обиды от него равнодушно переноси, наветы, злоумышления благоразумно отклоняй, чтобы они не были вредными.

Шестое. В речах осторожно соблюдай благоразумие и искренность, именно: речь свою благоразумно приспособляй к лицам, месту, времени; устраняй излишнюю робость, а особенно дерзость, бесстыдство,

болтливость, не перебивай речи других, не допускай резкого суждения о других, ропота, жалобы, особенно злословия; не выказывай себя ни в чем, не хвали себя, не величайся; о других говори с почтением; сообщенную тебе тайну верно храни; правду не высказывай, когда нет пользы, а еще будет вред, или притворяйся незнающим, а во всяком другом случае мысли высказывай искренно, чистосердечно, а притворно и вымышленно ничего не говори.

Седьмое. Во всем поведении твоём соблюдай благоприличие, именно: в поступках, походке, телодвижении, лице, одежде соблюдай благоприличие, опрятность, так чтобы ничего не было в них причудливого, женственного, не было неуклюжести, грубости, неопрятности; в этом отношении применяйся к обычаю людей благоразумных одинакового с тобой состояния, к суждению людей степенных, а не к предрассудкам или обычаю легкомысленных щеголей; в этом отношении всегда держись золотой середины и не пренебрегай степенностью, свойственной твоему званию и состоянию.

Правила для благодушного перенесения несчастий

Старайся научиться быть довольным малым и необходимым (см. 1Тим. 6:6–8, Флп. 4:11); будь всегда в добром, веселом расположении духа (см. Сир. 30, 21–27; Лк. 12, 15); применяйся ко всем обстоятельствам и уступай им (см. Сир. 9, 7–9; 1Фес. 5, 16); особенно приговляйся к несчастьям и будь смирен сердцем (см. Сир. 11:27, 3:20). Для этого чаще размышляй о краткости несчастий и счастья настоящей жизни и о вечных плодах терпения, о пользе и даже необходимости несчастий и о советах Промысла Божия, попускающего эти превратности счастья. В самом бедствии не воображай, будто твои несчастия больше и продолжительнее, нежели как другим кажется, не вымышляй таких, каких нет; от настоящего несчастия отвлекай внимание сколько возможно; о прошедших не вспоминай, разве только для того, чтобы порадоваться, что они прошли; о будущих не беспокойся, разве только для того, чтобы воодушевиться к встрече их, в будущем ожидай лучшей участи. Сравнивай себя с более несчастными; имей перед глазами пример мужественно терпевших, особенно Иисуса Христа и святых мучеников; часто, кратко и усердно моли Бога, от Него ожидай помощи в благопотребное время, а между тем всецело предавайся промыслению Божию.

Условия для нравственного усовершенствования других

Особенно важным условием для усовершенствования других считай, чтобы быть тебе не только безупречным, но и внутри, и снаружи быть истинно добрым, набожным; чтобы оказывать другим истинное добро по святому побуждению (а не по желанию собственной славы, выгоды, удобства) и такое расположение доказывать всяким своим поступком. Для этого старайся о том, чтобы никто не отчуждался от тебя под каким-нибудь благовидным предлогом, напротив, чтобы все думали, что ты имеешь к ним искреннее расположение, и имели достаточное основание любить тебя, имели доверие к тебе и уверенность, что ты желаешь им пользы. Потому будь ко всем доброжелателен, благосклонен, благотворителен, желай всем добра, о всех хорошо думай, всем оказывай уважение, всем делай добро, будь всем для всех и такое расположение духа доказывай делом без самохвальства, не напоказ себя. Старайся возбуждать и питать в других чувство нравственное и религиозное. Для этого говори о Боге и религии всегда с чувством благоговения, к Богу относи всякое счастье и несчастье, как к верховному Правителю мира, Который управляет всеми происшестввиями, раздает дары счастья и попускает несчастья, и эти чувства выражай в кратких изречениях при удобных случаях, когда это бывает кстати и полезно для возбуждения любви к Богу, добродетели и для отвлечения от зла.

Образ и порядок усовершенствования других

Для нравственного усовершенствования других старайся делать им добро искренно, ревностно, но без фанатизма, насилия, раздражительности, без шума. Чтобы лучше внушить им спасительные истины, делай это больше примером, нежели словом, лучше живым образом добродетели, нежели многословием. Делай другим добро не без разбора, а применительно к пониманию каждого, состоянию, свойству души, характеру, обстоятельствам жизни. Не требуй от людей высокого совершенства, но старайся насаждать человеческую добродетель. Потому если не можешь исправить всего, исправь хотя часть; если не можешь принести плода, старайся по крайней мере посеять семена. Впрочем, не потворствуй несовершенствам, а чего при всем старании не можешь исправить, научайся сносить терпеливо, и никакие трудности, ни безуспешность, ни обиды какие-нибудь не должны удерживать тебя от делания добра другим. В этом деле не ожидай ни легкого преуспевания, ни благодарности от других.

Напротив, думай, что тебе часто будут встречаться тысячи препятствий и неудобств, и не только воодушевляйся к перенесению и преодолению всех этих препятствий, но старайся возобновлять свои усилия, которые прежде были напрасными. Прилагай более сильные средства, с постоянством и твердостью выполняй их; от одного Бога ожидай благословения, плодов труда и награды; если бы и все сделал ты, считай себя рабом недостойным, потому что сделал только то, что должен был сделать (см. Лк. 17, 10; 1Кор. 3, 5 и далее). В своей благотворительности другим держись того порядка, какого требует природа человека и общества и свойство обстоятельств, именно: с себя самого начинай, старайся себя прежде всех исправлять и усовершенствовать, а потом приступай и к усовершенствованию других, от себя переходи к наставлению, исправлению тех, которые ближе к тебе, в более тесных отношениях к тебе находятся, – помогай и усовершеншай свой дом, семейство, близко связанных с тобой союзом крови, общества, отечества и религии или тех, которые вверены твоему попечению, потом обратись к другим. Впрочем, лучше хотя немногих достаточно усовершеншить, нежели за многих браться и сделать дело поверхностно. Но не усильствууй одним ударом поразить все застарелые недостатки, а полезнее постепенно, мало-помалу приводить в лучшее состояние – сначала надобно отвлечь от пороков, потом научить добродетели, сделать добрыми, а потом сделать лучшими и постепенно возводить к высшему совершенству. Если бы успех и не соответствовал усилиям, ты не лишишься плода трудов своих: Бог оценит и доброе намерение. От нас зависит усердие и труд, а успех – от Бога (см. 1Кор. 3, 6–7). Во всем надобно полагаться на Бога, от Него ожидать помощи и успеха и все делать для благоугождения Ему, для славы Его.

Учение святого отца Дорофея о благоустройстве благочестивой жизни

Святой авва Дорофей весьма хорошо поучает нас о том, как должно проходить путь Божий и как созидать душевный дом добродетелей. Позаботимся о себе, братия, говорит святой Дорофей, будем внимательны. Кто даст нам время сие, если мы понапрасну потеряем его? Если бы мы хотели немного подвизаться, то мы не скорбели бы много и не испытывали бы трудностей. Ибо если кто вначале понуждает себя, то, продолжая подвизаться, он мало-помалу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели, поскольку Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь. Итак, будем и мы понуждать себя, положим доброе начало,

усердно пожелаем доброго. Ибо хотя мы еще не достигли совершенства, но самое это желание есть уже начало нашего спасения. От этого желания с Божией помощью мы и начнем подвизаться, а через подвиг получаем помощь к стяжанию добродетелей. Потому-то некто из отцов сказал: «Дай кровь и приими дух», – то есть подвизайся, и получишь навык в добродетели. Так, если кто хочет приобрести добродетель, то он не должен быть нерадивым и рассеянным. Ибо как желающий обучиться плотничеству не занимается иным ремеслом, так и те, которые хотят научиться духовному деланию, не должны заботиться ни о чем другом, но день и ночь поучаться в том, как бы приобрести оное. А иначе приступающие к сему делу не только не преуспевают, но и сокрушаются, неразумно утруждая себя. Ибо кто не внимает себе и не подвизается, тот легко уклоняется от добродетели, потому что добродетели суть середина, тот царский путь, о котором авва Вениамин сказал: «Ходите путем царским и считайте поприща (версты)». Итак, добродетели суть середина между излишеством и недостатком. Поэтому и сказано в Писании: «не уклоняйтесь ни направо, ни налево» (Втор. 5:32), ходите по пути царскому. Так мужество находится посреди страха и наглости, смиренномудрие – посреди гордости и человекоугодия, также и благоговение – посреди стыда и бесстыдства; подобно тому и прочие добродетели. А кто не внимает себе и не охраняет себя, тот легко уклоняется от сего пути или направо, или налево, то есть или в излишество, или в недостаток, и производит в себе недуг, который составляет зло. Вот это царский путь, которым шествовали все святые! Поприща же (версты) суть различные устройства, которые каждый всегда должен считать и замечать, где он, до какой версты достиг и в каком устройении находится. Именно мы подобны людям, которые, имея намерение идти в святой город (Иерусалим) и выйдя из одного города, некоторые прошли пять верст и остановились, другие прошли десять... иные совершили и половину пути, а иные нимало не прошли по нему, но, выйдя из города, пребывают вне ворот, в смрадном предместьи его. Из тех же, которые находятся в пути, случается, что некоторые пройдут две версты и, заблудившись, возвращаются или, прошедши две версты вперед, отходят на пять назад; другие же дошли до самого города, но остались вне его и не вошли внутрь города. То же бывает и с нами. Ибо некоторые из нас оставили мир и вступили в монастырь с намерением стяжать добродетели. Одни сделали немного и остановились; иные больше, а другие совершили половину дела и остановились; иные вовсе ничего не сделали, но, думая, что вышли из мира, остались в мирских страстях и в

злосмрадии их; иные совершают немного доброго и опять разоряют это; а некоторые разоряют и более того, что совершили. Другие же, хотя и совершили добродетели, но имели гордость и уничижили ближнего, а потому не вошли в город, но пребывают вне его. Следовательно, и эти не достигли своей цели, ибо, хотя они дошли до самых ворот города, но остались вне его, а потому и сии не исполнили своего намерения. Итак, каждый пусть рассматривает свое состояние, где он находится.

Есть три устроения души в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет ее. Действует по страсти тот, кто приводит ее в исполнение, удовлетворяет ей. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает ее, но, любомудрствуя, как бы минует страсть, однако имеет ее в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и делает противное страсти. Но эти три устроения имеют великую обширность. Например, хотите ли, чтобы мы поговорили о тщеславии, которым мы часто побеждаемся? По тщеславию человек не может слышать слово от брата своего. Иной, когда услышит одно слово, смущается или отвечает пять слов или десять на одно слово, враждует и огорчается. И когда спор прекратится, он продолжает иметь помыслы на сказавшего ему оное слово, помнит зло и жалеет, что не сказал более того, что сказал, и готовит в себе еще худшие слова, чтобы сказать ему. Он постоянно говорит: «Зачем я не сказал ему того-то!», «Зачем он мне это сказал!» и «Я ему то-то скажу!», – и постоянно гневается. Вот одно устроение. Это значит, что зло обратилось в навык. Бог да избавит нас от такого устроения, ибо оно непременно подлежит муке, потому что всякий грех, исполняемый на деле, подлежит аду; и хотя бы таковой человек захотел покаяться, он не может один преодолеть страсти, если не получит помощи от некоторых святых, как и сказали отцы. Посему-то старайтесь отсекать страсти прежде, нежели они обратятся вам в навык. Другой, когда услышит слово, хотя и смущается, и также отвечает пять слов или и десять на одно, и жалеет, что не сказал и других трех худших, и скорбит, и помнит зло, но по истечении нескольких дней изменяется. Другой проводит неделю в таком состоянии и переменяется, а иной изменяется и через день. Другой же оскорбляет, ссорится, смущается, смущает и тотчас обращается. Видите, сколько различных устроений. Однако все эти люди, пока они исполняют страсть, подлежат аду.

Скажем и о тех, которые сопротивляются страсти. Иной, когда услышит слово, печалится, но не о том, что его оскорбили, а о том, что он не перенес сей обиды; таковой находится в состоянии подвизающихся и сопротивляющихся страсти.

Скажем и о тех, которые искореняют страсть. Иной радуется, когда оскорбляют его, но потому, что имеет в виду награду. Сей принадлежит к искореняющим страсть, но неразумно. Другой радуется, получая оскорбление, и думает, что он должен был претерпеть оскорбление, потому что сам подал повод к тому. Сей разумно искореняет страсть, ибо принимать оскорбление, возлагать вину на себя и почитать все находящее на нас за наше собственное есть дело благоразумия, потому что каждый молящийся Богу: «Господи, дай мне смирение», – должен знать, что он просит Бога, дабы Он послал ему кого-нибудь оскорбить его. Итак, когда кто-либо оскорбляет его, то он и сам должен досадить себе и уничтожить себя мысленно, чтобы в то время, когда другой смиряет его извне, он сам смирял себя внутренно. Другой не только радуется, когда его оскорбляют, и почитает виновным самого себя, но и сожалеет о смущении оскорбившего его. Бог да введет нас в таковое устройство. Итак, каждый из нас пусть рассматривает, в каком он находится устройении. Добровольно ли он действует по страсти и удовлетворяет ей? Или, не желая действовать по ней, побеждается ею? Или действует по страсти, увлекаясь привычкой, и, сделав это, скорбит и кается, что так поступил? Или подвизается разумно остановить страсть? Или подвизается против одной страсти ради другой? Иной молчит по тщеславию или по человекоугодию, или вообще по какому-нибудь человеческому помыслу. Если он начал искоренять страсть, то разумно ли искореняет ее и делает противное страсти? Каждый пусть узнает, где он находится, на каком поприще. Ибо мы должны испытывать себя не только каждый день, но и каждый год и всякий месяц, каждую неделю и говорить: «Прошлую неделю так беспокоила меня сия страсть, а теперь каков я?» Так и всегда должны испытывать себя, успели ли мы сколько-нибудь, находимся ли в том же устройении, в каком были прежде, или впали в худшее.

А как созидается дом душевный?

Из постройки чувственного дома можем в точности научиться сему делу, говорит святой Дорофей. Ибо кто хочет построить такой дом, тот должен отовсюду укрепить его и с четырех сторон возводить стену, а не об одной только стороне заботиться, другие же оставить в небрежении, потому что иначе он не получит никакой пользы, но понапрасну утратит все: намерение и издержки, и труд. Так бывает и относительно души, ибо человек, желающий создать душевный дом, не должен нерадеть ни об одной стороне своего здания, но равно и согласно возводить оное. Я хочу, говорил о том авва Иоанн, чтобы человек каждый день приобретал понемногу от всякой добродетели, а не так, как делают некоторые, кои,

держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся. Может быть, что они и по навыку имеют сию добродетель или по естественному свойству, потому и не тревожит их противоположная страсть; сверх того они незаметно увлекаются другими страстями и бывают тревожимы ими, но не заботятся о них, а, напротив, думают, что обладают чем-то великим. Таковые подобны человеку, который строит только одну стену и возводит ее сколь возможно выше и, взирая лишь на высоту этой стены, думает, что он совершил нечто великое, а не знает того, что если хотя однажды подует ветер, то он повалит ее, ибо она стоит одна и не имеет связи с другими стенами. Притом же никто не может устроить себе защиты из одной стены, потому что со всех других сторон она открыта. Но поступать так неразумно, ведь желающий построить себе дом и сделать себе защиту должен строить его со всех четырех сторон и утверждать отовсюду. И объясню вам, каким это образом.

Сперва должно быть положено основание, то есть вера, ибо "без веры, как говорит апостол, угодить Богу невозможно» (Евр. 11,6). И потом на сем основании человек должен строить здание равномерно: случилось ли послушание, он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должен положить один камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здании по одному камню и таким образом возводить оное со всех сторон, полагая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и т.п. И при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве. Ибо они суть краеугольные камни, ими связывается здание и соединяется стена со стеною, почему они и не наклоняются и не отделяются одна от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Ибо если кто не имеет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения, а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может совершить. Поэтому и сказано: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19).

Строящий должен также на каждый камень класть известь. Ибо если он положил камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. Как корабль нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия. Итак, каждый должен все, что он ни делает доброго, делать со смирением, чтобы смирением сохранить

сделанное. Дом должен иметь и так называемые связи, кои суть рассуждение; оно утверждает строение, соединяет камень с камнем и связывает стены, а вместе с тем придает дому и большую красоту. Кровля же есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, так же как и кровля – верх дома. Потом после кровли строятся перила кругом ее. Что же значат перила кругом кровли? В законе написано о сем: «если будешь строить... дом, то сделай перила около кровли». (Втор. 22, 8), чтобы дети ваши не падали с нее. Перила суть смирение, потому что оно ограждает и охраняет все добродетели; и как каждая добродетель должна быть соединена со смирением, подобно тому, как мы сказали, что над каждым камнем полагается известь, так и для совершенства добродетели нужно смирение. Ибо и святые, преуспевая, естественно приходят в смирение, так как чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным. Что же суть дети, о которых сказал закон, чтобы они не падали с кровли? Дети суть помышления, бывающие в душе, которые должно хранить смирением же, чтобы они не упали с кровли здания.

Вот дом окончен, имеет связи, кровлю, о которой мы сказали, что она есть совершенство добродетелей, вот и окружающие ее перила. Одним словом, дом готов. Но не нужно ли ему еще что-нибудь? Да, мы не упомянули еще об одном. Что же это такое? Чтобы зодчий был искусен. Ибо если он неискусен, то покривит немного стену, и дом когда-нибудь обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели. Ибо случается, что иной и подымлет труд добродетели, но оттого, что неразумно совершает труд сей, он сам губит его или постоянно портит дело и не может окончить его, но строит и разрушает, кладет один камень и снимает два. Например, вот пришел один брат и сказал тебе слово, оскорбляющее тебя. Если ты молчишь и поклонись ему, то ты положил один камень. Потом ты идешь и говоришь другому брату: «Такой-то мне досадил и сказал мне то-то и то-то, а я не только смолчал, но и поклонился ему». Вот ты один камень положил и два камня снял. Еще пример: иной поклонится, желая тем заслужить похвалу, и в нем оказывается смирение, смешанное с тщеславием; это значит положить камень и снять его. А кто разумно делает поклон, тот твердо уверен, что он согрешил, и вполне убежден, что он сам виноват. Вот что значит разумно сделать поклон! Другой хранит молчание, но неразумно, ибо он думает, что совершает добродетель, между тем как вовсе не совершает ее. А разумно молчащий думает, что он недостойн говорить, и это есть разумное молчание. Еще пример: иной не считает себя лучшим других и думает, что он делает нечто великое и что он смиряется, но не знает, что он ничего не имеет,

потому что неразумно действует. А кто разумно не считает себя лучшим других, тот думает, что он ничто и что он недостойн быть в числе людей, как говорил о себе и авва Моисей: «Чернокожий! ты не человек, зачем же ты являешься между людьми?» И еще пример: иной служит больному, но служит для того, чтобы иметь награду; это также неразумно. И потому, если с ним случится что-либо скорбное, то это легко удаляет его от сего доброго дела, и он не достигает конца его, потому что делает оное неразумно. А разумно служащий служит для того, чтобы приобрести чувство сострадания. Ибо кто имеет такую цель, тот, что ни случилось бы с ним – скорбь ли извне, или сам больной помалодушествует против него, – без смущения переносит все это, взирая на свою цель и зная, что более больной благоденствует ему, нежели он больному. Также, если кто постится по тщеславию или думая в себе, что он совершает добродетель, таковой постится неразумно и потому начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только положил один камень и снял два, но и находится в опасности разрушить всю стену через осуждение ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что он совершает добродетель, и не хочет, чтобы хвалили его как постника, но думает, что через воздержание приобретет целомудрие, а посредством сего придет в смирение; как говорят отцы, путь к смирению суть труды телесные, совершаемые разумно. Одним словом, каждую добродетель человек должен совершать так разумно, чтобы усвоить ее себе и обратить в навык, и таковой оказывается искусным художником, могущим прочно строить свой дом. Итак, желающий с помощью Божией достигнуть такого благоустройства не должен говорить, что добродетели велики и он не может достигнуть их. Ибо кто так говорит, тот или не уповаet на помощь Божию, или ленится посвятить себя чему-либо доброму.

* * *

В применении вышеизложенных общих нравственных правил к частным поступкам при разнообразных случаях и обстоятельствах жизни руководительным началом должны быть следующие правила.

Первое. Всегда надобно поступать по внушению совести, то есть прежде всякого слова и дела надобно спросить свою совесть, хорошо ли, полезно ли то, что хочешь сказать или сделать. Если совесть одобряет, то надобно сделать, а если не одобряет, то оставить.

Второе. Надобно приступать ко всякому делу не из корыстных видов, не по тщеславию, а по любви к Богу, чтобы угодить Ему, для спасения своей души, а ближним желать и делать добро ради Бога, так как внушает нам любовь делать для искренно любимых нами.

Третье. Во всяком деле по отношению к ближним надобно руководствоваться правилом, преподанным Спасителем: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). Не делайте другим, «чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете» (Деян. 15:29). «Ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12), то есть это составляет главное содержание, сущность всего закона Моисеева и учения пророков.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Глава Первая. О ПУТИ УСОВЕРШАЮЩИХСЯ

Святой Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла, говорит, что в его время разделяли христиан на три разряда, или степени по духовному совершенству: очищаемых, просвещаемых и усовершенствующихся – и что к высшему чину усовершенствующихся относили священное сословие монахов. Божественные наставники наши (апостолы), говорят, почтили их священными наименованиями, называя их терапевтами, а иные – монахами (уединенными), как по чистому их служению Богу, так и по уединенной и неразделительной жизни.

Преподобный Иоанн Кассиан свидетельствует, что в начале христианской веры, немногие, но самые благочестивые носили имя монахов, которые заимствовали образ жизни от евангелиста Марка, первого епископа в Александрии, и не только обладали теми свойствами, какими, по сказанию Деяний Апостольских (Деян. 4:32–34), отличалась первенствующая Церковь, но еще домогались высшего совершенства. Удаляясь в уединенные места близ городов, они вели столь воздержную жизнь, что возбуждали изумление в иноверцах, потому что с таким усердием занимались чтением Священного Писания, молитвой и рукодельем, что и голод не прерывал воздержания; разве уже на второй или третий день принимали пищу, и то не столько по желанию наслаждения, сколько по требованию природы.

Потом преподобный Кассиан передает следующую беседу египетских пустынножителей о происхождении монашества. Образ жизни киновитян, говорит авва Пиаммон, получил начало от времен апостольской проповеди, ибо таково было в Иерусалиме все общество верующих, о котором пишется в книге Деяний Апостольских. У множества уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду (см. Деян. 4:32–35). Таковы были тогда все церкви, каких ныне очень мало можно находить и в киновиях.

Но когда после апостолов общество верующих начало ослабевать, а особенно вступавшие в христианскую веру из разных иноплеменных народов, от которых и апостолы, по причине невежества их в вере и застарелых обычаев языческих, ничего больше не требовали, как только «воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда»

(Деян. 15:29), когда при таком снисхождении к христианам из язычников мало-помалу начало приходить в упадок совершенство даже и Иерусалимской церкви и когда при ежедневном возрастании числа верующих из туземцев или пришельцев начала ослабевать ревность первоначальной веры, тогда не только вновь вступившие в христианскую веру, но даже и предстоятели церкви уклонились от прежней строгости жизни. Ибо некоторые, почитая и для себя позволительным, что христианам из язычников дозволено было по причине их слабости, думали, что нисколько не повредит чистоте их веры обладание имуществом.

Но те, в коих еще пламенела ревность апостольская, помня прежнее оное совершенство, удалялись от своих сограждан и общения с ними, стали пребывать в подгородных уединенных местах и отдельно жить по тем уставам, которые апостолами даны были первенствующей церкви. Те, кои мало-помалу с течением времени отделялись от общества верующих по той причине, что воздерживались от брака, удалялись сожителства с родными и общения с миром, названы монахами – единожительствующими (от уединенной, одинокой жизни). Монахи эти, живя многие совокупно, назывались киновитами, а кельи и жилища их – киновиями (общежитием). Следовательно, такой род монахов был самый древний и не только по времени, но и по достоинству первый, и оный в продолжение очень многих лет, даже до времени аввы Павла Фивейского или Антония Великого, пребывал неизменным. После чего из числа таковых совершенных – от сего, так сказать, плодоносного корня – произрастали цветы и плоды – святые анахореты. Основателями такого образа жизни были, как нам известно, святые Павел Фивейский и Антоний Великий, которые не по малодушию, как другие, а по желанию большего преуспевания в Божественном созерцании удалились в сокровенные места пустыни, хотя первый из них сначала ушел в пустыню по нужде, избегая наветов от своих родственников во время гонения.

Таким образом из оного образа жизни (киновитян) произошел другой род совершенства, коего последователи называются анахоретами, то есть отшельниками, оттого, что, не довольствуясь той победой, в которой разрушали между людьми сокровенные наветы диавола, и желая наступать на демонов в открытой брани, небоязненно удалялись в уединенные места обширной пустыни, подражая Иоанну Крестителю, всю жизнь проводившему в пустыне, также Илии, Елисею и тем, о которых говорит апостол, что они «скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по

пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:37–38).

О побуждениях к монашеской жизни святой авва Дорофей говорит, что были некоторые боголюбивые люди, которые по святом крещении не только пресекли действия страстей, но восхотели победить и самые страсти и быть бесстрастными, каковы были святые Антоний Великий и Пахомий Великий и другие богоносные отцы. Они имели благое намерение очистить себя, как говорит апостол, «от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7:1), ибо знали, что сохранением заповедей очищается душа и ум прозревает, приходит в естественное состояние, ибо «заповедь Господа светла, просвещает очи» (Пс. 18:9). Они поняли, что, находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели, и измыслили себе особенный образ жизни, особенный порядок провождения времени, особенный образ действования, словом, монашеское житие, и начали убегать от мира и жить в пустынях, подвизаясь в постах, бдениях, спали на голой земле и терпели другое злострадание, совершенно отрекались от отечества и сродников, имений и приобретений. Другими словами, распяли себя миру, и не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары.

Объясню вам, как они это сделали. Заповеди Христовы даны всем христианам, и всякий христианин обязан исполнять их – они, так сказать, дань, должная царю. И кто, отрекающийся давать дани царю, избег бы наказания? Но есть в мире великие и знатные люди, которые не только дают дани царю, но приносят ему и дары; таковые сподобляются великой чести, великих наград и достоинств. Так и отцы: они не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Дары сии суть девство и нестяжание. Они распяли себе мир, потом подвизались распять и себя миру, как говорит апостол: «Для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6:14). Какое же различие между этим? Как мир распинается человеку и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние другим и принятие от них, тогда распинается ему мир, ибо он отверг его. Это и значат слова апостола: «для меня мир распят». Потом прибавляет: «и я для мира». Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самих услаждений, или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий, и умерщвляет свои страсти, тогда он и сам распинается миру и сподобляется сказать с апостолом: «Для меня мир распят, и я для мира».

Подвижники благочестия понимали, что главной виной всех грехов и их губительных следствий бывает самолюбие с ядовитым порождением

своим – тройственной похотью: похотью плоти, или сластолюбием, похотью очей, или своекорыстием, и гордостью житейской, которые, по словам святого апостола Иоанна, господствуют в мире (см. 1Ин. 2,16). Чтобы заградить самый источник грехов, подвижники считали необходимым противопоставить самолюбию полное самоотвержение и, в частности для более решительного подавления тройственной похоти и происходящих от нее страстей, считали необходимым соблюдать во всей строгости целомудрие безбрачного состояния, нестяжательность и послушание, как лучшие средства к достижению высшего нравственного совершенства. Так как подвижники исполняли эти добродетели с особенным усердием и для благоугождения Богу, то исполнение их соединяли с обетами, которыми, посвящая себя Богу, свидетельствовали свое особенное благоговение перед Богом, свою полную преданность Богу: обетом девства предавали Богу свое тело, обетом нестяжательности – все свое имение, а обетом послушания – свою душу. Кроме того, важность и трудность этих добродетелей требуют того, чтобы исполнение их соединено было с обетами, чтобы тем более укрепить нашу слабую, изменчивую волю, быть постоянным в выполнении добрых намерений, чтобы вернее достигнуть предположенной цели – нравственного совершенства и Царства Небесного. Подробные сведения о монашеских обетах желающие могут найти в сочинениях о монашестве, а здесь довольно сообщить краткое понятие об обетах девства, нестяжательности и послушания.

Глава Вторая. ОБЕТ ДЕВСТВА

Основанием для обета девства служит пример Иисуса Христа и учение. «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12), то есть добровольно решились навсегда воздерживаться от всякого плотского удовольствия, соединенного с брачным союзом, для того чтобы удобнее было стяжать чистоту сердца и достигнуть Царства Небесного. «Не все вмещают слово сие, но кому дано..., но кто может вместить, да вместит», говорит Спаситель (Мф. 19:11–12). Святой апостол, советуя предпочитать девство супружеству, изображает превосходство девственного состояния перед супружеским и говорит, что вступившие в супружество «будут иметь скорби» (1Кор. 7:28), то есть бесчисленные нужды, заботы, неразлучные с утомительными трудами и скорбью о снискании необходимого пропитания себе, детям, домочадцам, и даже многие болезни телесные. "Время настоящей жизни коротко" (1Кор. 7:29), смерть не замедлит прийти, может застать неготовыми предстать на Страшный Суд, на котором потребуется чистота души и тела. Следовательно, лучше стараться заранее отрешать свой дух от привязанности к земному, очищать его и всей любовью прилепиться к Богу, нежели предаваться кратковременным плотским удовольствиям в супружестве, которые при неумеренности поработают дух плоти, сильно привязывают сердце к земному; притом скоро «проходит образ мира сего» (1Кор. 7:31), то есть вид и состояние мира со всеми его благами изменчивы, как поток скоротечны, как метеоры скоро исчезают; все блага и удовольствия мира суетны, лживы, обольстительны, существенной пользы не доставляют, обещают сладость, а наделяют горечью или сопровождаются горечью и исчезают, как тень. Потому и не должно привязываться к земным благам, обладание которыми, соединенное с тяжелыми заботами, обременяет душу, пристрастие к ним покрывает дух пылью нечистоты, а потеря их поражает сердце скорбью. "А я хочу, говорит апостол, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1Кор. 7:32–33). Здесь апостол показывает цель и пользу девства, именно: чтобы иметь дух, свободный от излишних и бесполезных забот о суетных, скоро гбнущих вещах, чтобы тем удобнее упражняться в делах благочестия, заниматься предметами духовными, относящимися к вечному спасению, совершеннее посвятить себя Богу, удобнее угодить Ему, чтобы быть чистыми «телом и духом» (1Кор. 7,34), чего требует и

высокое достоинство христиан, как членов главы Иисуса Христа, как храмов Святого Духа, как искупленных ценою крови Христовой для того, чтобы прославлять Бога в чистых душах и телах, которые суть Божии (см. 1Кор. 6:15, 19–20). А женатый заботится больше о мирском, как угодить жене или миру для жены, нежели о Господнем. Потому женатые бывают разделены, развлечены разными заботами и оттого менее способны к благочестивым размышлениям и делам (см. 1Кор. 7:33).

Итак, «говоря это для вашей же пользы», то есть для большего преуспевания в духовном совершенстве, «не с тем, чтобы наложить на вас узы», возложить на вас бремя безбрачия, но побуждаю вас к девству как к благообразию, то есть состоянию более честному, «чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения» (1Кор. 7:35), то есть к тому, что доставляет большее дерзновение приступать, приближаться к Богу, большую способность искренне прилепляться любовью к Господу, совершеннее посвятить себя Ему и беспрепятственнее служить Ему. Следовательно, девство, по апостолу, лучше супружества не только для избежания лишних житейских забот, многих суетных трудов и скорбей, но и для того, чтобы быть святее, удобнее заниматься предметами Божественными и совершеннее угодить Богу. Пребывать в девстве есть дело благое, честное ради чистоты, приятное ради свободы, полезное ради награды, потому что ему обещана высшая награда, сторичный плод (см. Лк. 8:8; Мк. 4:8, 10:30).

Блаженный Августин говорит, что девство превосходит состояние человеческой природы. Через него люди уподобляются ангелам. Но победа девственников больше, нежели ангелов, потому что ангелы живут без плоти, а девственники в плоти одерживают победы.

Евангельское учение о высоком достоинстве и пользе девства произвело такое сильное действие на умы и сердца верующих в первые времена христианства, что, по свидетельству святого Игнатия Богоносца, святого Иустина философа, Тертуллиана, святого Киприана, весьма много было девственников обоого пола, которые состарились в девстве.

Когда в IV веке нечестивый Иовиниан вздумал опровергать достоинство девства, то, по словам блаженного Иеронима, ужаснулась этого вселенная, даже самые язычники отвращались этого нечистого человека.

И в последующее время великие светильники Церкви – святой Афанасий Великий, святой Василий Великий, святой Иоанн Златоуст, святой Амвросий, блаженный Иероним, блаженный Августин и другие – старались защищать достоинство девства против уничижавших его и

написали об этом довольно сочинений.

Люди плотские и сластолюбивые, говорит святой Иоанн Дамаскин, охуждают девство, а мы, уповая на воплотившегося от святой Девы Бога Слова, утверждаем, что девство с самого начала свыше насаждено в естестве человеческом, потому что человек создан был из девственной земли и Ева сотворена из одного Адама. Девство обитало в раю. По преступлении уже, – когда Адам услышал: «прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3,19), когда смерть через преступление вошла в мир, – «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила» (Быт. 4,1). Но, может быть, скажут: для чего же мужеский пол и женский? Для чего сказано: «плодитесь и размножайтесь!» Отвечаем на сие: слова «плодитесь и размножайтесь» означают не то, что будто размножение людей не могло быть иначе, как только через брачное совокупление, ибо Бог мог размножить род человеческий и другим образом, если бы люди до конца ненарушимо сохранили заповеди. Притом слова эти – «плодитесь и размножайтесь», – относясь как к людям, так и к животным (см. Быт. 1:27, 9:1), очевидно, выражают не повеление, а благословение Божие. Девство есть жизнь ангельская, отличительное свойство всякого бесплотного естества. Потому сколько ангел выше человека, столько же девство честнее брака. Хорошо чадородие, происходящее от брака; хорош брак, потому что удерживает от блуда и, дозволяя законное совокупление, не дает неистовой похоти устремляться на незаконные дела; хорош брак для тех, в коих нет воздержания. Но лучше девство, которое умножает чадородие души и приносит Богу зрелый плод – молитву.

Плотоугодники позднейших времен (особенно из протестантов) усильствовали придумать новые возражения против девства; они говорят, что безбрачие противно самой природе, которая иначе напрасно производила бы различие полов и способность рождать, если бы безбрачие было лучше супружества. Но что установлено для частного блага, то не напрасно, когда некоторыми неделимыми выполняется, хотя бы многие другие и не выполняли того, так же как все травы, все плоды рождаются с семенами, однако не многие из них посеваются. Еще говорят, что склонность к рождению поколения естественна, есть и во всех животных, а препятствовать естественной склонности грешно, потому что это не другое что значит, как противиться природе и Самому Богу, создавшему природу. На это можно ответить: препятствовать другому в удовлетворении естественной склонности, заставляя против воли постоянно воздерживаться – это нехорошо, но не грешно препятствовать в самом себе естественной склонности, когда кто добровольно хочет жить

в воздержании для устранения препятствий, встречающихся в брачном состоянии, для более удобного достижения высшего нравственного совершенства, потому что воздержание от плотского удовольствия служит средством к достижению чистой, пламенной любви к Богу. Известно, что вообще всякая сила, как физическая, так и духовная, чем более развлекается, рассеивается по многим предметам или в большом пространстве, тем становится слабее; напротив, чем сосредоточеннее бывает и действует совокупнее, тем могущественнее бывает. Потому-то и свойство сердца человеческого таково, что оно всецело может любить только один предмет. Если оно привязывается любовью к плотским удовольствиям, которые совершенно противоположны духовным, то тем менее становится способным к люблению Бога и вообще всего духовного. Также и наоборот должно сказать: чем более сердце отрешается от всего плотского, земного, тем искреннее и пламеннее будет любовь к Богу и даже к людям ради Бога. Царство Божие есть царство любви, так как и Сам Бог по преимуществу есть любовь; любовь есть основной закон деятельности всех нравственных существ, есть высшее назначение их и источник всякого совершенства, счастья, блаженства, потому что любовь одна соединяет людей с Богом – источником блаженства, как говорит апостол Иоанн: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин.4:16). Но Бог предвидел, что люди в падшем, расстроенном состоянии неспособны будут к развитию в себе чистой любви друг к другу, всякий будет любить больше себя и для удовлетворения своим страстям стал бы жертвовать всеми благами, счастьем, даже жизнью подобных себе. Тогда люди, увлекаемые страстями, были бы злее зверей, стали бы жестоко терзать друг друга, тогда-то во всей силе открылось бы страшное зрелище всеобщего разбоя, разрушения, страданий и убийств. Но опыт показал, что нежный женский пол всегда смягчал жестокость грубых мужчин, а мужчины, со своей стороны, сострадая слабому полу, старались о благосостоянии его. Потому, чтобы связать всех людей союзом любви естественной для постепенного развития любви духовной, Бог благоволил соединить всех единством происхождения, а для этого насадил в природе человеческой склонность к распространению своего рода посредством супружеского союза, соединенного с чувством удовольствия, порождающего взаимную любовь супругов друг к другу и к детям; и эта родственная связь и любовь должна послужить основанием для составления семейств и обществ, должна побуждать к заботе о воспитании детей, о благосостоянии как своих семейств, так и целых обществ, чтобы люди, связываемые союзом

родства и расположения, помогали друг другу в разных нуждах, старались совокупными силами содействовать друг другу к более успешному упрочению внешнего благосостояния и к достижению высшего духовного совершенства. Таким образом, эта плотская, но совсем чистая в своем источнике любовь людей друг к другу должна была служить первой основой для любви духовной, постепенно очищаясь, возрастая, могла возвышаться на степень любви нравственной, Божественной. Но по восстановлению падшего человечества, когда благодатью Святого Духа по заслугам Иисуса Христа душа человеческая очищена от нравственного зла, порчи и семя добра, любви, насажденное в душе человека, при содействии благодати может развиваться, возрастать, укрепляться и без пособия любви плотской, то теперь супружеское сокупление не составляет уже настоящей потребности для всех и каждого для развития нравственной любви; напротив, плотские удовольствия супружеского союза при неумеренности теперь будут только охлаждать сердце, порабощать дух плоти, препятствовать или, по крайней мере, задерживать стремление духа к Богу. Потому живущие по плоти, по влечению плотских страстей и не могут угодить Богу (см. [Рим. 8:7–13](#)).

Следовательно, кто по счастливому темпераменту, доброму воспитанию или по собственному произволению, очищенному самообразованием, при содействии благодати Божией чувствует в себе больше расположения к безбрачной, чистой жизни, тот хуже сделает, если вступит в брачное состояние, потому что это будет для него уже понижением в нравственном отношении. Супружеское сокупление, даже при умеренности и законности, в людях благонравных, совестных, возбуждает неприятное чувство стыда, который свидетельствует о грубости этого удовольствия. Но при тесном обращении с другим полом, при постоянном поводе к раздражению похоти кто может воздержаться от излишества, с которым неразлучен вред для души и тела? Потому лучше вовсе отказаться от этих удовольствий, нежели давать плоти повод злоупотреблять ими. В брачное состояние могут вступать только те, которые чувствуют сильную склонность к этому и не могут жить воздержно или не хотят вступить в трудную борьбу с плотскими влечениями, и то вступать в брак не для того, чтобы необузданно предаваться плотским удовольствиям, угождать растленной плоти, а только для избежания блуда, как говорит апостол (см. [1Кор. 7:2](#)), и для того, чтобы мало-помалу приучать себя к воздержанию, постепенно достигать высшей степени нравственной чистоты. Для этой цели брачный союз в Новом Завете и освящен таинством. Впрочем, надобно помнить, что

безбрачие само по себе не имеет важности, а имеет высокую цену только как лучшее средство к более удобному благоугождению Богу и достижению нравственного совершенства; для этой именно цели оно и должно быть соблюдаемо, а иначе будет напрасный труд оставаться в безбрачии.

Глава Третья. ОБЕТ НИЩЕТЫ И НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

Основанием для обета нищеты и нестяжательности служит и пример Иисуса Христа, не имевшего даже где приклонить главу (см. Мф. 8, 20), и совет Его, предложенный спрашивавшему Его, что сверх соблюдения заповедей Божиих нужно ему делать для высшего совершенства, как удобнее достигнуть жизни вечной? «Если хочешь быть совершенным, говорит Спаситель, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Такой совет дан потому, что богатство представляет большое препятствие к достижению Царства Небесного. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, говорит Спаситель, нежели богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:24). Приобретение богатства всегда бывает соединено с большими трудами, обладание – с большими заботами, развлечениями, которые рассеивают мысли, ослабляют внимание к себе, подавляют дух, погашают горячность сердца, усердие к Богу. Сохранение богатства соединено со страхом потери, а потеря его сопровождается скорбью; богатство подает повод к гордости, тщеславию, честолюбию, доставляет средства к роскоши, сластолюбию, сладострастию в угождение чувственности и во вред душе, а затем легко может последовать целое полчище пороков. Апостол говорит: «Желающие обогащаться впадают в искушение и сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1Тим. 6:9–10). Между тем "мир скоро проходит, и похоть его» (1Ин. 2:17). Потому лучше заранее добровольно оставить мир со всеми его сокровищами, нежели самому быть оставленным им со скорбью сердца. Ибо как «мы ничего не принесли в мир, говорит апостол, так, конечно, ничего не можем и вынести из него». Потому, «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим. 6, 7–8; см. также Притч. 30, 8). Так и монахи, оставив все лишнее, довольствуются только необходимым, без чего нельзя жить, да и к этому малому имуществу не должны иметь пристрастия и для этого не должны ничего считать своей собственностью, а даром Божиим, пользоваться им, как данным от Бога средством к поддержанию жизни и здоровья. Таким образом, монахи, освободившись от многих лишних, суетных житейских забот и занятий, больше имеют досуга и способности заняться главным делом жизни – спасением души и, отрешив сердце от привязанности к

земным вещам, легче могут возноситься духом к небу, с большим усердием, всецело посвятить себя на служение Богу. Кроме того, нищета, нестяжательность представляет много случаев к терпеливости, смирению и к утверждению надежды на Бога, Который удостоивает особенного промышления тех, кто все оставляет для Него, чтобы свободнее служить и благоугождать Ему одному, и часто сверх чаяния посылает им все нужное для жизни и защиту от разных бед и зол (см. Притч. 10, 3–4).

Напрасно против этого возражают, будто оставляющий свое имение лишает себя вместе с тем и средств к благотворительности. Благотворить можно не одними вещественными благами; есть и другие, высшие способы благотворить другим в духовном отношении, в деле спасения.

Святая Синклитикия, строгая подвижница IV века, говорила, что милосердие (или подавание милостыни нищим) предписано не столько для пропитания бедных, сколько для развития любви. Бог, Который устроит богатство, питает и нищего. Так не напрасно ли заповедано милосердие? Никак. Оно служит начатком любви для тех, которые не имеют оной. Как законное обрезание указывало на обрезание сердца, так и милосердие указывает на любовь. Посему излишне милосердие для тех, которым дарована любовь благодатию. Я говорю это не для того, чтобы отвлечь от милосердия, но чтобы показать убожество в его чистоте. Итак, меньшее да не будет препятствием большему. Раздав все вдруг, ты сделаешь малое добро. Наконец, возведи очи твои к высшему добру – к любви. Мы должны говорить сии слова: «вот, мы оставили всё, и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27). Никто не может достигнуть любви без убожества, ибо Господь заповедал любить не одного человека, но всех. Следовательно, тот, кто имеет что-нибудь, не должен оставлять неимущих, иначе у такого похитится дар любви.

Преподобный Петр Дамаскин говорит, что немощному лучшее есть удаление от всего, и нестяжательность много лучше милостыни.

Кто однажды роздал все, тот совершеннее исполнил долг любви и милосердия к бедным, нежели кто из своего имения подает малую часть, а большую часть удерживает у себя. Богатые хотя и имеют возможность благотворить своим имуществом, но всегда ли правильно и с пользой употребляют его? Это дело столь трудное и сомнительное, что состояние богатых в Евангелии представляется опасным (см. Мф. 19:23–24). Если взвесить выгоды и невыгоды богатства и бедности, то откроется, что лучше однажды раздать все ради Христа, Который всем будет для всех, все оставляющих для Него, и потом пользоваться малою, только необходимою долею временных благ, чтобы тем удобнее заниматься снисканием

духовных благ и быть способнее благотворить душам других, – это лучше, нежели при богатстве, ничего не принимая от других, быть неспособным благотворить другим в деле спасения.

Глава Четвертая. ОБЕТ ПОСЛУШАНИЯ

Для обета послушания основание заключается и в примере, и в учении Иисуса Христа, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2, 6–8). Потому Он и последователям Своим завещал: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Обет послушания направлен к подавлению одной из главных страстей – гордости житейской. Гордости, правда, противопоставляется смирение, но как гордость в практическом отношении проявляется преимущественно в стремлении к независимости, к самостоятельному действию, самоуправлению, не терпит подчинения другим и как противоположное гордости смирение – добродетель весьма трудная, лучше всего приобретается послушанием, то и дается обет послушания с отвержением своей воли и разумения, с полным подчинением руководству опытного наставника. К этому должна побуждать подвижника и недоверчивость к собственному разуму, который, под влиянием страстей омрачаясь, не может правильно, ясно познавать волю Божию, что Богу угодно и душе полезно, многого не знает и часто подвергается разным недоумениям, сомнениям, заблуждениям в духовных предметах, которые по своей сокровенности, таинственности, возвышенности превышают понятия естественного разума. А испорченная первородным грехом воля наша часто действует не по руководству разума, внушению совести, а по капризам, часто увлекается страстями в пороки, не имеет силы противиться им. А под руководством разумного, опытного наставника послушник свободен бывает от недоумений, сомнений, заблуждений, легче может пресекать греховные желания, влечения страстей, скорее утвердит волю в добром направлении образовать нравственно добрый характер и всегда чужд бывает тщеславия, гордости, потому что действует не по своему разумению и воле, а по наставлению и воле руководителя, ибо чужим умом и доброй волей нечего гордиться; таким образом мало-помалу послушник, упражняясь в подвигах самоотвержения, утверждается в смирении и благочестии.

О важности и пользе послушания многие святые отцы писали много прекрасного. Святой Григорий Великий говорит, что одна добродетель послушания насаждает в душе прочие добродетели и насажденные

охраняет. Поэтому оно справедливо предпочитается жертвам (см. 1Цар. 15, 22), потому что в жертвах закаляется чужая плоть, а посредством послушания – собственная воля. И тем скорее человек угождает Богу, чем решительнее перед взорами Его, подавив гордость своего произвола, закапает себя мечом заповеди.

Важная добродетель – нестяжательность, важнее ее – целомудрие, а еще важнее этих обеих – послушание. Ибо первая властвует над вещами, второе над плотью, а третье над духом. Напрасно говорят, что послушанием стесняется свобода и потому уничтожается необходимый характер нравственности. Когда мы подчиняем себя руководству другого, то ограничивается не нравственная свобода, а только возможность действовать по чистому произволу или своеволию, которое большей частью действует не по руководству разума, а по капризам, по влечению страстей, вопреки нравственному закону. Следовательно, как добровольно подчиняемся закону, также добровольно повинuemся и полезным наставлениям или повелениям настоятеля и руководителя. Потому заслуга наша не уничтожается, напротив, она еще тем больше бывает перед Богом, чем тяжелее для нашей чувственной природы или самолюбия такое добровольное отвержение собственного произвола.

Стесняется ли наша нравственная свобода тем, что Бог или начальники дают нам разные повеления для правильного действия, для нашей же пользы? Притом послушник подчиняет себя руководителю не как простому человеку, но как служителю Божию, который представляет лицо Иисуса Христа и тем вернее направляет нашу волю к угождению Богу (см. Еф. 6, 5–7).

Но надобно помнить, что эти обеты не составляют еще совершенства, а только служат средствами к совершенству, которое состоит в чистоте сердца, или святости, и в любви, соединяющей людей с последней целью всего – Богом.

Глава Пятая. ОБ УДАЛЕНИИ ИЗ МИРА В МОНАСТЫРЬ

Живя в мире, трудно исполнять в точности монашеские обеты и с успехом проходить поприще благочестия по причине множества препятствий со стороны многих житейских нужд, забот, занятий, часто суетных или мелочных, частых развлечений, разных приключений, несчастных переверотов, господствующих в мире страстей, многих соблазнов, искушений, скорбей, и у подвижника не достанет ни умения, ни сил противоборствовать им. Святой апостол Иоанн говорит, что «весь мир лежит во зле», что в нем господствует «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1Ин. 5:19, 2:16), которыми заражена вся житейская атмосфера. Живя в такой атмосфере, при всей осторожности нельзя не заразиться более или менее тлетворными ее миазмами и не потерпеть вреда. Подвижники давно понимали это и удалялись из мира в монастырь – уединенную обитель людей единомысленных, у которых одно намерение и забота – угождать Богу и достигнуть спасения души. Уподобляя мирскую жизнь бурному морю, на котором каждая волна угрожает гибелью, а монастырь – тихой безопасной пристани, подвижники, притекая сюда, зывали: «Видя житейское море, воздымаемое бурей страстей и напастей, я притек к тихому пристанищу Твоему, Боже! Возведи от греховной тли живот мой, многомилостиве!» В монастыре, точно как в спокойной пристани, нет таких препятствий к благочестивой жизни, как в мире, – нет мирской суеты, нет житейских дел, забот, все соблазны, поводы к грехам, все нужды для пропитания и одежды устранены, остается одна забота о душе. Этому все здесь благоприятствует: ежедневное богослужение, частые молитвы, чтение Священного Писания и писаний святых отцов, размышление о спасительных предметах, частое употребление Святых Таинств для подкрепления духа, ежедневное испытание и очищение совести, благоразумное обуздание плоти постом, бдением и трудами, неослабное хранение чувств и помыслов, единодушное братство, взаимное содействие друг другу в подвигах благочестия, возбуждающие к подражанию примеры разных добродетелей, бдительная попечительность настоятеля, наставления, утешения, поощрения опытных старцев, которые назначаются каждому новонаначальному послушнику для руководства, и т.п.

Глава Шестая. РАЗРЯДЫ МОНАХОВ

По степени совершенства монахов разделяют на два разряда: так называемый малый образ, в котором облакаются монахи в мантию, и великий образ, в котором облакаются в схиму. Соответственно этому и жизнь монашескую разделяют на деятельную и созерцательную. Разряд послушников составляет степень только przygotowательную к монашеству. Послушники по достаточном испытании хотя иногда облакаются в рясофор (то есть рясу и камилавку с клобуком), но обетов монашеских не дают, чем отличаются от монахов, которые торжественно в церкви дают обеты целомудрия, безбрачной жизни, нестяжательности и послушания. Сообразно со степенью совершенства каждого из этих трех разрядов назначаются и занятия разные.

Обязанности и занятия послушников

От всякого послушника по вступлении в монастырь, как показывает само имя, требуется прежде и больше всего послушание настоятелю монастыря и тому старцу, который назначается в руководителя ему, послушание во всем с отвержением своей воли и разумения. Послушание, по словам одного опытного подвижника, есть первая заповедь новоначальным, потому что оно подавляет гордость, рождает смиренномудрие и бывает дверью любви к Богу. Как Адам пал от гордости, проявившейся в преслушании заповеди Божией, увлек с собой и все потомство свое в бездну погибели, так, напротив, Господь Иисус Христос для спасения людей от грехов и погибели смирил Себя до образа раба, был послушлив Богу Отцу «даже до смерти... крестной» (Фил. 2:8) и тем даровал послушным, верующим в Него жизнь вечную. Потому-то последователям Христовым и нужно прежде всего научиться послушанию, которое побеждает дьявольскую гордость и служит верным путем ко всякой добродетели.

Преподобный Кассиан говорит, что в египетских монастырях первым главным правилом было требование послушания старшим с отвержением или умерщвлением своей воли. Многими опытами дознано, что монах, особенно молодой, пока не научится посредством послушания умерщвлять свою волю, не в состоянии будет побеждать в себе гнев, печаль, вожделения плоти и другие страсти, ни приобрести истинное смирение сердца, ни пребывать в согласии и единодушии с братьями, даже не будет

и оставаться долго в монастыре. Потому непременно требуется от всякого послушника, чтобы ничего не делал по своей воле, без ведома старших, а делал только то, что прикажет настоятель или старец-руководитель. А искусный настоятель или руководитель сначала всегда назначает делать дела черные, низкие, которые бы не давали пищи тщеславию, гордости, напротив, подавляя их, смиряли, например, служить на кухне, рубить дрова, носить воду, копать землю и т.п. Чаще назначают послушнику делать дела, совершенно противные его склонностям, расположением или особенно тяжелые для самолюбия, чтобы тем скорее подавить самолюбие и худые склонности. Например, один старец своему послушнику, поступившему в монастырь из знатного, богатого дома и получившему хорошее научное образование, велел десять корзин на своих плечах носить по улицам города, где его знали, и продавать, хотя в этом и не было нужды, продавать не все вдруг, а по одной, чтобы дольше продлилось это тяжелое для самолюбия дело. Послушник, несмотря на знатность своего рода и на низость этого дела, по смирению в точности исполнил приказание своего старца. Иногда для испытания послушности приказывают послушникам делать такие дела, которые с первого взгляда кажутся бесполезными, бестолковыми и даже противными нравственности; так, святой Антоний Великий велел Павлу Препростому плести из ветвей корзины и опять расплетать, как худо сделанные, или выливать воду из колодца на землю без всякой видимой пользы и цели. Один старец для испытания приказал своему послушнику выбросить из окна кувшин с маслом, которое нужно было для собственного употребления и больше негде было достать его. Послушник, не рассуждая о том, что масло самим нужно и что оно напрасно погибнет, в точности исполнил приказание старца. Один авва поутру в пятницу, в которую древние монахи постились до вечера, приказал послушнику идти в сад и есть смоквы. Послушник ради поста не пошел и после спрашивал старца, почему он дал ему такое приказание, которое, по-видимому, противно монастырским правилам. Старец отвечал, что отцы сначала говорят братьям не прямо, а более наоборот, и если видят, что братия исполняют такие приказания, тогда прямо говорят истину, уверившись, что братия послушны во всем. Не поручают послушнику таких дел, которыми может он тщеславиться, гордиться, напротив, приказывают вопреки его желанию делать такие дела, в которых он неискусен, неловок, часто ошибается и приводит себя в стыд перед другими. Если же замечают в послушнике высокоумие, тщеславие постом или другими подвигами благочестия, то запрещают ему читать книги, держать строгий пост, вычитывать каноны,

молитвы и вообще делать такие дела, которые доставляют пищу высокоумию, тщеславию, гордости. Вообще упражняют послушника в подвигах самоотвержения, чтобы скорее научить его смирению, без которого нельзя исправить худые наклонности и никакое доброе дело не будет иметь цены, а только будет воспитывать внутреннего фарисея.

Послушник, со своей стороны, должен исполнять приказания настоятеля или своего старца с готовностью, то есть исполнять тотчас, без лености, без отговорок, "служба с доброй волей или усердием, как Господу, а не как человекам» (Еф. 6,7). Усердный послушник не знает медлительности, не откладывает до завтра. Хотя бы для самолюбия или чувственности противно было что-нибудь, но послушник должен, так сказать, переломить себя, перенести, препобедить все неприятности; даже чем труднее и неприятнее возлагается на него какое-нибудь поручение, тем с большим усилием должен принуждать себя к этому и с большею готовностью исполнять. Надобно исполнять всякое приказание в простоте, говорит апостол: «Повинуйтесь... в простоте сердца вашего, как Христу» (Еф. 6:5). Приказание настоятеля или руководителя не должно взвешивать на весах собственного суждения. Совершенному послушанию свойственно не рассуждать, что и для чего приказывается, а в простоте, без всякого сомнения, мнительности, верно, в точности исполнять приказание. Когда в приказании настоятеля нет ничего противного Закону Божию, то безрассудно было бы всякий раз с мелочной мнительностью подвергать его суждению, с подозрением исследовать причины и цель всякого приказания. Такое послушание не принесет никакой пользы. В лице настоятеля и руководителя надобно представлять Самого Иисуса Христа, и приказания их исполнять как волю или заповедь Божию, с уверенностью, что на Страшном Суде Бог потребует отчет не от него, а от настоятеля и руководителя.

Обязанности и занятия монахов

Послушники, испытанные в расположении к монастырской жизни, в усердии к подвигам самоотвержения, с согласия настоятеля торжественно в церкви дают пожизненные обеты целомудрия, безбрачной жизни, нестяжательности и послушания, облачаются в мантию и тем обязываются к большей строгости в жизни, к большим подвигам самоотвержения, к более ревностному служению Богу. Главное занятие и главная обязанность у всех монахов с послушниками есть служение Богу, спасение души. Тогда как миряне большую часть времени проводят в попечении о нуждах тела и

общежития или о прихотях и в пустых занятиях и самое малое время посвящают на служение Богу, монахи большую часть времени употребляют на служение Богу. Этого требует достойное величие Божие, верховное владычество Бога над миром (право как Творца и Промыслителя), наша всецелая зависимость от Бога, долг благодарности за получаемые блага, душевная польза, вечное спасение, блаженство наше.

После церковного богослужения предметом занятия монахов служат: келейная молитва в определенные часы; чтение Священного Писания и писаний святых отцов, в которых излагаются наставления, как побеждать страсти, приобретать добродетели, каким путем лучше достигать вечного спасения; частое размышление о спасительных предметах; ежедневное испытание своего нравственного состояния, постоянное наблюдение за своими помыслами, желаниями, чувствованиями с заботой подавлять страсти, не пропускать ни одного случая, обстоятельства, встречи с братьями или сторонними, чтобы не воспользоваться ими для проявления какой-либо добродетели, для образования нравственного характера.

Бог часто попускает разные искушения именно для нравственных целей, нужно только правильно понимать их и пользоваться ими для очищения страстей и утверждения в себе добрых расположений. Для этого монахи, конечно, пользуются всеми средствами, какие указаны выше, особенно соблюдают постоянное воздержание, а по временам – строгий пост как для обуздания плотских склонностей, так и для облегчения духовной деятельности, особенно молитвы.

Краткая молитва устная и умственная также должна начинать и сопровождать всякое дело монаха. Пост и молитва составляют для монаха как бы два крыла, которыми облегчается шествие по поприщу подвижничества. Хотя и монахи, как не бесплотные существа, имея нужду в пище, одежде, жилище и некоторых удобствах жизни, должны трудиться для удовлетворения этим потребностям, особенно новоначальные, молодые, крепкие здоровьем, и трудятся, как и миряне, но с тем различием, что миряне смотрят на свою работу как на главное дело жизни и работают большей частью по побуждениям корыстолюбия, чтобы как можно более приобрести себе собственности, и лишнее приобретение часто употребляют на прихоти, роскошь; а монахи трудятся не по побуждениям корыстолюбия, а по послушанию настоятелю, который каждому монаху назначает известную работу, потому исполняют работу как заповедь Божию, не для своей личной выгоды, а для общей монастырской потребности; тем каждый работающий монах служит с любовью и для пользы монашествующей братии, для их успокоения, и

оттого труд каждого монаха имеет нравственную цену, как бескорыстное дело послушания, услужливости и любви, и вместе служит случаем проявить и другие добрые расположения или добродетели: нелицемерное усердие, аккуратную точность, верность, честность и т.п. Телесный труд нужен и для утомления тела, для подавления плотского вождения. Даже и преуспевающие в духовной жизни, и немощные телом по временам занимаются каким-нибудь рукоделием – как для избежания праздности и скуки, вредной для души и тела, так и для того, чтобы после напряженной душевной деятельности в продолжительной молитве и размышлении дать отдых органам мышления (мозгу), чтобы иначе не подвергнуться расстройству здоровья. Иногда и на строгих подвижников нападает по зависти бесовский дух уныния, от которого душа изнемогает, становится неспособна ни к молитве, ни к внимательному чтению и размышлению. В такое тяжелое время советуют заняться рукоделием с памятованием всеприсутствия Божия, как научил этому ангел Антония Великого во время хождения его по пустыне от душевной тяготы. А когда душа бывает бодрой, то во время, назначенное для молитвы или поучения в Законе Божиим, по словам святого Лествичника, не следует братья за рукоделие.

Но при всех частных занятиях надобно иметь в виду главную цель монастырской жизни и к ней все направлять. О цели монашеского подвижничества авва Моисей Египетский говорит так. Конец (finis) наших обетов есть Царство Божие, или Царство Небесное; а назначение наше, то есть цель (scopus), есть чистота сердца, без которой невозможно достигнуть одного конца. По апостолу, конец нашего подвижничества есть жизнь вечная, как говорит он: «Плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная» (Рим. 6, 22), а цель – чистота сердца, которую апостол справедливо назвал святостью, без которой нельзя достигнуть вышепоказанного конца. Апостол как бы сказал, что цель ваша есть чистота сердца, а конец – жизнь вечная. Следовательно, все, что может вести нас к этой цели, то есть к чистоте сердца, с полным усердием и должно исполнять, а что отвлекает от нее, того должно удаляться, как вредного и губительного. Для этой цели мы оставляем родителей, родину, достоинства, богатства, мирские увеселения и все удовольствия, все для этой цели должно нам делать и желать: в пустыню удаляться, посты, бдения, труды, чтение и прочие добродетели должно совершать, чтобы посредством их хранить сердце наше чистым от всех вредных страстей и достигнуть совершенства любви, которая состоит в чистоте сердца. Ибо что иное значит не раздражаться, не завидовать, не превозноситься и прочее (см. 1Кор. 13, 4–7), как не то, чтобы иметь сердце совершенно

чистое и хранить его от страстных возмущений. Ради них (то есть поста, бдения, чтения и прочего) никак не должны мы предаваться печали или гневу, негодованию, для истребления которых они должны быть совершаемы. Ибо не столько плода от чтения, сколько ущерба от презрения брата. Потому-то пост, бдение, отшельничество, чтение Священного Писания должно исполнять для главной цели – чистоты сердца, которая есть любовь, и для них не должно нарушать сей главной добродетели, при которой в нас не будет никакого недостатка, хотя бы по нужде и было опущено что-нибудь из помянутых подвигов – поста, бдения и прочего; напротив, без этой главной добродетели все будет бесполезно, хотя бы и все прочее сделали, потому что пост, бдение, занятие Священным Писанием, отвержение всего имущества не составляют совершенства, а только служат средствами к совершенству.

Обязанности и занятия схимников

Монахи, довольно преуспевшие на поприще деятельной жизни, то есть в очищении себя от пороков и страстей, в исправлении своих нравов, в приобретении смирения и любви, переходят на путь жизни созерцательной, облакаются в великий ангельский образ – схиму, причем снова произносят прежние монашеские обеты, обязываются исполнять их с большей строгостью, больше отрешаются от мира и от всего земного. Они подражают древним отшельникам, которые после довольно подвижничества в общежительном монастыре по желанию более строгого подвижничества уходили в сокровенные места пустыни, одиноко жили в келье в постоянном безмолвии и молитве, в монастырь приходили только в субботу, воскресенье и праздники, приобщались Святых Тайн и после богослужения тотчас возвращались в свои уединенные жилища.

К такой жизни относятся дела покаяния, пост, бдение, молитвы, дела обращения и спасения ближних, или дела милосердия духовного, и дела вещественной благотворительности, разные услуги ближним.

При нынешних обстоятельствах невозможно удалиться в пустыню и сокровенно жить одному, особенно в северных холодных странах; ныне вместо пустынножительства при некоторых монастырях устроены скиты, в которых больше тишины, нежели в монастырях, правила постничества, безмолвия строже соблюдаются, лишних мирян, особенно женщин, не пускают, в церкви богослужение совершается только в воскресные и праздничные дни, а в простые дни вместо церковного богослужения по особому правилу монахи для большего безмолвия вычитывают каноны и

молитвы утром и вечером в своих кельях. Ныне в скитах живут и простые монахи, более благоговейные, даже послушники для услуживания старцам и исполнения разных должностей по церкви и трапезе. А схимники, отказавшись от всех внешних дел и должностей, оставляют даже и должность священнослужения по чувству смирения и, оставив все заботы о внешней жизни, постоянно пребывают в своей уединенной келье в безмолвии, наблюдении за своими помыслами, поучении в Законе Божиим, размышлении о Божественных предметах, в духовной молитве, богомыслии, вообще ведут жизнь созерцательную.

Глава Седьмая. ВАЖНОСТЬ СОЗЕРЦАНИЯ БОГА

Святые отцы, подвижническую жизнь разделяя на деятельную и созерцательную, последней отдают большее преимущество перед первой. Авва Моисей доказывает это примером упоминаемых в Евангелии (см. Лк. 10, 39–42) Марфы и сестры ее Марии, разумея под первой жизнь деятельную, а под последней – созерцательную. Хотя Марфа, говорит он, и для услужения Господу трудилась, а Мария, сев при ногах Спасителя, только внимала духовному учению Его, но Господь предпочел Марию Марфе, потому что Мария, говорил Он, избрала лучшую часть – такую, которая никогда не отнимется от нее. Видите, что Господь высшее благо, единое на потребу, поставляет в Божественном созерцании. Потому прочие добродетели, хотя полезны и даже необходимы, но должны стоять на второй степени по достоинству, потому что все они совершаются для достижения этого одного – созерцания. Ибо Господь словами «заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. 10, 41–42), очевидно, высшее благо поставляет не в деятельной, хотя и похвальной и многоплодной, жизни, но в созерцании Бога.

Для произрастания доброго семени необходимо наперед очистить, умягчить, удобрить землю, как сказано выше, иначе сорная трава заглушит хорошее семя. Потом для произрастания и плодоношения семени нужно, чтобы оно постоянно освещалось и согревалось солнцем.

Так и в духовной жизни нужно наперед очистить почву сердца от страстей, иначе они, как дурное терние, заглушат семена добродетелей, не дадут им вырасти (см. Мф. 13, 5–8); потом, чтобы ростки добрых расположений принесли зрелые плоды, нужно, чтобы они постоянно находились под влиянием благодатного освещения и теплоты, иначе они будут пустоцветом. Чем чище и открытее будет душа для сияния Божественного света и теплоты, которые она воспринимает от Бога молитвой, молитвенным созерцанием Бога, тем лучше будет. Бог есть центр духовного мира, к которому все стремится и в котором все может найти покой (как и на земле всякая вещь находит свой покой, когда, по возможности, будет ближе к центру земли). Бог есть источник жизни, силы, света, видения истины, теплоты, добра, блаженства. Созерцать Бога значит приближаться к Нему познанием, расположением, значит более и более преисполняться светом видения, радости, блаженства. А привязанность к земным вещам, чувственным благам, греховным удовольствиям есть уже обратное движение от Бога, удаление в область

мрака, скорби, смерти духовной. Даже уклоняться от созерцания Бога в сторону – развлекаться, рассеиваться помыслами по земным предметам – значит лишать себя благодатного света и теплоты. Земные помыслы, как густые облака, закрывают от нас солнце правды – Бога, и душа, волнуемая ими, никогда не будет иметь покоя. А кто по какому направлению привыкнет здесь на земле действовать, по тому же направлению будет стремиться мыслями, желаниями и чувствами и в вечности по силе привычки, которая, окрепши, обращается во вторую природу, которую уже невозможно будет изменить. Потому-то и нужно заблаговременно, мало-помалу, очищать сердце от страстей, отрешать душу от привязанности к земному, даже от помыслов о земных вещах и происшествиях, все мысли и желания стараться сосредоточивать чаще в молитве и размышлении о Боге, сколько это возможно в настоящей жизни, так, чтобы по разрешении души от тела ничто земное уже не задерживало ее и она, привыкши возноситься к Богу умом и сердцем, беспрепятственно и всецело могла прилепиться к Богу и в общении с Ним блаженствовать. Но для утверждения такой сосредоточенной деятельности души в молитве и созерцании Бога нужны уединение, внешняя тишина и внутреннее безмолвие. Хотя в монастыре нет столько шума, соблазнов, искушений, как в мире, но все же есть немало развлечений: ежедневное видение, слышание разных предметов, происшествий, частая встреча со своими братьями и сторонними, разговоры, разные занятия по требованию общежития – все это развлекает внимание, рассеивает мысли по земным предметам, не позволяет духу сосредоточиться, постоянно внимать себе, успешно трудиться над очищением сердца от страстных чувствований и суетных помыслов и заниматься богомыслием. В уединенном безмолвии это гораздо удобнее исполняется.

Но уединенное жительство не всякому полезно. По словам святых отцов, желающий спастись должен сперва в сожитии с людьми претерпеть досаждения, бесчестие, лишения, унижения (через это научиться терпению, незлобию, особенно смирению), победить в себе страсти и тогда уже пойти в совершенное безмолвие, которое есть восшествие на крест, то есть умерщвление себя для всего земного, мирского, как и Господь Иисус Христос сначала, пребывая с учениками, переносил разные поношения, оскорбления от неверных иудеев, а потом уже восшел и на крест.

По словам святого Лествичника, опасно неискусному воину отделяться от своего полка и выходить на единоборство; опасно и монаху прежде искуса и многого обучения в борьбе с душевными страстями

(гордостью, тщеславием, гневливостью, унынием, печалью) отходить на безмолвие, ибо первый обыкновенно подвергается телесному бедствию, а последний – душевному. Те, которые борются с плотскими страстями, могут исходить в уединенное житие, и то не просто, как прилучилось, а в свое время и с руководством наставника, ибо уединенная жизнь требует ангельской крепости.

А кто недугует душевными страстями (тщеславием, самомнением, раздражительностью и прочим) и, несмотря на это, вступает в безмолвие, тот уподобляется человеку, выскочившему из корабля и думающему на одной доске безбедно достигнуть берега. Никто из тех, которые подвержены раздражительности, возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзает когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы ему не впасть в исступление ума.

Святой Исаак Сирин говорит, что всякого человека, который прежде совершенного обучения деятельной жизни переходит к созерцательной жизни, привлекаемый ее сладостью, не говорю уже – своею леностью, постигает гнев Божий за то, что не умертвил прежде земные члены свои (см. Кол. 3, 5), то есть не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Сие-то и значит сказанное древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувствилища его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то его постигает гнев Божий. Сие восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой (деятельной) части претерпения скорбей, то есть распятия плоти, но когда человек входит в созерцание, а это есть вторая часть, следующая за исцелением души. У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста запрещением за то, что прежде не очистил ума скорбями, не покорил плотских вожделений, но, положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у коих зрение здраво, будучи исполнены света и приобрета себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной. Кто не очистил своего сердца от страстей и самовольно уходит на безмолвие уединенной жизни, тот скоро впадает в высокоумие, а потом в

самообольщение. Из нечистого сердца непреодолимо будут возникать нечистые помыслы, которые будут помрачать разум, как туман или густые облака закрывают солнце, и не дадут духу покоя, который необходим для молитвы и созерцания Бога.

Увлекаемый нечистыми мечтами воображения под влиянием самолюбия и страстного сердца, безмолвник вместо небесных предметов будет созерцать только земных идолов своих страстей и легко может впасть в умоисступление. На гору боговедения может всходить только призываемый Богом, как Моисей, которого Бог по надлежащем приготовлении постом и молитвой призывал на Синай, беседовал с ним и которому явил Свою славу; а нечистым, неосвященным запретил даже и подходить к горе Богоявления под опасением смерти (см. Исх. 19:12–17, 24:1–2, 14–18, 33:18–23, 34:2–3). Но и призываемый Богом для большей уверенности в звании Божиим должен поступать в уединенное безмолвие не иначе, как с согласия настоятеля и по совету опытных в духовной жизни старцев и потом почасту открывать им свое душевное состояние, чтобы не подвергнуться самообольщению и обману от диавола. Диаволу ничто так не противно, как благоговейная молитва, которая очищает нас от грехов, приближает к Богу, низводит на нас благодатные дары и, как пламенным оружием, поражает бесов. Потому диавол старается всячески отвлечь от молитвы, то всеянием суетных помыслов, возбуждением страстей, разных мечтаний в воображении, то наводит скуку, тоску, уныние, то доставляет мнимое утешение, услаждение сердца, чтобы привести к самомнению, тщеславию, то устрашает разными внешними привидениями, а иногда, по словам апостола, сатана является и в виде светлого ангела (см. 2Кор. 11, 14), льстит самолюбию похвалами, сообщает разные откровения, употребляет разнообразные хитрости, чтобы только ввести в обман и довести до гибели.

По сказанию святого Кассиана, подвижник Эрон после пятидесятилетнего подвижничества в пустыне за высокое мнение о своих добродетелях подвергся, по попущению Божию, обольщению диавола, который, явившись в образе ангела, уверял его, что он вполне угодил Богу, и в доказательство этого велел ему броситься в колодезь, будто от этого падения он не потерпит никакого вреда. Старец поверил, бросился в колодезь и едва не погиб.

В Лавсаике рассказывается, что один подвижник, Валент, долго живя в пустыне, много изнурял плоть свою и по жизни был великим подвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов.

Надмившись пагубной страстью самомнения, он стал мечтать наконец в самообольщении, что с ним беседуют ангелы и при всяком деле служат ему. Дьявол, уверившись, что Валент совершенно предался обману его, принимает на себя вид Спасителя и ночью приходит к нему, окруженный сонмом демонов в образе ангелов с зажженными светильниками. И вот является огненный круг и в середине его Валент видит как бы Спасителя. Один из демонов в образе ангела подходит к нему и говорит: «Ты благоугодил Христу своими подвигами и свободой жизни, и Он пришел посетить тебя. Итак, ничего другого не делай, а только, ставши вдали и увидев Его, стоящего среди всего сонма, пади и поклонись Ему, потом иди в свою келью». Валент вышел и, увидев множество духов со светильниками, пал и поклонился антихристу. Обольщенный до того простер свое безумие, что, пришедши на другой день в церковь, сказал при всей братии: «Я не имею нужды в приобщении; сегодня я видел Христа». Тогда святые отцы, видя, что он впал в умоисступление, связали его цепями и в течение года вылечили, истребив гордость его молитвами, разнообразным унижением и суровой жизнью, как говорится, врачуя противное противным. Преподобный Иоанн Никопольский, рассказав о некоторых подвижниках, как они после многих подвигов благочестия, предавшись самомнению и мечтам воображения, подверглись обольщению дьявола и опасности гибели, предложил такое наставление. Это рассказал я вам для того, чтобы вы более всего упражнялись в смиренномудрии, хотя бы подвиги ваши казались вам уже великими. Оно есть первая заповедь Спасителя, Который говорит: «Блаженны нищие духом (смирненные помыслом), ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Блюдайте, чтобы не обольстили вас демоны какими-либо мечтаниями. Когда приходит к вам кто-нибудь – брат или друг, или жена, или отец, мать или учитель, или слуга, – прежде всего прострите руки ваши на молитву, и как скоро все это призрак, оно исчезнет. Если также будут обольщать вас демоны или люди ласкательством и похвалами, то не внимайте им и не надмевайтесь мыслью. И меня часто обольщали демоны призраками, так что иногда всю ночь не давали мне ни молиться, ни отдыхать, а поутру кланялись мне и говорили с насмешкой: «Прости нам, авва, что мы всю ночь утруждали тебя». Но я отвечал им: «Удалитесь от меня все, делающие беззаконие (Пс. 6:9), не искусите раба Господня». Так и вы, посвятив себя созерцанию, всегда храните безмолвие, дабы во время молитвы к Богу иметь вам чистый ум. Хорош и тот подвижник, который, живя в мире, всегда творит добрые дела, оказывает братолюбие, подает милостыни, благодетельствует проходящим к нему, помогает больным и

блюдет себя от соблазнов. Это – добрый, истинно добрый подвижник; он на деле исполняет заповеди, хотя не чужд и земных попечений. Совершеннее и выше его тот, кто, посвятив себя созерцательной жизни, от житейских дел востек к созерцанию и, предоставив заботиться о нем другим, сам, отвергнувшись и забыв себя, занимается небесным, кто, отрешившись от всего, предстоит Богу и никакой другой заботой не отвлекается назад. Такой с Богом соединяется и Богом живет, всегда восхваляя Его непрерывными песнями.

Святой Исаак Сирийский говорит, что безмолвник должен наблюдать над мечтаниями помыслов глубоких. Этой брани всего чаще подвергаются монахи ума тонкого, входящие в исследование того, чем питается тщеславие, вожделевающие нововведений и делающие все напоказ. Некто по имени Малпас, услышав от святого Антония Великого наставления о высоких духовных предметах, о созерцании тайн, захотел достигнуть такого совершенства, избрал себе отшельническую храмину и посвятил себя на дела, жестокие скорби и непрестанные молитвы. Тогда возгорелась в нем страсть непомерного славолубия, то есть надежда достигнуть тех высоких дарований, о которых он слышал от святого Антония. Так как не обучался он искусству противоборствовать врагам истины, не уразумел козней, обманов и ухищрений супостата, какими сильных и крепких увлекает он в погибель, надеялся же только на дела, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержание, не приобретши самоуничтожения, смирения, сердечного сокрушения – этих непреодолимых орудий при сопротивлении лукавого, не памятуя и Писания, которое говорит: когда исполните дела, сохраните заповеди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными (см. [Лк. 17, 10](#)), а, напротив того, разжигаем был высоким о себе мнением, основанным на делании им жития своего, и сторал желанием высоких даров, о которых слушал, по истечении многого времени, когда диавол увидел, что нет у него делания смирения, а только вожделевает он созерцания, чтобы ощутить тайны, о которых слышал, явился ему в безмерном свете, говоря: «Я утешитель и послан к тебе от Отца, чтобы сподобить тебя видеть созерцание, которого желаешь за дела свои, дать тебе бесстрашие и на будущее время упокоить тебя от дел». Взамен же сего злокозненный потребовал поклонения у сего бедного. И этот обьюродивший, поскольку не ощутил брани лукавого, немедленно с радостью принял его, поклонился ему и тот же час стал под властью его. И враг вместо Божественного созерцания наполнил его бесовскими мечтаниями, сделал, что перестал он трудиться ради истины, возвысил его, поругался над ним тщетной

надеждой бесстрастия, говоря ему: «Теперь не имеешь ты нужды в делах, злостраданий тела, в борьбе со страстями и похотями», – и сделал его ересеначальником евктитов. Некто другой по имени Асинас, провождая высокое житие, безрассудно связывал себя самыми трудными делами, пока не прославился. Его обольститель диавол вывел его из кельи, поставил на верху горы, заключил с ним договор, показал ему образ колесниц и конников и сказал ему: «Бог послал меня взять тебя в рай, как Илию». И как скоро он вдался в обман младенческим своим разумом и взошел на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринулся он с великой высоты, упал оттуда на землю и умер жалкой смертью. Не напрасно сказал я это, но чтобы познать нам поругание от бесов, жаждущих погибели святых, и не вождевать не вовремя высоты умственного жития, а иначе будем осмеяны лукавым супостатом нашим.

Из жизнеописания святых подвижников видно, что Бог для ободрения и укрепления духа среди трудных подвигов самоотвержения, искушений и скорбей часто посылал им особенные благодатные озарения, утешения, сообщал откровения разных тайн, возвещал будущее, посылал к ним ангелов, а иногда по важным причинам и Сам Спаситель видимо являлся для спасительных целей. Действиям Божиим и диавол подражает, чтобы удобнее обольстить неосторожных и довести до погибели, также производит в душе утешение, услаждение, открывает иногда тайны, неведомые для обыкновенных людей, производит необыкновенные явления, похожие на чудеса, и, для более успешного обмана принимая вид светлого ангела, от имени Бога внушает мысли и чувства, противные спасению, иногда и вовсе погибельные. Как же отличить Божественные утешения, откровения и явления от бесовских, чтобы не вдаться в обман и не погибнуть?

Глава Восьмая. СПОСОБ РАЗЛИЧАТЬ ВИДЕНИЯ

Можно различать благодатные действия и видения добрых духов от действий и видений злых духов по исповеданию Иисуса Христа, по цели их явления, по предмету внушений, по внутренним действиям на душу человека в начале явления, по самому наружному виду явления и по действиям последующим.

Святой апостол Иоанн так научал различать духов: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1Ин. 4, 2–3). Это самый общий и главный признак для различения духов. Но при этом надобно обращать внимание и на цель явления духов: для того ли явился дух, чтобы вразумить, побудить к исправлению жизни, к большей ревности в деле спасения, или чтобы, похвалив за подвиги, тем польстить самолюбию. Надобно обращать внимание и на предметы внушения их, сообразны ли они со словом Божиим, духом Христовым и учением Святой Церкви или нет. В противном случае надобно отвергать всякое внушение, хотя бы явившийся и казался световидным.

Преподобный Кассиан свидетельствует, что один современный ему подвижник по простоте часто принимал демона за ангела, получал от него откровения, видел освещение ночью, наконец получил повеление заколоть сына своего, жившего с ним, принести в жертву, чтобы удостоиться чести патриарха Авраама, и хотел привести это повеление в исполнение, но сын, заметив это намерение отца, спасся от смерти бегством. Одному месопотамскому подвижнику часто являлся диавол в виде ангела, который сообщал откровения, сновидения, которые сбывались. Наконец диавол представил ему народ иудейский в свете, радости и славе, а христиан с апостолами – во мраке и скорби, и говорил ему, что если он хочет быть участником в блаженстве иудеев, то пусть примет веру иудейскую и обрезание. Прельщенный этим видением оставил христианство и перешел в иудейство.

При явлении духа надобно обращать внимание и на действие его на душу в начале явления. Дух злобы лукав, редко является в подлинном своем безобразном, мрачном виде, с явной дерзостью, яростью и хулой; чаще является в светлом виде, с духовными советами, утешением, иногда производит услаждение в сердце. Несмотря на то, одно приближение духа

искусителя приводит душу в смятение, поражает страхом, надолго продолжающимся, услаждение, производимое им, бывает сладко-притворное и сопровождается плотской радостью и даже иногда возбуждением плотского вожделения. Хотя и ангел Божий явлением своим производит вначале некоторый страх, но этот страх не тяжел, скоро заменяется ободрением, сладким успокоением духа, и благодатное услаждение сердца бывает соединено с отрадным умилением.

Святой Лествичник говорит, что от ложного умиления рождается возношение, а от истинного (благодатного) – утешение. Опытные подвижники различали явления добрых духов от явления злых и по самому наружному виду их. Хотя сатана, по словам апостола (см. 2Кор. 11, 14), и преобразуется в ангела светлого, но свет его, по замечанию опытных подвижников, бывает огневиден, дымоват, подобен вещественному огню, тогда как вид ангела бывает светозарен, светлостью своей превышает всякий чувственный свет. Но самый верный, удобопознаваемый признак для различения видения доброго духа от видения духа злобы составляют последующие их действия на душу видящего их. Как вообще плод Святого Духа, по апостола (см. Гал. 5, 22–24), есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость и прочее, так и после благодатного видения остается в уме просветление, сознание своего недостойнства, смирение, благоговейная молитва, богомыслие, в сердце – мир, отрадное умиление, тихая радость, от которых льются радостотворные слезы, в воле – любовь к Богу и людям, воспламенение ревности к благочестию, самоотвержению и т.п. А диавол производит в душе смущение, помрачение, сомнения, самомнение, довольство собою, тщеславие, гордость, ослабление ревности к подвижничеству и т.п.

Макарий Египетский говорит, что любителю добродетели должно постараться стяжать рассуждение, чтобы не обманываться в различении добра и зла, входить в исследование многообразных козней лукавого, который обвык обольщать многих благовидными представлениями, по крайней мере, должно уразумевать, что не все полезное безопасно. Поэтому не поддавайся легкомысленно и скоро, к обольщению своему, внушениям духовных сил, хотя бы это были и сами небесные ангелы, но будь медлителен, подвергая это самому тщательному испытанию, усвоя себе прекрасное и отвергая лукавое. Ибо плоды благодати не неявны и грех не может произвести оных, хотя бы и принял на себя личину добра. Хотя, по слову апостола, сатана и умеет преобразаться в ангела светлого (см. 2Кор. 11, 14), чтобы обольщать, но, хотя бы представлял и светлые видения, однако же не может произвести доброго действия, что и служит

точным его признаком. Не может он произвести ни любви к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни благоустройства помыслов, ни ненависти к миру (то есть греховной жизни), ни духовного упокоения, ни возжелания небесных плодов, ни усмирить страсти и сластолюбие; все сие явным образом бывает произведением благодати, ибо сказано, что плод духовный есть любовь, радость, мир и прочее (см. [Гал. 5, 22](#)). Всего же скорее сатана способен и силен внушить кичливость и высокоумие. Итак, по действительности да распознается воссиявший в душе твоей духовный свет, от Бога ли он или от сатаны.

Как принимать вдруг, независимо от нашей воли возникшее в сердце услаждение, радость и как поступать в случае какого-либо видения или явления духовного существа?

Рукою смирения, говорит святой Лествичник касательно услаждения, отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря. Что касается до явления духов, то, не теряя присутствия духа, надобно по сказанным выше признакам узнать, добрый ли это дух или злой. Если явившийся действительно добрый ангел предлагает спасительное наставление в добродетелях, предостережение, утешение среди скорбей для мужественного перенесения их, то надобно с покорностью принять и в точности исполнить вразумление. Если же явившийся открывает какие-нибудь тайны или объявляет благоволение Божие, то надобно с осмотрительностью испытывать, от Бога ли это, надобно объявить видение опытным в духовной жизни, просить их совета, но пока подвижник не уверится, что это видение от Бога, не нужно принимать его. Бог не будет негодовать за такую осторожную осмотрительность, медлительность и найдет средство несомненно уверить подвижника, что это видение от Бога. Но если явившийся в виде ангела будет открывать какие-нибудь тайны только для удовлетворения любопытству, особенно если станет хвалить за какие-нибудь подвиги благочестия, уверять, что он уже угодил Богу, или предлагать что-нибудь несогласное со словом Божиим, то это явно злой дух. В таком случае не надобно ничего принимать от него, даже не нужно и беседовать с ним, обращать на него внимание, надобно отворотиться от него и заняться молитвой. Презрение, выказанное диаволу, тотчас взбесит его, обнаружит его злобу, и искушитель удалится.

Рассказывают, что одному монаху явился диавол в образе светлого ангела и говорил ему: «Я, Гавриил архангел, послан к тебе для утешения». Монах сказал ему: «Смотри, не ошибся ли ты, не к другому ли послан? Я

недостойн того, чтобы послан был ко мне архангел». Дьявол тотчас исчез.

Об одном старце подвижники рассказывали, что, сидя в своей келье и борясь с искушениями, он явно видел демонов и презирал их. Дьявол, видя себя побежденным от старца, пришел к нему и говорил: «Я – Христос». Старец, увидев его, закрыл свои глаза. Дьявол спрашивает его: «Я – Христос. Для чего же ты закрыл глаза?» Старец отвечал: «Я хочу видеть Христа не здесь, а в будущей жизни». Дьявол, услышав это, скрылся.

В случае привязчивости дьявола надобно крестным знаменем оградить себя и творить молитву Иисусову. Крест, как орудие победы над грехом, смертью и дьяволом, и молитва Иисусова наподобие огненных стрел поражают бесов и прогоняют.

Когда дьяволу не удастся обмануть видом светлого ангела, тогда он является в подлинном своем безобразном виде или в виде каких-нибудь животных, старается поразить подвижника страхом разных привидений и отвлечь от молитвы, которая приближает людей к Богу и которую потому дьявол ненавидит. В таком случае надобно стараться сохранять спокойствие духа в той уверенности, что дьявол, при всей своей адской злобе, без попущения Божия не может сделать нам никакого вреда, не обращать никакого внимания на него и на его привидения, обратиться к Богу со смиренной молитвой, чтобы Он избавил нас от этого искушения, и думать, что это искушение попущено на нас Богом за какие-нибудь наши грехи, особенно за высокое мнение о своем благочестии. Бесовским нападениям и прельщениям подвергаются особенно те, которые, не очистившись наперед от страстей, хотят преждевременно возноситься в высшую область духовного созерцания, желают видений и других высших духовных дарований, занимаясь умной молитвой, предаются излишней мечтательности. У таких людей воображение от природной ли живости, или от нервной раздражительности, от напряженной деятельности иногда до того разгорячается, что мечты его часто кажутся образами действительных предметов; отсюда разные призраки, привидения (иллюзии, галлюцинации), а затем следует умопомешательство.

Для избежания этого не нужно давать волю воображению, предаваться мечтательности. Святые подвижники не советуют даже и небесные предметы представлять в каких-либо образах. Да и не надобно слишком высоко подниматься в высшую область духовного созерцания, а наперед надобно научиться хорошо, правильно ходить по земле, то есть поступать по заповедям Божиим, иначе, по словам Симеона Нового Богослова, и доброе не будет добрым, если не будет проходимо добрым, правильным порядком.

Преподобный Симеон Богослов вместе со святым Лествичником, разделяя подвиги иночества на четыре степени, указывают, в каком порядке надобно проходить их. Иные, говорят, укрощают, умаляют страсти; иные поют, то есть молятся устами своими; иные упражняются в умной молитве; а иные восходят к видению. Желающие взойти на эти четыре степени должны начинать не сверху идти вниз, но снизу наверх, должны восходить на первую степень, потом на вторую, затем на третью, а после на четвертую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо, именно: прежде надобно подвизаться, чтобы укротить и умалить страсти; во-вторых, надобно упражняться в псалмопении, то есть молиться устами; когда умалятся страсти, тогда уже молитва по естеству подает веселие и сладость языку и вменяется благоугодной Богу; в-третьих, должно молиться умом; в-четвертых, можно восходить к видению. Первое есть дело новоначальных, второе – возрастающих в преуспейнии, третье – достигших преуспейния, а четвертое – совершенных. Кто проходит это по порядку, каждое дело в свое время, тот по очищению сердца от страстей с успехом может упражняться и в псалмопении, противоборствовать помыслам и затем молиться чисто, во истине. Как желающие построить дом сначала не полагают крышу, потом основание, потому что это невозможно, но прежде полагают основание, потом строят дом, а затем полагают кровлю, так надлежит и нам поступать в духовном делании – сначала должно полагать основание, то есть сохранять сердце, умалять страсти, потом созидать духовный дом, то есть отражать возмущение лукавых духов, воюющих на нас через чувства, скорее убегать от брани их, и потом уже должно полагать верх, то есть должно уклониться совершенно от всех вещей, успокоиться и соединиться совершенно с Богом.

Преподобный Петр Дамаскин учит, что прежде надобно проходить молитву деятельную, а умозрительная даруется после благодатью Божией не по воле человека, а по воле Божией, когда ум и сердце способны будут вместить ее. Молящемуся доброй телесной молитвой, говорит он, Бог дает умную молитву; пребывающему в сей со тщанием дарует молитву безвидную, не воображенную, происходящую от чистого страха Божия; а совершающему добре сию дарует видение тварей и от сего восхищение ума к богословию и к благому действию будущего, – дарует же упраздняющемуся от всего и в том поучающемуся делом и словом, а не слухом одним.

Не стремись, говорит святой Лествичник, к видению не во время видения; пусть лучше оно само придет к тебе, привлеченное добротой

твоего смирения.

Глава Девятая. О ВАЖНОСТИ МОНАШЕСТВА

Основу монашества составляют обеты девства, нестяжательности и послушания, которые составляют сущность христианского самоотвержения и на которые Спаситель указывает как на лучшие средства к достижению высшего нравственного совершенства и Царства Небесного (см. Мф. 19:11–12; 1Кор. 7:7–8, 25, 40). Строгое исполнение этих обетов, истребляя самый корень зла – самолюбие с тройственной похотью, отрешает наш дух от всего земного, приводит все силы его в благоустройство, очищает его, возвышает, приближает к Богу. Жизнь по обетам есть жизнь равноангельская, есть постоянная жертва, в которой мы посвящаем Богу и душу, и тело, и все принадлежащее нам, этой жертвой благоугождаем Богу, привлекаем благоволение Божие, и Бог ниспосылает сугубую благодать, которая очищает грехи, освящает и вспомоществует в трудных подвигах самоотвержения. Потому пострижение в монашество некоторые называют вторым крещением (например, в последовании пострижения в мантию, в Четиях Минеях на 21 июля, в огласительном слове святого Феодора Студита).

А Спаситель за такие подвиги самоотвержения обещал сторицную награду. «Истинно говорю вам, – говорит Он, – нет никого, кто оставил бы дом, или братьев... или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев... и отцов, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10, 29–30).

Жизнь мирская, как сказано выше, справедливо уподобляется морю, колеблемому бурей, которая грозит кораблю разрушением и потоплением, а монастыри можно уподобить островам среди бурного моря с тихой пристанью. Как мореплавателям, потерпевшим кораблекрушение, нет ничего радостнее, как добраться как-нибудь до пристани острова, чтобы избавиться от опасности потопления и укрыться от непогоды, так и христианину, в житейском море застигнутому бурей искушений, бед, утомленному борьбой с волнами тяжелых нужд, забот, лишений, скорбей, с вихрями страстей, соблазнов, грехов и находящемуся в опасности гибели, нет ничего вожделеннее, как вступить в тихую пристань безмятежной жизни в монастыре, где нет таких тяжелых нужд, мучительных забот, сует, развлечений, соблазнов, поводов к грехам, как в мире, напротив, все благоприятствует преуспеянию в благочестии и спасению. Здесь поражаемый бедствиями, скорбями, убитый горем может

найти отраду и успокоение; подавленный тяжестью грехов – облегчение, примирение со своей совестью и Богом и надежду на спасение; желающий служить и благоугодить Богу подвигами благочестия здесь только может найти все удобства и пособия к этому и удовлетворить своей жажде постоянно входить в общение с Богом в молитве и Святых Таинствах; престарелый и больной, для которых мир уже опротивел и шумом своей суеты только беспокоит и тяготит, вернее всего в монастыре находит успокоение души и тела и благонадежное напутствие к вечному покою.

Хотя монахи мирскому обществу и не приносят материальных выгод, но зато доставляют ему много духовной пользы, что гораздо важнее, – столько, сколько душа важнее тела и вечное спасение важнее временных, земных удобств и счастья. Именно монахи доставляют пользу своими наставлениями, благими советами нуждающимся в них, назидательными примерами добродетелей, ежедневным совершением церковного богослужения для удовлетворения духовных нужд, молитвой о мире всего мира и спасении душ, разными услугами, которые оказывают больным, бесприютным, старым и детям в книжном учении и т.п.

Хотя монашеская жизнь имеет большое превосходство перед мирской жизнью, однако же не всем одинаково пригоден этот род жизни, а только тем, которые призваны от Бога, как и Спаситель говорит: «Не все вмещают слово сие (безбрачие), но кому дано» (Мф. 19, 11). Потому без предварительного испытания себя, без очевидного призывания от Бога, легкомысленно или по корыстным побуждениям не следует вступать в это состояние. Еще хуже делают те, которые принуждают других против воли вступить в него. Но хотя бы кто и достаточно был убежден в призывании от Бога, однако же никто не должен думать и ожидать, что самым вступлением в монашество он поставил себя уже в безопасное состояние и будет свободен от искушений. Правда, в этих священных крепостях есть много оружия и пособий, но и разнообразная брань никогда не прекратится, пока мы находимся в этом мире, даже чем более участь монаха будет казаться завидной для адского врага, тем сильнее и злее он будет нападать на него. По замечанию подвижников, на монахов бесы больше нападают для искушения, нежели на мирян.

И горе нерадивому воину, который при таком удобстве побеждать, связав себе руки, сам себя предает или, что еще хуже, произвольно входит в содружество со злым врагом. Ибо кто чем более возвысится, тем тяжелее, жесточе будет падение его, когда стремглав низвергнется с высоты. Потому блаженный Августин говорит, что не знает никого хуже худого монаха. Но как несправедливо поступают те, которые, увидев одного или

нескольких худых монахов, тотчас охуждают целое общество или все монашеское сословие! Кроме того, что такие судьи в монахах и малый сучок считают большим бревном, по какому праву порок одного или нескольких монахов вменяют всем, даже и самому монашескому состоянию? Кто не постыдится обвинять все общество апостолов из-за вероломства одного Иуды предателя?

Список литературы (и принятые сокращения)

Алфавит духовный. – Димитрий, митрополит Ростовский. Алфавит духовный. – Москва.

Беседы избранные. – Беседы избранные святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. В двух частях (перевод с греческого). – Москва, 1819.

Беседы на евангелиста Матфея. – Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. В трех частях (перевод с греческого). – Москва, 1846.

Беседы на Евангелия. – Беседы на Евангелия иже во святых отца нашего Григория Двоеслова. В двух книгах (перевод с латинского). – Санкт-Петербург, 1860.

Беседы на Книгу бытия. – Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу бытия. В трех частях (перевод с греческого). – Санкт-Петербург, 1851–1853.

Беседы на первое Послание к Тимофею. – Иоанн Златоуст. Беседы на первое Послание святого апостола Павла к Тимофею (перевод с греческого). – Санкт-Петербург, 1859.

Беседы на Послание к римлянам. – Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к римлянам (перевод с греческого). – Москва, 1839.

Беседы на Послание к филиппийцам. – Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к филиппийцам (перевод с греческого). – Москва, 1844.

Беседы на разные материи. – Беседы святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, на разные материи (перевод с греческого). – Санкт-Петербург, 1824.

Добротолубие. – Добротолубие, или Слова и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отцов, в чем же нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. В четырех частях (перевод с греческого). – Москва, 1857.

Достопамятные сказания. – Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов (перевод с греческого). – Москва, 1845.

Духовные беседы и слова. – Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова, с присовокуплением

сведений о жизни его и писаниях (перевод с греческого). – Москва, 1852.

Изложение. – Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры (перевод с греческого). – Москва, 1844.

Лавсаик. – Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов (перевод с греческого). – Санкт-Петербург, 1854.

Лествица. – Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. – Москва, 1862.

Луг духовный. – Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха (перевод с греческого). – Москва, 1848.

Народная медицина. – Чаруковский А. А. Народная медицина, примененная к русскому быту и разноклиматности России. – Санкт-Петербург.

Объяснения. – Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневии, объяснения на Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова. – Москва, 1854.

О добродетели. – Исихий Иерусалимский. Слово душеполезное и спасительное о добродетели и трезвении. – Санкт-Петербург, 1867.

О любви. – Максим Исповедник. О любви, в четырех сотнях. – Москва, 1845.

О небесной иерархии. – Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии или священноначалии (перевод с греческого). – Москва, 1786.

О покаянии. – Марк Подвижник. Слово о покаянии. – Москва, 1867.

Патерик. – Древний патерик, изложенный по главам (перевод с греческого). – Москва, 1861.

Писания Кассиана. – Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина (перевод с латинского епископа Петра (Екатериновского); рукописные материалы). – [Издание осуществлено после кончины автора перевода. – Москва, 1892.]

Поучения. – Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов, данных на оные святыми старцами Варсануфием Великим и Иоанном Пророком. – Москва, 1856.

Пять слов. – Святого отца нашего Григория Назианзина пять слов о богословии. – Санкт-Петербург, 1841.

Руководство. – Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников (перевод с греческого). – Москва, 1855.

Слова и речи. – Слова и речи Филарета, митрополита Московского и Коломенского. – Москва, 1848.

Слова подвижнические. – Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианя, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневи, слова подвижнические. – Москва, 1854.

Творения. – Ефрем Сирин. Творения. В восьми частях. – Москва, 1861–1896.

Творения отцов. – Творения святых отцов Церкви. – Москва, 1845–1891.

Уроки. – Иоанн Златоуст. Уроки о воспитании детей. – Москва, 1819.

Устав. – Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском (в переводе на русский язык). – Санкт-Петербург, 1864.

Церковная история. – Блаженный Феодорит. Церковная история. – Санкт-Петербург, 1852. 322

Содержание

Указание пути к спасению Опыт аскетики епископ Петр (Екатериновский)	1
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	2
Глава Первая. ЖЕЛАНИЕ ПРЕУСПЕВАТЬ В ДУХОВНОМ СОВЕРШЕНСТВЕ	3
Глава Вторая. СМирение, ненадеянность на себя и надежда на Бога	8
Глава Третья. НЕОБХОДИМОСТЬ ДУХОВНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ	10
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	13
Подраздел А. О ЕСТЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ К ПРЕУСПЕЯНИЮ В НРАВСТВЕННОМ СОВЕРШЕНСТВЕ	14
Глава Первая. О ДУХОВНОМ БОДРСТВОВАНИИ	15
Параграф Первый. ИССЛЕДОВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ	15
Параграф Второй. ДИЭТЕТИКА. ОБ ОХРАНЕНИИ ВНЕШНИХ ЧУВСТВ	18
Параграф Третий. ИСКУССТВО УПРАЖНЯТЬСЯ В ПОДВИГАХ БЛАГОЧЕСТИЯ (гимнастика духовная)	46
Параграф Четвертый. О БОДРСТВОВАНИИ В ОТНОШЕНИИ К КОЗНЯМ БЕСОВСКИМ И О СПОСОБАХ БРАНИ С ЭТИМИ ЗЛЕЙШИМИ ВРАГАМИ НАШЕГО СПАСЕНИЯ	67
Глава Вторая. О МОЛИТВЕ	89
НЕОБХОДИМОСТЬ И ВАЖНОСТЬ МОЛИТВЫ	89
КАЧЕСТВА И УСЛОВИЯ БЛАГОУСПЕШНОСТИ МОЛИТВЫ	91
О НАБОЖНЫХ ЧУВСТВАХ УМИЛЕНИЯ	99
О СУХОСТИ ЧУВСТВ	102
КАК ВЕСТИ СЕБЯ В СОСТОЯНИИ ДУХОВНОЙ СУХОСТИ	104
Глава Третья. О ЧТЕНИИ НАЗИДАТЕЛЬНЫХ КНИГ	106
Подраздел Б. О БЛАГОДАТНЫХ СРЕДСТВАХ К ПРЕУСПЕЯНИЮ. В ХРИСТИАНСКОМ СОВЕРШЕНСТВЕ, ДАРОВАННЫХ СПАСИТЕЛЕМ	113
О ТАИНСТВЕ ПОКАЯНИЯ	114
О ПРИЧАЩЕНИИ	121

О ПРИЧАЩЕНИИ	121
О ТАИНСТВЕ ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ	131
О ПОСОБИЯХ, УСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕРКОВЬЮ	135
О ПОЛЬЗЕ ХОЖДЕНИЯ В СВЯТОЙ ХРАМ К БОГОСЛУЖЕНИЮ	137
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	139
Глава Первая. О ПОРЯДКЕ В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ	140
Глава Вторая. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА	141
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	149
Глава Первая. ОБ ОЧИСТИТЕЛЬНОМ ПУТИ НАЧИНАЮЩИХ	150
Глава Вторая. О ГРЕХАХ	151
СОЗНАНИЕ СВОИХ ГРЕХОВ	151
СКОРБЬ О ГРЕХАХ	151
Глава Третья. ОБ ИСПРАВЛЕНИИ СЕБЯ	153
Намерение вести новую жизнь	153
Исполнение намерения исправить нравы	153
Нравственное образование надобно начинать раньше	154
Вывод из сказанного	156
Глава Четвертая. О САМООТВЕРЖЕНИИ	158
Глава Пятая. О ПОДАВЛЕНИИ САМОЛЮБИЯ И СТРАСТЕЙ	160
О подавлении гордости	161
О смирении	162
Побуждения к смирению	164
О важности смирения	168
Средства к приобретению смирения	173
Глава Шестая. О ВОЗДЕРЖАНИИ	179
Глава Седьмая. О ТЕРПЕНИИ И КРОТОСТИ	180
Необходимость терпения и кротости	180
Побуждения к терпению	181
Средства для приобретения терпеливости	183
Вредные следствия нетерпеливости и раздражительности	184
Средства против гнева	185
Глава Восьмая. О НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ	187
Глава Девятая. ЗАМЕЧАНИЕ КАСАТЕЛЬНО ОТВЕРЖЕНИЯ РАЗУМА И ВОЛИ	188
О порядке подавления страстей	189

О порядке подавления страстей	189
Как побеждать страсти	190
Не надобно пренебрегать и малостями	192
О борьбе с помыслами	193
О необходимых предосторожностях	194
Как возбуждать ревность к нравственному совершенству	199
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	202
Глава Первая. О ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ПУТИ ПРЕУСПЕВАЮЩИХ	203
Глава Вторая. О ГЛАВНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ	204
О благоразумии	204
О мужестве	206
О правде	209
О воздержании	211
Глава Третья. О БОГОСЛОВСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ	214
Глава Четвертая. О ВЕРЕ	216
Предмет веры	216
Необходимость веры	217
Необходимость православной веры	219
Средства к укреплению веры	221
Глава Пятая. О НАДЕЖДЕ И УПОВАНИИ	223
Важность надежды	223
Основание надежды	224
Средства к утверждению надежды	225
Глава Шестая. О ЛЮБВИ	228
О любви к Богу	228
Важность любви	229
Основание и побуждение любви	229
Средства к приобретению любви к Богу	235
О любви к ближним	237
Действия любви	240
Средства к приобретению любви	244
Развитие любви и житейский быт	247
Глава Седьмая. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ	249
О порядке в исполнении разных обязанностей и в упражнении в добродетелях	249
О порядке в исполнении обязанностей вообще	250
О порядке в исполнении обязанностей к Богу	251

О порядке в исполнении обязанностей к себе и другим	251
Об образовании душевных способностей	252
О правильном попечении о теле и внешнем состоянии	253
Правила благоразумия	254
Правила для приобретения истинных радостей	254
Правила для отклонения несчастий	256
Правила для благодушного перенесения несчастий	258
Условия для нравственного усовершенствования других	259
Образ и порядок усовершенствования других	259
Учение святого отца Дорофея о благоустройстве благочестивой жизни	260
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ	268
Глава Первая. О ПУТИ УСОВЕРШАЮЩИХСЯ	269
Глава Вторая. ОБЕТ ДЕВСТВА	273
Глава Третья. ОБЕТ НИЩЕТЫ И НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ	279
Глава Четвертая. ОБЕТ ПОСЛУШАНИЯ	282
Глава Пятая. ОБ УДАЛЕНИИ ИЗ МИРА В МОНАСТЫРЬ	284
Глава Шестая. РАЗРЯДЫ МОНАХОВ	285
Обязанности и занятия послушников	285
Обязанности и занятия монахов	287
Обязанности и занятия схимников	290
Глава Седьмая. ВАЖНОСТЬ СОЗЕРЦАНИЯ БОГА	292
Глава Восьмая. СПОСОБ РАЗЛИЧАТЬ ВИДЕНИЯ	299
Глава Девятая. О ВАЖНОСТИ МОНАШЕСТВА	305